

Ник Вилгус

"Разнести повсюду весть"

Серия: Сахарное дерево (книга 3)

Автор: Ник Вилгус

Название на русском: Разнести повсюду весть

Серия: Сахарное дерево

Перевод: rograd

Сверка: helenapasad

Редактор: Amelie_Holman

Оформление:

Eva_Ber

Аннотация

Прошли годы после смерти Ноя, его сына с особыми нуждами, и Вилли Кантрелл понимает, что пора двигаться дальше. Вместе со своим мужем, Джексоном Ледбеттером, они пытаются усыновить маленького Тони Горзола, глухого и эмоционально травмированного мальчика с ВИЧ.

Быстро появляются сложности. Тони милый мальчик, но сильно повреждён насилием и пренебрежением. А мать Тони, сидящая в тюрьме, не хочет передавать свои родительские права. В процессе оформления опеки над Тони появляется возможность взять еще одного ребёнка, о котором они тоже думали, - дочь, которую всегда хотел Джексон.

С двумя детьми на руках в их жизни образуются новые сложности, замечательные сложности. Но как раз, когда всё начинает налаживаться, Тони, из-за своей нарушенной иммунной системы, заболевает пневмонией — и Вилли и Джексон обнаруживают, что их маленькая семья снова сталкивается с кризисом.

Глава 1

Не самый высокий спрос

— Ты уверен, Вилли? — спросил Джексон Ледбеттер. Он одарил меня скептическим взглядом, пока мы сидели в машине, в то время как по парковке кружил снег. — Я не хочу, чтобы ты обнадеживался.

— Ты меня знаешь, — ответил я. — Никогда не встречал душевной боли, которая бы не вызывала желания остановиться и разузнать её получше.

— Я серьёзно.

— Сейчас мы не будем разворачиваться назад, если ты об этом.

Мы были у Бостонского дома для мальчиков: неряшливое на вид здание, слишком много голых окон, слишком много невезучих душ, которые остались незамеченными для Незаурядной Америки, включая глухого мальчика с ВИЧ, которого не совсем ужасала перспектива быть усыновлённым двумя геями.

— Ты ведь не передумаешь? — спросил я.

— Я не хочу, чтобы тебе было больно. Он может не захотеть нас. В прошлый раз ты не на шутку расстроился, знаешь ли.

— Я поплачу из-за этого позже, но прямо сейчас у нас есть дела, так что подключаю свой янки-зад и начинаю разминать тазовые мышцы. Сегодня может быть день, когда у нас появится ребёнок, Ледбеттер.

— Ещё сегодня может быть день, когда у нас не появится ребёнок, Кантрелл. Как на гей-пару, на нас не самый высокий спрос, когда дело доходит до сирот, нуждающихся в идеальной семье. Кроме того, мы берём его только на попечительство, по крайней мере, прямо сейчас.

— Ты можешь быть ещё более негативным? Честное Рождество!

— Это называется "управление ожиданиями".

— Это называется чушью собачьей.

— Я не хочу, чтобы тебе было больно, — искренне произнёс он, беря меня за руку в своей властной манере. — Мы начинаем возвращать нашу жизнь в колею, Вилли. Мы наконец дошли до точки, где можем начать думать о будущем. Мы не были способны на это уже очень давно. Просто не спеши и будь осторожен. Мы никогда не сможем заменить Ноя...

— Не втягивай его в это!

— Будь осторожен. Это всё, о чём я прошу.

В его глазах была мольба, которая заставила меня остановиться.

Я нахмурился, думая о Ное, о том, как мы потеряли его, как у него произошёл скачок роста в пубертатном периоде, который не смогли пережить его повреждённые внутренние органы.

Прошло шесть лет, но этот ужасный момент, казалось, было только вчера.

— Я осторожен, — очень тихо ответил я.

— Я просто не уверен, что ты готов.

— Я готов. Мы делаем это, чтобы смерть Ноя что-то значила. Неужели ты забыл?

— Я не забывал.

— Он меня кое-чему научил.

— Я знаю, Вилли...

— Он научил меня, как жить с такими детьми, как он. И сейчас я собираюсь это сделать. Мы сделаем это, Джек. Мы найдём какого-нибудь травмированного, запутавшегося ребёнка и любовью вернём его в реальный мир. И если мы сможем сделать это, то смерть Ноя не будет бессмысленной глупостью. Она будет значить, что из нее может выйти что-то хорошее. И я не знаю насчёт тебя, но мне нужно знать, что его жизнь не была просто насмешкой Вселенной.

Джексон с отчаянием вздохнул.

— Я один из тех людей, кому нужно любить своих малышей, Ледбеттер, — добавил я. — Всё, чего я когда-либо хотел в жизни, — это иметь детей. Не очень сексуально, но как есть — и не говори, что я не сказал тебе об этом в самый первый раз, когда встретил тебя.

— Когда ты сказал, что хочешь дюжину детей, я предполагал, что ты преувеличиваешь.

— Так и было, — ответил я. — Я остановлюсь на шести или семи.

— Шесть или семь! Господи, Вилли!

— Или даже просто на одном. И этим одним может быть тот, кто внутри этого здания, так что идём.

Я вышел из машины и вздрогнул от невероятного холода.

— Идём, — надавил я, теребя ключи. — Здесь так холодно, что у меня член сейчас замёрзнет и отвалится.

— Упаси Бог!

Джексон взял меня за руку.

— Просто будь осторожен, — снова сказал он, пока мы спешили ко входу.

Глава 2

Я хочу быть твоим другом

— Он в своей комнате, — сказала Хизер Дюпорт, пока вела нас вверх по лестнице, вызывающей клаустрофобию. — Он должен играть с другими в общем зале, но...

Она пожала плечами, будто чтобы предположить, что у семилетнего Тони Горзолы не очень хорошо получается играть с остальными, что сообщалось в каждом отчёте его довольно длинного досье, и не единожды.

Акцент мисс Хизер был таким явным, что можно было устроить на нём бостонское чаепитие. То, как она говорила "двор" рифмовалось с Богом, и она мучила свои гласные как настоящая янки. Все в этой холодной адской бездне, известной как Массачусетс, говорили так, будто жевали замороженный картофель.

С тех пор, как семья Ледбеттеров на протяжении многих лет перечисляла деньги на расчетный счет этого учреждения, персонал, казалось, стремился помочь нам найти ребёнка на попечительство или, возможно, усыновление.

— Он согласился встретиться с вами, — сказала Хизер, одаривая нас очередным беглым взглядом своих голубых глаз. — У нас в этом здании почти двадцать детей. Многие из них тоже могли бы вам подойти.

— Тони глухой, — отметил я.

— Ну, да.

— Мы с Джексоном оба знаем язык жестов.

— Я знаю, мистер Кантрелл. Просто у Тони была очень тяжелая жизнь.

— Разве не так у нас всех?

— Я хочу, чтобы вы знали о других вариантах, о детях, которые не так психологически травмированы. Тони милый в своём особенном смысле, конечно, но он наказание. Мне бы очень не хотелось, чтобы вы...

— Я ценю то, что вы пытаетесь сделать, — сказал я, — но наш сын был ребёнком с особыми потребностями. Мы знаем, во что ввязываемся.

Она ответила неглубоким вежливым вздохом.

— Вот комната Тони.

Она подвела нас к маленькой плотно закрытой двери. Вместо того, чтобы постучать, она нажала на кнопку на внешней стороне двери, которая активировала мигающую лампочку в комнате. Джексон в защитном жесте положил ладонь на мою поясницу, ободряюще улыбаясь. Мы ждали несколько тревожных мгновений, пока откроется дверь, но она не открылась.

Хизер толкнула дверь, и мы увидели, что Тони сидит на детской кровати у окна в маленькой комнате, окрашенной в странный, даже убогий оттенок голубого. Тони смотрел в окно, должно быть, увидев нас на парковке.

— Тони, у тебя гости, — сказала Хизер, обходя вокруг, чтобы он видел, что она идёт.

Он обернулся и взглянул на неё.

Тони Горзола был худеньким мальчиком с тёмными волосами, светлой кожей и осунувшимся лицом. На маленьком вздёрнутом носике сидели толстые пластмассовые очки. На нём были выцветшие синие джинсы и рубашка, которая была неуклюже заправлена за пояс. В своих руках он сжимал плюшевого мишку, выдавшего лучшие времена.

Он всего на мгновение взглянул на нас, прежде чем нахмуриться и опустить глаза.

— Я буду прямо снаружи, — сказала Хизер, уходя.

Моё сердце тревожно стучало, пока я шёл вперёд и наклонил голову на бок, чтобы посмотреть на него.

Привет, Т—о—н—и.

Он нахмурился.

Меня зовут В—и—л—л—и, а это мой муж Д—ж—е—к. Мы с нетерпением ждали знакомства с тобой. Как ты?

Он пожал плечами.

Я знаю, ты, должно быть, напуган.

Он стиснул своего мишку чуть крепче и сжал губы.

Миссис Д. сказала, что ты хотел с нами познакомиться.

Нет ответа.

Если хочешь, можешь провести выходные с нами. Тебе бы этого хотелось?

Он пожал плечами, будто это не имело никакого значения

Мы живём с родителями Д—ж—е—к—а. Они довольно милые. У них хороший дом, бассейн и всё такое. Мы думали пройтись по магазинам, посмотреть кино. Ты в последнее время видел какие-нибудь хорошие фильмы?

Он покачал головой.

Хочешь провести с нами немного времени?

Он смотрел на меня достаточно открыто, в этот раз не отрывая взгляда, а по—настоящему глядя на меня, по—настоящему видя меня через эти толстые очки. Я смотрел в ответ, улыбаясь, пытаясь показать ему, что нет необходимости бояться, что мы не причиним ему боли.

Он очень осторожно отложил своего мишку в сторону.

Ты... — довольно небрежно прожестикуюлировал он, будто не получил достаточной практики в языке жестов, — и он... вместе?

Да.

Почему?

Мы с Д—ж—е—к—о—м очень сильно любим друг друга, и мы вместе девять лет. Мы живём в М—и—с—с—и—с—и—п—и. Там намного теплее, и еда отличная, не такая ерунда, какую нас заставляют есть здесь. У нас был маленький мальчик, который был глухим.

Правда?

Да.

Глухой... такой я?

Да.

Где... сейчас?

Он умер.

Правда?

У него было много проблем со здоровьем, и его организм просто устал бороться, так что я сказал ему идти домой и быть с Иисусом. Я знаю, что он сейчас счастлив.

Оу.

Вам двоим вместе было бы очень весело.

Я... Нет друзей.

Ты бы хотел завести друзей?

Он пожал плечами.

Миссис Д. сказала, что ты хотел с нами познакомиться. И она сказала, что ты можешь провести с нами выходные, если хочешь, так что мы могли бы узнать друг друга. Ты хотел бы этого?

Он отвернулся и не ответил. Вместо этого он встал на ноги — его кроссовки выглядели так, будто в своё время их носил кто-то ещё — и подошёл к окну, где смотрел на парковку.

Его навыки жестикулирования были в лучшем случае недоразвиты, и у меня было чувство, будто он, возможно, не понимал много из того, что я говорил.

Я встал рядом с ним у окна. Я положил руку ему на плечо, и он внезапно отпрянул и посмотрел на меня перепуганным взглядом, будто я сделал ему больно.

Прости, — сказал я, всполошившись.

Нет!

Прости, Т—о—н—и. Тебе не нравится, когда к тебе прикасаются люди?

Ненавижу!

Почему?

Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу! Нет! Ты... нет! Нет! Нет! Нет! Ты... не делай! Нет! Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!

Хорошо. Прости, Т—о—н—и. Я больше не буду этого делать. Я не знал.

Нет! — очень злобно прожестикулировал он.

Хорошо.

Нет! Ты... нет! Ненавижу!

Прости.

Мальчик закусил губу. Он тяжело дышал, очевидно, напуганный.

Прости, — снова сказал я.

Он повернулся к окну, положил руки на балку. Его пальцы дрожали.

Я бросил взгляд через плечо.

Джексон нахмурился мне в ответ.

Я опустил на корточки, чтобы не казаться таким большим, таким устрашающим. Я ждал очень долгую минуту, прежде чем Тони наконец повернулся посмотреть на меня.

Прости, — снова сказал я, делая преувеличенную гримасу в стиле "мне жаль", чтобы показать ему, что именно имею в виду, и что мне действительно очень, очень жаль. Тони смотрел на меня в тишине. Я ждал, пока он скажет что-нибудь, сделает что-нибудь, постарается поддержать диалог, но он только смотрел.

Через минуту или две я протянул руку. Очень медленно, чтобы не напугать его. Он опустил взгляд на мою руку, затем поднял обратно на меня, хмурясь.

Я хочу быть твоим другом, — прожестикулировал я.

Я снова протянул руку.

Он долгое время смотрел на неё, но не двигался.

Ты, — прожестикулировал я. — *Ты... очень красивый. Ты... очень умный. Правда?*

Он пожал плечами.

Ты хочешь быть моим другом? — спросил я.

Он долгое время смотрел на меня, кусая губу, но в остальном оставался очень неподвижным, очень мрачным.

Пожалуйста? — прожестикулировал я, когда тишина стала слишком долгой. — *Будь моим другом?*

Страшно, мистер, — прожестикулировал он, вздрагивая, будто по его спине пробежал холодок.

Почему?

Я не знаю.

Мне тоже страшно, — сказал я.

Правда?

Да.

Почему?

Я хочу помочь тебе. Хочу, чтобы ты был счастлив. Хочу, чтобы у тебя была семья. Мы с Д—ж—е—к—о—м искали кого-то, похожего на тебя, чтобы мы снова могли быть семьёй. Я боюсь, что мы тебе не понравимся.

Почему?

Не знаю, — признался я. — Я тебе нравлюсь?

Он кивнул. Это был лёгкий, практически незаметный жест.

Я снова протянул руку, ладонью вверх, будто чтобы сказать: "Давай добавим немного прикосновений в эту игру, малыш".

Он неуверенно потянулся, коснулся моей ладони. Указательным пальцем он нарисовал на моей ладони кружок, не глядя на меня. Он нарисовал ещё один круг, затем ещё один. Затем поднял палец, передвинул его вниз, чтобы коснуться моего запястья, прежде чем посмотреть на меня.

Видишь? — прожестикуюлировал я. — Всё нормально. Не нужно бояться.

Он сжал губы, распрямил плечи, будто принял решение. Он посмотрел мимо меня на Джексона, открыто рассматривая его.

Почти тридцатисемилетний Джексон Ледбеттер уже не был тем моложавым парнем, который сбил меня с ног так много лет назад, но по-прежнему был красавцем. Подстриженный, полный отточенных в спортзале мышц, он был одет в джинсы и свитер, походные ботинки, и смутно был похож на метросексуала в мужественном смысле этого слова. Элегантно, как мы это называли.

Привет, Т—о—н—и, — прожестикуюлировал Джексон.

Ты знаешь язык жестов?

Да.

Тони опустил глаза, пошёл обратно к своей кровати и сел, обнимая мишку. Он дал своей голове опуститься вперёд так сильно, что она касалась его груди. Он зажмурился и, казалось, вот-вот заплачет.

Я ждал.

Он сидел так целую минуту, прерывисто дыша, сжимая мишку, будто держась за свою жизнь изо всех сил, сражаясь с демонами, которых мы не видели, не могли понять.

Наконец он открыл глаза, но не поднял взгляд, чтобы посмотреть на меня, так что я опустил на корточки.

Ты в порядке? — прожестикуюлировал я.

Страшно.

Почему?

Я не знаю.

Не бойся, Т—о—н—и. Я помогу тебе.

Нет.

Пожалуйста?

Нет.

Почему?

Страшно.

Ты хочешь пойти с нами?

Нет.

Пожалуйста?

Нет.

Я коснулся его колена в жесте, который считал дружелюбным.

Нет! — с уверенной яростью прожестикуюлировал он, его глаза расширились, а ноздри раздувались. — Ты... Нет! Нет! Ты... мистер... нет! Я... говорю... нет!

Прости.

Я... Я... Мне...

Он дышал тяжело, выглядел беспокойным, но ещё и раздражённым из-за того, что не мог сказать того, чего хотел.

Нет! — снова сказал он грубым, беспокойным жестом.

Прости.

Уходи!

Хорошо.

Уходи!

Было приятно с тобой познакомиться, Т—о—н—и.

Он зажмурился, завершая наш диалог. Со сжатыми губами, искажённым лицом он прижимал мишку к груди, будто это был талисман против зла, всё его тело напряглось, дрожало, готовясь к чему-то.

Я ждал, но Тони Горзола покинул здание. Или ушёл в своё "тайное место", как называла это Хизер.

Джексон накрыл ладонью мою руку и нахмурился.

Глава 3

Страшно, Мистер

Снаружи, в коридоре, Хизер произнесла:

— Ну?

— Не думаю, что мы ему нравимся, — признался я, меня охватило разочарование.

Я увлёкся им. Конечно же, увлёкся. Как и каждым ребёнком, с которым мы знакомились, я бы усыновил его сразу же и забрал домой. Мне было плевать на его ВИЧ, аварию, пожар, его рубцы на коже, пересадку кожи, в которой он будет продолжать нуждаться, и что его мать, осуждённая наркоторговка. Мне было плевать, что у него проблемы недержания, что он будет мочить кровать или гадить в штаны в самые неподходящие моменты. Мне просто хотелось взять его в руки и показать ему любовь, показать ему, что всё будет в порядке.

— Вы единственная пара, которая когда-либо просила увидеться с ним, — сказала Хизер. — Не думаю, что он знает, как справиться с этим. Он напуган.

— Я представляю.

— Я бы действительно хотела увидеть, как он найдет дом, но он такой... ну, у него есть проблемы. Прежде всего, он глухой, но ещё нужно переживать за его ВИЧ и обожжённую кожу. Ему было четыре, когда произошла авария. Я не уверена, что он помнит из своей жизни до этого, но... что ж, мне жаль, ребята. Я думала, он захочет познакомиться с вами. Его разместили в хорошем месте, в школе для глухих в Бангоре, но он не может справиться с близостью других учеников. Он сходит с ума, когда люди прикасаются к нему — его практически невозможно усадить в классе с другими ребятами.

— Это нормально, — сказал я. — Может быть, ему просто нужно немного времени.

— Время — это единственная вещь, которой у него нет, мистер Кантрелл. Чем старше он становится, тем менее вероятно, что кто-то его усыновит. Он был уже в двух приёмных семьях, но всегда возвращался сюда, так и получается, когда никто тебя не хочет. У нас работает только двое людей, которые знают язык жестов, но с

этим урезанием бюджета и всем остальным, мы просто не можем дать ему то, в чём он нуждается. Конечно, мы стараемся, но как только дети достигают определённого возраста, мы должны снять с себя обязанности заботы о них. Мы ограничены финансово. Я хочу сказать, как только они больше не милые маленькие малыши, общество будто забывает о них. Я просто хотела бы найти дом для...

В комнате Тони раздался громкий шум, похожий то ли на ворчание, то ли на вопль, который напомнил мне о моём сыне, Ное, и о его ярости метамфетаминового ребёнка. За этим воплем послышался странный удар.

Я поспешил обратно к двери.

Тони был в самом разгаре выбрасывания своих учебников в окно, ворчал и стонал, пока слёзы текли по его лицу, которое было искажено от ярости и несчастья.

Я прошёл в комнату, обошёл вокруг, чтобы он увидел меня, пока хватал очередную книгу, чтобы швырнуть в окно.

Перестань! — прожестикуюлировал я, медленно двигаясь, чтобы встать перед ним.

Он поднял на меня взгляд, его ноздри раздувались, по щекам текли слёзы, его очки сползли с носа.

Перестань, — снова прожестикуюлировал я, очень мягко, очень медленно. — *Нет. Не надо. Положи книгу. Пожалуйста.*

У него в руке была книга — это был учебник для раннего чтения.

Его взгляд горел злостью, пока он смотрел на меня.

Положи книгу, — велел я, указывая на пол. — *Пожалуйста.*

Он злобно смотрел на меня долгое мгновение, будто чтобы посмотреть, уверен ли я в том, что сказал.

Я снова указал на пол.

Пожалуйста, — сказал я, глядя на него в ответ.

Он уронил книгу, будто сила в его теле внезапно исчезла.

Его лицо осунулось.

Я жестом попросил его обнять меня, но он просто смотрел на меня сквозь свои слёзы и страдания, так что я очень медленно сделал шаг вперёд, показывая ему, что собираюсь его обнять.

Нет! — со злостью прожестикуюлировал он, но я проигнорировал его, обвивая его руками и мягко притягивая к себе.

Он вырывался около минуты, беспорядочно толкая меня, отчаянно и с ужасом ворча, воя и стеля, но затем он начал плакать, уткнувшись мне в живот. Я гладил его по спине и плечам, говоря ему успокоиться и быть тише, и что всё будет хорошо.

Через несколько минут проявления любви, он начал расслабляться.

В конце концов, я опустился на корточки, протягивая руку.

Он вытер глаза, глядя на мою руку. Я кивнул, будто чтобы сказать: "Возьми меня за руку". Он медленно потянулся, взял один из моих пальцев в свои, не глядя на меня. Затем он снова начал рисовать круги на моей ладони. Это, казалось, утешало его и успокаивало.

Будь моим другом? — прожестикуюлировал я.

Страшно, мистер.

Всё нормально.

Страшно!

Мне тоже страшно.

Правда?

Я кивнул.

Пожалуйста? — прожестикულიровал я. — Я хочу быть твоим другом. Я хочу тебе помочь. Всё будет нормально, Т—о—н—и. Я обещаю.

Он осмотрел комнату, глядя на свои пожитки, казалось, нервничая и колеблясь.

Мы хотим, чтобы ты пришёл в гости. Если тебе не понравится, мы сразу привезём тебя обратно. Хорошо? Мы хотим узнать тебя. Пожалуйста, дай нам шанс.

Я видел, как внутри этих голубых глаз происходит внутренняя борьба: часть его хотела довериться, другая часть была полна робости, подозрения, страха.

Хочешь, чтобы я помог тебе собрать вещи? — спросил я. — Нам нужно немного одежды, твоя зубная щётка, и всякое такое. Можешь взять и своего мишку.

Он поднял взгляд на меня, его глаза налились слезами.

Что такое? — спросил я.

Страшно, мистер.

Не бойся, сладкий. Мишка будет с тобой, и мы с Д—ж—е—к—о—м позаботимся о тебе.

Страшно, мистер.

Всё будет хорошо. Я обещаю, Т—о—н—и. Ты мне веришь?

Он смотрел на меня долгое время, кусая губу, выкручивая руки.

И практически неувовимо кивнул.

Глава 4

Аренда утробы

— Это, должно быть, Тони, — произнесла миссис Ледбеттер, когда открыла массивные входные двери, которые вели в величественный особняк Ледбеттеров. Назвать это домом было бы оскорблением. Ни одну резиденцию с восемью спальнями и отдельным крылом для бассейна нельзя было назвать домом. Скорее, это как маленький отель. Он был больше, чем здание, где жил Тони и его потерянные друзья.

Привет, — прожестикულიровала нашему гостю миссис Ледбеттер.

Тони смотрел на эту старую женщину с суровым лицом и не отвечал. Его глаза расширились, когда он оглядел фойе с дорогим убранством, произведениями искусства, бесценным ковром в самом центре пола, вазами с цветами, так небрежно расставленными и, видимо, не подозревающими, что сейчас середина декабря.

Он нервно поправил очки и повернулся посмотреть на меня.

Это мама Д—ж—е—к—а, — прожестикულიровал я. — Она очень хотела с тобой познакомиться. Поздороваешься?

Он покачал головой, не глядя на неё.

Нас прервал визит Фу-Фу, пуделя миссис Ледбеттер. Я никогда не встречал пуделя, на которого мне не хотелось наступить, и по-прежнему не встретил. Фу-Фу подошла прямо к Тони, нюхая, таякая и ведя себя как грызун-переросток, которым и была.

Тони улыбнулся.

Хочешь погладить её? — прожестикულიровал я.

Правда?

Конечно.

Он опустился на колени на пол коридора, который был выложен из мрамора и привезён откуда-то с огромными тратами, или так пыталась сказать мне миссис Ледбеттер. Видимо, для неё это было важно. Тони погрузил свои маленькие кулачки в

блестящую белую шерсть Фу-Фу и улыбнулся. Мгновение он был похож на Ноя, и я почувствовал, как у меня перехватило дыхание.

Джексон улыбнулся.

— Ну, — сказала миссис Ледбеттер, — по крайней мере, ему нравится хоть одна личность в этом доме. Это начало. На улице так зверски холодно, приближается метель. Заходите, мальчики. Стивен! Мальчики вернулись, и они привезли... что ж, я не уверена, что они притащили на этот раз, но мы выясним, так ведь?

— Мам, не будь злой, — предупредил Джексон.

— Я? — с напускной скромностью спросила она, улыбаясь глазами, делая затяжку электронной сигареты. — Ты же знаешь, я обожаю детей, Джеки. Просто обожаю. Моё единственное сожаление в жизни было о том, что я не завела их побольше, чтобы моя фигура была разрушена ещё сильнее, чем есть сейчас. И какая мать не хочет полчище детей, ждущих, когда она умрёт, чтобы выяснить, как много денег она им оставит?

— Мам!

— Не то чтобы ты когда-нибудь так поступил, дорогой. На самом деле, я думала оставить все свои деньги Фу-Фу. Как обстояли дела с пробками, Джеки?

— Сегодня пятница, — ответил Джексон, будто это было достаточным объяснением.

— Синоптики прогнозируют пятнадцать сантиметров снега, — сказала она. — Какой ужас! Мне действительно следует переехать во Флориду, но она уже обитаема, а я не уверена, что хочу якшаться с аборигенами. Я слышала, тебе сделали лоботомию на границе штата, что является единственным, из-за чего ты можешь на самом деле быть счастлив жить в таком месте, и, честно говоря, на этом этапе своей жизни я не хочу лоботомию. Нам действительно следовало уехать на Гоа, как хотел твой отец, но путешествия так сильно утомляют, особенно в это время года. И Индия! О, небеса! Все эти грязные дети, молящие о деньгах, как только ты выходишь из аэропорта. И эта зверская жара! И потом, конечно же, там повсюду воняет канализацией. Или карри. Не разобрать. Но пляжи на Гоа великолепные. Или, по крайней мере, так было в девяностых, когда мы с твоим отцом туда ездили. Проходите! Вилли, ты весь дрожишь!

— Для меня здесь холодновато, — признал я. — Конечно, вы, должно быть, чувствуете себя как дома.

— Только сильные выживают в таком холоде. Мы могли бы отправить тебя в похоронном мешке обратно в ту сточную яму истории, откуда ты приехал, Вайлис. Я наведу об этом справки.

— Если этот похоронный мешок будет обогреваемым, Юджин, я не буду против.

— На улице не так уж холодно, — упрекнула она меня.

— Мне пришлось сегодня утром воспользоваться феном, чтобы растопить свои сокровенные органы.

— А они всегда под рукой, не так ли? Пальто и ботинки вон туда, будьте любезны. Ланч почти готов. Стивен? Ты можешь сказать Лидии уже выносить ланч! Я не знаю, где этот мужчина. Джеки, бери своего дружка и идём есть.

Джексон наклонился, чтобы коснуться плеча Тони и привлечь его внимание. Тони что-то проворчал и отдёргнулся от прикосновения, будто Джексон ударил его током. В своей спешке — в своём ужасе — Тони в итоге упал на задницу.

Фу-Фу визжала и тьякала.

Джексон взглянул на меня, нахмурившись.

Ты в порядке? — прожестикуюлировал я Тони.

Он закусил губу и опустил глаза. Я присел на корточки, медленно протянул руку, чтобы коснуться его колена. Я показал жестом "пошли". Он поднялся на ноги, но держал голову опущенной. Фу-Фу возилась у его ног, но он игнорировал её.

— Что это было? — спросила миссис Ледбеттер.

— Ему не нравится, когда его трогают, — тихо сказал я.

Но затем, будто чтобы доказать, что я не прав, он встал прямо за мной и взялся за мою руку, будто хотел, чтобы я спрятал и защитил его.

— Что ж, похоже, ты ему нравишься, Вилли, — сказала миссис Ледбеттер. — Но, опять-таки, как и большинству людей, как только они примиряются с растительностью на лице. Стивен? Серьёзно! Где этот мужчина? Я не понимаю, почему вы, мальчики, не воспользуетесь суррогатным материнством, если хотите ребёнка. Начните с нуля.

— Я не буду платить тридцать тысяч долларов, чтобы арендовать женскую утробу, — сказал Джексон.

— Почему нет? Потратить тридцать тысяч долларов, и с некоторыми из этих женщин получится "купи одного — получи второго бесплатно". Тогда у тебя будет полноценная семья, а не что-то, что вы вытащили из канавы.

— Мам! — пробормотал Джексон.

— Ох, я опять говорю метафорами, да? Я понимаю, что вы, мальчики, пытаетесь сделать. Вы не хотите создавать ребёнка, когда уже так много тех, кому нужна "любовь", как называет это твой Вилфред. Но, честно, мальчики, просто арендуйте утробу. Это всегда намного легче. Просто подумайте о том, как весело будет ходить по магазинам и совершать покупки для суррогатной матери. Кого-нибудь с докторской диссертацией, она будет привлекательной, если, конечно, у неё нет кривых зубов или не свежего дыхания. Да и вы бы не захотели того, который родился в Северной Дакоте, потому что, чего греха таить, из Северной Дакоты никогда не выходило ничего хорошего. Правда? Я удивлена, что она всё ещё считается штатом. Он ещё на месте, да? Весь штат может исчезнуть, и никто не поймет разницы. Кто-нибудь в последнее время наводил о нем справки? Нет, вы бы все равно не захотели никого из Северной Дакоты. Ещё я склонна избегать определённых частей Калифорнии. Когда некоторые из этих женщин открывают свои рты, слышно только чаек. И я ставлю под сомнение здравый смысл людей, которые живут на главной линии разлома. Если земля разверзнется во время землетрясения, у них будет хотя бы хороший загар и подтянутые йогой тела, пока они будут нырять в свои огненные колодцы смерти. Но, честно говоря, такую женщину не хочется видеть матерью своего ребёнка.

Она вышла из фойе в вестибюль.

Глава 5

Собираясь с духом

Хочешь осмотреться? — прожестикнул я.

Тони пожал плечами.

Идём, — сказал я. — *Я покажу тебе дом.*

Фойе переходило в то, что я считал величественным вестибюлем, это была своего рода большая гостиная с различными нишами — как в холле отеля — окружённая балконами и большой мраморной лестницей, ведущей наверх. Для этой комнаты было собственное имя, но будь я проклят, если знал его. Будь я ещё больше проклят, если меня это волновало.

Слева была зона кухни и столовой. Справа располагалась просторная зона гостиной. Прямо впереди было "логово" мистера Ледбеттера и кабинет, плюс "его и её ванны". Я рассказывал маме об этих двух ваннах, но она мне не поверила, пока не приехала в Бостон на свадьбу. Над ванными висели маленькие деревянные таблички. На одной было написано "Господа". На другой — "Дамы".

Конечно же, всё очень по-домашнему.

За этой зоной, позади, были главные спальни, "игровая", "телевизионная комната" и другие. В самом конце располагалась настоящая гостиная, которая уступала место французским дверям и веранде с аккуратным ухоженным садом.

Мы с Тони разнюхали всё в вестибюле, сунули носы в зону гостиной, забрели в заднюю часть дома. Он ничего не говорил, пока шёл следом, его лицо было опечаленным. Он ни к чему не прикасался. Он не присел ни на одно из модных кресел, соф, диванов. Он, казалось, не думал, что это было местом, где можно по-настоящему жить.

Мы прошли к французским дверям и взглянули на сад, сейчас зарытый в снег.

Тебе нравится? — спросил я.

Он равнодушно пожал плечами.

Пойдём посмотрим твою комнату, — предложил я.

Мы вернулись обратно и поднялись по мраморной лестнице. Миссис Ледбеттер "освежила" две гостевые комнаты, располагающиеся рядом. У них была общая дверь. Если Тони испугается ночью, то сможет выскользнуть из кровати и легко найти нас.

Джексон уже положил маленький чемодан Тони в ногах его кровати, и кто-то — возможно, миссис Ледбеттер — положил игрушки и настольные игры на маленький письменный стол под окном, включая грузовик фирмы Тонка, с которым раньше Ной играл в саду.

Вид этого грузовика вернул наплыв воспоминаний.

Это твоя комната, — сказал я. — *Тебе нравится?*

Он снова пожал плечами, будто равнодушный к этим материальным вещам, будто думал, что это не могло составить никакой разницы в том, как он к этому относится. "Я просто прохожу мимо, — таково было его сообщение. — Ничего из этого ко мне не относится".

Ты в порядке? — спросил я.

Страшно, мистер.

Не бойся, сладкий. Мы с Д—ж—е—к—о—м позаботимся о тебе. Хорошо?

Он не ответил. Вместо этого он подвинулся, чтобы встать чуть ближе ко мне.

Хочешь поиграть с этими игрушками?

Я протянул ему грузовик Тонка, и он взял его, нахмурившись, серьёзно изучая его. Он не был похож на других детей. Он не выхватил грузовик из моей руки и не начал тут же играть с ним, восторженный, счастливый, очень поглощённый моментом. Он смотрел на него очень близко, крутя его в руках задумчиво, осторожно, будто боялся, что может его сломать или сделать что-то, что не должен, или что может захотеть чего-то, чего не может иметь.

Можешь его забрать, если нравится...

Он посмотрел на меня через толстые линзы очков, будто пытаюсь решить, говорю я правду или нет.

Тебе нравится? — спросил я.

Он опустил взгляд на грузовик, с лёгким выражением надежды на лице, но затем распрямил плечи, протянул игрушку и отдал обратно мне.

Он покачал головой, не глядя на меня.

Я вернул грузовик на письменный стол, нахмурившись.

Могу я тебе что-нибудь принести? — спросил я.

Он не ответил.

Я присел на корточки, посмотрел на его лицо, пытаюсь уловить его ответный взгляд.

Страшно, мистер, — прожестикнул он, закусив губу.

Не бойся, — побуждал я. — *Но если тебе страшно, то это нормально. Мы рядом. Мы поможем тебе. Я обещаю. Если испугаешься, то скажи мне. Хорошо? И мы сделаем, что придётся, чтобы ты чувствовал себя лучше. Хорошо? Я обещаю. Я не хочу, чтобы ты боялся.*

Мгновение он смотрел на меня мрачными, печальными глазами, будто пытаюсь решить, может ли верить мне. Там внутри был маленький мальчик. Я увидел его всего на мгновение. Маленький мальчик заблудился в шторме, ища безопасную гавань.

Затем он опустил глаза и отвернул лицо, прерывая наш диалог.

Глава 6

Выкладывай

— Ну, расскажите нам о нем, — велела миссис Ледбеттер за ланчем. — Конечно же, у него СПИД.

— Конечно же, — с улыбкой ответил я.

— На самом деле, у него ВИЧ, — отметил Джексон.

— Отец был убийцей с топором наперевес? — спросила миссис Ледбеттер.

— Не знаю, — сказал я. — Хотя мать была наркоторговкой. Это считается?

— Барыга. Интересно! Вши?

— О них мы не знаем.

— Сексуальное насилие?

— Надеюсь, нет.

— Эмоциональные проблемы?

— Я бы не ожидал меньшего.

— Вайлис, должна сказать, ты умеешь выбирать. Он кажется достаточно милым. Тихим. Но помимо Фу-Фу, не уверена, что он осознаёт, что остальные из нас существуют. Не думаю, что он посмотрел на меня хотя бы раз. Тот ещё способ отнестись к своей хозяйке на выходные. Он знает, кто я такая, так ведь? Я не привыкла, чтобы меня игнорировали в моём собственном доме.

— Мам! — воскликнул Джексон.

— Он просто собирается с духом, — сказал я.

— Ну, я думаю, мы должны поговорить об этом, — сказала она. — Выкладывай. Начистоту. Знай, с чем имеешь дело. Не ходи вокруг да около. И ты говоришь о моём будущем внуке, так что, конечно, я хочу знать все детали. Мы не принимаем в эту семью всех подряд, знаешь ли. Я могу смириться со СПИДом и матерью-барыгой, и могу даже справиться с зятем-южанином, но у меня есть свои стандарты. На самом деле, он кажется тихим милашкой.

— Он милый, — согласился я. — Выглядит заучкой с этими очками, но, думаю, это очаровательно. Видимо, он слепой, как крот.

— Эволюция выбрала его для вымирания, — заметил мистер Ледбеттер.

— Стивен! — ахнула миссис Ледбеттер.

— Так работает естественный отбор, дорогая.

— Папа, пожалуйста, — натянутым голосом произнёс Джексон.

— Прости, но если твоя мать наркоторговка, шлюха и Бог знает кто ещё, возможно, ты и есть следующий кандидат на вымирание, хватит одних только микробов, опасного заболевания и общей точкой зрения на здоровый образ жизни. У потомства, воспитанного в таком окружении, будет неблагоприятный исход. Я не говорю, что это правильно. Я просто отмечаю, как работает эволюция. В конце концов, выживают наиболее приспособленные, а не самые повреждённые.

— Что ж, вот оно как, — со скрытой злостью в голосе произнёс Джексон.

Мистер Ледбеттер знал, как убить разговор на корню.

— Этот суп из моллюсков — просто бомба, — сказал я, поднимая глаза, чтобы взглянуть через стол на мать Джексона. — Воняет невероятно, конечно, но это вполне нормально. Конечно, то же самое говорят об Энн Коултер*, но это просто куча лошадиного навоза.

**Энн Коултер — американская консервативная журналистка, политический комментатор, писательница. Имеет репутацию крайнего консерватора и известна довольно агрессивным стилем полемики. Член Республиканской партии.*

— Что именно, что она воняет? — спросил Джексон. — Или что она нормальная?

— В ней нет ничего нормального. Единственная ценность ее жизни — стать донором органов, но я думаю, что лучше бы умер, чем ходил с одной из почек Энн Коултер у себя в кишках. Не то чтобы она могла позволить себе потерять почку, не с этим цунами желчи, которое вылетает у неё из рта.

— Что у вас с Энн Коултер? — надавил Джексон.

— Я считаю её подход к жизни освежающим, — сказал мистер Ледбеттер. — Нам нужны люди, желающие говорить о вещах правду.

— Ну, если она хочет быть донором органов, то может начать со своего кадыка, — сказал я.

— Мы действительно должны сделать из тебя любителя морепродуктов, — сказала миссис Ледбеттер. — Ты не можешь приезжать в Бостон и отводить нос от супа из моллюсков. Так не делается.

— Последний раз, когда мы здесь были, Джексон отвёл меня в ресторан, и там принесли рыбу, и я должен был сидеть и смотреть ей в лицо всё время, пока ел. Если хочешь её приготовить, хотя бы отрежь ей голову.

— Твой маленький друг подозрительно выглядит, — сказала она.

Тони погружал свою ложку в суп и выглядел неуверенно. Не думаю, что его беспокоил суп, скорее фарфор, в котором был этот суп, и три ложки и две вилки, окружающие дорожную чашу.

— Он, наверное, не в курсе тонкостей высокой кухни, — сказал я. — И он может слишком нервничать, чтобы есть.

— Он не обязан есть, если не голоден. Мы оставим немного, и он может поесть позже.

Я передал эту информацию жестами.

Тони облегчённо вздохнул.

Почему бы тебе не поиграть с Ф—у—Ф—у? — предложил я.

Он довольно скованно поднялся со своего стула, будто боялся, что может что-нибудь опрокинуть. Он посмотрел на меня с вопросом в глазах.

Иди, — сказал я. — *Всё нормально.*

Мальчик сел на пол, и Фу-Фу сразу же запрыгнула к нему на колени. Он одарил её счастливой улыбкой и тихо крякнул.

— Не думаю, что у нас в этом доме когда-нибудь был кто-то со СПИДом, — сказал мистер Ледбеттер, не трудясь поднять взгляд от своего супа из моллюсков.

— Папа! — воскликнул Джексон.

— Я просто отмечаю, что есть риск для здоровья, когда приводишь кого-то такого.

— Пока ты не собираешься обмениваться с ним физиологическими жидкостями, никакого риска нет, — парировал Джексон. — И у него не СПИД, папа. У него ВИЧ. Есть разница, знаешь ли.

— Нам нужно быть осторожными, вот и всё, о чём я говорю, — продолжал мистер Ледбеттер. — Если ты настаиваешь на том, чтобы спасти каждую бродячую собаку на улице, не удивляйся, когда она развернётся и укусит тебя.

— Ты недоволен.

— Честно говоря, сын, нет, я не доволен. Есть множество здоровых детей, которых вы могли бы усыновить. Не нужно сходить с пути, чтобы повесить на себя кучу проблем и множество излишних трат.

— Мне жаль, что вы так к этому относитесь, — сказал я, пытаюсь быть тактичным.

— Я считаю, что он идеальный, — сказал Джексон с вызовом, что было совсем не тем, что говорил мне его язык тела всё утро. — В любом случае, есть куча людей, которые хотят усыновить милых, здоровых детей. Мы хотели найти того, кого больше никто не хочет.

— Его не хотели по очевидной причине, — тихо сказал мистер Ледбеттер.

— Папа, тебе обязательно это делать?

— А когда ты потратишь всё состояние на медицинский уход и всё остальное, и он умрёт через три года или через пять лет, тогда что?

— Продолжительность его жизни не проблема, папа. СПИД не приговор, как было раньше. Нет причин, по которым он не может жить полной, здоровой, нормальной жизнью.

— В его иммунной системе есть отклонения, он может умереть от простуды. Ты медбрат, Джеки. Ты это знаешь. Я просто хотел, чтобы вы, мальчики, были более практичными, но я уверен, вы то у нас самые умные.

— Ты никогда не одобряешь ничего, что я делаю, так какая разница? — требовательно спросил Джексон, его голос повышался от злости.

— Не говори мне, что ты всё ещё переживаешь о том, одобряю ли я тебя.

— Такие слова, как «холодный бессердечный ублюдок», тебе что-нибудь говорят, папа? Господи Иисусе!

— Давайте не будем снова ругаться, — сказала миссис Ледбеттер. — У нас гости. В любом случае, я согласна с Джеки. Тони идеален. Он маленький, так что не разорит их. Он слепой, так что не сбежит — а если попытается, то далеко не уйдёт. Возможно, врежется в ближайший знак остановки и потеряет сознание. И если он не говорит, то они даже не узнают, что он рядом. О чём ещё можно просить ребёнка? Ты едва ли поймёшь, что он вообще здесь.

— Было очень мило с вашей стороны позволить нам провести это посещение в вашем доме, — сказал я, пытаюсь сменить тему и сгладить углы.

— Ерунда, — ответила миссис Ледбеттер. — Вы делаете нам одолжение. Я хочу узнать своего будущего внука, знаешь ли. В любом случае, я скучаю по тому твоему милому мальчику, Вилли. Нам было так весело вместе, когда он был здесь. Хотела бы я узнать его гораздо раньше, чем удалось. Я так скучаю по нему.

— Я тоже по нему скучаю, — сказал я.

— Знаешь, он был звездой вашей свадьбы, пока шёл к алтарю в смокинге и нёс ваши обручальные кольца. Мои друзья были совершенно им очарованы. В любом случае, ты один из тех людей, которые жить не могут без слезливой истории или пары щенячьих глазок. Иначе у моего Джеки не было бы шанса на отношения с тобой.

— Спасибо, мама, — сказал Джексон.

— Пожалуйста, дорогой. Надеюсь, ты в настроении для гостей.

— Почему это?

— Давай просто скажем, что у меня для тебя запланирован сюрприз.

— Мама, нет!

— Ох, будь ко мне снисходителен, Джеки. Прошёл почти год с тех пор, как ты был дома. Я хотела сделать что-нибудь особенное.

— Я говорил тебе, что эти выходные не лучшее для этого время. У нас посещение.

— Это будет очень тихое мероприятие, — заверила она его. — Так много людей хотят тебя увидеть. Вас обоих. Ты должен это знать. Ты не можешь просто заскочить на выходные, дорогуша, и ни с кем не повидаться. Так не делается. Кроме того, ты знаешь, что мои друзья тебя обожают. И наш мистер Вилли — знаменитый писатель. Он не может прятаться вечно, знаешь ли. У него есть новая книга, которую нужно рекламировать. Знаешь, эта штука сама себя не продаст. И только то, что я пригласила журналистку из «Бостон Геральд», не значит, что он обязан с ней разговаривать, хотя она обожает твои книги, Вилли, и, конечно же, хорошей рецензией в «Геральд» не пренебрегают.

Джексон закатил глаза.

Глава 7

Проверяя воду

Ты любишь плавать? — спросил я, разбирая одежду Тони и раскладывая её на кровати, ища плавки, которые мы ему купили.

Я... не знаю.

Ты не умеешь плавать?

Он покачал головой.

Хочешь научиться?

Страшно.

Я тебе покажу. Это весело. Ты никогда не плавал?

Нет.

Это очень весело. Почему бы тебе не переодеться? Я подожду тебя в другой комнате.

Я положил его плавки на кровать, пошёл к двери, но он просто стоял на месте, будто не понимал, что я имею в виду, или не знал, что делать.

Хочешь, чтобы я тебе помог? — спросил я.

Он довольно тяжело вздохнул, оглядел комнату, будто ища что-то.

Ты в порядке?

Он не ответил.

Я подошёл к кровати, взял его плавки и протянул ему.

Хизер сказала, что он очень стыдится шрамов на своём теле. Без сомнений, другие дети издевались над ним.

Всё нормально, — сказал я. — Не нужно стыдиться.

Он закусил губу.

Хочешь, чтобы я тебе помог? — снова спросил я.

Он сделал глубокий вдох и слегка кивнул.

Судя по отчётам в его досье, около сорока процентов его тела, включая большую часть поясницы, правое бедро и его гениталии, были существенно обожжены, когда ему было четыре года. Его мать одновременно готовила и курила мет, была до безумия под кайфом, когда что-то взорвалось, но она чудесным образом выбралась без единого ожога. Потребовался сосед, чтобы указать приехавшим работникам службы экстренной помощи на то, что в квартире остался ребёнок, о котором она забыла. Тони провёл шесть месяцев в больнице, получая первую из многих пересадку кожи. Его мать получила длительный тюремный срок.

Я помог Тони переодеться в плавки и попытался не реагировать на его шрамы, не желая, чтобы он стеснялся ещё больше, чем уже было.

Но... чёрт возьми.

Ты готов? — спросил я, когда мы закончили.

Страшно.

Не бойся, милый. Если тебе не понравится, мы не пойдём плавать. Хорошо?

Правда?

Правда.

Он снова, казалось, стал чуть выше, распрямив плечи и сделав глубокий вдох, будто принимая решение.

На удивление, он взял меня за руку.

Мы прошли по покрытому ковром полу и через дверной проём в комнату, где жили я и Джексон. Джексон уже был одет, с полотенцем на плече и ещё одним полотенцем для Тони.

Ты готов пойти плавать? — спросил Джексон.

Страшно, мистер.

Оу? Почему?

Я не знаю.

Бассейн подогреваемый. Вода тёплая. Тебе понравится. Можно потренироваться.

Тони держал меня за руку, пока мы шли по просторному коридору в сторону крыла с бассейном.

— Твой дом вызывает у меня такое чувство, будто я приезжаю в гости в музей, — сказал я Джексону.

— Просто представь, каково было здесь расти, — ответил он. — Каждый раз, как я пердел, горничная брызгала освежителем воздуха.

Я рассмеялся.

— Думаешь, я шучу?

— Бедный маленький богатый мальчик, — сказал я. — Ты, должно быть, ужасно травмирован.

— Не настолько, как он, — ответил Джексон, бросая взгляд на Тони. — Кажется, ты ему приглянулся.

— Я похож на Иисуса. Чего ты ждал?

— Ты похож на стареющего хиппи, который перепробовал слишком много кислоты в семидесятых.

— И это тоже.

— Но раз ты знаменитый романист, полагаю, ты можешь делать то, что хочешь.

— И не забывай этого. Я мог бы пойти и найти себе музу, кого-нибудь хорошенького и молодого, кто...

— Ох, серьёзно?

— Все по-настоящему знаменитые творческие люди так делают. Чем моложе, тем лучше, хотя я не уверен, что хотел бы кого-то, кто нуждался бы в объяснении того, что такое диско.

— Я убью тебя намертво, Кантрелл.

— Ты и какая армия Севера, Ледбеттер?

— Мне не нужна армия. Я подсыплю стрихнина в твою сахарницу, и не думай, что я этого не сделаю.

— Ты знаешь, как это звучит? — спросил я.

— Что?

— Звучит так, будто ты трепло из Миссисипи.

— Должно быть, ты так на меня влияешь.

— Ох, это жестоко. Это очень, очень жестоко, Ледбеттер.

— Я учился у лучших, — с коварной улыбкой сказал он.

Дорога привела нас к крылу с бассейном. Бассейн, на первом этаже, был окружён балконами, которые вели в гостевые спальни на втором этаже. Всё это было очень вычурно, но мистер и миссис Ледбеттер плавали каждый день и проводили чрезмерное количество времени в джакузи. На втором этаже была даже сауна и комната с массажными столами. Я пытался не быть субъективным, но не мог ничего поделать и задавался вопросом, как много сирот можно было бы кормить всю жизнь за деньги, отваленные на эту роскошь.

Мы ополоснулись в душе и прошли к мелкой части бассейна.

Тони обхватил руками свою грудь, пока смотрел на открывшийся вид, возможно, думая, как и я, не убьют ли его золотые кирпичи, если свалятся с потолка.

Тебе нравится? — прожестикнул Джексон, глядя на него с улыбкой.

Он пожал плечами.

Джексон встал на край бассейна. Он притворился, что потерял равновесие, устроил большое шоу, пытаясь выпрямиться, прежде чем упал спиной в воду. В этом смысле он был актёром на публику.

Глаза Тони расширились.

Я жестом попросил Тони отдать мне его очки, которые я положил на деревянный настил с нашими полотенцами. Я уместился на мелком краю, повернулся посмотреть на него.

Страшно, мистер, — прожестикнул он, сжимая губы, пока его руки по-прежнему обнимали его тощую грудь. Я видел рубец, протянувшийся вокруг его бока и покрывающий его правое бедро.

Не бойся, милый, — сказал я. — *Хочешь, чтобы я тебя поддержал.*

Он посмотрел на воду, будто пытаясь сделать выбор.

Джексон нырнул под воду, плывя к дальнему концу.

Вода очень тёплая, — сказал я Тони.

Он засунул в воду палец ноги, чтобы проверить.

Давай, — прожестикнул я. — *Это приятно. Тебе понравится.*

Он сел на край бассейна, позволив своим ногам погрузиться в тёплую воду.

Ты идёшь? — спросил я.

Он покачал головой.

Я немного поплаваю. Ты будешь в порядке?

Он пожал плечами.

Не желая давить на него, я поплыл, всё время приглядывая за ним. Он качал ногами, взбалтывая воду. На его лице была слабая улыбка, и он казался довольным.

Джексон попытался заманить его в воду.

Это весело, — сказал Джексон. — Хочешь попробовать?

Тони посмотрел на меня, и этот жест напомнил мне о том, как мой сын Ной всегда проверял меня, всегда нуждаясь в подтверждении, нуждаясь в знании, что всё нормально.

Идём, — позвал я. — Хочешь держать меня за руку?

Я протянул руку.

Он потянулся и взялся за неё. С таким видом, будто сжимал зубы, он позволил своему телу соскользнуть с края бассейна в воду, которая доходила ему до талии. Он поднял взгляд на меня. Что-то в его глазах сказало мне, что он напуган, но всё же намерен меня осчастливить.

Я опустил на корточки в воде, чтобы быть с ним на одном уровне, ободряюще ему улыбаясь. Он продолжал цепляться за мою руку. Очень медленно, я протянул другую руку, жестом прося его лечь мне на руки, чтобы я покатал его по воде. Он подвинулся ближе, откинулся на мои руки. Я аккуратно кружил его в воде.

Он улыбнулся.

Я кивнул в ту сторону, где вода была глубже, будто чтобы спросить: "Хочешь пойти дальше?"

Он кивнул.

Я позволил ему дрейфовать, пока нёс вперёд в более глубокую часть бассейна, время от времени останавливаясь, чтобы развернуться кругом. Он улыбался, пока вода омывала его тело.

Через несколько минут я подошёл к стенке бассейна и потянулся одной рукой, чтобы ухватиться за край, показывая Тони, как держаться, чтобы оставаться на плаву. Я кивнул ему. "Попробуй", — говорил я. Он схватился за край бассейна, и я медленно отпустил его. Он держался, дёргая ногами, но затем расслабился, когда понял, что не утонет.

Я держался за край бассейна рядом с ним, улыбаясь. Я наклонил голову в сторону мелководья, говоря ему следовать за мной. Держась за край бассейна, я поплыл обратно к мелкой воде, подтаскивая себя. Он последовал моему примеру, казалось, думая, что это отличная забава.

Вернувшись на мелководье, он чувствовал себя достаточно уверенно, чтобы поплавать, разгребая руками поверхность воды. Он выглядел так, будто никогда не испытывал простой радости плавания. В этот момент его неуверенные улыбки переросли в полноценное счастье. Но когда Джексон подхватил его, намереваясь с ним поиграть, он вдруг гортанно заголосил, с внезапной паникой дёргая ногами и ударяя Джексона по рукам своими маленькими ладошками.

— Эй, эй, эй, — мягко произнёс Джексон, отпуская его.

Пока он в панике продолжал дёргаться, его голова опустилась под воду. Джексон почти сразу же вытащил его, но он был напуган и расплакался, в это же время давясь и выплёвывая воду. Его "голос", редко используемый, звучал как многое, но точно не детский плач.

— Эй, — произнёс я, махая рукой, чтобы привлечь его внимание. — Эй!

Я жестом попросил его позволить мне взять его на руки, но он казался парализованным. Он обнимал руками свою грудь, крича, уже в полном ужасе. В отличие от обычной реакции борьбы или бегства, он просто стоял на месте, будто не был в силах изменить свою судьбу.

Я присел на корточки и очень медленно протянул руки, кивая ему, будто чтобы сказать: "Теперь я о тебе позабочусь".

Он не возражал, когда я подхватил его на руки и отнёс к краю бассейна, где посадил его.

— Ууухххх, — странным голосом простонал он. Выражение его лица выглядело совершенно разбитым. Он обнимал себя так сильно, что у него побелели костяшки на пальцах. — Ууууххххххх.

— Мне жаль, — сказал Джексон, подходя, чтобы встать рядом со мной.

— Уууухххххххххх. Ааааххххххххх.

— Всё нормально, — произнёс я.

Я снова протянул руки, чтобы Тони их видел. Я приближал их очень медленно, показывая, что намерен взять его в свои руки.

Он не препятствовал мне.

Я притянул его к себе.

— Ааааххххх. Хах! Ууууууххххх.

— Хорошо, малыш, — прошептал я ему на ухо. — Всё хорошо. Всё будет в порядке.

Он крепко сжал руки вместе, прижимая их к своей груди.

— Всё будет в порядке, милый, — сказал я, поглаживая его по спине. — Всё будет просто отлично.

У него был эмоциональный срыв, но он не делал движений, чтобы сбежать, спрятаться, бороться в ответ. Он был пойман в какую-то хватку и стоически её терпел.

Джексон посмотрел на меня, нахмурившись.

— Всё будет в порядке, — сказал я.

— У него много проблем, Вилли.

— Я знаю, но он тот, кого мы ждали. Я это знаю.

— Ты говоришь так обо всех них.

— Но в этот раз я это знаю.

— Что ж, мне жаль, что я напугал его. Он мне ещё не доверяет.

— Дай ему немного времени.

Я гладил Тони по спине, шепча "Тише" и "Успокойся" ему на ухо, пытаюсь передать языком своего тела, что всё хорошо, что он в безопасности, что ему нечего бояться, что ничто и никто не причинит ему боль, что плакать нормально, что я буду терпеливым. Он ответил тем, что положил голову на изгиб моего плеча и прильнул. Я подхватил его, чтобы притянуть ближе и обнять.

— А теперь тише, милый, — ворковал я ему на ухо. — Тише, тише, тише.

Конечно, я знал, что он меня не слышит, и мне было жаль. Все ужасы и испытания, через которые он прошёл, он выдерживал в полной тишине, без успокаивающегося голоса или слова.

Я мягко раскачивал его взад-вперёд и продолжал говорить. В конце концов, он приложил ладонь к моему горлу, будто чтобы чувствовать вибрации от моих слов. Спустя некоторое время он обвил меня руками и перестал сопротивляться. Я притянул его ближе, поддерживая рукой его голову, перенося свой вес с одной ноги на другую, чтобы он испытал укачивающее движение, которое успокоило бы его.

Я вышел из воды и понёс его наверх.

Джексон шёл следом, с виноватым и расстроенным видом.

Я устроил Тони на кровати, присел на корточки и посмотрел на него долгим взглядом.

Д—ж—е—к тебя напугал? — прожестикуюлировал я.

Он посмотрел на Джека недовольным взглядом.

Д—ж—е—к—у жаль, — сказал я.

Джексон кивнул, отвечая выражением "Прости" на лице.

Тони на мгновение посмотрел на него и опустил глаза.

Хочешь, чтобы я ударил его за тебя? — спросил я.

Он взглянул на Джексона.

Я притворился, что шлёпнул Джексона по руке. Джексон притворился, что ему ужасно, ужасно больно.

Тони едва заметно улыбнулся.

Он плохой мальчик, — прожестикнул я.

Тони кивнул.

Но ему жаль. Он не хотел тебя напугать. Мы не хотим, чтобы ты был несчастен. Хорошо? Мы хотим быть твоими друзьями.

Друзьями... мне?

Да.

Он снова посмотрел на Джексона и опустил глаза.

Ты в порядке? — спросил я.

Страшно.

Не бойся, милый. Мы рядом. Мы поможем тебе. Всё будет хорошо.

Он сжал губы.

Давай тебя переоденем, — сказал я.

Глава 8

Такая вечеринка

"Маленькое мероприятие" миссис Ледбеттер состояло примерно из двадцати гостей. Большинство были друзьями семьи, со многими из которых я познакомился в течение трёх недель, которые провёл здесь, когда мы с Джеком справляли свадьбу в саду за домом.

— Вот и она, — сказала миссис Ледбеттер, беря меня за руку и таща через маленькую толпу, пока Джексон и Тони плелись следом. Официанты носили подносы с закусками и шампанским и другой едой "на зубок". Будто чтобы отметить приезд деревенщин из Миссисипи, на заднем плане играл диск Пэтси Клайн. Пэтси находилась в разгаре своих объяснений о том, как вышла гулять после полуночи.

Миссис Ледбеттер воскликнула:

— Гленда, дорогая! Так рада, что ты смогла прийти. Это Вилли Кантрелл. Конечно же, ты его знаешь! Он мой зять. Вилли, это Гленда Хатчинс из «Бостон Геральд». Она посещает светские мероприятия — и если это происходит в моём доме, я бы хотела думать, что это мероприятие. Я ошибаюсь?

— Вы никогда не ошибаетесь, миссис Ледбеттер, — заверила её Гленда, целомудренно целуя лицо старой женщины, прежде чем повернуться ко мне.

— Вилли Кантрелл, — произнесла она, протягивая руку. — "Спасибо и прощай" — это действительно последние слова Ноя?

— Ну, да, — ответил я.

— Поэтому вы использовали их для названия книги. Это было так душераздирающе. Джексон действительно сказал вам позволить Ноею умереть?

— Прошу прощения?

— Ну, он держался ради вас, потому что знал, что вы не были готовы его отпустить, но ему было больно, и всё же он продолжал держаться ради вас...

— Я бы предпочел не говорить об этом сейчас, — сказал я.

— Это было так трагично! Бедный маленький мальчик. Он, должно быть, так сильно вас любил! И эти сцены в больнице, там, в конце... но затем, конечно же, все

эти сцены в квартире с ним в этой маленькой больничной кровати... Не думаю, что я когда-нибудь читала что-то похожее на эту книгу, если честно, а я прочла много книг, могу вам сказать. Что за необычайный маленький мальчик.

Я опустил глаза, взглянул на Тони, который, казалось, нервничал, когда вокруг было так много людей. Я взял его за руку, и он казался благодарным. Он подкрался ближе ко мне.

— А кто этот маленький мужчина? — спросила Гленда живым, меня-не-переубедишь голосом.

— Мы думаем взять его на попечительство, — сказал Джексон. — Может быть, и усыновим.

— А вы? — спросила она, бросая взгляд на Джексона, будто глядя на интересное насекомое.

— Это мой сын, Джексон, — заметила миссис Ледбеттер слегка оскорблённым тоном.

— Ну конечно! — произнесла Гленда.

Она тут же повернулась обратно ко мне.

— Итак, расскажите мне, Вилли — могу я называть вас Вилли?

— Это вы и делаете, — отметил я.

— Я хочу сказать, вы с юга. Не уверена, есть ли у вас... вы знаете, что я имею в виду.

— Можете звать меня мистер Кантрелл, — позволил я.

— Мистер Кантрелл, — сказала она, кивая, будто соглашаясь, что это оптимальная форма обращения. — Это правда, что вы подбираете подходящий сценарий для "Крэкового малыша"? Конечно же, получился бы замечательный фильм.

— Да, Вилли, расскажи нам о фильме, — сказала миссис Ледбеттер, затягиваясь электронной сигаретой и улыбаясь мне. Она не собиралась позволять мне упустить возможность похвастаться — или погреться в лучах славы.

— Ко мне подходили, да, — признался я. — Хотя нет ничего определённого. Это была просто идея.

— Я слышала, что Джеймс Кэмерон хочет его режиссировать, — сказала миссис Ледбеттер. — А почему бы и нет? Вся эта история как Титаник в миниатюре.

— Мам! — воскликнул Джексон.

— Ну, рано или поздно это должно было стать катастрофой, со всем этим маленьким метамфетаминовым малышом, папочкой-гомосексуалом, матерью в тюрьме, одурманенным наркотиками бойфрендом — это будешь ты, дорогой. Трагедия. Комедия. Всё одновременно. Зрители любят такие вещи. Это как наблюдать за тем, как поезд сходит с рельсов.

— Спасибо, — ответил я.

— Ох, Вилли, не скромничай. Уже все знают эту историю. И твоя семья — Господи! У них мог бы быть свой собственный сериал, с их-то поведением. "Все в семье. Часть вторая"*. И если бы перед твоим дедом поставили камеру, он был бы суперзвездой.

**Все в семье — американский комедийный телесериал.*

— Думаю, мы забегаем вперёд, — сказал я. — Мой редактор сказал, что сценарием интересовались, но ничего не решили, и я думаю, что штука с Джеймсом Кэмероном просто слух. Он определённо никогда...

— Ох, Вилли! Не будь таким скромным, — велела миссис Ледбеттер. — Ты не обязан рассказывать нам все подробности, но мы знаем, что ты что-то задумал. И я

совсем не против иметь знаменитого зятя. Интересно, кого они найдут на роль меня в фильме. Я всегда считала, что Софи Лорен подошла бы замечательно, если бы только могла нормально говорить и не звучать так, будто жуёт сушёный помидор. И я не уверена, что у нее все в порядке с грудью...

— Мама! — пробормотал Джексон.

— ...но я уверена, врачи смогли бы подтянуть эти штуки. Давайте начистоту. Её грудь просто не такая, к какой все привыкли, и уже висит до самой талии. Она действительно себя запустила. И эти губы! Я уверена, должна быть возможна операция или что-нибудь. Только бы они не выбрали Анджели Лэнсбери. Честное слово! Я не хочу, чтобы люди думали, что у меня пять подбородков. И они действительно должны нанять Роберта Редфорда на роль моего мужа. Вы видели его последний фильм? Мужчина. Лодка. Открытый океан. Два часа ничего, кроме Роберта Редфорда, мужчины, его лодки, океана. Ох, это было ужасно! Он может лучше! Думаю, он мог бы идеально сыграть Стивена, производит солидное впечатление...

— Я могу сделать фотографию, мистер Кантрелл? — спросила Гленда, волшебным образом доставая Айфон и поднимая его вверх.

— Нет, — сказал я.

— Ох, Вилли! — воскликнула миссис Ледбеттер. — Не будь таким, дорогой.

— Нет, — ответил я, — у нас посещение с ребёнком, которого мы хотим взять на попечительство. Нам нельзя публиковать его фотографии.

— Что ж, оставь сироту, дорогой, — велела миссис Ледбеттер. — Джексон, возьми своего дружка за руку.

— Мама, не называй его так!

— Я действительно не хотел бы, чтобы меня фотографировали, — сказал я, когда Джексон взял Тони за руку и передвинул его на одну сторону.

Тони недовольно заворчал.

— Ерунда! — воскликнула миссис Ледбеттер. — Ты написал книгу о своей жизни и опубликовал её, чтобы увидел весь мир. Ты, должно быть, хотел внимания — и теперь ты его получаешь. Так что наслаждайся, Вайлис! Живём только раз.

— Должно быть, для некоторых людей это облегчение, — сказал я, морщась, когда миссис Ледбеттер подкралась ко мне и улыбнулась на камеру.

Гленда сделала снимок на свой Айфон, а я чувствовал себя совершенно нелепо.

— Над чем вы сейчас работаете? — спросила Гленда, убирая телефон в маленькую сумочку и с жадностью глядя на меня.

Я нахмурился.

Я огляделся в поисках Тони, на лице которого была своего рода заинтересованная гримаса.

Ты в порядке? — прожестикнул я.

— Что это за запах? — спросила миссис Ледбеттер, разворачиваясь кругом, втягивая носом воздух, как гончая собака.

Это был запах чьих-то газов.

Было тяжело это упустить, но привлечь к этому внимание казалось довольно недобрым, даже по стандартам миссис Ледбеттер — или по их отсутствию. Я бросил взгляд на Джексона, чтобы посмотреть, он ли виновник. Он слегка наклонил голову в сторону Тони и нахмурился.

Тони нервно выкручивал руки.

"О нет", — подумал я.

На лице Тони было болезненное, огорченное выражение.

Что такое? — спросил я.

Он расплакался и поспешил прочь через море тел, поглощающих напитки и закуски.

Я последовал за ним. Я и забыл, какими быстрыми могли быть дети.

Тони бежал сломя голову по красивому ковру, задев официанта с подносом, полным бокалов шампанского. Официант опасно наклонился вправо, стараясь убраться с пути Тони. Дюжина дорогих бокалов качались и шатались.

— Тони! — воскликнул я, забывая, что он глухой, и чувствуя необходимость что-то сказать.

Раздался хор охов, когда бокалы полетели и рухнули на пол.

Тони побежал к большой лестнице, взбираясь по этим ступенькам так, будто у него на хвосте сидел дьявол.

Я мчался за ним на виду у всех гостей, зная, что на меня, должно быть, смотрят как на какого-то дикого южного мужлана.

— Тони!

На нас смотрели.

Я слышал где-то позади себя Джексона, зовущего меня по имени.

— Тони! — крикнул я, испытывая стыд, пока тяжело взбирался по мраморным ступенькам вслед за ним.

Он побежал в свою комнату, захлопнул дверь, и этот звук прозвучал как выстрел в тишине коридора. Я повернул ручку двери и встретился с неким сопротивлением, но не сильным. Тони пытался предотвратить моё преследование. Я применил силу, чтобы открыть дверь так мягко, как только мог, не желая случайно сделать ему больно.

Он сбежал к окну и, положив руки на балку, зарыдал.

Я подошёл, чтобы встать рядом с ним, уже тяжело дыша, не такой молодой, как был раньше, когда у Ноя были его маленькие срывы и он заставлял меня поволноваться.

Что такое? — прожестикнул я.

Он не смотрел на меня.

Я помахал рукой перед его лицом, чтобы привлечь его внимание, затем очень медленно положил руку на его подбородок, чтобы заставить его повернуться и посмотреть на меня.

Что? — спросил я.

Мне жаль.

Почему?

Мне жаль!

Что такое?

Он отвёл взгляд, кусая губы, вытирая глаза, находясь в полнейшем психологическом беспорядке.

Я опустил на корточки. Запах газов был довольно сильным. И это были не газы, как я понял. От него пахло, как от младенца, наполнившего подгузник. У него произошла маленькая авария.

Я приподнял брови.

У тебя проблема?

Он опустил глаза.

Я ждал, пока он повернётся, не желая его напугать, не желая его позорить, но он не поднимал на меня глаз.

Я подошёл к кровати, где оставил разложенной его одежду. Я выбрал пижамные штаны и нижнее бельё, затем вернулся к Тони. Я показал ему одежду, жестом попросив идти за мной.

Он смотрел на меня глазами, полными стыда.

Всё нормально, — сказал я. — Давай пойдём приведём тебя в порядок.

Мне жаль, мистер.

Не переживай. Всё нормально.

Я... остановиться... Я не могу.

Всё нормально.

Страшно.

Не бойся.

Страшно, мистер.

Не бойся, милый.

Но он был напуган. Так напуган, что дрожал. Я мог только представить, как другие мальчишки в доме издевались над ним.

Я присел на корточки.

Всё нормально, малыш Т. Я никому не скажу.

Плохо.

Что плохо?

Я... плохо... не хороший.

Не говори так.

Я... не хороший. Я... Плохой.

Ты не плохой.

Правда.

Нет, не правда.

Правда!

Нет. Это не правда. Ты хороший мальчик. Я это знаю.

Он покачал головой, отведя от меня взгляд.

Я подцепил пальцем его подбородок, чтобы повернуть его лицо обратно к себе, но он вздрогнул.

Нет! Ты... нет!

Прости.

Нет!

Прости, Т.

Ты! Нет! Мне. Страшно. Нет! Мне... Я говорю... Нет!

Прости, милый. Не бойся. Я тебе помогу.

Он повернулся к окну, стоял на месте, в крайней степени страдания выкручивая свои руки, будто его поймали в хватку эмоции, которые он не мог ни понять, ни контролировать.

То, как он стоял, было очень странно. Он не боролся, не убегал, не пытался сбежать. Не дрался и не убегал. Его просто что-то поймало, и он ждал, пока это что-то обрушится ему на голову. Он был крошечным человечком, на которого нацелились силы ада, или так говорило его лицо. Он будто верил, что нет абсолютно ничего, что он мог бы сделать, чтобы спастись, что любая борьба будет бессмысленной.

Вид его страдания нахлынул на меня, и я сморгнул внезапные слёзы.

В комнату ворвался Джексон.

— Вилли, какого чёрта?

Я поднял вверх руку, жестом прося его быть тихим.

— У него произошла авария? — прошептал Джексон.

Я кивнул.

— Почему он плачет?

— Я не знаю. Замолчи. А ещё лучше просто уйди и оставь нас одних. Я позабочусь об этом.

— Ты уверен?

— Думаю, он немного тебя боится, так что просто уйди. Всё будет хорошо.

— Тебе нужна моя помощь, чтобы привести его в порядок?

— Я справлюсь.

— Не забывай, что у него ВИЧ, Вилли.

— Оу, — произнёс я.

— Я должен делать что-то особое? — спросил я.

— Не совсем, — ответил он. — До тех пор, пока у него нет крови в стуле или чего-то такого. Просто будь осторожен. Я принесу пакет для его одежды.

— Её нужно стирать отдельно?

— Не совсем. Практически невозможно подхватить вирус от мочи или фекалий, но не помешает быть осторожнее. Вот и всё.

Джексон поспешил уйти.

Я помахал рукой Тони, пытаюсь привлечь его внимание. Я показал ему одежду, кивнул в сторону ванной, взгляд моих глаз говорил: "Идём. Давай приведём тебя в порядок".

Страшно.

Не бойся.

Страшно, мистер.

Не называй меня мистер. Я твой друг.

Правда?

Да. У тебя произошла авария, так что пойдём приведём тебя в порядок. Хорошо? Потом можем посмотреть телевизор или ещё что-нибудь. Для тебя этот день был долгим. Ты, должно быть, устал. Мы можем полежать и посмотреть телевизор. Тебе бы этого хотелось?

Страшно.

Не бойся, малыш Т. Я здесь, и я тебе помогу. Обещаю.

Правда?

Да.

Ты... не больно?

Сделать тебе больно? Нет. Никогда.

Ты... хороший? Хороший... мне?

Да. Я хочу тебе помочь. Я не позволю никому причинить тебе боль. Ты теперь мой друг, а друзья не позволяют причинять боль своим друзьям.

Ты... не такой... не...

Я не был уверен, что он подразумевал под этим.

Идём, малыш Т., — сказал я, вставая и протягивая руку.

Он посмотрел на мою руку, сжал губы.

Я снова жестом попросил его идти за мной.

Он не шёл.

Страшно, мистер. Страшно!

По его щекам потекли слёзы. Казалось, он только и мог сделать, что показать жестом "страшно". Он выглядел совершенно перепуганным.

Я опустился на колени перед ним, посмотрел ему в глаза, вытирая свои собственные. Я ничего не сказал, просто смотрел на него, чтобы дать понять, что мы в этом деле вместе, что бы это ни было. Я не собирался его бросать.

Ты... плакать... почему? — прожестикнул он.

Мне грустно, — ответил я.

Почему?

Я хочу, чтобы ты был счастлив, а ты не счастлив. Я хочу быть твоим другом. Я хочу тебе помочь, но ты напуган. Я тоже боюсь, малыш Т.

Почему?

Я не знаю.

Он смотрел на меня целую минуту, может, больше. Затем, очень медленно, очень осторожно, почти изящно, он протянул палец, чтобы стереть слезу с моей щеки, будто чтобы почувствовать её, посмотреть, что это такое. Он смотрел на меня, неодобрительно сжав губы.

Я медленно поднял руку, чтобы вытянуть палец и стереть несколько слезинок с его правой щеки. Затем я осторожно взял его руку в свою и пальцем нарисовал круг на его ладони, не глядя на него, пока делал это. Я нарисовал ещё один круг, очень легко, затем другой. Спустя некоторое время я поднял на него взгляд. Он с напряжением смотрел на меня. Я продолжал рисовать круги на его ладони и смотрел на него в ответ.

Не знаю, почему, но это, казалось, его успокаивало.

Я поднял указательный палец в жесте "обрати внимание". Медленно я потянулся к его лбу и нарисовал круг там, затем убрал руку. Я приподнял брови.

Хорошо?

Он кивнул.

Я нарисовал ещё один круг на его лбу, глядя ему в глаза и улыбаясь.

Он вдруг взялся за мою руку, заставил меня перевернуть руку ладонью вверх и начал рисовать свои круги. Он делал это около двух минут, может, больше. Он не смотрел на меня, занятый этим вычерчиванием кругов, будто для него это был способ найти смысл в мире. Затем он начал исследовать мою руку, водя пальцем по моим пальцам, по линиям моей ладони, по ребру моего большого пальца, видимо, не замечая запаха какашек.

В конце концов, он поднял на меня глаза.

Он был уже полностью спокоен, очень серьёзен. Он нарисовал круг на моём лбу, затем на щеке. Затем провёл пальцем по моим губам, прежде чем погладить мою бороду.

Тебе лучше? — спросил я.

Он пожал плечами.

Я встал, протянул руку и кивнул на ванную.

Он взял меня за руку.

Я повёл его в ванную, включил воду в душе, чтобы Тони мог обмыться. Я немного нервничал, кладя его грязные вещи в полиэтиленовый пакет, который оставил Джексон. Конечно, одно дело было говорить о заботе о ребёнке с ВИЧ, но совершенно другое — на самом деле это делать. Большинство повседневных действий были совершенно безвредными, я знал.

И всё же.

Я заставил его стоять под тёплым душем больше, чем он должен был, но я хотел убедиться, что он вымыт как надо. Я видел, что рубец на его правом бедре особенно натянут, что он натягивает окружающую кожу. Ему было назначена ещё серия пересадок кожи, которые он будет получать периодически, пока растёт, чтобы остальная его кожа могла расти нормальным образом. Рубец был толстым и твёрдым, и телу Тони придётся обрастать его. Повреждений было так много, что я нахмурился.

Его гениталии были совершенно другой проблемой. Потребовалось бы продолжать пластические операции, чтобы придать ему такой нормальный внешний вид, который только был возможен при данных обстоятельствах. Но что-то говорило мне, что они никогда не будут нормальными, что никакое количество пластических операций не сможет исправить то, что по сути было полностью уничтожено.

Я видел фотографии рубца в его досье, но сейчас, глядя на это собственными глазами, я чувствовал, как что-то в моём сердце заклинило. У этого ребёнка будет длинная, длинная дорога, и она вовсе не будет легкой и безболезненной.

Тони увидел, что я смотрю на рубец, и отвернулся от меня, будто стыдясь. Его спина выглядела хуже, чем перед, рубец тянулся от плеч и вниз к коленям, всё это было тёмного, красного цвета, не гладким и мягким, какой должна быть детская кожа, а жёстким и грубым.

Я развернул его, чтобы он посмотрел на меня.

Больно? — спросил я.

Он очень медленно, очень серьёзно покачал головой.

Всё не так плохо, — сказал я, стараясь приободрить его.

Я протянул банное полотенце, помог ему вытереться.

После этого, одетый в пижаму, он лёг на кровать.

Устал, — прожестикуюлировал он.

Ложись спать.

Я укрыл его стёганным одеялом, подоткнул края и лёг рядом.

Мистер?

Да?

Я...

Он нахмурился, скручивая и раскручивая руки, будто не мог вспомнить жест для того, что хотел сказать.

Я...

Что, милый?

Я не знаю. Помнить... Не могу.

Всё нормально.

Мистер?

Да?

Он смотрел на меня долгое время, но ничего не говорил. Затем потянулся, чтобы взять меня за руку, закрыл глаза и откинулся назад на подушку.

Глава 9

Просто немного дольше

— Давай, Вилли, идём в кровать, — сказал Джексон.

— Я хочу посмотреть на него ещё немного.

— Он никуда не уйдёт.

— Он может уйти с нами.

— Нам придётся получить МДЗД, — отметил он.

МДЗД означало "Межштатный договор о защите детей". Нам понадобится разрешение от обоих штатов, Массачусетс и Миссисипи, для межштатного усыновления.

— Достанем, — ответил я.

— Ты кажешься уверенным.

— Он тот самый, Джек. Он тот самый, кого мы ждали.

— Ты этого не знаешь.

— Знаю.

Я улыбаясь взглянул на Джексона. Он ответил лёгкой, терпеливой улыбкой.

— Если он тебе не нравится, — сказал я, — мы не станем этого делать. Должны быть согласны мы оба. Это наш ребёнок, а не только мой. Я знаю.

— Он мне нравится, — сказал Джексон. — Но что насчёт Амелии? Я думал, мы склонялись к ней.

— Она не нуждается в нас так, как он.

— Ну, я не уверен, дело в ребенке или...

— Ты не скажешь этого...

— ...или ты пытаешься воскресить свой опыт с Ноем.

— Ты это скажешь.

— Нам нужно поговорить об этом, Вилли.

Он упёрся руками в свои бёдра и выглядел чопорно.

— Может, ты прав, — ответил я. — Может, я ищу ещё одного Ноя. Ну и что, Джек? Ной был лучшим, что когда-либо случилось со мной. Что плохого в желании постараться вернуть что-то из этого?

— Я хочу, чтобы ты усыновил этого ребёнка, а не кого-то, кем ты можешь его считать...

— Я знаю, чего ты хочешь. Я знаю, что ты говоришь. И это не так. Ладно, конечно, Тони напоминает мне Ноя. Но ещё он очень, очень отличается. Часть динамики такая же. Неуверенность. Страх. Я понимаю эти вещи. Я могу помочь ему пройти через эти вещи. Этот мальчик нуждается во мне, Джек. В этом дело. Он нуждается в ком-то таком, как я, кто бывал там, кто знает, как ему помочь. Амелия была маленькой лапочкой, и это была любовь с первого взгляда, но она не нуждалась во мне. На неё смотрели ещё пять других пар. Кто-нибудь очень быстро её схватит. И она будет замечательной дочкой, и у неё будет замечательная жизнь. Но я хочу кого-то, кого не хочет больше никто.

— Но почему?

— Просто я такой. И не критикуй – тебе ли жаловаться, а?

— Очень смешно. Не думаю, что тебе следует переживать о том, что его хочет кто-то другой.

Он опустил взгляд на лицо Тони, сейчас расслабленное во сне.

— Давай, Вилли. Идём в кровать.

— Думаю, я просто посижу здесь ещё немного.

— Ты собираешься спать в этом кресле?

— Возможно, — признался я.

— Я принесу тебе одеяло. — Он наклонился, чтобы поцеловать меня. — Вилли?

— Да?

— Не привязывайся слишком сильно. Он нам подходит, но это не значит, что мы получим над ним опеку, не говоря уже об усыновлении. Ты это знаешь. Всё что угодно может пойти неправильно.

— И точно так же что угодно может пойти правильно.

— И это тоже.

— Этого хотел бы Ной, — сказал я.

Глава 10

Тихий

Я проснулся рано утром и обнаружил, что Тони стоял у края моего кресла, глядя на меня своими нежно-голубыми глазами, и толкал меня вытянутой рукой. Его волосы были мокрыми, и он выглядел так, будто только что оделся.

Доброе утро, — прожестикнул я, улыбаясь при виде него.

Он смотрел на меня серьёзным взглядом, не отвечая.

Как ты сегодня утром? — спросил я, садясь и потягиваясь. Сон в кресле был адом для моей спины и шеи.

Он продолжал смотреть, ничего не говоря.

Почему ты такой тихий?

Он пожал плечами.

Ты голоден?

Он указал жестом на меня.

Идём!

Я пошёл за ним в свою собственную комнату, где мы нашли Джексона, переодевающегося в костюм для бега.

— Доброе утро, красавчик, — произнёс он, улыбаясь мне.

— Вы все уже встали?

— Мы ходили плавать. Мы не собираемся проспать всю жизнь, как некоторые, кого я знаю.

— Я был уставшим, — сказал я в свою защиту.

— Вот что делает с тобой смена часовых поясов.

— Разница всего два часа!

Он улыбнулся своей беспечной улыбкой.

— Так вы налаживаете отношения? — спросил я.

— Ты не единственный заклинатель глухих детей в нашем доме, мистер Кантрелл.

— Хорошо, — ответил я. — Я рад.

— Мы позавтракали, приняли лекарства, сходили поплавать, немного сблизились. Он сказал, что ему нравятся твои волосы.

— Мои волосы?

— Думаю, твоя борода. Он говорит, что она смешная.

— Смешная?

— Он так сказал.

— Мы его ещё даже не усыновили, а вы уже объединяетесь против меня?

— Просто забегаю немного вперед. Кстати, ты, возможно, захочешь держаться подальше от моей мамы.

— Почему?

— Она сказала, что никто не обсирался в её гостиной долгое, долгое время, и она не уверена, что чувствует по этому поводу, особенно, когда там стояла журналистка из «Бостон Геральд».

— Это была случайность!

— Она была довольно зла.

— Он не мог ничего поделать!

— Ну, прямо сейчас я бы с ней не говорил.

— Я поговорю с ней, Ледбеттер. Не переживай об этом. Он не хотел этого делать. Господи, иногда твоя мама так чертовски...

Джексон усмехнулся.

— Ты думаешь, что это смешно?

— Я счастлив видеть, что могу наговорить тебе полной ахинеи, и ты всё равно клюнешь на неё, как идиот.

— Тебе везёт, что у нас гости, иначе я бы надрал твой зад янки.

— Ах, Вилли, не забывай: сейчас ты в Бостоне, малыш. Здесь местные пнут твой зад до самого Дикси. Мы сделали это однажды и сделаем снова, и в следующий раз сожжём Юг, не останавливаясь на Атланте. А теперь иди прими душ. Я умираю от желания сходить в приличный торговый центр. Тот, который есть в Тупело, больше похож на издевательство над поднятием торгового центра, а я устал ездить в Мемфис, чтобы купить одежду. Мне нужно сходить примерно в четырнадцать магазинов, плюс, я хочу попасть в буфет.

— Ты отведёшь его в кулинарию? Что он о нас подумает?

— Что мы заботящиеся о своём здоровье, престижные геи с глубокими карманами и хорошим пониманием моды, которым нравится есть хорошую еду или как минимум что-то — Боже, что угодно! — что не жарили в тридцатисантиметровом слое свиного жира? В смысле, чего большего он может хотеть?

— В твоих словах есть смысл. Я скоро.

Глава 11

Д — это Динозавр

Бостон — большой город — слишком большой для этого провинциального ребёнка из Тупело, Миссисипи, родины Элвиса, практически единственной приводящей в восторг вещи, которая когда-либо там случалась. Ну, Элвис и открытие Старбакса на главной западной улице.

Бостон вызывал клаустрофобию. Слишком много улиц, машин, перекрёстков, проходящих и уходящих людей, слишком много возвышающихся зданий, крутых дорожных склонов. Было утомительно просто смотреть на это. Дайте мне глушь, где можно потешить самолюбие, никого не задев плечом.

Я благоразумно оставил вождение Джексону и упивался достопримечательностями с Тони, который сидел на заднем сидении, разодетый в зимнее пальто, перчатки и шапку, как маленький снеговик, еще и безопасно пристёгнутый. Он вытянул шею, чтобы смотреть в окно, будто был туристом в своём собственном городе.

Тони оказался очень замкнутым, поэтому был рад сидеть отдельно ото всех и думать свои собственные мысли. Он напоминал мне человека, который не стал бы звонить пожарным, потому что не хотел никого беспокоить, даже если горел его дом. Если повезёт, мы сможем это изменить, думал я, оглядываясь на него, надеясь поймать его взгляд.

Он не обращал на меня никакого внимания.

Тёмные тяжёлые тучи угрожали завалить нас снегом, перспективу чего я находил одновременно волнующей — я никогда не попадал в настоящую метель — и довольно страшной. На земле было уже тридцать сантиметров снега, и я был удивлён, что местные жители ездили так, будто это ничего не значило.

Пока мы с Джексонном бродили по внушительных размеров торговому центру — можно было бы устроить внутри него Олимпиаду, и осталось бы место для реконструкции Вудстока* — на нас не смотрели так, как было дома, когда мы водили

Ноя в торговый центр Барнс Кроссинг, чтобы разноухать ГеймСтоп*, а затем поесть пиццы в кафетерии. Этих северян, казалось, не заботили два предполагаемых папочки, гуляющих с маленьким мальчиком.

**Вудсток — один из знаменитейших рок-фестивалей, прошедший с 15 по 18 августа 1969 года.*

**ГеймСтоп — крупнейшая розничная сеть по продаже игровых консолей, видеоигр, игровых аксессуаров и аксессуаров для PC.*

Когда мы проходили мимо книжного магазина, Тони задержался и уставился на витрину, в которой стояла огромная фигура Ти-Рекса, вырезанная из картона и рекламирующая научную книгу о динозаврах. Он смотрел на этого динозавра с раскрытым ртом, на его лице появилась глупая улыбка. Он подошёл к стеклу, приложил к нему руку, увлеченный монстром, разместившимся в витрине.

Тебе нравятся динозавры? — спросил я.

Он пожал плечами, что я начал принимать за то, что он меня не понимал, так что я попробовал снова. Я указал на вырезку Ти-Рекса.

Он тебе нравится?

Он улыбнулся от уха до уха.

Это д—и—н—о—з—а—в—р. Это жест, означающий д—и—н—о—з—а—в—р—а.

Я показал жест.

Он повторил его мне, улыбаясь.

Видишь? Я говорил, что ты умный ребёнок, разве нет? Хочешь пойти посмотреть?

Он с готовностью кивнул.

— Ты и твои книги, — с отчаянием произнёс Джексон.

Мы зашли в магазин, прямиком в детский отдел, где была большая витрина с книгами о динозаврах. Тони сел за детский столик с раскрытой перед ним книгой "Динозавры для детей", его глаза за очками были похожи на блюдца. Он пролистал книгу, остановившись на странице со стегозавром. Малыш провёл указательным пальцем по туловищу стегозавра, очерчивая его и улыбаясь.

Люблю, — прожестикуюлировал он мне. Он указал на динозавра, будто чтобы убедиться, что я понял.

Он очень красивый, — согласился я.

Люблю. Люблю. Люблю. Я... люблю!

Я улыбнулся.

Мистер?

Да?

Где... сейчас?

Динозавры исчезли, малыш Т.

Почему?

Это длинная история...

Оу.

Он опустил взгляд на стегозавра и начал снова водить по нему пальцем, с тоскующим, грустным выражением лица. В конце концов, он перевернул страницу и нашёл эотирана. Он усмехнулся над тем, как глупо, но очаровательно тот выглядел. Тони был так захвачен просмотром картинок, что, кажется, не замечал ничего другого. Он перебирал страницы, время от времени останавливаясь, расправляя свои маленькие ручки на странице, улыбаясь, усмехаясь, очерчивая контуры разных изображённых динозавров. Почти тридцать минут он сидел на месте, полностью в своём собственном

маленьком мире. Время от времени он поднимал взгляд на меня, улыбаясь, указывая на динозавра, который ему понравился.

Тебе нравится эта книга? — спросил я.

Она дорогая, — сразу же ответил он, и я был удивлён, что он знает это слово и, видимо, знает очень хорошо.

Не бери в голову, — сказал я. — *Мы купим её тебе.*

Правда?

Он казался поражённым.

Правда, — прожестикуюлировал я.

Правда? — снова спросил он, будто не мог мне поверить.

Мы хотим, чтобы она у тебя была.

У меня?

Да, у тебя.

Он закусил губу и посмотрел на меня очень открыто.

Почему?

Мы хотим, чтобы ты был счастлив.

Я?

Да, ты. Малыш Т.

Он, казалось, не знал, как это понять, будто ощущение, что кто-то другой хочет ему счастья, было совершенно Тони чуждо.

Почему? — спросил он, пытаясь разгадать.

Я хотел сказать, что все дети заслуживают быть счастливыми, или что-то такое, но знал, что он не поймёт.

Мы любим тебя, — сказал я, выбрав прямой метод. — *Мы хотим, чтобы ты был счастлив. Я и Д—ж—е—к... мы оба хотим, чтобы ты был счастлив. Мы хотим быть твоей семьёй. Твоя семья — это люди, которые любят тебя и хотят заботиться о тебе, хотят тебе счастья. Ты понимаешь?*

У меня нет семьи.

Поэтому мы хотели познакомиться с тобой. Может быть, мы могли бы быть твоей семьёй...

Вы?

Да.

Вы хотите быть моей семьёй?

Да.

Почему?

У нас был маленький мальчик, похожий на тебя. Мы скучаем по нему. Мы хотим снова иметь семью, поэтому искали кого-то вроде тебя.

Правда?

Правда.

Никто меня не хочет.

Мы хотим.

Но никто меня не хочет. Я... не хороший.

Ты хороший, сладкий.

Я... не хороший. К. сказал, что я тупой.

Ты не тупой.

Но К. сказал, что я тупой.

Это не правда.

Он пролистал больше страниц, теперь останавливаясь и снова глядя на динозавров. Тони казался обеспокоенным.

Джексон, который ушёл бродить по магазину, вернулся с последним романом Стивена Кинга.

— Серьёзно? — спросил я, глядя на обложку.

— Ты в стране Стивена Кинга, мальчик. Следи за языком, иначе в твоём лице может застрять бензопила.

— Вы, янки, такие злые.

— И не забывай об этом. Тони, кажется, нравится эта книга.

— Он любит динозавров.

— Это хорошо — у него будет двое из них в качестве пап.

— Говори за себя, ушлёпкозавр.

— Не уверен, что это вид динозавра. И давай начистоту. Мы в таком возрасте, когда везение означает способность найти нашу машину на парковке.

— Мы не настолько старые!

— Нам пора идти. Снег пошёл.

— Серьёзно?

— Здесь да. Мне придётся заняться шоппингом позже — не хочу, чтобы мы застряли в дороге. О, и, Вилли?

— Да?

— Думаю, это первый раз, когда мы зашли в книжный магазин, и ты не пошёл сразу же посмотреть, есть ли у них на полках твои книги. Я тобой горжусь.

— Я шёл к этому.

— Что ж, поторопись. Я не хочу рассказывать этой Хизер Дюпорт, что мы застряли на обочине в снегопад. Она подумает, что мы безответственные. Снег должен был начаться позже, но в Бостоне никогда не знаешь наверняка.

Я улыбнулся Тони.

Нам нужно идти. Давай заплатим за твою книгу.

Он с гордостью отнёс её к кассе и взглянул на кассира из-за края прилавка, пока тот проводил книгу через сканер.

— Дети любят динозавров, — наблюдательно отметил кассир, посылая мне улыбку. Ему было двадцать с чем-то, и он был всячески мил.

— Я сам был больше любителем "Черепашек ниндзя", — ответил я.

— Он ваш? — спросил мужчина, взглянув на нас с Джексоном, а затем на Тони.

— Надеюсь на это, — ответил я. — Или это, или нас арестуют за похищение.

— Оу.

Пока мы шли к выходу, я заметил фотобудку.

— Идём, — сказал я Джексону.

— Вилли, нам пора идти!

— Уйдём, но сначала сделаем фотографии нашего первого дня. Как мы делали с Ноем в торговом центре.

— Хорошо, но давай быстро.

Мы поспешили к фотобудке. Тони никогда не был в такой, не знал, что это. Мы столпились внутри. Я сел на стул с Тони на коленях, а Джек втиснулся за мной. Мы соорудили глупые рожицы, пока аппарат щёлкал четыре раза. Снаружи мы забрали две полоски фотографий и рассмотрели их.

Тони очень серьёзно смотрел на полоску, которую я ему протянул.

Он казался удивлённым.

Он поднял взгляд на меня с огромной улыбкой на губах.

Оставь её себе, — сказал я, жестом показывая ему положить полоску в карман.

Глава 12

Дует холодный ветер

Снег падал с головокружительным изобилием, пока мы ехали обратно к резиденции Ледбеттеров в субботнем дневном движении Бостона.

— Вот, что мне нравится, — счастливо произнёс Джексон, глядя в лобовое стекло и улыбаясь.

Это было великолепно.

Время от времени в Миссисипи шёл снег, но совершенно иначе, и мы определённо не были достаточно глупыми, чтобы выходить или ездить при этом на машинах.

Джексон был беспечным.

— Может, тебе следует ехать помедленнее, — предложил я.

— Расслабься, Кантрелл. Я знаю, что делаю.

— Еще не хватало попасть в аварию, пока он в машине.

— Мы не попадём в аварию. И кстати, я видел, что ты флиртуешь с тем кассиром.

— Я не флиртовал!

— Он ваш? «Надеюсь на это! Или это, или нас арестуют за похищение!» Ты так заигрывал с ним!

— Не правда!

— Я не вчера родился.

— А ведёшь себя ты так, будто вчера.

— Он точно тебя разглядывал, и ты улыбался и пичкал его этой скромностью в стиле "я просто деревенский мальчик". Я удивлён, что ты не дал ему свой номер телефона.

— Я бы никогда этого не сделал!

— Сделал бы.

— Не тогда, когда ты стоял там же. Я бы подождал и вернулся, когда тебя не было бы рядом.

— Видишь? Ты точно его разглядывал!

— Он был вроде как милым.

— И слишком плохо, что у нас были свадебные клятвы, хах?

— Ну, ты говорил "в горе и в радости".

— Почему ты это делаешь?

— Что делаю?

— Почему тебе обязательно со всеми флиртовать? Мужчина или женщина, есть ли у этого половые органы, ты будешь с этим флиртовать. Это какая-то южная штука, которую я так и не смог понять. Ты не можешь держать свой член в штанах?

— Ладно, — ответил я, начиная немного беспокоиться, не уверенный, шутим мы или... что.

— Ты всегда так делаешь!

— Где мы сейчас, Ледбеттер?

— Ты! — воскликнул он.

— Что я?

— Ты! — снова произнёс он, бросив на меня взгляд.

Затем он разразился улыбкой.

— Почему ты улыбаешься?

— Это второй раз, когда я тебя облапошил. Теперь это слишком легко. Мне придётся попробовать что-нибудь другое.

— Значит, ты дурачишь меня?

— Ты попался.

— Подумать только, тебе почти сорок.

— Мне не почти сорок! Упаси Бог! Мне никогда не будет сорок. Ты меня слышишь? Никогда.

— Продолжай мечтать.

— Я не мечтаю, — пообещал он. — Я подам в суд.

— Если ты захочешь сделать сразу несколько дел, когда тебе будет сорок, тебе придётся чихнуть и обмочиться одновременно, и самое важное, о чём тебе придётся переживать — это помнить надеть трусы, когда выходишь за дверь. Сложно?

— Вовсе не сложно, когда у тебя в мужьях мужчина помоложе, но мне это не помогает. Когда мне исполнится сорок, тебе будет почти сорок пять. Ты будешь получать в аптеке скидки для пенсионеров, когда пойдёшь туда покупать себе подгузники для взрослых — и если ты думаешь, что я буду покупать тебе эти чёртовы штуки, ты просто себя обманываешь.

— Спасибо.

— Это мило.

— Оскорблять меня мило?

— И это тоже. Но... Я имею в виду. Это. Ты и я. Дурачимся. Веселимся, как раньше. Это мило, Вилли. Знаешь, прошло много времени.

— Не превращайся в размазню, Ледбеттер. Ты знаешь, что я это ненавижу.

— Ну, мне очень жаль твои драгоценные чувства, но серьёзно. Это мило. Я некоторое время не думал, что мы не вернемся к этому.

— Не напоминай.

— Ты делаешь то, что делаешь всегда, то есть отталкиваешь людей, которые тебя любят.

— А ты как сифилис, просто так не исчезнешь.

Он рассмеялся.

Я думал, что это и правда было мило, хотя не признался бы ему в этом. Смерть Ноя была ужасной вещью, и над нами воцарилась тишина и холодность. Или, возможно, они воцарились надо мной. Некоторое время было тяжело поверить, что может продолжаться хоть какая-то жизнь, не говоря уже о счастливой.

— Он тот самый, — сказал я, поворачиваясь посмотреть на Джексона, восхищаясь его гладко выбритым лицом. — Я серьёзно, Джек. Он тот самый.

Я бросил взгляд на заднее сидение и увидел, что Тони смотрит на снег и улыбается.

— Я надеюсь на это, — осторожно произнёс Джексон.

— Я знаю это, — ответил я. — Когда я смотрю ему в глаза, то вижу, что там кто-то пытается дотянуться до меня, пытается найти меня, пытается связаться. Наверное, в его жизни никогда не было никого такого. Но он старается. Он напуган, но старается.

— Думаю, ты позволяешь своему писательскому воображению взять тебя в плен.

— Может быть, — признался я. — Но когда мы усыновим его, его имя будет Тони Кантрелл-Ледбеттер.

— Ни за что, Хосе! — огрызнулся Джексон. — Его будут звать Тони Ледбеттер-Кантрелл.

— Продолжай мечтать.

— Что ж, я полагаю, что пока он счастлив, его имя не имеет значения.

— Ты знаешь, когда проигрываешь. Мне это нравится.

— Я не понимаю, почему у него вообще должна быть твоя фамилия. Он должен быть Тони Ледбеттер. Звучит хорошо.

— Да, пахивает Однопроцентниками.

— Его прадед был сенатором. Хотелось бы мне посмотреть, как ты это обыграешь.

— Политик? Не моё представление престижа. Они все кучка шлюх.

— Дедуля не был шлюхой!

— А вот и был. Присасывался к сиськам Рокфеллера, как они все!

— Он даже не знал Рокфеллеров.

— Ох, они все одинаковые.

— Посмотри на себя, Кантрелл. Ты маленький фанатик. Митт Ромни был прав, политика — предмет зависти.

— Мы могли бы, пожалуйста, не говорить о таких мертвецки бледных кошмарах, как Митт Ромни?

— Он был здесь губернатором.

— И у меня яйца подпрыгивают в мошонке каждый раз, когда мы пересекаем границу штата.

— Он был на самом деле приятным парнем.

— Кто ещё заметит, что все местные деревья растут справа?

Пока мы говорили, снег пошёл ещё сильнее, снежинки были огромными и большими, ударяясь о лобовое стекло. Джексону приходилось включать дворники, чтобы очистить их.

— Почему мы замедляемся? — спросил я.

— Город большой. Мы так делаем.

— Нам нужно попасть домой.

— И мы попадём... возможно.

— Что это значит?

— Думаю, там впереди заглохла машина. Обычно именно это и происходит, когда движение так замедляется. Может быть, машина съехала с дороги.

— Мы можем развернуться?

— Ты видишь все эти машины за нами?

Я выглянул в заднее стекло, нахмурившись. Нас зажал длинный ряд машин на односторонней дороге. Теперь движение затормозилось.

— Насколько это далеко? — спросил я.

— У нас впереди добрых двадцать минут.

— Что, если мы здесь застрянем?

— Ты никогда не застревал в снежной буре?

— Господи, нет!

— Ох, всё не так плохо.

— Я не вернусь в тот приют и не скажу той директрисе-нацистке, что мы застряли в снежной буре. Они подумают, что мы пара деревенщин из лесной глуши.

— Но мы и есть пара деревенщин из лесной глуши, Кантрелл.

— Я думал, твой дедуля был сенатором!

— Мы должны были выехать раньше. Ты был слишком занят, флиртуя с тем кассиром.

— Ох, не правда!

— Мы могли бы уже быть дома, если бы ты не застрял там в попытке найти способ оставить ему свой номер телефона.

— Я оставлю номер тебе, Ледбеттер. Нам нужно попасть домой.

— О, серьёзно? Ладно. Отлично. Я выйду и просто растолкаю эти машины с нашего пути.

— Ты тренируешься, сладкий, но недостаточно.

— Я не знаю, чего ты от меня ожидаешь.

— Я не хочу застрять в буре, когда он в машине. Они подумают, что мы пара идиотов!

— Ох, расслабься. Что худшее может произойти?

— Мы можем умереть от обморожения?

— Маловероятно.

— Нас могут изнасиловать и ограбить, когда мы попытаемся дойти до дома?

— Ты говоришь о Вашингтоне.

— Мы можем продемонстрировать свои паршивые родительские навыки каждому приюту на Восточном побережье?

— Без сомнений, они отправят твит об этом и оповестят весь мир.

— Это серьёзно! Я не шучу! Мы не можем просто сидеть здесь.

— Ну, прямо сейчас это всё, что мы можем делать. Уверен, ничего страшного.

— Знаешь, каждый раз, когда ты говоришь: "Уверен, ничего страшного", происходит что-то из ряда вон выходящее. Ты будто проклят.

— Ты расслабишься? Честное Рождество!

— Рождество наступит к тому времени, как мы попадём домой.

Снег уже падал с такой силой, что я едва мог видеть что-то на расстоянии нескольких метров впереди машины.

— Вилли? — тихо произнёс Джексон.

— Что? — требовательно спросил я.

— Уверен, ничего страшного, но, думаю, у нас может быть проблема.

Глава 13

Долгий путь домой

Пока Тони сидел у меня на руках, мы начали путь, метель только ослепляла нас.

Я был удивлён — «напуган» было более правильным словом — тому, с каким ожесточением начал падать снег, и как быстро. Нет необходимости говорить, что я никогда не испытывал ничего подобного в Миссисипи.

Тони казался ошеломлённым и всё же странно спокойным, цепляясь за меня. Его дыхание формировало маленькие облачка пара, пока мы шли. Меня ужасала мысль, что он простудится и заболеет. Ещё хуже, мы не подумали взять его лекарства, а я не хотел нарушать график их приёма.

Это будет выглядеть очень плохо в глазах Хизер Дюпорт.

— Всего пять километров, — защищаясь сказал Джексон, пока мы шли вслед за другими, кто бросил свои машины.

— Я не хочу, чтобы он заболел!

Джексон остановился, поправил шарф Тони, чтобы тот прикрывал его нос и рот.

Тебе холодно? — прожестикულიровал Джексон.

Тони пожал плечами, будто это не имело значения. Он, казалось, наслаждался этим маленьким приключением.

— Мы должны донести его домой, — воскликнул я.

Не потрудившись ответить, Джексон снова пошёл вперёд, и я следовал по его шагам, вздрагивая, злясь и пребывая не в духе.

Добравшись до конца квартала, мы увидели, что чья-то машина блокировала нашу улицу, видимо, водитель потерял управление. Две другие машины врезались в неё сзади, заставляя всех на этом перекрёстке остановиться. Те, кто мог объехать это, объезжали; остальные сидели в своих машинах или выходили и шли пешком. Снег быстро собирался в сугробы, и дул ветер, холод которого превращал влагу и слякоть на дорогах в лёд.

— Не похоже, что кто-то был ранен, — сказал Джексон.

— Это хорошо.

— Я не это имел в виду. Если никто не ранен, то расчищать это не обязательно сразу. Наверное, сейчас много пробок. Это может затянуться.

— И что мы будем делать?

— Идти, — сказал он, поворачивая направо на перекрёстке и уходя прочь.

Я поспешил за ним, сжимая Тони, чувствуя себя не в своей тарелке.

Бостон был отличным и всё такое, но мне не нравилось ходить по улицам, не во время бушующей метели и с ребёнком на руках.

Тони смотрел на меня, улыбаясь глазами. Он, казалось, отлично проводил время. Я улыбнулся в ответ. Он захихикал. Он сжимал свою книгу о динозаврах, настоял, чтобы мы её взяли. Я огляделся вокруг на сильный снегопад, приподняв брови, будто чтобы сказать: "Что ж, не всё так плохо". Он тоже огляделся вокруг, затем повернулся обратно ко мне, пристально глядя на меня. Я снова приподнял брови, пожав плечами.

Ты в порядке?

Он кивнул.

В конце следующего квартала было хоть какое-то движение. Джексон подошёл к сверкающему белому внедорожнику, который ждал на светофоре, указывая на меня и Тони.

Стекло опустилось, открывая вид на пожилого мужчину в костюме и дорогой парке.

— Нам нужно доставить его домой, чтобы он мог принять лекарства, — сказал Джексон. — Вы можете помочь? Нас заблокировали.

— Куда вы направлялись? — спросил мужчина.

— Бикон-Хилл, — ответил Джексон. — Это недалеко. Пожалуйста? У нас нет другого выхода, мистер. Я могу заплатить.

— В этом нет надобности, молодой человек. Почему бы вам не забраться на заднее сидение? Только уберите там вещи в сторону.

Джексон открыл заднюю дверь, отодвинул какие-то документы, отчёты и продукты, и мы забрались внутрь, благодарные за тепло.

— Мы ценим вашу отзывчивость, — сказал Джексон. — Вы, должно быть, запаслись едой.

— Знаете, как бывает, — заметил мужчина, глядя на нас в зеркало заднего вида. — Мне позвонила жена, сказала захватить кое-какие продукты. Честно говоря, радует любое оправдание, чтобы не ехать домой к этой женщине. Ты сказал Бикон-Хилл?

— Это прямо за площадью Луисбурга.

— Хороший район.

— Ага, — отчасти равнодушно ответил Джексон.

— Он ваш? — спросил мужчина, снова глядя на нас в зеркало.

— Мы за ним присматриваем, — сказал Джексон. Он никогда не был любителем обсуждать личные дела с незнакомцами.

Мужчина продолжал поглядывать на нас в зеркало, будто пытаясь решить, вместе мы, или, возможно, братья, или соседи, или...

— Он на лекарствах?

- Да, — без дальнейших объяснений ответил Джексон.
- Буря налетела внезапно, — наблюдательно отметил мужчина. — Видимо, застала многих людей врасплох.
- Видимо, — согласился Джексон.
- Он не разговорчивый, — заметил мужчина, бросая взгляд на Тони.
- Он глухой, — сказал Джексон.
- Оу. Бедняга. Если бы эти чёртовы дураки умели водить или знали, как оставаться дома, то не мешались бы на дорогах.
- Не могу не согласиться, — ответил Джексон. — Где вы живёте?
- Ну, я работаю в Капитолии штата, но живу в Ривьере. У меня конец рабочего дня.
- Так значит, вам совсем не по пути...
- Всё нормально. Я не спросил твоё имя.
- Джексон Ледбеттер, сэр. Это Вилли, а мальчика зовут Тони.
- Приятно с вами познакомиться. Ты сказал Ледбеттер?
- Да, сэр.
- Я слышал эту фамилию раз или два в Капитолии.
- Могу представить, — ответил Джексон. Он не вдавался в подробности.
- Ты как-то связан с Юнис Ледбеттер?
- Она моя мать.
- Правда? Мир тесен, да?
- Вы знаете мою маму?
- Господи, сынок, все знают твою мать.
- Правда?
- Правда, сынок, — с улыбкой сказал он.
- Мы не узнали ваше имя, сэр.
- Уоллес Фордхейм, — сказал он, поднимая взгляд в зеркало, будто чтобы посмотреть, узнали ли мы это сочетание.
- Джексон неуверенно нахмурился.
- Кажется, я должен знать это имя, — признался он после долгой паузы.
- Раз уж я ваш представитель штата, это было бы неплохо, — с лёгкой улыбкой сказал мужчина.
- Ох, верно, — воскликнул Джексон. — Вы должны меня простить. Я больше не живу в Бостоне. Я просто в гостях. Не слежу за новостями так, как раньше. Я увидел правительственные знаки на вашей машине, поэтому попросил помочь. Я не понял...
- Всё нормально, сынок. Я всё равно был на пути домой. Передай своей маме, что Уоллес Фордхейм сказал "да".
- Что это значит?
- Она поймёт. Ей палец в рот не клади. Я тебе это расскажу, но тебе, вероятно, это не нужно. Она глава комитета по сбору средств для одного предстоящего благотворительного вечера. Или... не важно. Она занимается этим годами. Когда эта женщина чего-то хочет, то не оставляет другим выбора.
- Это уж точно, — согласился Джексон.
- Но передай ей, что Уоллес Фордхейм сказал "да". Думаю, ты тот мальчик-гей, который сбежал в Миссисипи и вышел замуж.
- Прощу прощения?
- Твоя мама заставила меня сидеть и смотреть фотографии вашей свадьбы, сынок. Как я сказал, когда она чего-то хочет, она это получает, и не принимает "нет" за ответ, и ей плевать, насколько ты занят.
- Она показала вам фотографии нашей свадьбы?

— Именно. Это была часть её презентации. Прогрессивные бостонские ценности. Или... не важно. Но если я правильно помню, она сказала, что ваш маленький мальчик умер. Но, кажется, это было довольно давно. Она каждый год приходит в мой кабинет, выкладывая каждую последнюю маленькую подробность. Эта женщина собрала много денег для моей кампании, так что я не могу её обидеть, но она урвёт свой кусок. Было жаль услышать о вашем мальчике.

— Спасибо, — ответил Джексон.

Мужчина сделал паузу, будто ожидая, что Джексон объяснит, кто такой Тони.

— Вы делаете нам огромное одолжение, — сказал Джексон, садясь прямо в своём сидении. — Мы думаем о попечительстве и, может быть, усыновлении Тони. У нас сейчас посещение на выходные. Снег начался раньше, чем я ожидал, и мы застряли. Не подумали взять с собой лекарства Тони. Мы безусловно ценим вашу помощь. На самом деле, мы отчасти смущены.

— Не бери в голову, — сказал мужчина. — Погода непредсказуема. Вот и всё.

Когда мы свернули на улицу Джексона, всё стало выглядеть знакомым, по крайней мере то, что я мог разглядеть во время снегопада.

— Сэр, вы действительно должны зайти и поздороваться с мамой. Для неё это будет честью.

— Что ж, сынок, я бы с радостью, но...

— Нет, пожалуйста, — настаивал Джексон. — Вам не обязательно оставаться, но она была бы рада.

— Что ж, эта женщина многое для меня сделала.

— В любом случае, вы можете не захотеть ездить в такой шторм, — добавил Джексон. — Вы могли бы переждать, пока он не пройдёт. Она не будет возражать.

— Мне и правда предстоит еще долгий путь, — признал мужчина.

— Это меньшее, что мы можем сделать, — сказал Джексон.

Глава 14

Твои волосы такие специально?

— Давайте пройдем в гостиную, — сказала миссис Ледбеттер. — Конгрессмен, я возьму ваше пальто. Мальчики, идите, и возьмите своего друга.

— Он не наш дружок, мама. Иисусе!

— Хорошо, — сказала она. — Отведи моего будущего внука в гостиную, будь добр, Джеки. И ты никогда не угадаешь, кто зашёл повидаться с тобой.

— Кто? — с подозрением спросил Джексон.

— Он ждёт в гостиной. Я сказала ему, что ты скоро вернёшься. Это молодой человек, с которым ты раньше встречался. Думаю, его зовут Мак. Живёт на другой стороне Хилл. Его отец управляет корпорацией «Троноко», что бы это ни было. Химикаты. Металлы. Бог знает. Он генеральный директор.

Джексон бросил на меня обеспокоенный взгляд, будто пытаясь определить, помню ли я, кто такой Мак.

Боже, я помнил. Как я мог забыть? Что-то в моём животе затянулось в узел.

— Идёмте, конгрессмен, — сказала миссис Ледбеттер, показывая дорогу в дом.

— Юнис, это очень мило с вашей стороны, — сказал Фордхейм.

— Ерунда! — воскликнула она. — Если нас занесёт снегом, я не могла бы выбрать мужчину краше, чтобы застрять с ним в метель. Мы можем обсудить ваше возражение против легализации марихуаны. Я действительно думаю, что вы должны

передумать. Не то чтобы я когда-нибудь курила эту дрянь, но я бы лучше смотрела, как наша молодёжь обкуривается и хихикает над мультиками, чем пьёт и убивает людей, садясь за руль. Вы не согласны? Что уж говорить о лекарственной ценности — я думаю, вы сразу всё поймете, конгрессмен. Мне бы хотелось думать, что в этой части мира тоже прогрессивные люди.

Она скользнула в гостиную.

Там, в удобном кресле у огня, сидел ухоженный джентльмен, который был одет очень модно и выглядел так, будто не прошло и дня с его двадцатипятилетия.

Мак.

— Мы пойдем, примем лекарства, — сказал я, беря Тони за руку.

— Позволь мне сначала тебя представить, — натянутым голосом произнёс Джексон, ведя нас по персидскому ковру. — Мак! Я удивлен, увидеть тебя. Это Вилли. Вилли, это Мак.

— Очень рад, — ответил Мак.

Я пожал ему руку.

— Твои волосы, — добавил он, глядя на меня, — они такие специально?

— Прошу прощения? — ответил я.

— О, Джексон, — сказал он, поворачиваясь к Джексону, делая вид, что меня здесь нет, — я слышал, что ты уехал в глушь, но не думал, что ты зашёл так далеко.

— Веди себя прилично, Мак, — сказал Джексон, нахмурившись.

— Он снимается в новой версии мюзикла "Иисус Христос — суперзвезда"? — спросил Мак, глядя на меня и улыбаясь.

— Мы снимаем ремейк "У холмов есть глаза", — парировал я. — Ищем какого-нибудь высокомерного бостонского слизняка, на котором опробуем бензопилу. Хочешь на пробы?

— Боже правый, послушай, как он говорит! Мне это нравится. Джексон, старый ты развратник, ты меня убиваешь!

— Что ж, я оставляю вас двоих навестать упущенное, девочки, — сказал я, беря Тони за руку и уводя его прочь.

Глава 15

Ты готов?

— Нам нужно принять лекарства, — сказал я Лидии на кухне, помещение которой занимало много пространства и выглядело очень стерильно. Она напоминала мне операционную со всеми этими блестящими металлическими поверхностями.

— Оу? — произнесла Лидия, приподнимая брови и бросая взгляд на Тони.

— У него ВИЧ, — объяснил я.

— Я могу вам что-нибудь принести, мистер Кантрелл?

— Нам нужен только стакан воды, может, немного яблочного пюре. Вы не обязаны называть меня мистер Кантрелл.

— Трудно изменить старые привычки. Миссис Ледбеттер не нравится, когда я веду себя слишком фамильярно с гостями.

Лидия была старым человеком в доме Ледбеттеров, готовила для них много лет. Она была не совсем прислугой и не совсем кем-то другим. Эта пожилая белая женщина Лидия практически воспитала Джексона. Всякий раз, когда он нуждался в ком-то, кто его действительно выслушает, он шёл на кухню. Лидия не была горничной

или медсестрой, но, казалось, играла много ролей в доме Ледбеттеров, хотя я редко видел её где-либо, кроме кухни.

— Ланч будет готов через десять минут, — заметила Лидия.

— Он должен принять некоторые лекарства перед ланчем, а затем некоторые после.

Я взглянул на довольно сложные инструкции и нахмурился. Пропустив дозу или не принимая таблетки в одно и то же время каждый день, Тони мог стать устойчив к антиретровирусам. Так как он был старше, теперь он принимал определённое сочетание доз вместо того, чтобы принимать все лекарства отдельно, так что было ещё важнее придерживаться графика, без отклонений. Но всё же. Было много таблеток и жидкостей, три раза в день, как по часам.

Тони посмотрел на таблетницу, которую я держал в руке, и закусил губу. Хизер сказала, что заставить его принять лекарства — изнурительное дело.

— Он кажется милым мальчиком, — сказала Лидия, улыбаясь нам со стороны стола, где резала помидоры для салата.

— Так и есть, — ответил я, вливая одно из жидких лекарств в маленькую тарелочку яблочного пюре.

— Я так счастлива, что Джеки нашёл вас, мистер Кантрелл, но я вам уже сто раз это говорила, не так ли?

— Мило с вашей стороны это повторять.

— Боже правый, этот мальчишка, пока рос, был чистым наказанием. Задавал своей матери головомойку, могу вам сказать. Но он был таким милым. Тяжело поверить, что он замужний мужчина и усыновляет детей. Никогда не думала, что увижу этот день. Было печально видеть, как он переезжает, но я была и рада. Перемены могут быть хорошими. Свежий воздух. Новые мысли. Новые идеи. Новые люди. Долой старое, даёшь новое. Конечно, я не должна говорить это слишком громко, ведь я сама принадлежу к тем старым вещам, от которых могут избавиться.

— Они никогда не избавятся от вас, Лидия. Они все умрут от голода. Я даже не уверен, знает ли Джек, как вскипятить воду, не говоря уже о том, чтобы что-то приготовить.

Она гортанно рассмеялась.

Готов? — прожестикнул я Тони, указывая на таблетки, которые положил на тумбочку.

Он опустил глаза. Он по-прежнему сжимал свою книгу о динозаврах. Сейчас он положил её на тумбочку, при этом хмурясь.

Я протянул ему стакан воды, и он сделал глоток. Медленно, послушно, он положил таблетки в рот и проглотил их, всё время гримасничая и вздыхая.

— Мне следует достать для него что-нибудь особенное? — спросила Лидия. — Картошку фри? Что-нибудь, чтобы убедиться, что он поест? Ему не нужно принимать лекарства на пустой желудок. Это уж я знаю.

— Можно что-нибудь, — согласился я. — В его досье говорится, что он любит сэндвичи с арахисовым маслом и желе. Не то чтобы у вас в этом доме было арахисовое масло и желе.

— О, у нас в этом доме много чего есть, мистер Кантрелл.

Выбор еды за столом Ледбеттеров всегда был недостаточно большим и не совсем таким, какой понравился бы семилетнему ребёнку. И я был уверен, что миссис Ледбеттер скорее умрёт, чем подаст сэндвич с арахисовым маслом и желе.

— Не переживайте, мистер Кантрелл, — сказала Лидия. — Я знаю как раз то, что нужно.

— Спасибо, Лидия.

Тони прижал руку к груди, будто ему было трудно проглотить лекарства.

Ты в порядке? — спросил я.

Он пожал плечами, потирая грудь.

Я опустил на корточки, потёр за него его грудь, а он смотрел на меня, пока я это делал.

Лучше? — спросил я.

Он кивнул.

Как только таблетки проскользнули, я дал ему тарелку яблочного пюре, которое он послушно отправлял ложками в рот. Хизер сказала смешивать лекарство с яблочным пюре или с мороженым — с чем угодно, чтобы унять горький, неприятный вкус.

В Тони было что-то взрослое, что-то серьёзное и зрелое, особенно в его глазах и в той спокойной манере, с которой тот держался. Это резко контрастировало с его телом, которое казалось истощавшим и недоразвитым. Хизер сказала, что антиретровирусы оказывают такой эффект на некоторых детей — они препятствовали росту, как и развитию речи, распознаванию слов. Ещё они портили плотность костей, увеличивали риск переломов и так далее.

Хочешь пойти посмотреть на снег? — спросил я, когда он закончил с яблочным пюре.

Он улыбнулся.

— Мы пойдем, посмотрим на снег, — сказал я Лидии, направляясь к заднему входу на другой стороне кухни.

— Там холодно, мистер Кантрелл. Не держите его на улице слишком долго.

— Мы всего на минутку.

Мы вышли через заднюю дверь на кухне, которая выходила на крытое крыльцо с маленькой парковкой для фургонов доставки. Снег уже падал вёдрами, укрывая парковку, две припаркованные там машины, вздымался и проходил порывами сквозь ветки деревьев на землю, образуя огромные сугробы, которые ветер раздувал вокруг.

Это было прекрасное, увлекательное зрелище.

Тони подошёл к краю крыльца и вытянул руку, глядя, как снежинки падают на его ладони и исчезают.

Но через минуту мы с ним замерзли, поэтому поторопились обратно на кухню.

Глава 16

Заваленные снегом

К тому времени, как закончился ланч, нас завалило снегом.

Для меня это было впервые, и я таки гордился собой. Никого в моей семье никогда не заваливало снегом. Не так. Мы с Тони сидели у эркерного окна, наблюдая, как падает и кружится перед домом Ледбеттеров снег. Темнеющее небо выглядело пугающе. Мы усмехнулись друг другу, взгромоздившись на выступ под огромными окнами и наслаждаясь выпавшим нам шансом.

Мистер и миссис Ледбеттер сидели у камина с конгрессменом Фордхеймом, безжалостно зудя ему на ухо, чем без остановки занимались за ланчем. Я не думал, что осталась хоть какая-то проблема в местном руководстве, на которую они не пожаловались.

В нашу сторону направились Джексон и Мак, Джек потягивал воду из бутылки, а Мак попивал мартини.

— Значит, вы собираетесь его усыновить? — спросил Мак, его тон был отягощен скептицизмом.

— Да, — ответил Джексон.

— Я никогда не представлял тебя отцом, Джеки, но, полагаю, дети удобны, когда нужно вычистить бассейн.

— Не мог бы ты этого не делать? — произнёс я.

— Не делать что? — чопорным голосом спросил Мак.

— Не идеваться над усыновлёнными детьми. Я знаю, ты считаешь это забавным, в стиле ха-ха-ха, но ты говоришь как мудака, и я не думаю, что это круто.

— Что ж, прошу меня простить.

— Заткни свою варезку, и я подумаю над этим.

— О, он агрессивный! Мы знаем, кто хозяин в этих отношениях, да, Джеки? Я всегда знал, что тебе нравится быть снизу. Представляю, это похоже на то, будто тебя трахает один из тех парней из "Утиной династии".

— Тебе действительно нужно научиться себя вести, — страдальческим тоном произнёс Джексон.

— Мы все знаем, что этого не будет. И если хорошо себя вести, значит подтирать чьи-то лужи, думаю, я пас.

Джексон неуверенно рассмеялся.

Я нахмурился.

Что-то в этом парне серьёзно меня раздражало. Конечно, это Мак втянул Джексона в наркотики, когда они встречались. Я и сам баловался наркотой в дни молодости. Но в отличие от Джексона, у меня не развилась зависимость.

Дело не только в этом.

Мак, казалось, считал, что находится на съёмках фильма, каждая его фраза была создана для того, чтобы вызвать смех или хихиканье, будто камеры записывали каждый момент его жизни для будущих поколений. Ещё он был ужасным снобом, и раз он так хорошо выглядел и был богат, это сходило ему с рук.

«Ты ревнуешь», — вдруг подумал я.

«Кто, я, ревную? Ни за что!»

«Ты ревнуешь».

«Хорошо. Может быть, чуть-чуть».

«Ты ревнуешь».

«Да, ну и что?»

— Значит, маленькому баребуху нравятся динозавры? — спросил Мак, будто чтобы завязать разговор.

— Маленькому баребуху? — повторил я. — Ты можешь просто помолчать? А если собираешься говорить, может быть, ты мог бы поговорить где-нибудь ещё?

— Ох, он стервозный, Джеки. Мне это нравится!

— Ты ведь знаешь, что Джеки замужем, да? — спросил я.

— Да. Я слышал. Какая жалость.

Я закатил глаза от раздражения.

— Не знаю, почему геи чувствуют, что нужно кого-то усыновить, — продолжал он. — Кто, чёрт побери, хочет навесить на себя детей, когда весь мир похож на постоянный шведский стол, где можно пробовать изысканность горячих мужчин, выпивку и лучшую жизнь через химию? Я тебя никогда не пойму, Джеки. Что забавного в том, чтобы ходить на родительские собрания с кучкой животноводов?

— Некоторые из нас хотят чего-то другого, — ответил Джексон.

— Бьюсь об заклад, я бы заставил тебя передумать, но этого никогда не произойдёт, пока ты прячешься в Миссисипи.

Говоря «Миссисипи», он тянул каждый слог и произносил их в преувеличенной манере, будто чтобы предположить, что все жители Миссисипи полные недоумки.

— Я думал, такие люди, как ты, все давным-давно сдохли от СПИДа, — сказал я, мой гнев разгорался.

— А он та еще сучка, Джеки, — сказал Мак Джексону, не глядя на меня, ведя себя так, будто меня не было. Он напоминал мне всех трансвеститов, которых я когда-либо встречал, и некоторых, которых не встречал. — Где, чёрт побери, ты его нашёл? Они там все такие? Это какое-то психическое заболевание?

— Мак, тебе действительно нужно научиться себя вести. Я знаю, что ты просто шутишь, но ты не захочешь драться с Вилли.

— И почему нет?

— Потому что он прикончит тебя, — сказал Джексон.

— Ну, начинай, мистер Конфедеративные штаты Америки. Только помни, что за тебя не могут драться твои рабы.

Джексон бросил на меня обеспокоенный взгляд, намекая, что Мак основательно пьян.

— Я бы не встал с кровати, чтобы поссать на такого, как ты, — ответил я. — Это слишком легко.

— Ох, кое-кто раскритиковался! — счастливо воскликнул Мак. — Ты ведь мелкий писака, да? Ты понимаешь, что это единственная причина, по которой ты здесь? В тебе должно было быть что-то интересное. Мама Ледбеттер ни перед кем не открывает двери просто так. И, кажется, я читал несколько отзывов на твою книгу. "Прощай и скатертью дорога" или как там называлась последняя. Думаю, в газете в Бангоре было написано "словесная клизма".

Джексон тяжело вздохнул.

"Спасибо и прощай" действительно называли многими именами. «Словесная клизма» была для меня в новинку, но какого чёрта. Мою книгу называли и похуже.

— Думаю, ты слишком много выпил, — сказал я.

— Думаю, ты используешь слишком много наречий в своей прозе, — парировал он, поразительно осознанно для человека, который был пьян. — И давай начистоту. Без маленького гудящего и кричащего дитя любви, Ноя, твоя книга никогда бы не продавалась. И уверен, я не знаю, зачем называть метамфетаминового ребёнка в честь какого-то библейского троглодита. И хотя он умер, ты всё равно пишешь о нём, пытаешься выжать всё, что можно. Будто кого-нибудь вообще волнует глухонемой мусор из трейлерного парка...

Я за долю секунды слез с выступа у эркерного окна и поднялся на ноги.

— Мак, Господи Боже! — со злостью воскликнул Джексон, вставая между мной и Маком.

— Ох, я сказал что-то не то? — спросил Мак, прикидываясь невинным.

— Мак, прекрати, — приказал Джексон.

Мак, растеряв всё веселье, посмотрел на меня.

— Поднимешь на меня руку, ты, кусок деревенского дерьма, и я засужу тебя так, что ты будешь продавать свои чёртовы почки, чтобы попытаться расплатиться.

— Скажешь ещё хоть слово о моём сыне, и я вытащу твои чёртовы почки и запихну их тебе в глотку, ты не дотянешь до суда, но можешь отнести их в банк, напыщенный подонок.

— Мак, думаю, тебе пора, — сказал Джексон, толкая его, пытаюсь удержать нас раздельно.

— Я никуда не пойду, малыш Джеки. Метель. Ты забыл? У кого-нибудь есть сигареты? Может, я пойду посмотрю, есть ли у мамы Ледбеттер лишняя электронка.

Мак ушёл, и я почувствовал ошеломляюще яркую ненависть в сердце. Я обычно не думал об убийстве, хотя Бог Свидетель, у меня есть на то хорошие причины из-за некоторых людей в моей жизни. Но в этот момент я бы с радостью догнал этого ублюдка и придушил его.

Я сел на выступ рядом с Тони, когда силы меня покинули.

Тони посмотрел вслед удаляющемуся Маку, сжав губы.

— Вилли, мне жаль, — сказал Джексон. — Он много выпил.

— Тебе лучше держать его подальше от меня, Джек, иначе всё будет повторяться снова и снова, и снова.

Глава 17

Двигаясь дальше

Тони устал, поэтому мы поднялись наверх, чтобы отдохнуть после обеда. Он свернулся под лоскутным одеялом на своей кровати, и мы смотрели на большие окна, которые открывали завораживающий вид на снег, падающий и кружащий вокруг так, будто он не собирался останавливаться.

Тони, в конце концов, закрыл глаза и уснул, а я смотрел на него. Моё сердце тяжелело, пока я вспоминал последние дни Ноя, большинство из которых я провёл лёжа рядом с ним, пока он спал вызванным морфием сном. У него заканчивались лекарства и время, деформированные органы в теле не были в силах справиться с требованиями, возложенными на них пубертатным периодом и всплеском роста, но он держался, день за днём. Он пытался сказать "прощай", но я не слушал. Я продолжал говорить ему, что он справится, что всё будет хорошо.

Но, конечно, я ошибался. Так ужасно ошибался.

У тебя есть папа, — продолжал жестикулировать он.

Я говорил ему, что смогу жить без папы, но не смогу жить без него.

Сможешь, — парировал он. — *Папа позаботится о тебе. Папа очень сильно тебя любит. Не будь большим старым тупицей!*

Я просил его так не говорить. Я даже злился. Я знал, что он пытается сделать, и не хотел ничего этого. За год до этого я потерял деда в торнадо. Я не собирался терять своего маленького мальчика.

Но, конечно же, я его потерял.

— Ты должен его отпустить, — сказал мне Джексон однажды ночью, когда я сидел у кровати Ноя. — Ему больно, Вилли. Ты должен дать ему знать, что уйти — это нормально.

Я сказал ему закрыть свой чёртов рот, или я закрою его сам.

— Это я и делаю, — ответил он. — Ты не первый родитель, который не может отпустить. Ты должен довериться мне.

В ту ночь я яростно его обматерил. Я был так зол, что хотел выбросить его в то окно в больнице Ле Бонер в Мемфисе.

Но он был прав.

Последними словами, которые Ной прожестикулировал мне, были "Спасибо" и "Прощай". Он провёл ещё час, приходя в сознание и теряя его, держа меня за руку, прежде чем, наконец, перестал дышать, и на его лице застыла маска облегчения.

Теперь я лежал головой на подушке, уставившись в потолок и думая о той ночи.

Может, Джексон был прав. Может, я по-прежнему не отпустил. Может, никогда не отпущу или никогда не смогу. Может быть, это было нечестно по отношению к такому маленькому мальчику, как Тони, который ничего не знал о Ное, ничего не знал обо мне, ничего не знал об истории, частью которой вдруг стал. Может быть, я просто обманывал себя.

Я приподнялся на локте и снова посмотрел на лицо Тони.

У Тони была своя собственная история и своя собственная судьба, которые растянулись перед ним, установить исход было невозможно. Мистер Ледбеттер прав. У него был пониженный иммунитет, и он мог поймать простуду и начать борьбу за жизнь. Но опять же, ему могло повезти. Он мог никогда не заполнить дыру, которую оставил в моём сердце Ной, но мог оставить свою дыру и довольно легко. Быть его отцом было бы не то же самое, что быть отцом Ноя — но на это всё равно стоило бы пойти.

В каком-то смысле это был бы подарок Ноя.

Ной научил меня, как справляться с детьми, которые страдают, которым больно, которых преследуют демоны, которых я не видел. Ной научил меня стоять на земле и рисковать всем.

Мне хотелось верить, что он научил меня этим вещам неспроста.

Я всегда придерживался мнения, что нужно жить на пределе сил, когда дело доходит до любви. Если ты собираешься это сделать — а я думаю, что следует — то можешь с таким же успехом впрыгнуть в неё ногами вперёд и получить огромное удовольствие. Люби безотчетно. Выговорись. Ходи голым по гостинной. Не сдерживайся. Щедро добавь прощения и терпения и не удивляйся, когда твоё сердце разобьётся. Потому что оно разобьётся. Но, может быть, оно разобьётся из-за того, что попытается стать больше, попытается выйти за свои границы, попытается вырасти и повзрослеть.

Возможно, отдав это такому ребёнку, как Тони, я могу получить немного в ответ. И, возможно, в этом нуждалось моё сердце. И, возможно, в помощи Тони будет продолжать жить частичка Ноя.

Я мог бы с этим жить.

Глава 18

Я проговорился

— Вот ты где, — сказал Джексон, входя в комнату.

Я стоял у окна, глядя на снег.

— Вилли, мне так жаль.

— Почему он вообще здесь? — спросил я.

Ему не нужно было, чтобы я уточнял, о ком говорю.

— Ну...

— Что ну? — требовательно спросил я.

— Только не злись.

— Ты пригласил его?

— Я вроде как проговорился о том, что мы будем в городе. Я не думал, что он придёт без предупреждения.

— Ты сказал своему старому бойфренду, что мы будем в городе? Ты сказал ему, что мы знакомимся с ребёнком, которого, возможно, захотим усыновить?

— Ну, нет.

— Нет?

— Я просто хотел повидаться с некоторыми старыми друзьями, Вилли.

— И тебе обязательно было выбрать этого.

— Я забыл, что он такой...

— Одержимый Сатаной? И что ты имеешь в виду, говоря, что просто вроде как проговорился? Ты разговаривал с этим парнем? С этим парнем? С тем, который посадил тебя на наркотики? Ты выжил из своего чёртового ума, Джек?

— Я знаю, — несчастно произнёс он.

Мой желудок холодел от мысли, что он мог инициировать этот контакт потому, что хотел купить наркоты. Об этом я не хотел думать.

Я отвернулся к окну, чтобы он не увидел выражение моего лица.

— Вилли, прости, — сказал он, вставая рядом.

Джек попытался взять меня за руку.

Я отдёргнул её.

— Вилли, пожалуйста.

— Скажи мне, что ты не сидишь снова на каком-то дерьме, Джек. Пожалуйста, Боже! Не думаю, что смогу снова через это пройти.

— Это не так!

— Тогда чего ради тебе нужно было звонить этому парню?

Он состроил гримасу.

— Почему? — требовательно спросил я.

— С тобой жить тяжело, Вилли, — огрызнулся он. — Иногда у меня такое чувство, будто меня сбил чёртов товарный поезд. Все эти заморочки с Ноем... чёртовы торнадо... твоё чёртова семья... иногда я просто хочу чего-то, что мне знакомо. Чего-то, что я знаю. Чего-то, что я понимаю.

— И что именно всё это значит?

— Это не то, чего я ожидал. Брак. Жизнь с тобой. Всё отлично, не пойми меня неправильно, и я ни о чем не жалею, но это не то, о чём я думал. Ты считаешь неправильно — хотеть увидеть моих старых друзей, хотеть вернуть что-то из своей прежней жизни?

— Из твоей наркотической жизни.

— Я занимался и другими вещами, помимо наркотиков, знаешь ли.

— Ага.

— Просто... мы только сейчас начинаем видеть свет в конце туннеля, Вилли, но теперь ты хочешь усыновить ребёнка. И не какого-то милого малыша, какого-то нормального малыша, нет, не ты, Вилли. Это должен быть очередной чёртов товарный поезд, который нас перевернёт, потому что именно это ты и делаешь. Ты такой.

— Это куча тупой брехни.

— Это правда!

— Это жизнь, Джексон Ледбеттер. Мы не все родились с серебряной ложкой в заднице. Мы не бежали на встречу с психиатром за триста долларов в час, когда над нами издевались в школе. Нам приходилось надевать пару яиц и справляться с этим.

— Я понимаю, Вилли. Действительно понимаю. И я знаю, ты считаешь, что моя жизнь была лёгкой, просто смех. Но мне нужно вернуть часть своей прежней жизни. У меня такое чувство, будто я потерял себя.

— Где мы сейчас, Ледбеттер?

— Я знал, что ты не поймёшь.

— Я пытаюсь. Поверь мне.

— Ты можешь просто пообещать мне кое-что?

— Что?

— Если мы усыновим этого ребёнка, пожалуйста, Вилли, давай просто закончим на этом. Я не думаю, что вынесу что-то большее. Я не хочу, чтобы ты через год наседал на меня с разговором, что хочешь усыновить ещё одного. Я устал, Вилли. Мне нужна передышка.

— Я буду заботиться о нём. Ты вернёшься на работу и будешь заниматься своими делами, и тебе не придётся волноваться.

— Ты тоже должен работать.

— Но у меня гибкий график, и я могу работать и быть с ним. Я буду водить его в школу и прочее. Вот увидишь. Это будет не такое уж большое дело.

— Просто, как только мы привезём его домой, как только твоя семья снова насядет...

— К чёрту их.

— Но как только они снова насядут...

— Они не насядут, Джек. Думаю, они ещё больше устали ругаться, чем я. Я никогда не изменю их мнения, и они никогда не изменят моего, ну и что? Жизнь продолжается. Мне бы хотелось думать, что я достиг точки, когда мне до крайней степени плевать.

— Твой брат, Билл, по-прежнему не можешь справиться с тем фактом, что мы поженились. Он по-прежнему называет меня "твоим дружкой". Это чушь, Вилли.

— К чёрту его. К чёрту их всех.

— Ты это не серьёзно.

— Я это серьёзно. Но ты просто ходишь вокруг да около, Ледбеттер. Что происходит на самом деле?

Он одарил меня своим классическим взглядом оленя в свете фар.

— Что? — требовательно спросил я.

— Я думал о том, чтобы переехать обратно в Бостон, — признался он.

Вау.

— Ты никогда ничего не говорил о переезде, — сказал я.

— Я ничего не говорил, потому что знал, что это тебя разозлит.

— В том и дело. Насколько серьёзно ты думаешь об этом?

— Каждый чёртов день, Вилли.

Я раздражённо выдохнул.

— Вау, — произнёс я, кладя руки на подоконник.

— Мы могли бы устроить жизнь здесь, — сказал он. — И конечно, моя семья сумасшедшая, но они хотя бы не ненавидят меня из-за того, что я гей, и они не будут постоянно совать нос в наши дела. И вообще, я скучаю по Бостону. Это мой дом, Вилли. Это место всегда будет моим домом. Я хочу снова присоединиться к реальному миру. В Миссисипи прикольно, но давай начистоту, никто в здравом уме не хочет жить в таком месте.

— Спасибо, Ледбеттер.

— Я говорю не о тебе.

— Обо мне, в каком-то смысле. Какое отношение что-то из этого имеет к Маку?

— Никакого, — сказал он.

— Никакого?

— Это сложно, Вилли.

— А ты попробуй рассказать. Я вылетел из колледжа, знаю, но мне удалось попасть на урок или два, прежде чем это произошло.

— Мы говорили о наших прежних жизнях. Прежних друзьях. О том, что делали. Клубы. Гольф. Прогулки по гавани. Новая яхта его отца. Знаешь, мы выросли вместе.

Он был моим лучшим другом. Всю старшую школу. Не то чтобы он был совершенным незнакомцем. И он живёт не так далеко отсюда. И я кое-что понял.

— Что?

— Мне нужна моя жизнь, Вилли. Я люблю тебя. Я очень, очень сильно люблю тебя. Но сейчас мне нужна моя жизнь. Я хочу двухкомнатную квартиру рядом с Капитолием. Я хочу ходить в спортзал по дороге с работы. Я хочу время от времени ходить в чёртову художественную галерею. Я не хочу жить в месте, где на каждом углу чёртова церковь, и всё чертовски религиозное всё чёртово время. Ты открываешь газету, и там какой-то мудака капает тебе на мозги на редакционной странице. Или включаешь радио, а там Майк Хакаби* делает свой чёртов Хакаби-отчёт. Меня тошнит от этого, Вилли. Господи, Боже, я не думаю, что смогу это больше выносить.

**Майк Хакаби — консервативный американский политик, член Республиканской партии.*

— Оу.

Джексон Ледбеттер обычно не ругался, но когда это происходило, то потому, что он был действительно, по-настоящему возмущён.

— И как бы весело ни было жить среди деревьев и кататься на квадроциклах по огромным лужам дорожной грязи к "лунке для рыбалки", у меня такое чувство, будто я хочу большего, Вилли. И я не пытаюсь быть злым, но я городской парень, и я просто не получаю тех вещей, в которых нуждаюсь.

— Всё это из-за разговора с твоим старым бойфрендом?

— Я хотел поговорить с тобой об этом до того, как умер Ной.

— И за всё это время ты никогда не говорил ни слова?

— Ну, из-за Ноя ты был не в порядке, и я не думал, что рассказывать тебе о своём желании переехать обратно в Бостон было хорошей идеей.

— Значит, всё это время ты был несчастлив и только сейчас мне об этом рассказываешь?

— Не несчастлив, Вилли. Не в своей тарелке. И ты знаешь, о чём я говорю. Как только ты здесь открываешь рот и начинаешь говорить, люди тут же понимают, что ты не отсюда. И ты знаешь, каково это. Это ощущение со мной последние девять лет, и я от него устал.

Я замолчал.

Кстати о потрясении.

— Пожалуйста, не злись, — сказал он, снова беря меня за руку.

Я не отстранился.

— Пожалуйста, скажи мне, что ты хотя бы подумаешь об этом, Вилли.

— А я-то думал, что ты влюблён в мистера Чопорные Штанишки, — сказал я.

— В Мака? Если хочешь терять своё время на ревность, валяй, но ты мой муж, и мне этого достаточно. Мак просто друг. И даже не очень хороший друг, больше нет. Он зашёл потому, что хочет помочь мне найти работу. Если я смогу сослаться на его отца в своём резюме, это может открыть много дверей. Я знаю, тебе плевать на такие вещи, но меня не было девять лет, и мне нужно найти способ вернуть прежнюю динамику.

— И ты хочешь переехать в Бостон?

— Да, — сказал он. — Боже, да!

Я покачал головой, отчасти ошеломлённый.

— Просто скажи, что подумаешь об этом, — умолял он.

— Мне придётся бросить свою работу в Тупело. Ты знаешь, как долго мне пришлось искать приличную работу?

— Здесь ты можешь быть переводчиком для глухих. И здесь намного больше вакансий, намного больше возможностей. Ты мог бы, наверное, получить работу в любой из главных больниц.

— А что насчёт страховки? Тони понадобится страховка — мы не сможем заплатить за всё его лечение. Одни лекарства стоят около десяти тысяч долларов в месяц или какую-то другую чертовски возмутительную сумму.

— У Тони есть Медикейд*. Нам придётся покрыть часть цены, но большую часть за него платят. И мы получим пособие за опеку над ним. Будет не так уж много, и определённо не для Бостона, но тебе не придётся переживать за страховку. И если ты делал своё домашнее задание так, как делал я, то знаешь, что льготы, которые он получит здесь, намного больше, чем те, которые он получит, если мы останемся в Миссисипи.

** Медикейд — американская государственная программа медицинской помощи нуждающимся. Осуществляется на уровне штатов при поддержке федеральных властей. Медицинская помощь оказывается лицам, имеющим доход ниже официальной черты бедности.*

— И чем ты будешь заниматься?

— Здесь мириады вакансий медбратьев, которые я мог бы занять. Это не проблема.

— А что насчёт него? — спросил я, поворачиваясь, чтобы взглянуть на Тони.

— Если это действительно то, чего ты хочешь, Вилли, мы это сделаем.

— Ты серьёзно?

— Конечно. И он меня влечет. И ты ему очень нравишься. Я вижу. Со мной он немного сдержан, но к тебе он действительно привязался. И если это поможет тебе двигаться дальше, то это правильный поступок. Я знаю, ты не хочешь этого слышать, но Ной мёртв — и ты должен отпустить его, и если это твой способ вернуться к прежней жизни и двигаться дальше, то давай сделаем это. На самом деле, я с нетерпением этого жду.

— Правда?

— Кто ещё будет играть со мной в Xbox?

— Не глупи.

— Я серьёзно! Нам было очень весело, мне и Ною. Мне нравилось быть отцом. Мне не нравилось, что на нас все смотрели, и что люди подвергали сомнению наше родство, и всякая другая ерунда Миссисипи, но мне нравилось быть "папой" для Ноя. И я был бы не против проделать всё это снова, Вилли. И в этот раз мы займёмся этим вместе, с самого начала. Но здесь должно быть двустороннее взаимодействие, и у меня тоже есть желания.

— Я знаю, что есть.

— И я никогда не говорил, что собираюсь жить в Миссисипи остаток своей жизни.

— Я знаю.

— Так что просто скажи мне, что подумаешь об этом.

— Ладно. Я подумаю об этом, Ледбеттер.

— Правда?

— Конечно, подумаю. Какого чёрта с тобой не так?

— Ну, ты не особо хорош в том, что касается внимания к другим людям, Вилли. Ты просто сражаешь всех наповал, и будь что будет.

— Неправда!

— Правда! Прожив с тобой девять лет, я точно знаю, почему началась Гражданская война.

— Что это должно значить?

— Вы, ребята, хотите того, чего хотите, и вам насрать на всех и всё. Я никогда в жизни не видел так много упрямых уродов.

— Ну, спасибо.

— Пожалуйста. И веришь или нет, тебе не обязательно жить как беженец.

— Это песня Тома Петти*.

**Том Петти — американский рок-музыкант, который придерживается традиционного альбомного рока конца 1960-х.*

— Это правда, Вилли.

Я улыбнулся ему.

— Что? — с подозрением спросил он.

— Люблю тебя, здоровяк, — сказал я.

— Прекращай это дерьмо!

— Люблю, люблю, люблю тебя!

— Вилли...

— Ты будоражишь мой мир, маленькая ты секс-машина.

— О, Господи!

— Ты будоражишь мой мир, Ледбеттер. Иди к папочке!

— Отвянь, Вилли! Ради всего святого!

Глава 19

Надрал зад

Вечером мы обнаружили, что Тони Горзола не такой уж простак в шашках, которые мы разложили на кофейном столике в гостиной. Теперь можно было с удовольствием посидеть у огня. Мистер и миссис Ледбеттер "удалились", оставив нас хозяевами в доме. Снежная буря обрушила около двадцати сантиметров свежего снега, но работали снегоуборочные машины, и улицы были расчищены. Конгрессмен отклонялся, и Мак тоже исчез.

Тони положил свою книгу о динозаврах на край кофейного столика — казалось, он не хотел с ней расставаться — и умело расставил фигурки по местам, после чего одарил меня серьёзным взглядом. В его глазах был намёк озорства, будто он планировал надрать мой южный зад и упивался мыслью об этом.

И он ещё как надрал мне зад.

Если честно, я не играл в шашки целую вечность и глубоко недооценивал его способности — не говоря уже о его хитрости. Он сделал несколько рискованных ходов, которые я должен был предвидеть, но этого попросту не произошло.

Реванш был не лучше.

— Каково проигрывать семилетнему ребёнку? — с улыбкой спросил Джексон.

— Почему бы тебе самому не попробовать, чтобы понять?

— Ему слишком весело.

— Ты просто трусишь.

— Да ну? Смотри сюда, Кантрелл.

Можно мне сыграть? — прожестикуюлировал Джексон Тони, который счастливо кивнул, будто чтобы сказать, что не будет никакой разницы.

— Посмотри на него, — сказал Джексон. — Он довольно дерзкий для семилетнего ребенка

— Он, наверное, надерёт тебе зад.

— Продолжай мечтать!

Джексон всегда относился к играм серьёзно, будто судьба известной вселенной зависела от того, выиграет он или нет. С Ноем он играл и играл, они оба сводили меня с ума своим постоянным соперничеством.

Тони потребовалось около пяти минут, чтобы оказаться с четырьмя побитыми фигурками, в то время как у Джексона не осталось ни одной.

— Чёрт возьми! — едва слышно выругался Джексон.

— Я тебе говорил!

— Он действительно хорош.

— Или просто ты неудачник, — предположил я.

— Я не неудачник!

— Ты им будешь, продолжай лажать так, как сейчас.

Ещё две минуты, и игра была окончена.

Тони улыбался от уха до уха, довольный собой.

— Чёрт возьми! — снова воскликнул Джексон. — Я хочу реванш!

Мы можем сыграть ещё раз?

Тони пожал плечами и усмехнулся.

— У тебя есть какие-нибудь фильмы про динозавров? — спросил я.

— "Парк юрского периода"?

— Что-нибудь менее кровавое! Ему всего семь, знаешь ли.

— Мы можем найти что-нибудь по «Нетфликс»* (*прим.: Нетфликс — американская компания, поставщик фильмов и сериалов на основе потокового мультимедиа*). Как насчёт "Мадагаскара"? Ною нравились эти фильмы.

— Это было бы идеально. Как мне включить этот твой «Нетфликс»?

— Просто нажми кнопку, на которой написано "Нетфликс". Всё так просто, что даже ты сможешь это сделать, Вилли.

— Спасибо, — ответил я. — По крайней мере, я не неудачник.

— Я не неудачник!

— Неудачник.

— Заткнись, Кантрелл!

После того, как Джексон ещё три раза проиграл Тони, который был крайне доволен собой, мы захватили секционный диван перед телевизором, чтобы посмотреть фильм. Джексон приготовил попкорн, приглушил свет.

Тони сидел рядом со мной на диване, глядя в большой экран телевизора — это была громадная семидесятидюймовая штука, встроенная в стену — через свои толстые очки, с выражением убийственной серьёзности на лице. Хотя Джексон каким-то образом включил субтитры, я не думал, что это сильно помогало. Я не был уверен, как хорошо умеет читать Тони, насколько поймёт историю.

Однако он, казалось, не возражал, его глаза впитывали животных, он смеялся над их кривляньями, усмехался, охал, ахал, морщился, когда один из них попадал в неприятность. Когда всё стало выглядеть мрачно, он двигался всё ближе и ближе ко мне, зарываясь лицом в моё плечо, когда не хотел что-то видеть. К тому времени, как мы добрались до конца фильма, у нас у всех уже немного устали глаза.

Тебе пора идти в кровать, — прожестикнул я.

Правда?

Да.

Я не хочу идти в кровать.

У нас завтра будет насыщенный день. Тебе нужно поспать.

Он нахмурился.

Мы тоже пойдём в кровать, — сказал ему я.

— Ему нужно принять ванну, — сказал я Джексону, пока мы поднимались наверх. — Может быть, ты можешь помочь, раз...

— Он не будет распространять физиологическую жидкость в ванне.

— Ну, ты больше знаешь о том, что нужно делать, чем я. Я не хочу всё испортить.

— Я помогу ему, — сказал Джексон. — Нужно быть осторожным, вот и всё.

Пока Джексон присматривал за ним в ванной, я прибрался в его комнате и достал чистую пижаму. Что-то во мне вызывало грусть, пока я делал это, потому что его одежда была обносками и видала лучшие времена. Мне хотелось пойти и купить ему новенькую одежду, но Джексон предостерег это, и не безосновательно. Мы не хотели, чтобы всё выглядело так, будто мы пытаемся завоевать его кучей материальных вещей. Мы могли бы с такой же лёгкостью — и сделали бы, заверил меня Джексон — дать немного денег Хизер Дюпорт, чтобы она купила Тони одежду, и чтобы он не знал об этом, как и купили бы ему что-нибудь хорошее, чтобы для него положили подарок под рождественскую ёлку. Выберет он нас или нет, я хотел, чтобы у него это было.

Я почувствовал комок в горле, когда разобрал нижнее бельё и носки Тони и увидел в них дырки. Четыре футболки, которые упаковали, выглядели так, будто каждую выстирали тысячу раз, все выцветшие и потрёпанные. И его пижама была слишком большой для семилетнего мальчика. И не первый раз я задавался вопросом, почему так много детей остаются незамеченными в богатейшей, самой процветающей стране мира. Мне хотелось спросить у ненавистников аборт, кричащих об убитых эмбрионах, обо всех детях, которые ложились в кровать голодными, или холодными, или нелюбимыми, или нежеланными, или подвергающимися жестокому обращению, которых выбрасывали на обочину, потому что они калеки, глухие или тупые, или все эти три качества вместе.

Если мы не могли позаботиться об уже существующих детях, какой смысл переживать за пучок клеток внутри женских органов? Но, видимо, жизнь священна только до тех пор, пока не окажется в родовом канале. Как только эта жизнь выползает из женской вагины, все ставки исчезают. Бог знает, мы с мамой снова и снова обсуждали эту тему, и то, что мама сказала бы о моём желании усыновить глухого ребёнка с ВИЧ, было совершенно за гранью моего понимания.

Джексон завернул Тони в большое банное полотенце. Он принёс его в комнату и посадил на кровать, после чего помог ему одеться в огромную пижаму.

Где... моя книга? — спросил Тони, лихорадочно оглядываясь вокруг.

Я положил её на шкаф. Я поднял её, показал Тони. Он забрал книгу из моих рук и прижал к своей груди, пока забирался в кровать.

Где... мои фотографии? — спросил он.

В твоей книге, — сказал я, кивая на книгу.

Он суетливо открыл книгу, перелистывая страницы, пока не наткнулся на полоску фотографий, которые мы сделали в торговом центре. Он посмотрел на эти фотографии и улыбнулся.

Джексон присел на одну сторону кровати, в то время как я сидел на другой.

Мы оба наблюдали.

Он, наконец, поднял взгляд от фотографий, глядя на каждого из нас.

Ты в порядке? — спросил я.

Он кивнул.

Хочешь чего-нибудь?

Он покачал головой.

Если тебе что-нибудь понадобится, приди и скажи нам. Мы прямо за этой дверью. Хорошо?

Хорошо.

Спокойной ночи, малыш Т.

Мистер?

Да?

Он выглядел так, будто хотел что-то сказать, но не говорил. Он просто смотрел на меня долгую минуту, затем повернулся и посмотрел на Джексона.

Мистер? — снова произнёс он, переводя взгляд обратно на меня.

Да?

Мистер?

Да?

Я... мне...

Он нахмурился, будто слова его подводили.

Я вытянул руку. Он погладил пальцами мою ладонь, с напряжением глядя на меня, потерянный в своих мыслях, которыми не мог поделиться. Он перевернул мою руку, чтобы посмотреть на тыльную сторону ладони, и провёл по ней пальцами.

Через пару минут я указал на него пальцем.

Ты... ложись спать, хорошо?

Он кивнул.

Мистер?

Да?

Останетесь?

Мы останемся с тобой, пока ты не заснёшь. Хорошо?

Хорошо.

Он закрыл глаза и откинулся на подушку.

Глава 20

Всё по Диккенсу

После завтрака, следующим утром, мы собрались в «Джипе Гранд Чероки» Ледбеттеров золотого цвета. (Миссис Ледбеттер озабоченно отметила, что это какая-то "ограниченная серия", но мои глаза стекленели от роскоши).

— Куда мы едем? — снова спросил я.

— Ох, Вайлис, дай девушке повеселиться! — воскликнула с переднего сидения миссис Ледбеттер. — Мы будем на месте через пять минут.

— Я не особо люблю сюрпризы, Юдора.

— Этот полюбишь, Вилфред, могу тебя заверить. Стивен, посмотри на того маленького пешехода. Зачем кому-то выходить на этот ужасный холод, уверена, я не знаю, но ему не нужно, чтобы ты его переехал, дорогой.

— Он на тротуаре, — сердито ответил мистер Ледбеттер.

— Будь осторожен, дорогой. Случаются аварии. Мы не хотим, чтобы наши имена попали в газету, по крайней мере, не так. Наверное, эта бедная душа пользуется общественным транспортом, и у неё нет туалетного горшка. Последнее, что ему нужно, это протекторы шин на скулах. А теперь, Вайлис, ты просто должен пообещать мне, что не будешь делать поспешных выводов. Откройся, Вайлис! Я знаю, ты способен на это.

— Открыться в чём? — спросил я.

— Увидишь, дорогой. Джеки, я надеюсь, ты не испортил мамочкин сюрприз. Так ведь?

— Я не сказал ни слова, мам.

— И не должен был! Это меньшее, что ты можешь сделать.

— Куда мы едем? — снова спросил я, крайне раздражённый поведением миссис Ледбеттер. У меня всегда было такое чувство, будто эта женщина таскает меня, как воздушный шарик на палочке.

— Увидишь, дорогой. Постарайся быть терпеливым. Мы пришли к каким-нибудь выводам по поводу нашего маленького сироты?

— Он нам нравится, — сказал Джексон. — И не называйте его сиротой. Его зовут Тони.

— Но он сирота, дорогой. Это всё по Чарльзу Диккенсу, знаешь ли. Забрать какого-то ребёнка из убогого существования. За такие вещи должны раздавать награды.

— Благотворительность начинается с дома, — сказал мистер Ледбеттер.

— Ну, у нас нет несчастных, убогих детишек, которых они могли бы усыновить, так что им приходится искать где-то ещё, Стивен, и совершенно правильно. Я считаю, что им следовало арендовать утробу, если и только потому, что эта история будет более интересной. Не думаю, что когда-нибудь встречала женщину, которая вот так сдавала бы в аренду свою матку, но я открыта для нового. Я бы сдала в аренду свою собственную матку, но к тому времени, как с ней разобрался Джеки, от нее мало что осталось.

— Мама!

— Мамочка шутит, дорогой. Постарайся не отставать.

— Я не испортил твою матку!

— Но ты убедил меня никогда не повторять этой ерунды. Я помню, когда была с тобой в больнице, Джеки. Меня так тянуло на суши. Это было невероятно, правда. Медсестра сказала, что это не особо хорошо. Микробы, знаешь ли, всё такое. Я сказала, что у меня в вагине что-то размером с маленького кита, и если я хочу суши, то ради Бога, я съем суши. Ты чуть не убил меня, Джеки. Боль была нестерпимая! Ты не просто плыл по моему родовому пути, ты скакал вверх и вниз по этой бедняжке. Я поклялась, что никогда не повторю этого снова. Я сказала твоему отцу: "Если хочешь ещё одного ребёнка, тогда укради его с улицы, но ни за что в мире я не пройду снова через эту нестерпимую боль". В любом случае, в те дни вокруг бродило так много детей, что никто бы не заметил, если бы один или два пропали.

— Мама, пожалуйста, — в отчаянии произнёс Джексон.

— Затем, когда ты родился, ты просто посмотрел на меня, и я поняла...

— Что ты поняла?

— Что я никогда не хочу пройти через этот ад снова. Ты бы подумал, что моя утроба батут, так я тебя вынашивала. После этого у меня много дней не сходили синяки по всему телу. Ты выбил мне три позвонка. Ты будто тренировался для роллер-дерби* (*прим.: *Роллер-дерби — женский контактный командный спорт, в котором гонки на роликовых коньках сопровождаются столкновениями и своеобразной борьбой*).

— Думаю, ты преувеличиваешь.

— Я, дорогой? Преувеличиваю, дорогой? Не глупи, дорогой. К тому времени, как ты родился, пяти докторам потребовалось засунуть руки в мою вагину, чтобы всё собрать. Честное слово! Потом медсестра сказала, что я должна покормить тебя грудью. Господи! Представь, каково это, когда такой, как Джеки, сосёт мою грудь днём и ночью! Ох, это было ужасно.

— Мам!

— Если бы я хотела, чтобы кто-то сосал мою грудь, я бы кого-нибудь наняла. Я слышала, что можно поехать в центр и найти что-то такое.

Джексон закатил глаза и вздохнул.

Мистер Ледбеттер остановился перед величественным зданием, в котором располагались апартаменты.

— Вот мы и здесь! — торжественно произнесла миссис Ледбеттер.

— Мы кого-то навещаем? — спросил я у Джексона, пока мы выходили.

— Увидишь, — с блеском в глазах ответил он.

Мистер Ледбеттер повёл нас вверх по крутой лестнице к квартире 504 на Пайн-стрит, у которой было милое крыльцо (узковатое, но милое) и очень вычурная входная дверь. Он достал ключ, открыл замок, и мы зашли внутрь.

Я держал Тони за руку, пока мы проходили в щедро обустроенную квартиру, которая была морозно холодной.

— Никого нет дома, — сказал я.

— Но будет, — сказала миссис Ледбеттер, с улыбкой поворачиваясь ко мне. — Ну, на самом деле, уже есть. Не так ли, Джеки?

На лице Джексона была огромная улыбка.

— Что? — спросил я. — Вы не можете просто сказать мне, какого чёрта мы здесь делаем?

— Вилли, — произнёс Джексон, беря меня за свободную руку. Он посмотрел на меня, а потом на Тони. — Эта квартира принадлежит моим маме и папе. Они хотят отдать её нам, но на одном условии.

— Что за условие? — с подозрением спросил я.

— Мы переедем сюда.

В ошеломлении я огляделся. Я ничего не знал о земельной собственности, или о дорогой мебели, или об искусстве, но я бы не удивился, если бы эта квартира щеголяла ценником на миллион долларов.

— Ты, должно быть, шутишь, — сказал я.

Джексон покачал головой.

Тони поднял на меня взгляд с выражением любопытства на лице.

Тебе нравится это место? — прожестикнул я.

Он кивнул.

Здесь мы с Джеем хотели бы жить. Может быть, ты станешь жить с нами?

Он улыбнулся, отпустил мою руку и начал расхаживать вокруг, будто был хозяином этого места.

— Ну? — произнёс Джексон.

— Я не знаю, что сказать, — признался я.

— Если тебе здесь не нравится, у нас есть три другие квартиры, из которых ты можешь выбрать, — сказала миссис Ледбеттер. — Это наш способ сказать, что мы очень хотели бы, чтобы вы с Джеки переехали в Бостон. Думаю, ты найдёшь атмосферу здесь более приветливой.

Я посмотрел на мистера Ледбеттера, который смотрел на меня с довольно странным выражением на лице.

— Ты знаменитый писатель, Вилли, — сказал он. Сегодня утром он казался уставшим, его лицо было слишком бледным, движения неуверенными, подавленными, будто он нехорошо себя чувствовал. — И ты сделал то, на что мы с Юнис никогда не были способны.

— Что, сэр? — спросил я.

— Ты сделал моего сына счастливым. Ты заслуживаешь за это маленький утешительный приз. Бог Свидетель, мы устали.

— Папа! — воскликнул Джексон.

— Это правда, сынок. Честно говоря, я считал тебя таким же безумным, как шляпник, когда ты начал встречаться с женщиной из Тупело, Миссисипи. Чёрт, я считал тебя сумасшедшим только потому, что ты вообще туда поехал. Я по-прежнему думаю, что ты немного свихнулся, но, по крайней мере, ты счастлив от этого, а это в мире что-то да значит. Думай, что хочешь, Джеки, но всё, чего я когда-либо хотел, это чтобы ты встал на ноги. И, кажется, ты это сделал.

— Оу.

— В любом случае, Джеки, Вилли, квартира ваша, если хотите. Мы с твоей матерью не можем забрать всю эту ерунду с собой в могилу, так ведь? А она просто стоит здесь, пустая. И если вы собираетесь снова стать родителями, вам понадобится несколько дополнительных спален...

Я вдруг почувствовал наплыв эмоций и неуверенность, поэтому прошёл по ковру к окну с видом на улицу, вытирая глаза.

— Ну? — спросил Джексон, подходя, чтобы встать рядом со мной, беря меня за руку.

— Я не знаю, что сказать, — признался я. — Я просто действительно не знаю, что сказать.

— Скажи "да", Вилли. Вот и всё.

— Никто никогда не делал для меня ничего такого, Джек.

— Не велико дело.

— Для тебя может и нет.

— Послушай, — сказал Джексон, беря меня за обе руки и поворачиваясь ко мне лицом. — Мы переедем сюда. Мы усыновим Тони. Или даже просто возьмём его на попечительство, если не сможем усыновить. Мы устроим его в одну из самых лучших школ в Бостоне, где он может научиться жестикулировать и пройти логопедическую терапию. У него будет лучший медицинский уход. Мы построим здесь жизнь, Кантрелл. Вот увидишь.

— А как же мама? И Билл? И Шелли? И Мэри в Нэшвилле, записывает диск. Это может быть год, когда она добьётся многого. И миссис Хамфрис только умерла — Тоня сейчас в том ещё состоянии, а она моя лучшая подруга. Я просто не знаю, могу ли оставить всё это позади, Джек. Там мой дом. Там моя семья.

— Мы тоже твоя семья, — отметил Джексон.

— Я знаю, но я не могу просто смотать удочки и уехать...

— Но ты можешь, — очень мягко произнёс Джексон. — И я думаю, что ты должен. Думаю, тебе это нужно, Вилли. Думаю, тебе нужно быть в атмосфере, где люди поддерживают и заботятся о тебе, а не постоянно тыкают в тебя этой религиозной брехнёй. Я хочу, чтобы ты увидел комнату наверху. Это была бы идеальная комната для того, чтобы ты в ней писал. Мы поставим туда твой компьютер и твои книги, там отличный вид, ты можешь писать от души. Я думаю, что тебе нужно это сделать, Вилли. Не только ради меня, а ради нас обоих. В мире есть больше, чем Тупело, штат Миссисипи.

— Я знаю, — несчастно произнёс я.

— Так что скажешь?

— У меня есть выбор?

— У тебя всегда есть выбор.

— А как же счета? Как же моя машина? Я ещё не расплатился.

— У нас очень хорошее финансовое положение. Ты это знаешь. У нас достаточно сбережений, чтобы безбедно прожить год, а, вероятно, и того больше.

Я вздохнул.

— Ну? — поторопил он.

— Ты действительно хочешь сюда переехать, да?

— Да, — сказал он.

— Ты же знаешь, я не люблю перемены.

— Знаю.

— И ты знаешь, что я упрямый урод. Ты сам так сказал.

— Мы можем с этим справиться, Вилли.

— И мне придётся уйти со своей работы в городе.

— Вилли!

— Что?

— Пожалуйста?

Я посмотрел на Тони, который стоял у книжного шкафа, проводя пальцами по корешкам маленькой книжной коллекции, которая обитала здесь, особое издание всего Диккенса.

— Мы оба получили право брать на попечительство и усыновлять детей здесь, так что оба наших имени будут в документах, — отметил Джексон, замечая то, как я смотрю на Тони, с лёгкостью угадывая мои мысли. — Мы устроим его в хорошую школу с хорошей программой. У нас здесь будут друзья. Поддержка. Мои родители. И ты знаешь, если ты здесь устроишь автограф-сессию или что-то ещё, к тебе придут сотни людей, а не просто дюжина или две, не так, как было там. Здесь мы можем сделать действительно большой шаг вперёд, Вилли.

Я вздохнул.

Он прав.

Конечно, прав.

Но что скажет мама? И Билл? И каково будет жить в большом городе, когда у тебя перед лицом постоянно мириады людей?

— Полагаю, если мы собираемся жить здесь, тебе лучше показать мне дом, — сказал я. — Но я ничего тебе не обещаю, Ледбеттер.

— Просто шанс. Это всё, о чём я прошу.

— Помнишь, как мы говорили о том факте, что иногда я тебя ненавижу? Думаю, это один из тех случаев.

— Вот увидишь, — заверил он меня. — Тебе здесь понравится.

— Я не единственный, кого ты должен убедить, — сказал я, подходя к книжному шкафу, который привлёк внимание Тони.

Ты хотел бы жить здесь? — прожестикнул я.

Правда?

Да. Здесь мило, не так ли?

Его единственным ответом была улыбка.

— Перевес голосов, я уже вижу, — сказал я, в отчаянии бросая взгляд на Джексона.

Глава 21

Значит, это прощание

В тот вечер мы отвезли Тони Горзола обратно в Бостонский дом для мальчиков, ровно в шесть часов.

Посещение подошло к концу.

Стоя на парковке, держа его руку и дрожа, пока Джексон доставал маленький чемодан Тони из багажника, я был в кошмарном состоянии. Я не хотел, чтобы он возвращался в это место и в ту жизнь, которая ждала его внутри. Что-то в его серьёзных, грустных глазах говорило мне, что он может согласиться с этим чувством, но он ничего не говорил, как и не показывал своих чувств.

Хизер Дюпорт встретила нас в фойе.

— Как прошло посещение? — спросила она, сразу же взяв Тони за руку, будто чтобы убедиться, что мы случайно с ним не сбежим.

— Он великолепен, — сказал я. — Мы отлично провели время. Мы бы хотели повторить.

— Определённо хотели бы, — добавил Джексон.

— Правда? Я рада это слышать.

— Он тот, кого мы ждали, — сказал я.

— Вы хотите заняться усыновлением? — недоверчиво спросила она.

— Думаю, да, — ответил я, бросая взгляд на Джексона, который кивнул.

— Это великолепно, — сказала Хизер. — Если вы дадите мне минутку, чтобы отвести его в столовую с другими мальчиками, мы можем обсудить, что нужно делать дальше.

— Мы можем попрощаться? — спросил я.

— Конечно.

Я подошёл к Тони, и присел на корточки.

Сейчас мы должны попрощаться, — сказал я. — Миссис Д. отведёт тебя на ужин.

Вы... не остаётесь?

Я покачал головой.

Почему?

Мы не твоя семья. Нам нужно...

Он вдруг расплакался и отвернулся от меня. Я хотел объяснить ему, что нам нужно поговорить с Хизер о попечительстве и усыновлении, но он услышал от меня только то, что мы не его семья.

— Ох, дорогой, — произнесла Хизер.

Она положила руку ему на плечо, и он вздрогнул. Он прислонился к стене, прижимая руки к груди, оставаясь к нам спиной.

Он выглядел грустным, пока стоял там, опираясь на стенку, будто нуждался в этой поддержке, чтобы выдержать, по-прежнему кутаясь в своё зимнее пальто. И снова, ни драки, ни побега, ни попыток сбежать. Он просто стоял на месте, удары градом сыпались на его голову, и он совершенно не мог ничего с этим сделать.

Я навис над ним, помахал рукой у него перед лицом, пытаясь привлечь его внимание, но он отказывался открывать глаза.

В конце концов, я взял его за руку.

На этот вызов его глаза распахнулись, и он пытался злиться на меня — я видел, как он старается — но я начал рисовать круги на его ладони, пока наблюдал за ним, с

грустным выражением лица, чтобы показать, что мне тоже грустно. В итоге он опустил взгляд, чтобы смотреть, как я черчу круги на его ладони. Он закусил губу.

Ты, — сказал я, указывая на него пальцем. — Мы любим тебя. Мы скоро с тобой увидимся. Хорошо?

Правда?

Да, — заверил его я.

Вы... не остаётесь?

Мы не можем. Это твой дом, а не наш. Но мы вернёмся и скоро с тобой увидимся. Ты можешь быть хорошим мальчиком, пока мы не вернёмся?

Он пожал плечами.

Мы хотим быть твоей семьёй. Ты хочешь быть нашей семьёй?

Он несчастно кивнул, вытирая глаза.

Пожалуйста, веди себя хорошо. Мы вернёмся завтра, чтобы увидеть тебя. Я обещаю.

Правда?

Правда.

Я указал на его книгу. С одного конца торчала полоска фотографий. Я вытянул её из книги, показал Тони. Я улыбался, делая это, пытаюсь донести до него, что он может смотреть на эти фотографии и вспоминать нас. Я протянул ему снимки, и он прижал их груди, опустив взгляд.

Когда я наклонился вперёд, чтобы поцеловать его в щёку, он не отстранился.

— Вау, — произнесла в последовавшей тишине Хизер. — Я никогда не видела, чтобы кто-нибудь так к нему пробивался. Я думала, он закатит истерику.

— Он замечательный ребёнок, — сказал я, поднимая на неё взгляд. — Я сказал ему, что мы вернёмся увидеться с ним завтра.

— Конечно.

Я повернулся к Тони.

Теперь ты должен поесть, малыш Т. Мы увидимся завтра. Хорошо?

Он закусил губу и кивнул так грустно, смиренно, что у меня заболело сердце.

Я раскрыл руки, показывая ему, что он может обнять меня, если хочет.

Именно это он и сделал.

Глава 22

Нет, я не в порядке

— Ты в порядке? — Джексон потянулся, чтобы положить руку мне на колено.

Я не был в порядке.

Я рыдал, как ребёнок.

— Просто веди машину, — сказал я, вытирая глаза.

— В этот раз ты действительно сильно влюбился.

— Не критикуй меня.

— Ты не можешь спасти всех детей.

— Но мы могли бы спасти одного, — спорил я. — И этот один — Тони, Джек. Я знаю. Теперь я это знаю. Я не хочу оставлять его в этом месте. Он должен быть с нами. Это неправильно.

Он выехал на дорогу.

Я пытался взять себя в руки, но встретился мало преуспел.

— Вилли? В чём дело?

— Он напомнил мне Ноя. Я знаю, он давно умер, но кажется, будто это было вчера, и я не думаю, что когда-нибудь...

Я не закончил предложение.

— Мы увидим Тони завтра, — тихо сказал Джексон. — Брось. Всё не так плохо.

— Прости.

— Не извиняйся.

— Сам не понимаю, что со мной не так.

— Ты просто большой старый болван. Вот, что с тобой не так.

— У меня такое чувство, будто кто-то разбил мне сердце.

— Это потому, что так и есть.

— Это ведь он, верно?

— Думаю, это довольно очевидно.

— Но ты поддерживаешь меня?

— Конечно, да.

— И он тебе нравится?

— Я начал к нему привязываться, да.

— Но он тебе понравился?

— Вилли, я постоянно работаю с детьми. Мне хватает ума не быть слишком эмоциональным. Но да... он был милашкой, и я надеюсь, что мы можем его усыновить. Я бы хотел быть его папой. Но ещё я знаю, что мы должны постараться держаться на расстоянии. Подождать и посмотреть. Не обнадёживай себя. Если чему-то суждено быть, это произойдёт.

— Рождество уже не за горами. Я хочу что-нибудь ему подарить. И я не хочу, чтобы он проводил Рождество в том ужасном месте, совсем один.

— Мы должны поехать домой на Рождество. У нас рейс в этот четверг.

— Мы могли бы отменить вылет.

— Серьёзно? Вилли Кантрелл собирается отменить проводы Рождества со своей семьёй?

— Если придётся. Давай посмотрим, сможем ли взять его на ещё одно посещение. Может быть, на всю рождественскую неделю. Можно? Твоя мама не будет против?

— Мы завтра спросим об этом у Хизер. Но ты понимаешь, что это означает празднование Рождества с моими родителями?

— Насколько плохо это может быть?

— Тебе обязательно спрашивать?

Я вытер глаза и посмотрел в окно.

— Посмотри на себя, — с улыбкой на лице произнёс Джексон. — Запал на своего маленького друга.

— Заткнись, Ледбеттер.

— Он действительно тебя задел, да?

— Я сказал, заткнись!

— Ты так эмоционально к этому относишься.

— Я скучаю по отцовству. Я скучаю по всем бо-бо, и порезам, и царапинам, и всему шуму. Наш дом такой тихий, что мне иногда хочется кричать. Знаешь, Ной был моим маленьким вторым пилотом. И большую часть времени у нас ничего не было, но, по крайней мере, у нас были мы, и всё было в порядке. Это было всем, в чём я нуждался. Теперь я половину времени хожу и чувствую, что мне чего-то не хватает. Будто мне отрезали руку, и я просто хочу её вернуть.

— У тебя есть я, — отметил он.

— Я знаю.

— Иногда мне кажется, ты забываешь об этом.

— Я никогда об этом не забывал, Джек. Я бы не справился без тебя. Ты смирился со всем моим дерьмом...

— Ну, да, было немного.

— Я у тебя в долгу. Я это знаю.

— Я не это имею в виду, Вилли. Я тоже здесь. Я тоже потерял нашего мальчика. Это прошёл не только ты.

— Я знаю, — ответил я, чувствуя себя виноватым.

— Но мы прошли через всю эту дрянь. И мы пройдем через любую другую дрянь, которая ждёт нас на пути. Но мы должны сделать это вместе, Вилли.

— Я знаю.

— Я не цепляюсь к тебе. Я просто отмечаю, что ты не единственный, у кого такое чувство, будто руку отрезало. Я после этого ходил на много собраний — на каждое, что смог найти. Я тоже двинулся, знаешь ли. Но мы прошли через это, разве нет? То, что тебя не убивает, делает тебя сильнее и всё такое.

— Если я услышу это ещё от одного человека, то оторву ему руки и заставлю их съесть, и я встану там и скажу: "То, что тебя не убивает, делает тебя сильнее! Уже чувствуешь себя сильнее, чёртов мудака?"

Джексон улыбнулся.

— Чего ты лыбишься, Ледбеттер?

— Потому что люблю тебя.

— Ох, заткнись.

Глава 23

Я не понимаю

— Тебя не будет дома на Рождество? — Мама была в гневе.

Я отодвинул телефон от уха.

— Мы собираемся остаться в Бостоне, — сказал я.

— Вилли, почему? Это Рождество! Я думала, ты сказал, что ни за что в мире не проведёшь праздники с Ледбеттерами!

— Кое-что произошло, мама.

— Что?

— Посещение.

— Маленький глухой мальчик, о котором ты говорил?

— Да.

— И?

— Ну, он нам действительно нравится. Мы хотим устроить ещё одно посещение с ним на Рождество. Я не хочу, чтобы он был вынужден встретить Рождество в том месте, совсем один.

— Но ты даже не знаешь этого ребёнка, Вилли.

— Мы его узнаем.

— Я не понимаю, зачем тебе обязательно усыновлять. Ты просто напрашиваешься на неприятности.

— Я не собираюсь снова ругаться с тобой из-за этого, мама. Я просто объясняю.

— Значит, ты не приедешь домой на Рождество? Что я скажу Билли?

— Я в любом случае не уверен, что Билли заметит.

— Не глупи.

— Мне нужно это сделать, мама. Вот и всё.

— Вилли, если ты собираешься усыновлять, в Миссисипи есть куча детей, которым нужен дом. Ты не обязан ехать за границу.

— Бостон это не заграница.

— Мы должны заботиться о своих!

— Ох, мама, честное слово.

— Что ж, я уверена, что в Бостоне куча людей, которые могут позаботиться о своих собственных нежеланных детях. Это они их создали, знаешь ли.

— Хорошо. Я должен идти.

— Вилли, почему ты это делаешь?

— Делаю что?

— Усыновляешь ребёнка? После всего, что произошло...

— Мы с Джексонем хотим семью.

— У вас есть семья.

— Но мы тоже хотим детей.

— Ноя было недостаточно?

— Не делай этого, мама.

— Я не понимаю. Недостаточно, что ты вышел замуж, обязательно ещё и усыновлять детей? Если ты действительно хотел детей, то мог бы жениться, как все остальные, и завести своих собственных. Я хочу сказать, что иногда думаю, что ты просто хочешь всего, и тебе плевать...

Я закатил глаза и покачал головой.

Глава 24

Пенис с окуляром

— Если у них нет идеально точной, пушистой, дружелюбной, безвредной игрушки Ти-Рекса в "Тойз-Ар-Ас", не думаю, что будет где-то ещё, Вилли, так что ты выберешь ту, которая нам подойдёт? У нас встреча в час, и я не хочу опоздать, а нам ехать через весь город.

Джексон скрестил руки на груди и посмотрел на меня раздражённым взглядом.

Я в ошеломлении стоял перед полками с плюшевыми игрушками. Я хотел, чтобы у Тони был плюшевый Ти-Рекс. Единственный, который здесь был, был выше него и не будет чем-то, что он сможет носить с собой.

— Я просто хочу плюшевого медведя динозавра, — в отчаянии сказал я. — И всё. Всего лишь плюшевого медведя, который ещё и динозавр. И не чёртова пародия на динозавра, с часами и в солнечных очках! Я слишком много прошу в Америке двадцать первого века? Брось! И это Бостон! Я думал, вы, ребята, можете просто наклониться и достать всё, что хотите, прямо из своих задниц.

— Есть много плюшевых медведей, которые так же прекрасно подойдут, Вилли, и я хочу, чтобы ты выбрал одного, и мы могли уйти. И любое, что ты здесь выберешь, будет выглядеть намного лучше, чем тот грустный, жалкий мишка, которого он таскает с собой сейчас.

— Может быть, мне купить ему Коржика.

— Он рос не в семидесятых, Вилли. Честное слово!

— Я не знаю, что нравится детям в наши дни!

— А кто знает? Просто купи ему нормального медведя, похожего на того, который есть у него сейчас, так как очевидно, что ему нравится этот стиль. Но мы не можем оставаться здесь весь день, споря об этом, потому что опоздаем.

Я прошёл обратно к концу полок, к бледно-жёлтому медведю, который был мягким и как раз нужного размера.

— Ты уверен, что ему это понравится? — спросил я.

— Уверен, да. Дети любят плюшевых медведей, и чем они больше, тем веселее.

— Я не хочу, чтобы он думал, что мы пытаемся заменить его медведя.

— Честное слово!

— Ну, для него это важно, и это должно что-то значить, если он носил его с собой с тех пор, как Иисус изобрёл белый хлеб.

— Может быть, некому было купить ему нового, Вилли.

— Ладно. Значит, давай купим ему двух. Этого и то похожее на пенис существо с окуляром.

— Это не похожее на пенис существо.

— Ну, это не мистер Картофельная голова* (*прим.: Мистер Картофельная голова — персонаж мультфильма "История игрушек"*), это уж точно, но та дама сказала, что мальчикам он нравится, так что давай возьмём его.

— Ты говоришь о парне из "Гадкого я"?

— Да. Этот пенис с одним глазом.

— Перестань так его называть! Мы в "Тойз-Ар-Ас", ради Бога, а то кто-нибудь тебя услышит! Кроме того, они называются миньонами.

— Миньонами?

— Ты никогда не видел фильм? Тебе нужно чаще выходить из дома. Я миллион раз смотрел все эти детские фильмы. Я медбрат педиатрии, знаешь ли.

— Ну, тогда хорошо!

Кассир одарила нас скептическим взглядом, пока мы клали две плюшевые игрушки на прилавок.

— Они не для нас, — отметил я. — Мы встретили маленького...

— Ты не обязан объяснять, — сказал Джексон.

— Ну, это выглядит странно, два взрослых мужика в "Тойз-Ар-Ас", покупают...

— Мы опоздаем на, эм, вечеринку по случаю дня рождения, если не поторопимся, — сказал Джексон, перебивая меня.

Я не знал, почему он чувствовал, будто должен оправдываться за нашу покупку вместо того, чтобы рассказать правду.

— Что действительно странно, так это когда взрослые мужики покупают кукол в натуральную величину.

— На кой чёрт взрослому мужику захочется куклу в натуральную величину? — спросил я.

Она улыбнулась.

— Нельзя заказать такую штуку по интернету? — спросил я.

— Ради Бога! — воскликнул Джексон.

Глава 25

Так живём

Привет, Тони, — прожестикнул я. — Мы принесли тебе парочку друзей.

Он посмотрел на игрушки, которые держал Джексон, и едва заметно улыбнулся.

Как ты? — спросил я.

Он пожал плечами.

Ну, давай, — сказал я. — Мы принесли их для тебя.

Он медленно подошёл к Джексону, кусая губу, глядя на игрушки через свои толстые очки. Он переводил взгляд с одной на другую, будто не мог решить, какую выбрать. Его нижняя губа задрожала, и он вдруг расплакался.

Я присел на корточки, медленно махая ему рукой, пытаюсь привлечь внимание. Я раскрыл руки.

Он дёрнулся вперёд порывисто, неуверенно, позволяя мне взять его в объятия.

Почему ты плачешь? — спросил я, когда он затих.

Это все... мне... правда?

Да. Мы подумали, что они тебе понравятся...

Правда?

Да, малыш Т. Они тебе нравятся?

Он очень серьёзно кивнул.

Джексон протянул мне плюшевого мишку, и я вложил его в руки Тони. Его глаза расширились. Он опустил нос, чтобы понюхать игрушку. Он держал её так, будто держал ребёнка.

Он посмотрел на меня, поднял взгляд на Джексона, а затем вернул взгляд на своего мишку и начал водить руками по его мягкому меху, что, казалось, успокаивало его.

Джексон жестом пригласил его взять одноглазого миньона.

С большим трепетом, он положил первого мишку на кровать, рядом со своим старым, а затем повернулся обратно к Джексону, взял плюшевого персонажа из его рук и рассмотрел игрушку с улыбкой на губах. Тони провёл пальцем по кругу единственного окуляра миньона. Он казался очарованным этим маленьким одноглазым монстром в комбинезоне.

Он тебе нравится? — спросил я.

Он кивнул.

Ты был хорошим мальчиком?

Он снова кивнул.

Он продолжал исследовать одноглазого персонажа, казалось, потерялся в мыслях, почти не осознавая нашего присутствия. Мы наблюдали за ним в тишине. В конце концов, он положил плюшевого приятеля на кровать, рядом с двумя другими мишками, затем долгое время смотрел на них, выстраивая в ряд, чтобы они все лежали идеально ровно.

Хочешь показать нам свою комнату? — спросил я.

Хизер предложила нам отвести Тони в игровую, чтобы посмотреть, как он взаимодействует с другими детьми, которые там играют.

Он не ответил.

Вместо этого он подошёл к двери и вышел в холл, а мы пошли следом. Он вёл нас вниз по длинному коридору, мимо дверей многих других детских комнат, и мы в итоге вошли в большую, открытую зону, полную столов, стульев и игровых предметов, таких как настольные игры. Он резко остановился у линии, где плиточный пол уступал место ковру.

Там играли несколько детей, как и несколько старших — на самом деле, подростков — которые сидели за столами, по большей части сами по себе. Одна пара старших мальчиков играла в довольно громкую карточную игру. Двое детей лет двенадцати быстро и с жаром играли в настольный футбол.

Тони огляделся вокруг, нахмурился, опустил глаза. Он, казалось, не хотел заходить в игровую зону, и ни один из других детей, казалось, не хотел играть с ним. Он медленно подошёл к дивану, стоящему у стены, и присел, сложив руки на коленях, не глядя ни на кого.

Я присел перед ним на корточки.

Здесь ты играешь?

Он пожал плечами.

Ты хочешь поиграть в какие-нибудь игры?

Он покачал головой.

Тебе здесь нравится?

Он снова покачал головой.

Джексон схватил раскладной стул и шашки, затем поставил доску на край журнального столика.

Хочешь сыграть? — прожестикуюлировал Джексон.

На губах Тони появился намёк на улыбку, когда он кивнул.

Глава 26

Что есть, то есть

— Мы можем устроить с ним посещение на Рождество? — спросил я, пока мы сидели в кабинете Хизер и наблюдали, как она перебирает стопку документов, ища досье Тони.

— На Рождественское утро у нас запланированы для них мероприятия, частью которых, я уверена, Тони захочет быть, — сказала она. — Некоторое время мы о них говорили, конечно, и младшие дети готовили подарки друг для друга. Возможно, вы могли бы провести мероприятия вместе с ним, а затем забрать его на посещение?

— Хорошо, — согласился я.

— Я понимаю, это Рождество, — с улыбкой добавила она, — но некоторые из этих детей пробыли здесь долгое время, и они привыкли к тому, как мы проводим Рождество. Нам не нравится назначать посещения на праздники, только если ничего нельзя поделать.

— Мы понимаем.

— Итак, я звонила в тюрьму, где держат мать Тони. Вы понимаете, что вам понадобится её разрешение, если вы хотите усыновить Тони?

— Оу?

— Родительских прав не лишают так, как раньше, и это хорошо, но также и плохо. В таких ситуациях суд старается больше полагаться на желания биологических родителей. Например, мать Тони отправилась в тюрьму. Это не значит, что она не любит своего ребёнка, не хочет для него лучшего. Просто лишать её родительских прав и принимать решение по поводу её ребёнка кажется довольно грубым.

— Грубым? — повторил я, отчасти поражённый.

— Это может быть сложно, — признала она. — И я бы поспешила отметить, что судья по делу внимательно рассмотрит желания биологических родителей, но эти желания не всегда являются окончательным словом. У матери Тони, например, длинная криминальная история, и она бывала в тюрьме задолго до произошедшего, и любой судья, глядя на материалы, конечно же, будет иметь это в виду. Она никогда не привлекалась за преступление по поводу её способностей воспитывать ребёнка...

— Она была наркоторговкой!

— Это не обязательно делает тебя плохим родителем.

— Она была шлюхой!

— Ну и что?

— Я не верю своим ушам, — произнёс он, качая головой.

— Я не говорю, что она хороший родитель, мистер Кантрелл. Я говорю, что дети воспитываются в разном окружении. Дети воспитываются преступниками. Они могут быть белыми воротничками, они могут быть синими воротничками, но давайте начистоту — есть бесчисленное количество детей, чьи родители нарушают закон. Может быть, они продают дурь. Может быть, они занимаются мошенничеством в интернете. Может быть, их судят за вымогательство. Может быть, они в воровской шайке. Или, может быть, они выписывают фальшивые чеки, потому что они бедные, и им нужно купить подгузники, и они оказываются за решёткой. Это не обязательно делает их плохими родителями. Так что когда нам нужно пойти в дом и забрать ребёнка, мы стараемся иметь это в виду и стараемся, насколько возможно, уважать желания родителей.

— Значит, мне нужно разрешение преступницы, которая взорвала свою квартиру, делая мет, чтобы усыновить её глухого сына, у которого, кстати говоря, ВИЧ, который намного хуже, чем должен быть, потому что она не трудилась проверить его, пока не стало слишком поздно, потому что была слишком занята, готовя мет и продавая наркотики?

— Я понимаю, что это немного неприятно.

— Немного?

— Такова система, мистер Кантрелл. Мы работаем с ней так, как можем. Пока её не лишат родительских прав, у неё есть право слова в жизни её сына. И не отчаивайтесь пока. Я должна ей позвонить. Посмотрим, что она скажет. Вы понимаете, что я должна быть честной с вами и вашим супругом? Мать Тони может захотеть, а может и не захотеть, чтобы её ребёнка усыновляла однополая пара. Я просто говорю об этом, потому что это реальность того, с чем нам придётся иметь дело. Так или иначе, ей может быть плевать. Она может быть рада, что кто-то — кто угодно — хочет снять эту ответственность с её плеч. Но... кто знает?

Я взглянул на Джексона и нахмурился.

— Мы знаем, о чём вы говорите, — сказал Джексон. — Есть самые разные преграды, которые нужно преодолеть, а для однополых пар их намного больше. Мы это понимаем.

— Я просто хочу говорить ясно и очень откровенно.

— Мы это ценим, — ответил Джексон голосом разума и терпения.

— Я призываю вас быть осторожными. Пока что не привыкайте слишком сильно. Если мать будет крайне против этого, может быть сложно пройти с этим через суд. Конечно, никогда не знаешь. Много зависит от того, о каком суде мы говорим, и в каком настроении он может быть в тот день, когда будет принимать своё решение. Если вы хотите законно усыновить ребёнка, мать должна быть лишена прав. Я не хочу резать правду-матку, но я считаю, что этот процесс легче, когда мы все понимаем правила игры. И, конечно же, попечительство — по-прежнему вариант, хотя я думаю, что Тони потребуется долгосрочная опека.

— Так она ответила на ваш звонок? — спросил я.

— Пока нет. Имейте в виду, что она может захотеть вас увидеть. Она может захотеть встретиться с вами. Она может попросить вас прийти и посидеть с ней. Не удивляйтесь. Ей может понадобиться это, чтобы принять решение.

— Я не понимаю, как для неё может быть лучше мешать кому-то, кто хочет усыновить её ребёнка.

— По сроку она выйдет из тюрьмы, когда Тони будет двадцать четыре.

— Именно.

— Возможно, она хочет видеть в своём сыне кого-то, на кого сможет положиться, когда выйдет. Я не знаю ничего о её семье, есть ли у неё, куда пойти. Ещё

Тони на инвалидности, и так будет всю оставшуюся жизнь. Она может просто хотеть получать эти деньги каждый месяц, по своим собственным причинам.

— Пожалуйста, скажите мне, что вы шутите.

— Хотелось бы, мистер Кантрелл. Итак, шансы таковы, что у вас не будет никаких проблем с тем, чтобы получить её разрешение. Надеюсь, что так. Тони, кажется, нравитесь вы оба, и, честно говоря, не думаю, что я видела, чтобы ему кто-то нравился. Ни другие дети. Ни сотрудники. Определённо не я. Я не знаю, что есть в вас двоих, но он, кажется, привязался к вам, и я очень, очень надеюсь, ради него, что всё получится.

Она раскрыла досье и посмотрела на него.

— Итак, мистер Ледбеттер, вы медбрат педиатрии — вы именно такой человек, в котором он нуждается для помощи с лекарствами и проблемами со здоровьем. Вы оба знаете язык жестов, так что можете хорошо с ним общаться. Мистер Кантрелл, вы уже воспитывали ребёнка, так что знаете, чего ожидать и как с этим справляться. Думаю, для него это будет идеально. И я уверена, вы оба будете очень сильно его любить и поможете ему наладить связь с людьми, если он собирается выжить в этом мире. Но даже при этом всё может расползтись по швам. Мать может отказать. Тони может решить, что не хочет уезжать отсюда. Мне просто нужно, чтобы вы осознавали всё, что здесь может пойти не так. Я не хочу гасить ваш энтузиазм, но...

— Он для нас тот самый, — сказал я. — Так что я не переживаю обо всём этом дерьме. Так или иначе, мы собираемся это сделать.

— У вас положительный настрой, — ответила она. — Вам он понадобится.

— Я не понимаю, почему он не в надлежащем заведении, типа школы для глухих, — сказал я.

— У него было хорошее место в одной из лучших школ в Бангоре, но он не может с этим справиться, мистер Кантрелл. Он сейчас здесь, но мы искали другие места, куда можем его отправить. Он в критическом возрасте, с учётом его образования и процесса изучения жестов, он отстаёт. Мы очень хорошо это осознаём, но нас ограничивает бюджет, как и большинство других учреждений. ВИЧ — тоже проблема. Но не во всех школах имеются компетентные сотрудники, и не все приёмные родители готовы для такого уровня ухода. Это делает его случай очень сложным.

Я сделал паузу и повернулся посмотреть на Джексона, который держал на коленях Тони. Тони сжимал своего маленького мишьона, опустив глаза, не обращая внимания на разговор о его жизни и возможном будущем.

— Я знаю, что это тот ребёнок, которого мы хотим, — сказал я Хизер. — Так что мы сделаем всё, что должны.

— А я сделаю всё, что смогу, чтобы помочь вам это осуществить, мистер Кантрелл. Но...

— Я не хочу слышать никаких "но".

— Но пожалуйста... просто знайте, что могут быть сложности. Я восхищаюсь вашей решимостью. Думаю, она вам поможет. Я определённо надеюсь, что поможет.

— Вы позвоните нам, как только услышите ответ от этой женщины?

— Конечно.

Она проводила нас к главному входу, где мы попрощались с Тони.

Веди себя хорошо, — прожестикнул я ему.

Вы... не остаётесь?

Мы не можем, сладкий.

Пожалуйста?

Мне жаль.

Пожалуйста?

Я взял его руку в свою, начертил круг на его ладони, посмотрел на него и улыбнулся. Он не смотрел на меня, а смотрел на свою руку, будто ожидая, что я сделаю это снова. Так что я повторил, и ещё несколько раз после этого. Затем указал на него пальцем.

Ты, — прожестикнул я. — Будь хорошим мальчиком. Мы скоро придём с тобой повидаться. Хорошо?

Он ничего не сказал.

Мы любим тебя, сладкий. Обнимешь меня?

Он позволил себе упасть в мои объятия, тихо рыдая мне в шею.

Мне хотелось взять его на руки и унести отсюда.

Когда он отстранился, я нежно стёр слёзы с его щёк и улыбнулся ему, надеясь подбодрить. Он смотрел на меня, его голубые глаза были полны несчастья. Они хотели что-то сказать, эти глаза, но он, кажется, не мог найти мужества или слов. Казалось, я, наконец, видел маленького мальчика внутри, потерянного в мире, которым было его маленькое тело и хреновая жизнь.

Мы скоро с тобой увидимся. Веди себя хорошо, договорились?

Он закусил губу и отвернулся, пока Хизер сопровождала его обратно в комнату.

Глава 27

Огонь внутри

В тот вечер я закрыл дверь в нашу комнату и повернул ключ в замке.

— Оу? — произнёс Джексон, приподнимая бровь.

— Тебе пора раздеваться, Ледбеттер.

— И почему это?

— Можно подумать, что после девяти лет поцелуев с одним и тем же чуваком меня это достало, но... ну, я должен признать, что ты вроде как милый.

— Вроде как?

— Я знаю, ты постоянно тренируешься, но именно это и нужно делать, чтобы твой мужчина оставался удовлетворённым. Что ж... Большой папочка нуждается в удовлетворении, Ледбеттер. Что у тебя есть?

— Я покажу тебе, что у меня есть.

— Девять лет, — повторил я. — Это как есть Чикен МакНаггетс девять лет, или ванильный пуддинг, или шоколадные коктейли из «Соника». Можно подумать, к этому времени тебя бы от них тошнило... В смысле, если бы мне пришлось есть Чикен МакНаггетс...

— Ох, ради Бога!

— Мы делаем это не ради Бога. Только ради старого доброго меня. И Большой Папочка оторвётся — тебе нужно раздеться и лечь в ту кровать, Ледбеттер. Надеюсь, ты привёз достаточно смазки.

— И что ты будешь делать со всей этой смазкой? — спросил он, снимая фланелевую рубашку и показывая мне себя.

— Ты узнаешь первым.

— Правда?

— Я не шучу.

— Я уже начинал думать, что ты забыл, как это.

— Прошло время.

— Прошло? Действительно прошло? Я рад, что ты заметил, Кантрелл!

— Я думаю, ты немного преувеличиваешь.

Он снял штаны, прошлёпал по полу в сексуальном нижнем белье. Он состоял в каком-то клубе нижнего белья месяца или типа того, и пока мне нравилось быть бережливым и осторожным, я не спорил об этой конкретной поблажке.

Он соблазнительно прижался ко мне своим подтянутым телом и уткнулся носом в мою шею.

— Прости, в последнее время я не слишком умел веселиться.

— Всё хорошо, — ответил он, потираясь о меня. — До тех пор, пока огонь не погас.

— Для тебя огонь не потухнет никогда, Ледбеттер, — сказал я, мягко толкая его назад, пока он не упал на кровать. Я упал на него сверху.

— Это обещание? — спросил он, расстёгивая мою рубашку.

— Я в некотором роде предан одному человеку. Кроме тех случаев, когда это не так.

— Не корми меня этой чепухой. Ты даже не посмотрел бы на другого мужчину.

— А вот и посмотрел бы!

— Нет, не посмотрел бы, потому что тогда я не сделал бы...

После этого он замолчал, потому что его рот был занят.

Глава 28

Я не знаю, почему

Было около двух часов утра, когда Джексон проснулся и обнаружил меня у окна, пока я смотрел на улицу и плакал.

— Вилли?

Я услышал, как он шлёпает по полу, подходя ко мне сзади. Он обвинил меня руками, устроил подбородок на моём плече.

Я ничего не говорил, вытирая глаза, испытывая стыд.

— У тебя снова бо-бо? — спросил он.

— Я так сильно по нему скучаю, Джек.

— Я знаю, сладкий.

— Я не знаю, почему Бог забрал моего маленького мальчика.

— Вилли, не делай этого с собой.

— Если бы я мог просто выяснить, почему... что я сделал не так...

— Ты не сделал ничего неправильного, и ты это знаешь.

— Мама сказала, что Бог забрал его потому, что его просто не должно было быть.

— Вилли...

— Она сказала, что это к лучшему.

— Вилли...

— Как смерть моего мальчика может быть к лучшему?

— Прекрати, Вилли. Твоя мама поступила ужасно, сказав это.

— Что, если она права?

— Она не права, и ты это знаешь. А теперь, почему бы тебе не вернуться в кровать? Здесь холодно.

— Я не могу перестать думать о нём.

— Можешь.

— Я не хочу.

— Но нужно.

— Я не могу заснуть.

— Прими одну из тех таблеток, что тебе дал доктор. Я принесу тебе стакан воды. Давай, Вилли. Медбрат Ледбеттер настаивает, а чего медбрат Ледбеттер хочет, то он и получает.

Он направил меня в сторону кровати, и я сел, в то время как он исчез за дверью, чтобы принести воды. Он наблюдал за приёмом таблетки, заставил меня лечь. Он подоткнул одеяло, будто я был ребёнком.

— Почему ты терпишь меня? — спросил я.

— Не знаю, — ответил он. — Почему мы терпим друг друга? Вот, в чём вопрос. Я бы сказал, что это из-за того, что я люблю тебя, но иногда я не уверен.

— Спасибо тебе.

— Может быть, я просто хочу унаследовать все твои миллионы, раз уж ты знаменитый писатель и всё такое.

Наперекор себе, я не мог не усмехнуться. Как большинство писателей, я был не в состоянии уйти со своей дневной работы. И это Джексон Ледбеттер собирался унаследовать миллионы.

— Я вроде как люблю тебя, знаешь ли, — сказал он, прижимая руку к моей щеке. — Я привязался к тебе. "Мой старик" — мне нравится, как это звучит. Может быть, это фетиш папочки.

— Я не настолько старый!

— Ну, ты не юнец, Вилли Кантрелл. Отрастил себе двойной подбородок, да?

— Не правда!

— Я недавно смотрел на твой зад. Я не знал, что вышел замуж за борца сумо.

— Я не жирный!

— Только то, что у тебя есть складки, не значит, что я тебя не люблю. Просто тебя больше. На твоём животе можно нарисовать полоску и превратить тебя в парковку.

— Заткнись, Ледбеттер!

Он рассмеялся.

— Что? — спросил я.

— Я думал о твоей матери.

— Что с ней не так? — спросил я.

— Я думал о первом разе, когда пришёл туда на обед. Думаю, в тот раз твой дедуля сказал, что она настолько дотошная, что он боится, что она сядет на диван и засосёт все чёртовы вещи в свой зад. Или что-то вроде этого. Я никогда не вспомню всю дрянь, что говорил твой дедушка, но я знаю, что просто сидел там и старался не засмеяться. Я такой: «Вау! Какого чёрта?»

— Я скучаю по деду.

— Он был чокнутым стариком.

— По крайней мере, когда был дед, у меня было такое чувство, что кто-то на моей стороне.

— Мне понадобилось время, чтобы понять это. Он был хорошим.

Он взял меня за руку.

— Вот, что нам нужно делать, Вилли, — тихо произнёс он.

— Что?

— Говорить о Ное. Вспоминать хорошее. Думаю, прямо сейчас он бы говорил тебе, что ты большой-пребольшой тупица.

— Говорил бы, да?

— Конечно. Потому что ты именно такой. И он был таким же, как его папочка, когда дело доходило до того, чтобы говорить всё как есть.

— Я просто скучаю по нему.

— Я тоже, детка. Но ты подарил ему тринадцать отличных лет, и ты любил этого мальчика, как никто другой в этом мире никогда не полюбил бы такого ребёнка со столькими проблемами. Ты подарил ему жизнь, Вилли. Он мог не дожить до своего первого дня рождения без кого-то, похожего на тебя, но ради тебя он держался тринадцать лет. Мне просто хотелось бы, чтобы ты научился думать о хорошем и нашёл покой.

— Я знаю, — сказал я, снова вытирая глаза.

— А я знаю, что где бы он ни был, он бы не хотел, чтобы ты сидел, хандрил и порол чушь.

Я вздохнул.

— Я не религиозен, Вилли, но я знаю, что он где-то там, ждёт тебя, ждёт меня. Мы увидим его снова. Я это знаю.

— Знаешь, да?

— Да, — просто ответил он. — Внутри. Я знаю, что это правда. Я читал о буддизме, знаешь ли.

— Не напоминай мне.

— Реинкарнация. Прошлые жизни. Всё такое. Мне нравится мысль, что, может быть, эта жизнь не единственное, что есть. Может быть, мы получим ещё один шанс в следующей жизни, чтобы сделать всё правильно. Может быть, это не одноразовое дело. Может быть, требуется время, чтобы разобраться со своим дерьмом — а у нас у всех есть своё дерьмо.

— Определённо есть.

Я устроился на подушке, снотворное начинало действовать.

— Я и правда люблю тебя, — искренне произнёс Джексон, наклоняясь, чтобы поцеловать меня. — Никогда это не забывай.

Я пытался думать о чём-то несерьёзном или смешном, но мои мысли вдруг превратились в кашу, и было тяжело держать глаза открытыми.

— Засыпай, старый ковбой, — прошептал Джексон, снова наклоняясь за поцелуем.

Глава 29

Всё не так плохо

Мои колени прижимались к сидению впереди меня, я хмурился и очень старался не выёживаться.

Джексону, казалось, было совершенно удобно в кресле у окна. Он смотрел, как самолёт едет по взлётной полосе, готовый взлететь.

— Если бы сидения были меньше, это было бы как сидеть на дилдо, — сказал я.

— Эконом-класс, — с улыбкой ответил Джексон.

— Они специально пытаются нас измучить? Я не хочу сломать руку из-за того, что мне нужно почесать яйца.

— Всё не так плохо.

— Я ненавижу летать.

— Это быстрее, чем ходить пешком.

— Очень смешно.

— Просто расслабься. Билл сказал, что встретит нас в аэропорту. Мы должны попасть туда в канун Нового года.

— Это не будет иметь значения, если мы задохнёмся, прежде чем попадём туда, или в итоге чья-то спортивная сумка окажется у меня в заднице, потому что больше нигде нет места.

— Всё не так плохо.

С внезапной волной шума и мощи мы с рёвом неслись по взлётной полосе и готовились взлететь.

— Господи! — пробормотал я, хватаясь за руку Джексона.

— Расслабься.

— Заткнись, Ледбеттер.

— Просто расслабься.

— Если эта чёртова штука взорвётся, я подам в суд!

— Она не взорвётся. Тебе нужен гигиенический пакет?

Я не ответил.

— Вилли?

— Что?

— Это рука, — сказал он, опуская взгляд на свою руку, из которой я выжимал всю жизнь, — не поручень.

— Прости.

— Ты просто большой старый малыш, да?

— Ненавижу летать!

— Ну, видимо, все тракторы, грохочущие на просёлочных дорогах, полностью забиты, так что нам просто придётся перебиться тем, что есть.

— Мило.

Я не расслабился, пока мы не начали "парить" на высоте девяти километров.

Я отпустил руку Джексона, и он потёр её.

— Ты преуспеваешь, — сказал Джексон.

— Заткнись, Ледбеттер.

— Правда. Больше не нужно вмешательства стюардессы. Даже не оскорбляешь случайных пассажиров, чтобы скрыть напряжение.

— Замолчи, Ледбеттер!

— Посмотри на себя — тебе становится удобно в двадцать первом веке! Если бы твои читатели знали, какая ты большая-пребольшая старая тряпка...

— Мне ведь нужно оставить тебе, о чём писать?

— Думаю, твои читатели будут крайне разочарованы. В любом случае, я просто не из тех парней, что пишут книги.

— И книжные магазины по всему миру вздыхают с облегчением.

Он улыбнулся.

— Ты этим наслаждаешься, да? — спросил я.

— Немного, — признался он. — Приятно видеть, когда ты за пределами своей зоны комфорта и пытаешься подружиться с остальным миром вместо того, чтобы сидеть в Тупело, штат Миссисипи, и спорить о религии.

— Что ж, это очень унижительно с твоей стороны. И мне нравится спорить о религии.

— Разве я этого не знаю?

— Думаешь, с ним всё будет хорошо?

— С Тони? Конечно, всё будет хорошо. Мы вернёмся через неделю.

— У меня такое чувство, будто мы оставляем своего маленького мальчика позади.

— Или ещё ты мог бы сказать, что мы заботимся о некоторых деталях, чтобы можно было вернуться домой и подготовить квартиру для него и нашей новой жизни... Этим мы и занимаемся. Правильно?

— Я не совсем в восторге от того, что должен уйти с работы.

— Вилли...

— Просто всё это так внезапно.

— Вилли...

— Я просто нервничаю.

— Не стоит. Всё будет в порядке.

— Надеюсь, они не забудут вовремя дать ему лекарства.

— Не забудут.

— И ты был прав насчёт той железной дороги — она ему понравилась. Надеюсь, он хорошо провёл Рождество.

— Хорошо, благодаря тебе. И он будет в порядке до нашего возвращения.

— У меня просто такое чувство, будто я оставляю своего малыша.

— Это не так.

— Я хотел бы, чтобы мы взяли его домой, чтобы познакомить с мамой и остальными.

— Когда-нибудь возьмём.

Женщина, сидящая на кресле через проход от нас — я сомневался, говоря "через проход", потому что она была так близко, что я мог бы нагнуться и подарить ей французский поцелуй — улыбнулась мне.

— Вы двое вместе? — произнесла она по-простому. Она поставила ноутбук на подставку перед собой и выглядела очень похожей на бизнес-леди.

— Вместе? — произнёс я. — Мы? Вы, должно быть, шутите.

— Вы пара?

— Или так, или последние десять минут я держу за руку незнакомого мужчину. На удивление, он, кажется, не против.

— Вы не любите летать? И ваш акцент... Луизиана?

— Упаси Бог!

— Мемфис?

— Тупело, штат Миссисипи.

— Оу. Что ж, я не хотела подслушивать, но звучит так, будто вы думаете об усыновлении.

— Так и есть. Как вы поняли?

— Вы говорите так, будто ездили повидаться с суррогатной матерью.

— Мы не искали суррогатную мать. Мы познакомились с пареньком в детском доме. Он глухой...

— Правда?

— И у него ВИЧ и другие проблемы. Такой душка.

— Малыш?

— Ему сейчас семь.

— Значит, вы ищете детей постарше?

— Ну, мы с Джеком оба знаем язык жестов, так что думаем, что глухой ребёнок нам и нужен. Вы усыновляли?

— О Господи, нет. Я просто подумала, что это мило. Вы двое... Уверена, вы будете отличными родителями. У лучшего друга моего сына в школе две мамы. Я не понимаю, в чём проблема. В любом случае, каждый раз садясь на самолёт, я разделяю ваши чувства, когда вы говорите, что оставляете малыша позади. Но нужно зарабатывать. Я не спросила вашего имени.

— Вилли. А это мой супруг, Джек.

— Я Ронда. Надеюсь, у вас всё получится.

Я взглянул на Джека, который смотрел в иллюминатор, его губы сжались в мрачную линию. Он не слишком любил моё пристрастие быть откровенным с совершенно незнакомыми людьми.

— Мы уже на месте? — спросил я.

Он бросил на меня взгляд и вздохнул.

— Что, Ледбеттер? — тихо спросил я, чувствуя его настроение.

— Тебе обязательно рассказывать людям всё? — прошептал он.

— Я из таких парней, кто разносит весть повсюду. Ты это знаешь. Кричу с крыш. Кому какое дело?

— Мне просто не нравится, что ты делишься нашими делами с каждым.

— Я постараюсь быть более молчаливым, если это поможет. Или мы можем вернуться обратно в шкаф.

— У тебя вообще есть какой-нибудь фильтр?

— В смысле, воздушный фильтр?

— Ты знаешь, что я имею в виду, Кантрелл.

— Господи, знал ли когда-нибудь. Я просто не уверен, почему ты так волнуешься о том, что думают люди.

— Мне не нравится, когда люди надо мной смеются.

— Ты видишь, чтобы над тобой кто-нибудь смеялся?

— У тебя просто есть привычка привлекать всеобщее внимание. Я не знаю, что с тобой такое, но каждый раз, когда я поворачиваюсь, вот он ты, треплешься. Надеюсь, ты не планируешь делать это в Бостоне.

— Значит, я должен быть более чванливым. Другими словами, как твои родители?

— Дело не в этом.

— Тогда в чём?

— Может быть, мы могли бы ненадолго сойти с этого чокнутого поезда, Кантрелл?

— Где мы сейчас, Ледбеттер?

— Знаешь, если ты не флиртуешь с людьми или не ругаешься с ними, ты рассказываешь им историю своей жизни. Тебе когда-нибудь приходило в голову, что твой рот за все годы навлёк на тебя кучу проблем? Есть что-то плохое в том, чтобы быть более сдержанным?

— Это немного грубо.

— Разве? Когда мы встретим Билла в аэропорту, почему бы тебе не попробовать устоять перед желанием ткнуть его носом в тот факт, что мы хотим усыновить ребёнка, у которого ВИЧ. Ты знаешь, что он вспылит — и ты не можешь дождаться, верно?

— Прости?

— Я тебя знаю, Вилли. Я знаю, что ты делаешь. Ты всех взвинчиваешь. Ты извлекаешь из этого пользу. Может, ты мог бы попробовать быть немного более мягким и не тыкать всех во всё носом. Кто знает? Ты можешь даже начать им нравиться.

— Хорошо, — ответил я, делая глубокий вдох. — Теперь я запутался.

— Хотелось бы мне, чтобы ты мог сесть и некоторое время посмотреть на себя со стороны и увидеть, что вижу я, Кантрелл. Тогда ты бы знал, о чём я говорю. И мне нравится, какой ты откровенный. Правда, нравится. Но ты бы не умер, если бы давил

на людей чуточку легче, особенно на свою маму. Бедная женщина. Уверен, я не знаю, почему она от тебя не отказалась.

— Иногда мы немного горячимся, — признал я.

— Вилли, я видел, как ты вставал за столом и угрожал вытащить свой пенис, так как об этом все только и говорят. Однажды ты сказал Биллу, что не будешь подтирать зад его Библией. Ты просто подначиваешь их.

— Это не так!

— А вот и так! Ты эксгибиционист. Думаю, тебе нравится внимание.

— Есть что-то плохое в том, чтобы быть честным?

— Каким бы привлекательным ни был твой пенис, это не то, что хочется увидеть твоей маме, Вилли. Ей не обязательно знать всё. Бог Свидетель, ты бы запел по—другому, если бы она захотела поделиться с тобой всеми подробностями своей интимной жизни.

— Мама не занимается сексом!

— Ага. И тот мистер Фостер, который приходит по воскресеньям... он просто друг.

— Моя мама не занимается сексом с этим мужчиной! Боже упаси!

— Смысл в том, что это её дело, Вилли. Она не обязана тебе это объяснять. Она не обязана тыкать тебя в это носом. Это не имеет к тебе никакого отношения. Она сдержанная.

— Сдержанная? Значит, это нормально — быть шлюхой, пока ты сдержан?

— Твоя мать не шлюха, Вилли.

— Я знаю — и ещё она не занимается сексом с тем мужчиной!

— Продолжай себе это говорить, детка.

— Мама никогда бы не сделала ничего такого!

— Ага.

— Она больше католичка, чем папа римский. Она на самом деле села и написала папе Франциску и сказала ему собрать своё дерьмо и перестать относиться ко всему так по-христиански.

— Ты никогда не устаёшь от ругани?

— Мы ругаемся?

— Я говорю не о себе, Вилли. Я говорю о твоей семье. О жизни. Не обязательно жить как беженец.

— Почему ты продолжаешь цитировать песни Тома Петти?

— Мне нравится Том Петти, а ты уходишь от вопроса.

— Так где мы сейчас, Ледбеттер? У меня такое чувство, будто мы в свободном падении.

— Я скажу тебе, где мы. Мы готовимся к новой главе в нашей жизни. Мы готовимся снова стать семьёй. Может быть, нам следует оставить немного места...

— И эта причудливая вонючая чушь значит...?

— Отпусти это, Вилли.

— Что отпустить?

— Перестань со всем бороться. Перестань тянуть своё сердце. Только то, что вы все там, в Тупело, штат Миссисипи, живёте в пятидесятых, не значит, что таков весь мир. Остальной мир двинулся вперёд. Мы с тобой женатая пара, и мы не обязаны объясняться или оправдываться перед кем-то. Мы живём в свободной стране.

— Иногда я могу поклясться, что ты снова принимаешь наркотики, Ледбеттер. Честное слово! Или это, или ты читаешь какую-нибудь чепуху «Нового века»* (*прим.: Новый век — название современного синтетического религиозного культа*), например,

«Печенье Эккерта Толлхауса» и «Чудеса бытия самовлюблённого нацистского ублюдка». И ты процитировал уже пять песен Тома Петти. Какого чёрта?

— Какая враждебность.

— Ох, иди в задницу, Ледбеттер.

— Просто подумай о том, что я сказал.

Глава 30

Твоя мама и они

— Привет, братишка, — произнёс Билл, встречая нас в зоне получения багажа в Международном аэропорту Мемфиса. Он взялся за ручку моего чемодана. — Как прошла поездка?

— Хорошо, — ответил я.

— Мама на тебя злится.

— Почему?

— Ты не приехал домой на Рождество.

— Уверен, вы все это пережили.

— Ты её знаешь. Сказала, что вы думаете об усыновлении, довольно серьёзно настроились на того маленького мальчика.

— Ага, — ответил я. Затем замолчал и больше ничего не говорил, бросив взгляд на Джексона, чтобы убедиться, что он заметил. Он едва заметно приподнял бровь.

— Джек, как твоя мама и они? — спросил Билл.

— У них всё в порядке, — сказал Джексон.

— Что ж, такие дела. Я припарковался снаружи, на парковке.

Джексон сидел, скрючившись, на заднем сидении машины во время двухчасовой поездки домой из Мемфиса в Тупело. Он вежливо вставил в уши наушники и слушал «Пандору», при этом отключаясь от нас.

— Ну, расскажи мне о нём, — сказал Билл, когда тишина затянулась. — Как прошло посещение?

— Он был славным, — ответил я.

— Славным?

— У него много проблем, но он был милым ребёнком.

— Так вы собираетесь его усыновить?

— Думаю, взять на попечительство. Не знаю насчёт усыновления.

— Почему нет?

— Его мать не очень счастлива, что её сына хотят усыновить двое мужчин. Уверен, она назвала нас "растлителями", вежливо сказав нам поцеловать её белый, тюремный зад.

— Оу.

— Но она не выйдет из тюрьмы раньше, чем ему исполнится двадцать четыре, так что мы можем просто взять его до тех пор на попечительство.

— Это тот, про которого ты говорил, глухой?

— Да.

— Я бы хотел с ним познакомиться.

Я взглянул на брата и нахмурился. Я не хотел, но... ну, это был Билл, в конце концов, тот же парень, который однажды сказал мне, что находится "на расстоянии лобкового волоса" от того, чтобы нанять адвоката и объявить меня негодным родителем, потому что мама застала нас с Джексонем за купанием нагишом с Ноем, в походе. Мы с Билли привыкли ходить купаться нагишом, когда были детьми, но,

видимо, делать это со своими собственными детьми — большое табу, особенно, когда это твой первый поход с каким-то парнем, с которым ты недавно начал встречаться. Я считал, что мы веселились. Билл считал, что мы рискуем навлечь гнев Божий на весь мир.

Вопреки моему католическому воспитанию, я был ужасен в том, что касалось стыда своего тела, хотя я пытался. Я был естественным в этом плане и всегда считал, что лучше мой ребёнок будет видеть обнажённые тела, чем то, как людей убивают, разделяют и разрывают на кусочки по телевизору. Видимо, я очень отличался ото всех в этом отношении.

— Ты хотел бы с ним познакомиться? — недоверчиво переспросил я.

— Конечно. Почему нет?

— Полагаю, я просто удивлён. Он действительно милый ребёнок. Немного странный.

— Странный?

— Ему не нравится, когда к нему кто-нибудь прикасается.

— Почему это?

— Не знаю. Должно быть, в какой-то момент с ним обращались жестоко, и, может быть, он ассоциирует прикосновения с болью. Я где-то читал об этом.

— Может быть, — допустил Билл.

— Ещё он ходит под себя, — добавил я. — Мама Джека устроила маленькую вечеринку, и у него произошла авария. Это было даже забавно.

— Он, наверное, наложил в штаны при одном взгляде на неё.

— По крайней мере, ему не приходится её слушать, — отметил я.

— Она хороша.

— Да, она ничего.

— Значит, он глухой, и у него случаются аварии. Какие плохие новости?

— Почему ты думаешь, что есть плохие новости?

— Потому что я знаю, что есть, Вилли. Плохие новости есть всегда.

— Ну...

— Что "ну"?

— У него СПИД. На самом деле, ВИЧ. СПИД получаешь тогда, когда твоя иммунная система больше не может бороться с ВИЧ.

— Оу?

— Ага.

— И что это значит?

— Он должен принимать много лекарств. С ним всё должно быть в порядке, но никогда не знаешь. Просто нужно быть осторожным.

— Звучит так, будто это непростая ноша, — сказал он.

— Да, ну, ты знаешь.

— Значит, вы серьёзно на это настроены?

— На самом деле, да.

— Хорошо.

— Хорошо?

— Тебе нужно двигаться дальше, окунуться в это и вытащить голову из задницы. С тех пор, как Ной умер... ну, ты просто не был собой. Не то чтобы я этого хотел, потому что ты был чёртовым кошмаром, но всё равно. Было бы мило время от времени изредка видеть моего прежнего младшего брата.

— Ну, спасибо тебе.

— Серьёзно, — продолжал он. — Сначала дед, а потом немного позже Ной. Бам, бам, вот так просто. И с тех пор ничто не было прежним. Полагаю, ты не знаешь, как тебе повезло, пока не начинаешь терять.

Я ничего не ответил.

Изредка — и я имею в виду очень редко — Билл становился немного сентиментальным и откладывал в сторону свои религиозные предубеждения на достаточно долгое время, чтобы поговорить со мной так, будто я на самом деле был его братом, а не каким-то буйным сумасшедшим, одержимым тем, чтобы затолкнуть всем в глотки "гомосексуальные принципы".

— Будет мило, если ты привезёшь его на воскресный обед, — добавил Билл.

«Было бы», — подумал я, если бы я не переезжал в Бостон.

Глава 31

Тебе есть, что сказать

В эту сторону, — прожестикнул я Майклу Самнеру, молодому глухому парню, которому помог устроиться на мебельную фабрику за городской чертой Тупело.

Сегодня его первый день. Учитывая, что это понедельник, хотя магазин будет закрыт в четверг и пятницу на Новый год, видимо, у них много заказов, и им нужно так много помощи, сколько они могут получить, будь прокляты праздники.

Ты нервничаешь? — спросил я.

Он несчастно кивнул.

Ты будешь в порядке, — заверил я его.

Спасибо за помощь, мистер К. Я хочу работать. Я хочу платить за свои вещи.

Я знаю, М. Думаю, тебе здесь понравится.

Мы шли через парковку по холоду, направляясь к служебному входу.

Майкл был молодым, темнокожим, выглядел по-своему хорошо, но был очень глухим и довольно неуклюжим. Как подросток, он казался угловатым, и у него были быстрые, нетерпеливые манеры, которые часто приводили к тому, что он запинаясь, спотыкался и врезался в предметы. И всё же, он серьёзно был настроен на то, чтобы получить работу и своё собственное место жительства. Ему исполнился двадцать один год, он только сейчас закончил старшую школу и был на пути к государственному попечению.

Как переводчика для глухих в городе Тупело, моей работой было помочь найти ему работу и создать жизнь. Зарплата, которую он будет получать в этой компании, будет немного ниже, чем у "нормального" работника, но это была зарплата. Более этого, он приобретёт ценные навыки работника и что-то, что сможет включить в последующие резюме.

Прежде чем мы зашли внутрь, я повернулся к нему.

Будь внимателен, М. Это важно. Я знаю, это сложно — но будь терпеливым. Ты будешь в порядке. Убедись, что приходишь на работу вовремя. Не опаздывай! Старайся изо всех сил. Если чего-то не понимаешь, спроси своего бригадира, чтобы показал тебе, как что делать. Они не знают языка жестов, но могут показать тебе. Будь внимателен. Не будь унылым. Хорошо?

Я буду очень сильно стараться, мистер К.

Я знаю, М. Если у тебя будут какие-то проблемы, свяжись со мной. Я вернусь сегодня в пять вечера, чтобы забрать тебя и отвезти домой. Хорошо?

Хорошо.

Я показал ему поднятые вверх большие пальцы.

Бедный парень так нервничал, что едва ли смог выдавить улыбку.

Всё будет хорошо, — заверил его я. — Дай им несколько дней привыкнуть. Вот увидишь. Всё будет хорошо.

Он кивнул, сделал глубокий вдох.

Я тобой горжусь, — сказал я, потому что так и было. — Теперь давай покажем им, из какого ты теста!

Мы зашли внутрь, и я представил Майкла охраннику, показал ему, где найти его карточку учёта времени, и как набирать цифры. Я объяснил ему о двух пятнадцатиминутных перерывах и о том, как выходить на них и заходить обратно, как делать то же самое для обеденного перерыва.

Он плёлся за мной, пока я шёл на поиски Тима Джонсона, бригадира, пожилого, упрямого человека, баптиста с грудью колесом и надсмотрщика.

— Это глухой парень? — грубо спросил Джонсон, когда я нашёл его в заводском цехе.

— Да, — ответил я. — Его зовут Майкл.

Я повернулся к Майклу, прожестикуюлировал, что это его бригадир.

Они пожали друг другу руки.

— Приступим, — сказал Джонсон.

Мы подошли к команде, прибывающей степлерами обивку к спинке дивана.

— Слушайте все, — прогремел голос Джонсона. — Это новенький, о котором я говорил. Вилли, хочешь сказать пару слов?

Он повернулся ко мне.

Я посмотрел на маленькую команду, которая состояла по большей части из белых, возрастом за двадцать, любящих глушь старых добрых парней, которые, возможно, на выходных ходили на охоту и рыбалку и пили слишком много пива.

— Меня зовут Вилли Кантрелл, и я работаю на город, и моя работа — помогать людям с нарушениями слуха найти работу и сохранить её. Это Майкл Самнер. Это очевидно, он глухой и не может вас слышать, но я думаю, что вы все отлично поладите. Ему может понадобится, чтобы вы показали ему, как что делать, какие проходить этапы, что куда вставлять и всё такое. Надеюсь, вы все примите его под крыло и отнесётесь к нему справедливо. У кого-нибудь есть вопросы?

Не было.

— Дайте ему степлер, — велел Джонсон.

Один из мужчин протянул свой.

Джон взял Майкла под руку. Используя жесты руками, он велел наблюдать и быть внимательным. Затем продемонстрировал, как прибавать ткань в спинке дивана, делая аккуратную линию скоб на шве.

Для этого не нужно было высшее образование. Не нужен был даже диплом об окончании средней школы.

Нервничая, Майкл взял степлер и испытал его. Он хорошо справлялся, пока не добрался до конца спинки дивана. Он зацепился ногой за деревянную раму и упал на задницу.

Это встретилось шквалом смеха.

Я помог ему подняться.

— Значит, он и глухой, и тупой! — воскликнул один из рабочих.

Ещё больше смеха.

Я развернулся, улыбнулся, глядя на ребят и напомнил себе быть милым.

— У кого-то есть чувство юмора, — небрежно произнёс я.

Они позжали, помэкали и затихли.

— Если хотите его оскорбить, я могу для вас перевести, — предложил я. — Можно ведь хотя бы сказать ему это в лицо, верно? Наденьте пару яиц. В смысле, вы ведь не будете оскорблять калеку у него за спиной, да?

Они посмотрели друг на друга, на пол, на своего бригадира, но не смотрели на меня.

— Слушайте, вы все, этот парень готовится выйти из-под государственной опеки, под которой был всю свою жизнь. Родители бросили его в Джексоне, когда узнали, что он глухой. Ему только исполнился двадцать один год. Он хочет найти работу, место жительства. Он хочет сам оплачивать счета и не быть бременем для других. Не знаю насчёт вас, но я считаю, что это таки стоит восхищения, но он не сможет сделать это без вашей помощи. Так что вы скажете?

— Думаю, они тебя поняли, мистер Вилли, — сказал Джонсон.

— Есть законы о дискриминации на рабочем месте, знаете ли, — добавил я.

— В этом нет необходимости, мистер Вилли.

— Я просто говорю. Майкл хороший парень. Он хочет упорно трудиться и выполнять хорошо работу для вас всех — и я действительно надеюсь, что вы будете работать вместе, чтобы помочь ему это осуществить. Я знаю, это немного странно — работать с кем-то глухим, но я могу заверить вас, что они такие же, как все остальные. Он надевает штаны точно так же, как вы. Если хотите поговорить с ним или привлечь его внимание, предлагаю вам обойти его спереди, чтобы он мог вас видеть. Не забываете, он не слышит, когда вы его зовёте. И ему понадобится, чтобы вы показали, как что делать. Он отлично повторяет. Если у вас есть какие-нибудь вопросы по этому поводу — просто спросите. Я буду счастлив ответить.

— Что ж, — произнёс один молодой мужчина, почёсывая лицо. — Он умеет читать?

— Да, — ответил я. — Он только что закончил старшую школу.

— В смысле, я спрашиваю потому, что есть инструкции по безопасности и всё такое. Но он может это прочесть, верно?

— Да, может. Но вы должны указать ему на это, чтобы убедиться наверняка.

— Что ж, это хорошо, — ответил мужчина.

— Кто-нибудь ещё? — спросил я.

— Думаю, у нас всё будет хорошо, мистер Вилли, — многострадальным тоном произнёс Джонсон.

— Если будут какие-то вопросы, какие-то проблемы — свяжитесь со мной. Номер моего мобильного есть на визитке у мистера Тима. Просто позвоните мне, и я помогу разобраться.

— Хорошо, — ответил Джонсон, — вы все, приступайте к работе и займите его.

Помни, что я сказал, — прожестикнул я Майклу, хлопнув его по плечу. — Работай упорно, дай им время, они привыкнут. Не забывай улыбаться время от времени. Людям такое нравится.

Он ответил неуверенной благодарной улыбкой.

Я вернусь за тобой в пять.

Глава 32

Мне пора

После ланча я постучал в дверь своего босса, моё сердце переполнилось страхом.

— Можно поговорить? — спросил я.

Кейша Мартин подняла взгляд от стола. Темнокожая женщина возрастом за сорок, Кейша не терпела глупцов. Она была строгой, но справедливой.

— Мне не нравится, как это звучит, — хриплым голосом произнесла она. — Как делишки, Вилли?

— Спасибо, что позволили мне взять дополнительные отгулы, — сказал я.

— Если хочешь использовать отпуск, действуй, малыш.

Я вздохнул, сел в мягкое кресло перед её столом.

— Что? — спросила она, кладя бумаги вниз и глядя на меня.

— Я собираюсь переехать в Бостон.

— Ты что?

— Я собираюсь переехать в Бостон. Мне нужно написать заявление.

— Ты один из лучших людей, которые у меня есть. Ты не увезёшь свою задницу в Бостон!

— А вот и увезу, — ответил я, нахмурившись.

— Ты не кажешься счастливым.

— Я не счастлив.

— Тогда почему едешь?

— Я не знаю. В смысле, я знаю. Но... не знаю. Мне нужны перемены.

Она сжала свои большие губы и ждала от меня объяснений.

— В Бостоне есть ребёнок — тот, к которому мы ездили на посещение. Его зовут Тони. Он замечательный малыш — и он нуждается в нас.

— Ну, он мог бы приехать сюда. У них есть самолёты, или, по крайней мере, были, когда я проверяла последний раз.

— Родители Джека хотят, чтобы мы переехали туда. Они дарят нам большую квартиру. И Джек хочет переехать туда. Он ненавидит жить здесь. И он никогда не обещал остаться в Миссисипи навсегда, так что у меня такое чувство, будто...

— Ты должен следовать за своим мужчиной?

— Да.

— Что ж, малыш, ты должен делать то, что должен, но я надеюсь, что ты дашь мне немного времени. Ты знаешь, как тяжело найти переводчика для глухих в таком месте, как Тупело, штат Миссисипи? Господи, сынок, что за кошмар. Ты ведь дашь мне время, верно?

— Две недели?

— Две недели? Я даже не могу написать объявление за такое время, а тем более кого—то нанять.

— Простите.

— Ох, не извиняйся, малыш. Просто дай мне месяц. Даже два!

— Я не могу.

— Ну, девушка должна спросить, не так ли? Должна сказать, ты не кажешься очень взволнованным.

— Я взволнован. Но не взволнован. Я не знаю, что это такое.

— Тебе страшно?

— Может быть.

— Я уверена, ты отлично справишься.

- Вы не знакомы с его кошмарными матерью и отцом.
- Ты переживаешь из-за родни?
- Не совсем.
- Тогда в чём дело?
- Я не знаю. Мне моя жизнь нравится такой, какая есть. Я не хочу уезжать. Но должен.
- Долг зовёт.
- Что-то типа того.
- Что ж, расскажи мне об этом маленьком мальчике.
- О, он такой замечательный! Такой милый. Он любит динозавров. У него много проблем. Как у Ноя. Вы знаете. Но... Ну, мы просто влюбились в него. Но он глухой, и у него ВИЧ и эмоциональные проблемы и всё такое. Но всё же... у меня очень странные чувства к нему. Будто так было предназначено. Я посмотрел на него и понял: он тот самый. И самое странное в том, что, думаю, он это знает. Думаю, он тоже ждал правильных людей. Он боялся идти с нами, и ему не нравится, когда его кто-то трогает или пристаёт к нему, но он привык к нам. И я показал ему любовь, и он, казалось, не возражал. Он носит эти толстые очки, как у Элвиса Костелло — это забавно. Он просто очаровательный. И милашка.
- Значит, тебе есть чего ожидать?
- Но я просто не могу быть восторженным. Я не знаю, в чём дело. Ну, знаю. Я хочу взять его, пролететь через границу штата и привезти его сюда. Вот, что я хочу сделать. Для меня это было бы идеально. Но нет! Я должен переехать... а я ненавижу переезжать. Совершенно ненавижу. В любом случае, я просто говорю вам. Я не хочу писать заявление, но должен. И вы были со мной так милы.
- Нам нравилось с тобой работать, Вилли. Ты сделал для нас много хорошей работы. Я позвоню в Джексон и узнаю, есть ли у них кто-то, кто хочет перевестись.

Глава 33

Ожидая друга

Я был рад оказаться дома, но квартира казалась маленькой, пустой и ужасно тихой.

Конечно, любое жильё, по сравнению с домом Ледбеттеров, будет недостаточным, никогда не сравнится. Но дело не в этом.

Я положил ключи на подставку на тумбочке, остановился у холодильника, чтобы посмотреть график. Джексон был на смене в медицинском центре до полуночи. Чуть раньше он прислал мне сообщение, чтобы сказать, что написал заявление на увольнение. Я отправил ему ответ, что написал своё.

Флаг нам в руки.

Я должен был быть счастливым, но не был.

Я оглянулся на кусочки жизни, которые мы с Джексонсом собрали за девять лет. Видеоигры, DVD-диски. Письменный стол у окна. Рододендрон у двери на балкон, который мы купили в «Волмарте». Диван. Двойное кресло. Подписки на журнал. Чугунная сковородка. Кофейные кружки с Элвисом.

Угол у искусственного камина был пустым, потому что мы не ставили рождественскую ёлку. Для этого не было настроения. Не было смысла. Мы не поставили ёлку в первый год после смерти Ноя и не возились с этим с тех пор.

Ной...

Будь он здесь, он примерно в это время переоделся бы в свою игровую одежду и плюхнулся на зад перед Xbox, или зависал бы на кухне, ожидая закусок, предпочтительно печенья, чего-нибудь — чего угодно — сладкого. Но он не был против украсть фрикадельку или хот-дог, даже макаронину или спагетти, прямо из кипящей кастрюли, что угодно, чтобы умерить голод. Сейчас были бы его рождественские каникулы, черед волшебных дней прямо от Рождества до Нового года, дни, наполненные визитами к семье, шоппингом, обедами вне дома, церковными службами, время для друзей, время для семьи, время для веселья.

Его отсутствие вносило дисгармонию. Тишина была дисгармонией.

Я стоял в этой тишине, прислушиваясь к звуку того, как открывается его дверь, к звуку его шагов по ковру, ожидая увидеть его лицо, светлое безумие его волос, озорную усмешку, которая говорила мне, что он что-то задумал. А он всегда что-то задумывал, этот ребёнок.

Казалось, я уже ждал так долго, но эти звуки, эти картины никак не появлялись. Ждал и ждал, но мне не отвечало ничего, кроме тишины, ничего, кроме тишины, не кричало на меня, тишина, пустота и отсутствие. Я желал услышать то, чего никогда не услышу снова, не важно, как сильно я жаждал этого и нуждался.

Я сел за кухонный стол и обхватил голову руками, меня охватывала знакомая боль.

Говорят, время лечит раны, но это кувшин горячей, вонючей блевотины. Может быть, ты научишься хромать и притворяться, что не хромаешь, но это есть — и все это знают. Может быть, ты говоришь себе, что всё наладится, и может так будет, а может и нет. Может быть, ты научишься смеяться в лицо катастрофе, но ты знаешь, у кого в руках карты, и это не ты. Ты говоришь себе разную счастливую ерунду, но, в конце концов, когда тишина кричит на тебя как чёртов оркестр, правда бьёт по яйцам.

Мне нужно было собрать вещи, помочь подготовиться Джексону. Мы пробудем дома всего ничего. Мне нужно привести в порядок свои "дела". Вместо этого я подошёл к комнате Ноя и открыл дверь. Я включил свет у его кровати, присел на неё, проводя рукой по покрывалу.

Глава 34

Но этого недостаточно

— Всю ночь ты был не в настроении, — сказал Джексон, делая паузу в сортировке наших счетов и документов на кухонном столе.

Я ничего не ответил.

— Ну? — подтолкнул он.

— Я просто устал.

— Ты так говоришь, когда злишься и не хочешь говорить об этом.

— С чего бы мне злиться?

— С того, что мы переезжаем?

— Ты получил то, чего хотел, разве нет?

— Я не хочу делать это, если ты будешь из-за этого злиться.

— Я не злюсь.

— Тогда в чём дело, Вилли? У нас есть всего дней десять, чтобы разобраться с дерьмом. Я могу вернуться и разобраться с мебелью, но у нас куча вещей, которые нужно отослать — одежда, книги, твои письменные принадлежности, всё, что ты хочешь взять. Мне бы не помешала помощь.

Я вздохнул немного слишком тяжело.

— Что, Кантрелл? Господи!

— Думаю, я пойду спать.

— Я сказал, что мне нужна помощь!

— У меня нет настроения, чёрт возьми!

— Не обязательно на меня ругаться!

— Ох, слезь с моих сисек, Ледбеттер!

— Мы должны с этим разобраться!

— Бьюсь об заклад, ты не можешь дождаться, когда выберешься отсюда, да? Иди фамиллярничай со снобами Бикон-Хилл и слушай, как твоя мать насмехается над калеками и бедняками.

— Вилли, какого чёрта?

— Ничего в нашей жизни не имеет для тебя значения?

— Что это должно значить?

— Ты заставил меня собрать все вещи Ноя и сложить их в мамином доме, чтобы нам не приходилось на них смотреть. Теперь ты хочешь оставить и эту квартиру, единственное, что у меня осталось от него, и ты так чертовски торопишься с этим.

— О чём ты?

— И этого недостаточно! О нет! Теперь ты хочешь переехать на другую сторону мира...

— Господи, Вилли!

— Это всё, что у меня осталось. Это место. Где мы жили. Где мы завтракали. Ходили плавать. Смотрели телевизор. Это всё, что у меня осталось — а ты хочешь избавиться и от этого.

— Какого чёрта с тобой не так?

— Не жди, что я буду счастлив!

— Какого чёрта?

— Может, это место для тебя ничего не значит, Джек. Может, твоя большая модная квартира в Бостоне намного более удобная или стильная или новороченная, но это мой дом. Это наш дом. И он для меня что-то значит.

Джек замолчал, глядя на меня с непроницаемым выражением лица.

— Я пойду проедусь, — сказал я, хватая ключи.

— Куда ты собираешься?

— На черта тебе это знать?

— Я твой чёртов муж, вот на черта!

— Ага, и что?

— Не разговаривай так со мной!

— Это ты всегда его отталкивал...

— Я?

— Да, ты, Ледбеттер. Это ты сказал, что я должен сказать ему умереть. Просто умереть. Просто покончить с этим, чёрт побери, чтобы мы могли продолжать свои весёлые чёртовы жизни.

— Это несправедливо! Господи! Как ты можешь так говорить?

— А затем ты не мог дождаться, когда избавишься от его вещей...

— Это неправда!

— Так что нам пришлось собрать их все и перевезти к маме. А сейчас, благодаря тебе, у меня не останется совсем ничего. Так что да. Может, я просто пойду проедусь, чёрт возьми. Почему бы тебе не собрать всё это грёбаное дерьмо самому, если ты так спешишь? Ещё лучше, почему бы тебе просто не собрать свой хлам и не свалить в чёртов Бостон самому?

Я прошагал к двери и позволил ей захлопнуться после моего ухода.

Глава 35

Это ты себе говоришь

Я остановился у винного магазина на бульваре МакКалоф.

Мы не держали в квартире алкоголя. Даже не хранили аспирин из страха, что Джексон Ледбеттер размельчит его и втянет порошок в свой чёртов нос.

Я был неравнодушен к «Американ Хани», так что выбрал себе бутылку, подумал получше, и схватил бутылку побольше.

Я никогда не делал ничего наполовину.

По дороге в Нью-Олбани, где жила мама, я пил прямо из бутылки.

Я снова был в одном из таких настроений.

Я проехал мимо дороги к мамину дому и кружил по центру города, в конце концов, оказавшись на кладбище на краю города, где с девятнадцатого века хоронили католиков. Через кладбище проходила извилистая дорога, и перед моими фарами стояли надгробные плиты. Я бутылкой отсалютовал знаку "Закрито с шести вечера до шести утра", пока ехал к новой секции, и остановился.

Мои шаги несли меня по знакомой тропе. Я поднял воротник, защищаясь от холода, думая, что следовало бы надеть перчатки и шапку. Впереди, в конце ряда Е — так его называли, когда мы пришли и спросили о покупке участка — была маленькая могила.

Я сделал приличный глоток «Американ Хани», проглотил, сделал ещё один глоток, долгое время стоя и глядя на могилу своего сына.

Сверху на продолговатой надгробной плите лежал ягнёнок. Чёртов ягнёнок. Я понятия не имел, кто, чёрт возьми, принял это решение, но это был не я. Мой сын не был чёртовым ягнёнком. Возможно, мамина чепуха. Она считала всех детей лучами от чёртового нимба Иисуса.

Я сделал ещё один глоток — на самом деле, чуточку слишком большой — и выплюнул немного. Я не знал, что добавляют в эту штуку, но это определённо хороший способ промочить горло. Я вытер губы рукавом пальто.

Я прочёл слова, которые запомнил давным-давно:

Любимый сын

Ной Вильям Кантрелл

Родился 5 июля 2002

Умер 18 октября 2015

Я наклонил бутылку.

Куча чёртового дерьма, надгробных плит и могил, и кладбищ, полных мёртвых тел и мёртвых мечтаний. У буддистов правильная идея. Просто сжечь проклятое тело и покончить с этим. Какой смысл держать труп, чтобы мучиться всю оставшуюся жизнь?

Я смотрел на эти слова, у меня перед глазами всё расплывалось.

Любимый сын

Я снова наклонил бутылку, удивлённый тем, что уже выпил больше трети. Я не был алкоголиком, но пытался, и «Американ Хани» был единственной вещью, которая могла отнести меня туда, куда нужно.

Там стояла надгробная плита с нелепым ягнёнком на верхушке.

— Что? — спросил я, глядя на плиту и чувствуя себя воинственно. — На что ты смотришь?

Какой ты отличный отец...

— Да? Ну и к чёрту тебя!

Уверен, он был бы горд видеть, что ты стоишь и пьёшь алкоголь...

— Он не был чёртовым баптистом, знаешь ли. Мы католики — нам можно выпивать!

Значит, ты говоришь себе...

— Отвали!

Он заслуживал намного большего...

— Я сказал, отвали! Эти твои гранитные уши не работают?

У него должна была быть лучшая жизнь.

— У него была хорошая жизнь! — с жаром, со злостью произнёс я. — Не говори мне, чёрт возьми, о том, что у него могла быть лучшая жизнь! Я делал для него всё! Не говори мне, чёрт возьми, ничего другого! У этого мальчика была лучшая жизнь, которую я мог ему дать!

Но это было не много да?

— Что ты об этом знаешь?

И вот ты здесь, снова заставляешь его гордиться!

— Иди к чёрту!

Продолжай пить, ковбой. Это заставит его гордиться...

Я сделал ещё один глоток, почувствовав себя решительно нехорошо. Я начинал дрожать от холода и прекрасно осознавал, что должен двигаться дальше, прежде чем один из помощников шерифа проедет мимо и увидит меня. Они не воспринимали с добротой посетителей кладбища после закрытия.

— Как ты мог так со мной поступить? — спросил я, теперь глядя не на плиту, а на саму могилу.

Ответа не было.

В этом дело — ответа не было никогда. Моего бедного мальчика поглотила тишина, небытие, пустота. И никогда не было ответа. Куда бы он ни ушёл, он просто исчез, полностью и совершенно исчез. Вырывался из этого существования. Исчез в небытии, будто его и вовсе никогда здесь не было. Стёрся прямо из книги нашей жизни.

— Как ты мог это сделать? — спросил я слишком громким голосом. — Ты неблагодарный маленький засранец!

Где-то залаяла собака.

— Я делал для тебя всё, — объяснил я, в моей голове уже всё плыло, лицо пылало. — Я старался изо всех сил. И вот, как ты мне платишь! Это неправильно! Я не говорил, что ты можешь это сделать! Я твой отец, и я не давал тебе разрешения на это! Ты меня слышишь? Ты не имеешь никакого чёртового права поступать так со мной. И я знаю, что был дерьмовым отцом. Я это знаю. Ты не думаешь, что я это знаю? Ты не знаешь, что я думаю об этом каждый чёртов день? Обо всём дерьме, что я сделал не так? Но я старался исправиться перед тобой. Я старался, маленький ты засранец! И что хорошего ты мне сделал? Ты всё равно ушёл.

Я пил, вытирал глаза, пока что-то раскрывалось внутри меня.

— Ты знаешь, что? — произнёс я, кивая головой, будто в согласии. — Почему бы тебе не взять свою плиту, и свою могилу, и свой гроб, и свой склеп, и свои слуховые аппараты, и свой костюм для воскресной мессы, и своего Железного человека, и свой Хбох и все свои чёртовы игры, и всё эти чёртовы книги, которые я покупал тебе, которые ты никогда не читал, и свою одежду, и свою зубную щётку — почему бы тебе не взять весь этот хлам и просто не засунуть всё прямо в свою чёртову задницу? Хах? Как насчёт этого, Любимый сын? Любимый, хрен там! Если бы ты любил меня, то не бросил бы! Теперь ты меня слушаешь? И почему бы тебе не взять свои нимбы и свои

солнечные лучи, и свой райский хор, и своё "новое, идеальное тело", и свою "безупречную, безгреховную одежду", выстиранную в крови чёртового ягнёнка — почему бы тебе не... почему... как ты мог так поступить? О Господи, Боже, как ты мог так со мной поступить? Я действительно был настолько плохим? Ты был моим маленьким мальчиком. Моим драгоценным маленьким мальчиком! Почему ты так меня оставил?

Я закрыл рот рукой, пытаюсь остановиться и не говорить ничего дальше.

Я сел на край дороги, сделал очередной глоток, дрожа, пока тёплый огонь проходил вниз по моему горлу.

Продолжай пить, ковбой...

Я притянул колени к груди, пытаюсь согреться.

Это глупо, вот так быть здесь ночью.

Но...

Ты знаешь, что он заслуживал лучшего.

— Ты заткнёшься, чёрт побери? — прокричал я вне себя. — Я пришёл сюда говорить не с тобой. Я пришёл сюда поговорить с моим мальчиком.

Будто он тебя слышит...

— Он просто отлично меня слышит!

Не то, чтобы ему не наплевать...

— Ему не плевать на меня! Он бы не бросил меня без причины! Он должен был уйти. Ты не понимаешь? Он должен был! Он бы не бросил меня здесь без причины... должна была быть причина... Бог хотел вернуть его обратно... Бог хотел... должна была быть какая-то причина. Ты этого не понимаешь? Он бы не ушёл без причины...

Но он ушёл, разве нет?

— Заткнись! — крикнул я. — Заткнись, заткнись, заткнись! Я не слушаю твоей чёртовой брехни!

Я прижал бутылку «Американ Хани» к груди, думая о днях, когда прижимал к груди Ноя, когда он был просто маленьким малышом, когда его страхи метамфетаминового малыша выходили из-под контроля — как я обнимал его, гладил по спине, охал и ахал ему на ухо, гладил по волосам, как называл его милым, сладким и малышом, как любил его, пока демоны не смягчались.

Теперь это исчезло. Всё это. Исчезло бесследно. Исчезло, будто никогда не было. Просто, чёрт возьми, увязло во тьме и небытии.

Это неправильно.

Это просто неправильно.

Я прогнал его демонов.

Почему он не мог прогнать моих?

Глава 36

Что ты здесь делаешь?

— Давай, ковбой, пойдём домой.

Джексон Ледбеттер вдруг оказался рядом, тянул меня за руку, пытался поднять на ноги.

Он появился из ниоткуда, молчаливый как призрак, его лицо отражало тихое неодобрение.

— Что ты здесь делаешь? — спросил я заплетающимся языком.

— Ох, ты знаешь, — произнёс он многострадальным тоном.

— Как ты узнал, где я?

- Будто ты никогда раньше этого не делал, Кантрелл. Честное Рождество!
- Я разговариваю со своим мальчиком!
- Вилли, пожалуйста. Пока полиция не приехала. В последний раз тебя чуть не арестовали. Это закрытая территория, знаешь ли. Хотя раз в своей проклятой жизни ты можешь не быть чёртовым идиотом?
- Я разговаривал со своим мальчиком!
- Я знаю. А теперь идём.
- Я сказал ему брать свою плиту и свой гроб и...
- Я знаю, детка. Идём. Здесь холодно.
- Как он мог так со мной поступить? — спросил я, искренне недоумевая.
- Вилли, ты пьян, и здесь холодно, и я не в настроении для твоей чепухи.
- Но как он мог так поступить?
- Ты это прекратишь? Пожалуйста, Вилли!
- Он чёртов неблагодарный маленький засранец!
- Прекрати!
- Как он мог так поступить?
- У него не было выбора, болван! И он держался так долго, сколько мог. Это ты неблагодарный засранец, Вилли. Он старался изо всех сил ради тебя. Ты должен отпустить его. Пожалуйста, Боже, сколько раз я должен тебе это говорить? Ты должен это прекратить.
- Я не должен ни хрена делать!
- Нет, должен. Если ты хочешь усыновить того маленького мальчика в Бостоне, ты должен взять себя в руки, чёрт побери. Если ты хочешь будущего, Вилли... если ты хочешь вообще какой-то жизни... ты должен это прекратить. Что ещё, мать твою, мне сделать, чтобы заставить тебя это увидеть?
- Но это неправильно!
- Его нет, Вилли. Но я здесь. Твоя семья здесь. Тот маленький мальчик в Бостоне здесь. И нам нужно, чтобы ты тоже был здесь. С нами — а не со своим мёртвым сыном. Ты должен его отпустить.
- Но я не могу.
- Можешь и сделаешь.
- Не могу!
- Почему бы тебе не пойти и не сказать тому глухому мальчику в Бостоне, что ты не можешь быть его папочкой, потому что устроил праздник жалости к себе, и тебя нельзя тревожить?
- Отстань от меня!
- Пожалуйста, Вилли. Я больше не могу этого выносить.
- Я услышал что-то странное в его голосе и повернулся, намереваясь что-то сказать — мой язык иногда жил своей жизнью, особенно, когда я пьян — и с удивлением увидел, что Джексон Ледбеттер плачет.
- Ледбеттер не был плаксой. Я доводил его до слёз раз или два, но не более того.
- Какого чёрта? — произнёс я, стоя на нетвёрдых ногах.
- Ты должен это прекратить, Вилли, — несчастно сказал он. — Ты разрушаешь мою жизнь! Ты выбрасываешь всё, ради чего мы работали! Ты должен переступить через это и двигаться дальше — прошло шесть чёртовых лет! Я тоже его потерял, знаешь ли, и не прошло ни дня, чтобы я о нём не думал, но мы должны двигаться дальше. И знаешь, я тоже здесь. Ты никогда об этом не думаешь? Я здесь. Я твоя семья. И я устал жить в тени нашего мёртвого сына. И я устал от тебя и устал от твоей чёртовой чепухи. Прошло шесть лет. Шесть чёртовых лет! Сколько можно!
- Ох, что ты об этом знаешь?

— Что я об этом знаю? Ты издеваешься? Ты потерял одного ребёнка. Одного, Вилли. Хочешь знать, скольких я потерял за годы работы медбратом — как много детских смертей я видел, скольких родителей, уничтоженных горем? Ты, чёрт возьми, издеваешься надо мной, Вилли Кантрелл? Думаешь, я не знаю, каково это? Рак, лейкемия, СПИД, каждая странная болезнь на этом свете — химиотерапия, радиация, поясничный прокол, одна операция за другой, эти маленькие дети надрываются, пытаются пережить ещё один день, чтобы побыть с их семьями... и ты думаешь, я не знаю, каково это? Иди к чёрту, Вилли!

Я замолчал, внезапно не зная, что сказать.

— Знаешь, что, — тихо произнёс Джексон, — я возвращаюсь в Бостон. Я уезжаю. Если хочешь со мной, то возьми себя в руки, чёрт возьми. В противном случае — отвали. Я больше так не могу. Последнее время ты не в себе. И хочешь узнать кое-что смешное? Я видел так много женатых пар, которые проходят через то же самое. Один из их детей умирает, и всё кончено. Они просто, чёрт возьми, разваливаются. Я думал, у нас всё будет по-другому. Я думал, мы справимся — но теперь я вижу, что у нас не получается. И мне жаль, но я устал, и я больше не могу справляться с твоим дерьмом. Так что я сдаюсь. Поступай, как знаешь. Я позвоню Биллу и скажу ему приехать и забрать твой зад, потому что ты не сядешь за руль, не в таком состоянии. Где твои ключи от машины?

— Ты не заберёшь мои ключи!

— Хотел бы я посмотреть, как ты попробуешь меня остановить.

— Мне не нужна твоя помощь!

Выговорившись, Джексон сейчас был убийственно серьёзен, ощупывая карманы моего пальто в попытках найти ключи.

— Прекрати! — раздражённо воскликнул я.

— Дай мне чёртовы ключи!

— Я поеду домой сам.

— Дай мне ключи, Вилли!

— Нет!

— Чёрт побери, — еле слышно произнёс он. Он грубо, агрессивно толкнул меня. Я споткнулся о свою же ногу и упал на холодную землю. Я в удивлении моргнул, глядя на него.

Он был готов выбить вселюбящего Иисуса прямо из меня.

— Ключи, — сказал он, протягивая руку.

— Я оставил их в машине.

— Я не попадусь на это второй раз, придурок. Я хочу ключи, и я хочу их сейчас.

Я вытащил ключи из кармана штанов.

Он выхватил их из моей руки и ушел прочь во тьму.

Глава 37

Можешь одолжить десять долларов?

Я проснулся, развалившись на диване Билли. Его сын, Эли, ученик выпускного класса старшей школы, сидел в кресле, играл в телефон и смотрел мультфильмы.

В этот момент его подросткового хулиганства, волосы Эли были почти такими же длинными, как мои.

— Йо, дядя Вилли, зацени, — сказал он, показывая мне на телефоне фотографию девушки с развратным пирсингом в языке. — Это такой отстой. Я сказал маме, что хочу шипы, а она такая: "Эли Кантрелл, если ты когда-нибудь придёшь домой с

шипам, можешь собирать свои вещи и убираться из моего дома!" Я такой: "Остынь, мама. Чёрт! Не напрягайся". Кстати, ты должен отвезти меня в школу. Дядя Вилли, ты меня слушаешь, чувак?

Я сел, в моей голове гремело, стучало, всеми видами несчастья.

— Отвезти тебя в школу?

— У меня сегодня только один урок. Я должен быть там в час. Я как раз готовился тебя будить.

— Где твой отец?

— Он ушёл на работу.

— И мама тоже?

— Да, и слава Богу.

— Здесь только ты?

— Только я. Боже, дядя Вилли, ты был в хлам, когда папа привёз тебя домой вчера ночью. Мама распсиховалась. "Я не хочу видеть какого-то пьяницу в своём доме!" Ты её знаешь. Папа сказал, что ты снова был на кладбище. Это такой отстой. Дядя Вилли, чувак, ты сумасшедший! Как думаешь, ты мог бы одолжить мне десять долларов?

— Где моя машина?

— Папа забрал её сегодня утром. Маме пришлось отвезти его туда по дороге на работу. Она так злилась. Кстати, о тех десяти долларах. Как думаешь, ты мог бы...

— Мне нужно отлить, — сказал я, поднимаясь и спеша в ванную.

Лицо, которое смотрело на меня в ответ в ванной, выглядело измождённым и старым.

Каким же я был дураком.

Глава 38

Ты меня слушаешь?

— Люди никогда не умирают, когда дремлют, — сказала Тина. — Когда-нибудь замечал это?

— Прости?

— Ты когда-нибудь открывал газету и смотрел на некрологи, и это было как: "О, мисс Джейн умерла, пока дремала"? Там всегда говорится, что мисс Джейн умерла во сне. Мистер Джек умер во сне. Думаю, когда я состарюсь — а я не состарюсь, это чисто теоретически — но думаю, когда я постарею — если это когда-нибудь случится — я больше не буду спать. Я просто буду дремать. Ты когда-нибудь думал об этом? Серьёзно! Кто умирает, пока дремлет? Никто. Никогда! Знаешь, думаю, я на кое-что наткнулась.

— Вау, — произнёс я.

— Так что, в любом случае, я недавно ходила увидеться с мамой, и ты знаешь, что они сделали?

— Что?

— Они начали использовать маломощные "экологически безвредные" лампочки. Ты знаешь, о чём я говорю? Я ни черта не вижу в том доме. Я спотыкалась по дороге в гостиную, и я такая: "Мама, какого чёрта?" И она: "Твой отец". "Твой отец". Потому что, ты знаешь, она винит папу всегда и во всём. И она такая: "Твой отец сказал, что мы должны их попробовать. Попробовать их. Он так сказал. Попробовать их! Так что мы сменили все лампочки. Мы сэкономим деньги, сказал он. Сэкономим деньги! Ну, ты знаешь, что я сегодня сделала, Тина? Я села на кота! Я чуть не убила бедняжку. Я

не видела, что он сидит в моём кресле! Я пыталась сесть, а затем в следующий момент мне в зад вцепилось пять килограммов чистого кота. Как я должна так жить? Мне пришлось использовать фонарик, когда я пошла в туалет, чтобы не наложить в ванну". Ты меня слушаешь, Вилли?

— Вроде того.

— Не говори, что ты пригласил меня на ланч только для того, чтобы мог меня игнорировать.

— Прости.

— Кстати, ты ужасно выглядишь. Тебе действительно нужно оставить фантазии. Тебе это не идёт.

— Я знаю.

— Итак, ты мне об этом расскажешь?

— О чём расскажу?

Тина потянулась через стол, взяла меня за руку.

— Я люблю тебя, Вилли. Бог знает, если бы ты не был гомиком, и если бы моя сестра не была замужем за твоим братом... В смысле, мы практически кузены... но не бери в голову. Я люблю тебя, Вилли. Так что не пойми это неправильно, ладно? Но ты придурок. Ты это знаешь? Засранец высшей степени с большой буквы "З".

— Я не могу его отпустить.

— Вот, где ты ошибаешься. Ты можешь его отпустить, и отпустишь, но ты должен сделать шаг вперёд, вытащить себя из амбара горечи, распустить вечеринку жалости к себе. Это было ужасно, Вилли. Мы все это знаем. Ужасно, ужасно, ужасно. Но жизнь продолжается. Не думаю, что я когда-нибудь видела маленького мальчика, который любит своего папочку так, как этот мальчик любил тебя. Ты дал ему это, Вилли. Ты дал ему так много. Ты сделал его жизнь достойной жизни. Ты дал ему причину вставать по утрам и продолжать держаться, и он держался чертовски долго. Я просто хотела бы, чтобы ты мог увидеть что-то хорошее и перестать мучить себя. И ты просто знаешь, что он где-то там, смотрит на тебя сверху, качает головой, хмурится и думает: "Мой бедный папочка, какой этот человек бедный старый идиот и засранец".

— Он всегда называл меня тупицей.

— Это хорошее слово. Ты тупица. И вот кое-что о скорби, Билли. Нет чистого пореза, счастливого конца. Ты не можешь проснуться однажды, и чтобы всё вдруг закончилось. Всё продолжается. И ты научишься с этим жить. И если ты умный — а я думаю, что ты умный, хотя последние события заставили меня задуматься — но если ты умный, ты узнаешь, какая жизнь ценная и замечательная, и как быстро она проходит. Я знаю, этот маленький мальчик не хотел бы, чтобы ты так растрачивал свою жизнь. Он хотел бы, чтобы ты двигался дальше, продолжал жить, продолжал идти. И ты прав. Есть другие маленькие дети, которым в жизни нужен Вилли. И этому твоему мужчине тоже нужен ты, и это не ерунда. Тебе нужно заняться жизнью. Предоставь мёртвым мертвых. Так говорится в Библии, и это одна из нескольких вещей, с которыми я согласна. Не теряй свои завтра, держась за вчера.

— Я знаю, — тихо ответил я.

— Что нужно сделать, чтобы это действительно дошло до твоей большой жирной головы?

— Может быть, тебе придётся поработать надо мной своим талисманом, — предложил я. Кузина Тина увлекалась ведовством и язычеством и... да плевать.

— У этой Болотной бабы нового века много ведьминых уловок в рукаве, но это тебе и богине ещё предстоит выяснить. Я на самом деле начинаю думать, что мы могли бы провести обряд экзорцизма, потому что тебя захватил дух тупости.

— Я не настолько плох!

— Хочешь правду?

— О, нет.

— О, да. Тина на это пойдёт. Тина скажет правду. Не злись. Ладно? Но, правда в том... что ты напуган.

— Не напуган!

— Да, напуган, и ты не одурачишь меня. Переезд в Бостон. Прочь из своей зоны комфорта. Рискуешь — по-настоящему рискуешь. Может быть, впервые в жизни. Рискуешь всем ради мужчины. Заводишь новую семью. Живёшь с ним на его условиях — действительно, впервые. Разбираешься с его роднёй, с этой ужасной женщиной, которая его родила, с этим его отцом-психиатром. Делаешь всё так, как хочет он. Живёшь в большом городе. Ты напуган.

— Я не напуган!

— Да, напуган. Ты это знаешь, малыш. Ты большой толстый трус.

— Может быть, немного.

— Пока вы здесь, у тебя есть преимущество. Если ему это не нравится, он может уехать. Он должен мириться с тобой потому, что у тебя все карты. Но сейчас... Папе Вилли придётся научиться нескольким новым трюкам, не так ли?

— В твоих словах может быть смысл, — сдался я. — Очень маленький, почти незначительный смысл.

— Ты знаешь, что я права. И ты боишься отпускать Ноя. Ты держался за эту боль и за скорбь так долго, что, наверное, не знаешь, что будешь делать без них. Но я скажу тебе, что ты будешь делать — ты будешь просто отлично справляться. И если ты любишь этого мальчика — а я знаю, что любишь — то отпусти его. Почти его, Вилли. Почти его память, то, что он сделал, кем был. Ты превращаешь этого мальчика в привидение тем, как цепляешься за него. Он не сможет приступить к следующему, что бы для него ни было следующим, ты цепляешься за него и удерживаешь его здесь. Отпусти его, малыш.

Тина, которая в эти дни определённо выглядела как активная лесбиянка, с короткими торчащими волосами и без макияжа, взяла картошку фри и указала ею на меня.

— Раз уж ты известный писатель, думаю, ты должен заплатить за ланч, — с улыбкой сказала она. — И если ты не собираешься есть эту картошку, тебе действительно нужно переложить её на мою тарелку, прежде чем всё окончательно остынет.

— Значит, у твоей мамы новые лампочки, ха?

— Ты хоть слушаешь, что я говорю?

— Слушаю, — сказал я. — Я просто не знаю, как это сделать.

— Нет никаких "как", Вилли. Просто сделай это и перестань оправдываться.

— Я не могу.

— Можешь.

— Ты будто произносишь один из этих слоганов кампании Обамы.

Она улыбнулась.

— Я скучаю по нему, — признался я. — Каждый день...

— Я знаю, малыш.

— Нет, не знаешь. У меня такое чувство, будто умерла часть меня.

— Это потому, что так и есть — но остальной ты должен продолжать жить.

— Но я не могу.

— Можешь. И сделаешь, потому что у тебя нет выбора. Когда ты устанешь от всего этого... когда ты накажешь себя достаточно... когда ты устанешь биться головой

об эту бетонную стену... однажды ты проснёшься и поймёшь. Пора двигаться дальше. И я надеюсь, что ты сделаешь это, прежде чем разрушишь свою жизнь и жизнь Джека.

Я подумал о Джексоне и нахмурился. Я не мог вспомнить, что он сказал мне прошлой ночью, но был момент, когда я посмотрел на него и понял, что пересёк своего рода черту.

— Он будет злиться, — тихо произнёс я.

— Только он? — спросила Тина, беря очередную картошку фри.

Глава 39

Несговорчивый

Когда Джексон Ледбеттер пришёл домой в начале первого ночи, он обнаружил кучу собранных коробок в гостиной, готовых к отправке.

Он прошёл в дверь, снял зимнее пальто, накиннул его на кресло и посмотрел на меня. Он хмурился так сильно, что в образовавшиеся морщины можно было засунуть тюки сена.

— Прости, — сказал я.

Он не ответил.

Я чувствовал себя полным дураком.

— Будешь строить из себя несговорчивого, да? — произнёс я, пытаюсь поднять настроение.

Он смотрел на меня пустым взглядом.

— Пожалуйста, прости меня, — сказал я, опускаясь на колени и складывая вместе руки. — Я придурок. Полный, абсолютный придурок. Я облажался. Мне жаль. Так достаточно хорошо?

На его губах появился слабый намёк на улыбку.

— Хочешь, чтобы я пресмыкался? — спросил я. — Потому что я сделаю это. Я буду пресмыкаться перед тобой, Джексон Ледбеттер. Упасть ниц? Знаешь, как делают священники, когда их посвящают в духовный сан? Несколько поклонов заставят тебя чувствовать себя лучше?

— Ты когда-нибудь заткнешься? — спросил он.

— Однажды пытался. Это были худшие тринадцать минут в моей жизни.

— Тебе удалось тринадцать минут ничего не говорить? Я удивлён, что это не занесено в Книгу рекордов Гиннесса.

— Это значит, что ты прощаешь меня?

— Иногда я тебя ненавижу, Вилли. Ты это знаешь?

— Знаю.

— Я говорю совершенно серьёзно. Иногда я тебя на дух не переношу и не знаю, какого чёрта остаюсь. Я бы дал тебе пинок под зад, но мешает твоя голова.

— Спасибо. Я не идеален, но, по крайней мере, я южанин.

— Ты сам себе злейший враг.

— Проповедуй это.

— Но есть часть меня, которая тебя любит. Бог знает, почему. Но я раньше сидел на экстази, так что откуда мне знать?

— Верно, брат. И если ты собираешься улыбнуться, лучше сделай это сейчас, пока у тебя ещё есть зубы.

— Можешь уже вставать, идиот.

— Думаю, ты должен меня наказать.

— И как я это сделаю?

— Заставь меня отсосать тебе или ещё что.
— Примирительный секс?
— Я слышал, он действительно хорош.
— Может, тебя нужно хорошенько отшлёпать.
— Это лучше, чем если бы ты связал меня по рукам и ногам и говорил, что у меня грязный рот. Будет больно?

— Конечно.

— Я в деле.

Он подошёл и встал прямо передо мной. Я уткнулся лицом в его живот, обвив руками его бёдра. Он гладил меня по волосам.

— Мне действительно жаль, — произнёс я, поднимая на него взгляд. — Я пытаюсь отпустить. Правда, пытаюсь. Ты должен отдать мне должное. Но иногда меня заносит...

— Это я знаю.

— Так ты прощаешь меня?

— Я был на ногах двенадцать часов и собираюсь в душ. Если я найду тебя голым в кровати, когда выйду из душа, то вытрахаю из тебя мозги, и не думай, что я этого не сделаю. Тогда посмотрим, как тебе жаль, и как сильно я тебя прошу.

— Это будет до или после того, как ты меня отшлёпаешь?

Он не ответил. Вместо этого он схватил меня за длинные волосы и довольно болезненно дёрнул мою голову в сторону. Он смотрел на меня недовольным взглядом.

— Тебе нужно собраться, Вилли, и я не шучу. Это больно — то дерьмо, что ты делаешь. Я мирился с этим, потому что я был наркоманом, и ты оставался рядом со мной, но моё терпение становится ужасно, чертовски тонким. Ты меня понимаешь, ковбой?

Я кивнул, чувствуя себя виноватым, как страдающий комплексом вины католик, которым я и был.

— Ты должен отпустить всю эту ерунду и двигаться дальше, — сказал он.

— Я знаю.

— Я серьёзно, Вилли. Нам нужно думать о том, как прожить оставшуюся жизнь — и я не собираюсь всё это время скорбеть по умершему ребёнку. Ты меня понимаешь?

— Я стараюсь.

Глава 40

Уверена, так будет намного лучше

— Ты что? — требовательно спросила мама, замирая со стаканом эгг-нога с водкой у рта.

Это был канун Нового года, и мы находились в мамином доме с Билли, Шелли и детьми.

— Я переезжаю в Бостон, мама, — сказал я.

— Господи! — недовольно пробормотал Билл. — Ты никогда ничего не говорил о переезде!

— Ну, это так. В смысле, переезжаем мы — я и Джексон.

Воцарилась недовольная тишина.

В один момент мы готовились отмечать то, что пережили ещё один год, не отделившись друг от друга. Теперь у нас не было слов.

Джош и Эли, играя в свои телефоны и глядя обратный отсчёт до Нового года по телевизору, не обращали от нас внимания. Жена Билла, Шелли, сутилась вокруг жареной курицы на плите на кухне.

— Это просто Бостон, — сказал я. — Я ведь не переезжаю в Средиземье или ещё куда-то. Три часа на самолёте. Это не так далеко.

— Бостон? — спросила мама. — Бостон? Ты собираешься переехать в Бостон?

— Да, мама.

— Но почему?

— Пора двигаться дальше, мама.

— Какого чёрта это значит?

— Мне нужны перемены. У родителей Джека есть квартира, в которой они хотят нас поселить...

— Они дарят её нам, — отметил Джексон.

Я надеялся не тыкать их носом в этот факт, зная, что маму это разозлит.

— Что за квартира? — спросила мама.

— Прости, мама, но Джек никогда не обещал, что будет жить здесь вечно. И мы женаты. И он здесь не счастлив. Так что мы...

— Почему он не счастлив?

— Ты могла бы сама у него это спросить.

— Что ж, спрошу, умник. Джек, почему ты не счастлив?

— Нам с Вилли нужно заняться чем-то другим, — сказал он дипломатично. — С тех пор, как Ной... ну, вы знаете. Нам нужно двигаться дальше. Нам нужно заняться чем-то другим.

— Но Бостон? — произнесла мама. — Сначала мой папа, затем мой внук, теперь мой сын. Почему?

Мама поставила эгг-ног и села в кресло, внезапно прослезившись.

— Ох, мама, — произнёс я, чувствуя себя, как и полагается гнусно.

— О, просто иди! — огрызнулась она. — Уверена, мы тебе не нужны! Уверена, жизнь в Бостоне будет намного лучше!

— Йо, дядя Вилли, ты переезжаешь? — спросил Эли.

— Чего ради тебе переезжать? — спросил Билл.

— Ох, честное слово, — воскликнул я. — Вы все не предвидели этого?

— Но я думал, вы собираетесь усыновлять ребёнка, — сказал Билл.

— Да, — добавила мама, вытирая глаза.

— Так и есть, — ответил я.

— И вы будете жить там? — произнесла мама. — Нам не удастся увидеть этого ребёнка? Это неправильно, Вилли. Как он узнает, кто его семья?

— Мы приедем в гости, — пообещал я.

— О, вы приедете в гости! Это мило, дорогой. Спасибо. Я чувствую себя намного лучше! Вы приедете в гости.

— Прости, мама.

— И где он будет ходить в школу? Ты не знаешь учителей в таком месте, как Бостон! Ему может попасться любой дурак в качестве учителя, и Бог знает, что они скажут ему делать! И ты будешь воспитывать его в городе? Там так много преступности! Вилли, почему?

— Мне нужно это сделать, мама.

— Но я собиралась оставить этот дом тебе, Вилли. У Билли есть дом, и он отлично устроен, и я просто думала, когда я умру, что...

Она снова расплакалась.

— Мама, честное слово, — сказал Билл. — Это не так далеко.

— Что ж, может быть, все мои дети могут просто переехать и бросить меня одну в старости! Может быть, это к лучшему! Мэри сейчас в Нэшвилле, и я не видела её уже много лет, и это всё, что я могу сделать, чтобы мальчики приехали и подстригли траву время от времени. Можно подумать, я всё усложняю, судя по тому, как они себя ведут, и я каждый раз даю им по пять долларов. Этих мальчишек не заставишь ничего сделать, пока не заплатишь им. Я просто не понимаю эту внезапность, с которой вам нужно... ох, я просто не понимаю!

— Это не так далеко, мама, — сказал я.

— Мальчики, почему вы торгуетесь со своей бабушкой, чтобы подстричь ей траву? — спросил Билл у Джоша и Эли. — Я должен успеть надрать вам задницы до следующей недели!

Джош, развалившись боком в кресле, перекинув ноги через подлокотник, закатил глаза. Ему было двадцать, студент колледжа, и ему было так скучно.

— Курица почти готова! — крикнула из кухни Шелли.

Глава 41

Что заставляет тебя думать, что я нервничаю?

— Значит, мы это сделаем? — тихо произнёс Джексон, бросая на меня взгляд и улыбаясь.

— Или это, или мы просто сидим в странном самолёте и разговариваем.

— И ты нормально к этому относишься?

— Я в порядке.

Он потянулся и осторожно взял меня за руку.

— Ты нервничаешь? — спросил он.

— Я? Нервничаю? Что заставляет тебя думать, что я нервничаю?

— Ты проверил свой ремень безопасности уже около пятнадцати раз, а самолёт ещё даже не начал двигаться.

— Если я умру, то хочу быть крепко пристёгнутым к сидению, спасибо тебе большое. Я по-прежнему считаю, что для переезда нам следовало взять фургон.

— Для такого можно нанять людей, знаешь ли.

— Боже, ты говоришь как твоя мать!

— А ты говоришь как твоя. Мама говорит, что папа нехорошо себя чувствует.

— Должно быть, он проснулся и понял, что он республиканец. Если тебе от этого не станет плохо, то не поплохееет ни от чего.

— Дело не в этом. В смысле, не похоже на грипп или что-то такое. Она говорит, что он в последнее время бледный и вид у него уставший.

— Оу?

— На самом деле, я немного переживаю.

— Я думал, ты ненавидишь этого человека.

— Иногда ненавижу, но он мой отец. Я не всерьёз его ненавижу. Он просто очень сложная личность.

— Так ты это называешь?

— Он немного сумасбродный.

— Он считает, что ты гей потому, что он не уделял тебе достаточно времени, когда ты был маленьким мальчиком.

— Он в отрицании.

— Он считает, что купоны на еду — причина того, почему американцы такие жирные! И у него в кабинете есть фотография Митта Ромни с автографом. В кабинете,

Джек! Где ему приходится смотреть на неё каждый день! И он по-прежнему считает, что Обама никогда не был президентом, потому что он не гражданин США! Он больше, чем просто немного сумасбродный.

— Ему чужды условности.

— Он играл в гольф с Дональдом Трампом!

— Разве не все это делали?

Я откинулся на спинку сидения, потому что самолёт вдруг пришёл в движение.

У меня не было оснований поддерживать эту идею, но мне это казалось единственным логичным вариантом, если самолёт действительно взорвётся — или что-то ещё — он может сделать это и во время взлёта, и во время посадки. Как я дошёл до этой мысли, я не знал, но каждый раз, садясь в самолёт, я немного паниковал.

— Ты расслабишься? — прошептал Джексон.

— У меня из носа торчит козявка?

— Нет!

— Ну, я не хочу, чтобы спасатели смотрели на мой труп, если у меня из носа будет торчать козявка, или ещё что.

— Ох, честное слово!

— Если я умру, то хочу выглядеть хорошо. Если Энн Коултер удаётся делать это каждый день, то и я смогу.

— Причём тут Энн Коултер? — спросил Джексон. — Она не умерла.

— Последний раз, когда у этой женщины был пульс, Джимми Картер был президентом, а Джерри Фалуэлл запускал моральное большинство* (*прим.: Моральное большинство — политическая организация правоконсервативной ориентации, которая прославилась поддержкой самых безумных проектов космической гонки вооружений, проклятиями в адрес СССР как "империи зла"*).

И Джимми Сваггерт, конечно же, занимался сексом с проституткой в мотеле Луизианы.

— А что делал ты?

— Если верить моему дедуле, я сидел на заборе и мастурбировал. Но он любит преувеличивать.

Глава 42

Привет, Т—О—Н—И

Я вынул Ледбеттеров заехать в Бостонский дом для мальчиков по дороге домой из аэропорта, так как мне хотелось увидеть Тони. Ветер был жестоким, пока мы торопясь шли через парковку, кутаясь от холода, какой бы пользы от этого ни было. Холод, казалось, просачивался прямо через мои южные кости. Они не шутили, когда говорили, что температура ниже точки замерзания. Она была не просто ниже; она была за гранью замерзания.

Мы ждали в фойе, пока Хизер ходила за Тони.

— Значит, вы остановились на этом? — спросила миссис Ледбеттер, развязывая шарф.

— Он тот самый, — ответил я.

— И ты уверен?

— Да.

— Мне нравится мужчина, который знает, чего хочет, хотя я надеюсь, что ты научишь его не гадить в штаны в моём доме, или, по крайней мере, не во время моих вечеринок.

— Он не мог ничего поделаться! — огрызнулся я.

— Я просто попыталась, Вилли. Я действительно очень скучаю по нашим подшучиваниям. Джеки, почему бы тебе не позвонить отцу и не убедиться, что с ним всё хорошо. Он даже не хотел вставать сегодня утром с кровати.

— Он ходил к доктору? — спросил Джексон.

— Ох, ты его знаешь.

— Это звучит серьёзно, мама.

— Дорогуша, в нашем возрасте всё серьёзно. Каждый раз, когда ты чихаешь, то писаешься или пердишь, или Бог знает что ещё. Тело просто разваливается. Позвони ему, Джеки. Я очень переживаю за этого мужчину.

Джеки отошёл в сторону, чтобы позвонить отцу.

— Ааааа! — вдруг услышал я.

Я повернулся и увидел Тони, который вырвался из хватки Хизер и теперь спешил вперёд.

— Аааа! — снова простонал он. Я не мог сказать, был это звук счастья или грусти.

Привет, Т—о—н—и, — произнёс я, опускаясь на корточки и раскрывая руки.

Он подошёл вперёд и положил голову на моё плечо. Он тихо простонал, его маленькие ручки цеплялись за перед моего пальто, будто он решил никогда его не отпускать.

— Всё хорошо, милый, — сказал я ему на ухо, притягивая его ближе и похлопывая по спине.

В конце концов я отстранился, вытер слёзы с его щёк, улыбаясь ему.

Он улыбнулся мне в ответ.

Как ты, малыш Т.?

Он пожал плечами.

Я скучал по тебе, — сказал я. — *Ты был хорошим мальчиком?*

Он очень серьёзно кивнул.

— Он спрашивал о вас каждый день, — сказала Хизер, сияя. — Я подготовила документы, мистер Кантрелл, если вы по-прежнему хотите взять его на попечение...

— Хотим, — прямо ответил я.

— Мне понадобится подпись нашего комитета, но, думаю, мы можем назначить дату размещения. Что вы думаете насчёт среды, на следующей неделе?

— На следующей неделе?

— Нам нужно время, чтобы подготовить его, мистер Кантрелл. И вам понадобится некоторое время, чтобы разобраться со всем с вашей стороны, я уверена. И, в любом случае, комитет не соберётся до понедельника.

— Тогда как насчёт вторника? — спросил я.

— Определённо, — ответила она.

Я улыбнулся Тони.

Хочешь жить со мной и Д—ж—е—к—о—м?

Правда?

Я кивнул.

Его нижняя губа задрожала, и он разразился слезами. Я подхватил его на руки и усадил в одно из кресел, которые украшали фойе.

— Он в хороших руках, — сказала миссис Ледбеттер.

— Я в этом не сомневаюсь, — ответила Хизер.

— Хотела бы я, чтобы вы встретились с моим внуком. Каким маленьким очаровашкой он был. Метафетаминовый малыш. Родную мать посадили за наркотики. Она вышла из тюрьмы и быстро скончалась. Говорят, передозировка. В

любом случае, раз отец не отрезал ему волосы, и сын этого не хотел — и впервые, когда я с ними познакомилась, я подумала: "Бог мой, они выглядят как что-то, что можно найти в австралийском кустарнике". Но они были очаровательными. Оба.

— Должно быть, его потеря была ужасной.

— О, да, дорогая, — заверила её миссис Ледбеттер. — Это было ужасно для всех нас. Но им пора двигаться дальше, и я знала, как только они начали говорить об усыновлении, я знала. Они захотят найти где-то несчастного маленького бедняжку, потому что Вилли такой. Полагаю, кто-то должен спасти заблудившихся детей.

— Ну, конечно же.

— Итак, дорогая, я собиралась поговорить с вами о сборе средств. Я видела поношенную одежду, в которой был Тони во время первого визита в мой дом. Честное слово! Нельзя выпускать сирот одетыми вот так! Никто их не захочет. Достаточно плохо быть в государственном доме из-за того, что твои мать и отец оба захолустные недоумки, но чтобы одеваться в обноски из «Волмарта»? Шокирует, скажу я вам. Так что я думала, может, устроить благотворительный вечер. И ещё я думала, за правильную сумму денег, мы могли бы нанять Адель, чтобы она спела пару песен. Ей не придётся устраивать целый концерт, всего один или два номера, она и этот пианист, которого она таскает с собой. И я знаю, она только что родила ребёнка, но в Бостоне есть детские сады, не так ли? Не то, чтобы ей нужно было таскать это маленькое существо на своей сиське двадцать четыре часа в сутки. Что вы думаете, дорогая?

— Ох, миссис Ледбеттер, это было бы так щедро!

— О, ничего особенного, правда. Для успешного сбора средств нужно сесть на телефон и поговорить с такими людьми, как Линдси Лохан или Майли Сайрус, и сказать им, что будут бесплатные наркотики. Работает прекрасно. Достаточно дорожек, и они будут стоять в очереди до конца квартала. Мы можем попробовать нанять Джастина Бибера, но придётся найти кучу пластмассовых ведер на случай, если ему понадобится помочиться, а это может отбить энтузиазм благотворителей. В старые добрые времена можно было позвонить Майклу Джексону и сказать ему, что будут молодые парни. Конечно, с Элизабет Тейлор стоило только сказать, что будут папарацци. На камеру она вела как шлюха, скажу я вам. Затем, конечно же, мы могли бы достать любое количество никому не нужных и выдавших виды знаменитостей, кто буквально сделал бы что угодно, чтобы привлечь внимание. И есть похожие на Пэрис Хилтон, но, если мне придётся ещё один вечер смотреть на женщину без сисек и без мозгов, думаю, я сойду с ума. Может быть, мы просто остановимся на Адель.

— Вы эксперт в таких вещах. Знаю, сборы нужны. Со всеми этими сокращениями бюджета...

— Да, да, дорогая, меня не нужно уговаривать. И если с Адель не выйдет — я её обожаю, знаете ли — интересно, получится ли с Рибой МакИнтайр. Или она уже мертва? Так тяжело уследить за этими знаменитостями. Я когда-нибудь рассказывала вам о том случае, когда Уитни Хьюстон вырвало в раковину на моей кухне?

— Нет, не думаю, что рассказывали.

Тони затих, сел прямо, повернулся посмотреть на меня. Он положил руку мне на лицо, чтобы почувствовать мою бороду. Он очертил пальцем края моих губ, затем коснулся кончика моего носа.

Привет, Т—о—н—и, — прожестикнул Джексон.

Тони улыбнулся ему.

Я тебе кое-что принёс, — сказал Джексон, потянувшись в карман пальто, чтобы достать шоколадный батончик.

Тони взял батончик в робкой, неуверенной манере. На его месте я бы схватил этот леденец и тут же начал его есть, но Тони осматривал конфету с осторожностью, вертя и крутя в руках.

Джексон присел на корточки, медленно положив пальцы на колено Тони. Тони внезапно посмотрел на него, когда он это сделал, и долгое мгновение ничего не делал, только смотрел, будто ожидая чего-то. Затем расслабился, будто это нормально, что Джексон Ледбеттер касается его колена. Джексон очень нежно оставил руку лежать на месте, улыбаясь Тони. Тони улыбнулся ему, затем улыбнулся мне. Он казался довольным вниманием. Он решил, что нам с Джексоном можно доверять?

Когда пришло время уходить, я прожестикуюлировал:

Ты пойдёшь жить с нами, но это будет через несколько дней. Мы вернёмся завтра, чтобы с тобой увидеться, хорошо?

Вы... не остаётесь?

Мы не можем, сладкий. Но мы скоро будем вместе. Будешь хорошим мальчиком?

Он опустил глаза и не ответил. Он казался подавленным.

Я присел на корточки, чтобы быть с ним на уровне глаз.

Всего пару дней, сладкий. Потом мы будем вместе. Так что будь хорошим, ладно?

Он неохотно кивнул.

У тебя есть фотографии?

Он порылся в кармане и достал полоску фотографий, которую я ему дал. Он сложил их пополам и носил с собой.

У тебя есть твои мишки? — спросил я.

Он кивнул.

Мы любим тебя, сладкий. Мы завтра вернёмся с тобой повидаться. Хорошо?

Хорошо.

Хизер взяла его за руку, но он не хотел уходить. Он повернулся, чтобы снова посмотреть на нас с Джексоном.

Страшно, мистер, — прожестикуюлировал он, прикусив губу.

Я знаю. Нам тоже.

Правда?

Да. Но всё будет нормально. Вот увидишь. Веди себя хорошо, ладно? Завтра мы снова с тобой увидимся.

Он медленно отвернулся и пошёл за Хизер.

Глава 43

У нас есть телефон?

— Мы действительно будем жить здесь? — спросил я, вешая пальто рядом с дверью и оглядываясь вокруг.

— Это дом, детка, — с улыбкой произнёс Джексон.

— Он такой большой.

— Ты к этому привыкнешь.

Было тяжело думать о номере 504 на Пайн-стрит как о "квартире". Я жил в квартирах. Это была не квартира. Это был полноценный дом с тремя этажами, будучи маленьким кусочком огромного здания, которое растягивалось на целый квартал. У нас были соседи с двух сторон, но никого из них не было слышно через толстые стены.

— Я не могу представить себя, живущим здесь, — признался я.

— Подожди немного.

— По крайней мере, включили отопление.

— Мама включила для нас все коммунальные услуги — воду, газ, электричество, телефон, полный набор.

— У нас есть телефон?

— Конечно.

Я не мог вспомнить, когда в последний раз видел городской телефон.

— Что мы будем делать с телефоном?

— Звонить людям. По большей части в доставку пиццы. Wi-Fi и кабельное обслуживание тоже есть. Это всё привязано к телефону.

Я подошёл к газовому камину. Джексон опустил на корточки, разобрался с кнопками и включил его.

— Не слишком убого, — сказал я.

— Мы можем лежать здесь на ковре и заниматься любовью.

— Могли бы, — согласился я. — И если бы я не был таким уставшим, то занялись бы.

— Мы будем здесь счастливы, Вилли.

— Я никогда раньше не жил в большом модном городе.

— Тупело не совсем маленький город.

— Ничего похожего.

— И слава Богу. Ты выглядишь уставшим, Вилли. Почему бы нам не пойти в кровать? День был долгий.

— Мы ещё не распаковали вещи.

— Сделаем это завтра. Уже одиннадцатый час.

— Я забыл о разнице во времени.

— Идём, ковбой. Давай посмотрим, работает ли наша новая кровать.

Он посмотрел на меня с зазывающей улыбкой.

— Эта кровать новая, да? — надавил я. — А не та кровать, в которой спали и занимались сексом твои родители?

— Есть что-то плохое в том, что мои родители занимаются сексом?

— Это отвратительно, вот и всё.

— Если тебе обязательно знать, это моя старая кровать. Мама её прислала. Это кровать, где я впервые научился мастурбировать. От этого тебе лучше?

— Надеюсь, она вывела все пятна спермы.

— А их было немало, могу тебе сказать.

— Ты такой бунтарь. Кстати, как там твой отец?

— Он говорил не слишком хорошо, когда я с ним общался. Ему не нравится ходить к доктору. Он лучше подождёт, пока не окажется на смертном одре, и вызовет скорую. Думаю, у него мог быть микроинсульт или что-то такое. Ему действительно нужно пойти и провериться.

— У него был инсульт?

— Может быть, мини-инсульт. Иногда люди даже не знают, что это происходит, и это может быть знаком, что надвигается что-то более серьёзное.

— Почему ты не заставишь его пойти к доктору?

— Моего отца ничего не заставишь сделать. Он сторонник свободы, и это включает в себя свободу отказа от медицинского ухода и игнорирование здравого смысла.

Таща чемоданы, мы поднялись на второй этаж по узкой лестнице, которая вела к главной спальне и двум маленьким спальням, плюс ещё к полной ванной. На третьем

этаже располагалась мастерская и логово, которое будет моей "писательской комнатой", наряду с игровой и ещё одной маленькой комнате, которая превратилась в крошечную библиотеку.

— Я думал, нам следует расположить Тони в комнате напротив нашей, — сказал Джексон. — Он может чувствовать себя безопаснее, зная, что мы рядом. Другая спальня больше, но она в другом конце коридора, с другой стороны ванной.

Мы прошли в "комнату Тони", и Джексон включил свет. Там была целая кровать, огромный комод, маленький гардероб и антикварное кресло, которое стояло у окна, среди других вещей.

— Сейчас это гостевая спальня, но мы могли бы перенести отсюда эти вещи и достать ему стол, ящик для игрушек и всё, что он ещё захочет.

Я подошёл к маленькому окну с видом на улицу перед нашим зданием.

— У него хороший вид, — сказал я. — Думаешь, ему здесь понравится?

— Уверен, понравится. Мы наймём кого-нибудь, чтобы установить звонок с лампочкой, чтобы он знал, если кто-нибудь стучит в его дверь. Ещё мы установим функцию телетайпа* (*прим.: Телетайп — режим телетайпа работает по принципу пишущей машинки. Эта функция используется не только для глухих и плохо говорящих, ею пользуются и те, кому просто нравится общаться в таком формате — ты пишешь, а собеседник на той стороне твое письмо получает в звуковом формате, или наоборот — ты говоришь, а собеседник сказанное видит в письменной форме*) на телефон и мобильник. Мы справимся.

Я прошёл за ним в нашу комнату, где была кровать королевских размеров, диван, туалетный столик, большой шкаф, гардероб и своя собственная крошечная ванная.

Я сел на кровать, огляделся вокруг и вздохнул.

Я хотел быть счастливым, но не был. Это место не казалось домом.

— О чём ты думаешь? — спросил Джексон. Он открыл свой чемодан, выложил одежду. Сейчас он раздевался.

— Я не могу представить, что буду жить здесь.

— Подожди немного.

Глава 44

Дорогая мамочка

Проснувшись, я почувствовал запах свежесваренного кофе. Так как квартира хорошо обогревалась, я спустился по покрытой ковром лестнице в нижнем белье. На кухне я нашёл Джексона, убирающего продукты.

— Надень какую-нибудь одежду, — сразу сказал он, жестами прогоняя меня.

— Зачем?

— Просто иди!

Я нахмурился.

В этот момент открылась входная дверь, и зашла миссис Ледбеттер, впуская порыв холодного воздуха.

— Чувствуешь себя как дома, да? — крикнула она через большую гостиную. — Не обращай внимания на мамочку. Я вышла сегодня утром и купила продукты. К счастью, Джексон уже не спал и помог мне занести их внутрь, но я забыла свои очки для чтения. Не обращай на меня внимания. Я собиралась выпить кофе без кофеина со своим Джеки и почитать газету. Продолжай, дорогой.

— Вилли, почему бы тебе не одеться? — предложил Джексон.

— О, всё просто отлично, — сказала миссис Ледбеттер. — Хорошая задница, кстати говоря. Это называют круглой попкой? Знаешь, единственное, что мне не нравится в себе, — то, что у меня вообще нет задницы. Моя, скорее, похожа на малую ягодичную мышцу.

— Мам!

— Я просто говорю. Я понимаю, что тебя привлекает.

— Я не знал, что у нас компания, — сказал я.

— Теперь знаешь, — мило ответила она.

— Вы ведь не будете приходить каждый день, да? — спросил я.

— Только, если тебе повезёт.

— Ну, если вы будете заскакивать время от времени, полагаю, вам придётся привыкнуть к моей случайной нагоде.

— Чудесно! Думаю, тогда я сниму лифчик.

— Нет необходимости держать девочек в узде из-за меня, — с улыбкой сказал я.

— О Боже, — пробормотал Джексон.

Миссис Ледбеттер затянулась электронной сигаретой и усмехнулась.

— Кстати, миссис Л., есть время и место для кофе без кофеина, и это время и место — никогда и на свалке. Если от кофе у вас не растут волосы на яйцах, то это не кофе.

— Я попрошу своего гинеколога проверить это во время следующего приёма, дорогуша. Там просто джунгли, клянусь.

— Мама, ты прекратишь? — требовательно спросил Джексон, краснея.

— А ваш сын скромник, — сказал я, улыбаясь из-за его дискомфорта.

— Ты можешь пойти наверх и надеть какую-нибудь одежду? — спросил он.

Глава 45

Звонок из прошлого

Когда в понедельник днём зазвонил телефон Джексона, мы были в торговом центре, пытаясь найти подходящее одеяло для кровати Тони.

— Это, должно быть, Хизер, — взволнованно произнёс я. — Ответь!

Джексон посмотрел на телефон, нахмурился, приложил его к уху.

После обмена любезностями он произнёс:

— Что она? ...Нас? ...Правда? ...Эм, я не знаю...

— Кто это? — спросил я, вне себя от нетерпения.

Он отвернулся, раздражённый.

— Мы почти решили не делать этого, — сказал он после долгой паузы. — Она хочет? Правда? Дайте мне поговорить об этом с Вилли...

— Ну? — требовательно спросил я, когда он, наконец, повесил трубку.

— Это была Руби.

Где я раньше слышал это имя?

— Это по поводу Амелии, — добавил Джексон.

— Той девочки, которую мы видели пару месяцев назад?

— Руби сказала, что мать Амелии хочет, чтобы мы её удочерили.

— Правда?

— Полагаю, мы ей понравились.

— Она так сказала?

— Она умерла в прошлый четверг. Похороны были вчера. Полагаю, одна из последних вещей, которые она сказала, были о том, что она хочет, чтобы о её дочери позаботилась "пара геев". И мы были единственной парой геев, которые с ней встречались.

Амелия Фостер была девятилетней девочкой, чей отец умер от последствий ранения, полученного на войне в Персидском заливе, а мать — яркая, счастливая женщина, которая любила рисование и котов, умирала от опухоли головного мозга. Мы с Джексонсом были в числе пар, с которыми она "беседовала" в поисках идеальных родителей, которые будут воспитывать её дочь после её смерти. Я спросил миссис Фостер, почему её старшая сестра не хотела позаботиться об Амелии, и в ответ получил чуть больше, чем улыбку. Затем миссис Фостер объяснила, что новыми родителями Амелии должны быть люди, которые на самом деле хотят её и дадут ей жизнь, которую она заслуживала. Позже я выяснил, что старшая сестра миссис Фостер была замужем за жестоким мужчиной с богатым уголовным прошлым, и что их отец отбывал срок в тюрьме за сексуальное насилие.

— Ты говорил ей о Тони? — спросил я.

Джексон кивнул.

— И?

Джексон вздохнул.

— Что это значит? — спросил я.

— Мне действительно понравилась та маленькая девочка, — признался он. — И Тони мне тоже нравится. Но Амелия была лапочкой, и я чувствую с ней связь.

— Значит, ты не хочешь брать Тони?

— Дело не в этом — мы не можем сейчас передумать.

— Тогда что такое?

Он снова вздохнул.

— Сначала мы вообще не могли найти никакого ребёнка. Теперь у нас есть двое, и мы должны выбрать между ними? — раздражённо произнёс я.

— Может быть, мы не обязаны выбирать, — тихо произнёс Джексон.

— Взять их обоих?

— Почему нет?

— Я думал, ты не хочешь ещё одного ребёнка.

— Не хочу. Я имею в виду... Я не знаю, что имею в виду. Но я не хочу ей отказывать, Вилли. Её мать только что умерла. Она, должно быть, не в себе. И мне хотелось бы иметь дочь.

— Ты не думаешь, что это слишком?

— Двое детей?

— Двойная проблема?

— Или двойное веселье, — парировал он.

— Ты уверен?

— Если бы это был любой другой ребёнок, я бы сказал "нет". Действительно, честно, сказал бы. Нам нужно сначала устроить Тони — это наш приоритет. Но Амелия... она другая. Нам придётся снова поговорить с Руби, а затем Руби поговорить с Хизер, потому что нельзя волей-неволей собрать вместе кучу детей. Но Тони не жестокий ребёнок. У него нет записей о драках с другими детьми или чего-то такого. Они двое, наверняка, хорошо поладят.

— Тогда давай сделаем это, — сказал я.

— Правда?

— Давай, Ледбеттер! Ты знаешь меня. Ты заставил меня переехать в эту забытую Богом, замерзшую адскую дыру. Меньшее, что ты мог бы сделать, — это подарить мне

парочку малышей, о которых можно заботиться, пока ты там бродишь по художественным галереям и ешь канапе с мэром.

— Правда?

— Давай сделаем это.

Джексон улыбнулся — думаю, это был первый раз, когда я увидел такую улыбку, связанную с усыновлением ребёнка. Он всегда поддерживал и подбадривал, но с определённой холодностью, определённой отдалённостью. Сейчас он сиял.

— Я не знал, что ты так сильно её хочешь, — сказал я.

— Может, я тоже не знал, — ответил он.

— Чего ты ждёшь? Звони Руби и узнай, что она скажет.

Глава 46

Где твой аппетит?

— Вы оба совсем с ума сошли? — спросила миссис Ледбеттер. — И что, чёрт возьми, подумает твой отец?

— Это правильное решение, мама, — сказал Джексон. — Передашь мне салат?

— Двое детей? Я даже не познакомилась с девочкой. Нельзя удочерить кого-то, с кем я никогда не встречалась. Серьёзно, Джеки. Это неправильно. Теперь мне придётся рассказать своим друзьям, что у меня двое внуков. Они подумают, что мне сто лет.

— Ты её полюбишь, мама.

— У неё две головы или что?

— Мам!

— Это у неё умерла мать, — отметил я.

— Поэтому у неё психологическая травма?

— Возможно, — сказал я.

— Она будет в порядке, — сказал Джексон. — Папа с нами не поест?

— Он сказал, что не голоден. Тебе действительно нужно заставить этого мужчину сходить к доктору.

— Ты его знаешь.

— Знаю и поэтому говорю, что тебе нужно заставить его сходить к доктору.

— Я пытался с ним поговорить, задать ему пару вопросов, но он разозлился. Знаешь, я медбрат, и веришь или нет, я раньше видел пациентов с инсультом.

— Я не знала, что у детей бывает инсульт.

— Обычно не бывает, но я работаю в больнице.

— Если у него был инсульт, то очень маленький.

— Но это может быть знак, что где-то что-то серьёзно не так.

— Ну, тогда поговори с ним!

— Почему бы тебе с ним не поговорить, мама? Он тебя послушает.

— Можно подумать. В чём дело, Вилфред? Почему ты не ешь?

— Знаете, меня зовут Вилли.

— Да, дорогой, я знаю. Ты не прикоснулся к еде.

— Я слишком нервничаю.

— Чего ради?

— Мы завтра забираем Тони.

— И?

— Ну, я нервничаю.

— Не передумываешь, нет?

— Конечно, нет!

— Тогда чего тебе нервничать?

— Для нас это большой шаг.

— Вот, что делают с тобой роды. Помню, когда родился мой Джеки...

— Мам, не начинай.

— Думаю, он, должно быть, завыл и продолжал делать это первые шесть месяцев своей жизни. Мы никак не могли его заткнуть. И он не мог просто плакать, как нормальный ребёнок. Его лицо краснело, и он сжимал свои маленькие кулачки и кричал изо всех сил, как сумасшедший. Так раздражающе! Я говорила няне успокоить его, но она не помогала. Будучи в этом смысле большой христианкой. Потом я сказала моему отцу выписать транквилизатор...

— Не правда! — воскликнул Джексон.

— Определенно, правда. Но я выяснила, что когда твоего отца нет рядом, я могу добавить немного водки в твою бутылочку, и ты сразу успокаивался. Затем моя подруга Энни — ты знаешь Энни. Это она вышла замуж за того араба и переехала в Дубаи или какую-то чёртову дыру в пустыне — ну вот, Энни нравилась травка, и она выдувала дым тебе в лицо.

— Мам!

— Ну, она это делала, дорогуша. Это помогало тебе расслабиться.

— И с тех пор я хожу на программы восстановления из двенадцати шагов.

— Мы не знали, что ты превратишься в наркомана, дорогой.

— Мам, ты прекратишь? Ты знаешь, что всё это неправда. Твои друзья, может, и считают это забавным, но не я.

— Он действительно напряжён, да, Вилли? — спросила она, бросив на меня взгляд.

— Вы даже не представляете насколько.

— Так когда я познакомлюсь с этим другим ребёнком? — спросила она, возвращая внимание к Джексону.

— Мы увидимся с ней завтра днём. Мы собираемся взять Тони и позволить им познакомиться друг с другом, устроить маленький визит и посмотреть, что будет.

— Я слышала, что братья и сёстры не обязательно должны нравиться друг другу.

— Мисс Руби подумала, что будет лучше, если они встретятся до какого-либо окончательного решения, которое мы примем, — отметил я. — Когда мать Амелии говорила с нами, она подумала, что мы бездетные, поэтому могла выбрать нас.

— Или, может быть, она выбрала вас потому, что думала, что вы будете хорошими родителями.

— Может быть, — ответил Джексон.

— Ты был хорошим отцом, Джеки. За это я отдам тебе должное. Я знала, что должна быть как минимум одна вещь, в которой ты хорош.

— Спасибо, мама.

— Вилли, попробуй рыбу.

— Я не большой фанат рыбы, миссис Л.

— Мне придётся сказать Лидии достать курицу в следующий раз, когда ты зайдёшь. Ты хочешь, чтобы Лидия её пожарила в настоящем жире? Я слышала, это сейчас снова в моде. Что это?

— Что это? — спросил Джексон, замирая с большим куском рыбы у рта.

— Думаю, это твой отец. Иди проверь его, Джеки.

Миссис Ледбеттер выглядела обеспокоенной.

Джексон тут же поднялся из-за стола.

Миссис Ледбеттер поспешила за ним.

Глава 47

Я так не думаю

— Ну? — произнёс я.

Джексон покачал головой, выглядя истощённым. И он мог таким быть — мы провели в больнице большую часть ночи. Его отец пострадал от серьёзного инсульта, и вид Джексона предполагал, что тот может не справиться.

— Мне жаль, — сказал я. — Как твоя мать?

— Она по-прежнему с ним.

— С ним всё будет хорошо?

— Я так не думаю. Он не реагирует.

— Мне жаль.

— Я не готов.

— Не готов к чему?

— Я всегда думал, что будет время поговорить с ним. Сказать вещи, которые я хотел сказать.

— Ничего ещё не кончено.

— Мы проигнорировали все предупреждающие знаки.

— Он не хотел идти к доктору.

— Мы должны были его заставить.

Я замолчал.

У Джексона было потерянное, ошеломлённое выражение лица, с которым я не знаком. Если честно, он всегда был здравомыслящим, прагматичным, не склонным к эмоциональным всплескам. Он был непоколебимым — я должен был отдать ему за это должное. В отличие от меня, он не злился на мир, не злился даже на себя. Он был хорош в пиковые моменты: спокойный, непоколебимый, крепкий, мужчина, который держал свои чувства в кулаке.

Но сейчас...

— Уверен, он будет в порядке, — сказал я.

— А если нет?

Я закусил губу.

Я никогда не был близок с мистером Ледбеттером, особо не заботился о нём. Чувства были, несомненно, взаимными. Мой собственный отец был, скорее, донором спермы, чем отцом, и я никогда не чувствовал себя комфортно рядом с мужчиной-натуралом его возраста. Было что-то в отношениях с таким человеком, чему я не доверял. Но мистер Ледбеттер был намного больше, чем донором спермы в жизни своего сына.

— Мне нужно позвонить дяде, — вдруг сказал Джексон, хватая телефон.

— Хочешь, чтобы я позвонил Хизер? — спросил я.

— Зачем?

— Мы могли бы немного подождать, прежде чем забирать Тони.

— Мой папа может быть без сознания следующие три недели или три месяца. Если он вообще придёт в сознание, мы говорим о месяцах реабилитации. Нет никакого смысла заставлять Тони ждать всё это время.

— Ты уверен?

— Конечно. Я уверен. Что с тобой такое? Мне нужно позвонить дяде Карлсону. Он папин брат. Он должен знать.

Джей поспешил к выходу.

Глава 48

Ты не знаешь тётю Риту

Младший брат мистера Ледбеттера, Карлсон, бы высоким, худым мужчиной. Его сопровождала его дочь, Фрида.

— Всё плохо, Джеки? — сразу же спросила Фрида, спеша вперёд и беря Джексона за руку. У неё были короткие волосы и непредсказуемые, резкие манеры на все случаи жизни. Если я правильно помнил, она была бухгалтером или кем-то в этом роде.

— Думаю, да, — сказал Джексон. — Они всё ещё проводят анализы...

— Тётя Юнис, должно быть, вся на нервах, — заметила Фрида.

— Это случилось довольно внезапно.

— Мы можем его увидеть? — спросил Карлсон.

— Он в реанимации, — ответил Джексон. — Вы двое помните Вилли?

— Ты не изменился, — сказала Фрида, поворачиваясь ко мне и протягивая руку.

— Я только что прочла твою новую книгу. Это было ужасно.

— Ну, я не Шекспир, — признал я, пока мы пожимали друг другу руки.

— Я имею в виду смерть Ноя. Меня радует, что у меня нет детей, и я их не хочу. Я слышала, вы с Джеки думаете об усыновлении.

— Так и есть.

— Надеюсь, вы осторожны. Некоторые из этих детей... я могу рассказать вам ужасные истории.

— Уверен, можешь.

— Я приведу маму, — сказал Джексон, слегка хмурясь. — Уверен, она будет счастлива узнать, что вы приехали.

— А как же тётя Рита? — спросила Фрида.

"Тётя Рита" была младшей сестрой мистера Ледбеттера.

— О Боже, надеюсь, вы ей не рассказали, — сказал Джексон.

— Я могла что-то сказать, — призналась Фрида. — Она моя тётя, знаешь ли.

— Они с мамой, как кошка с собакой.

— Она имеет право знать.

Джексон вздохнул, сжал губы.

— Что такого страшного может произойти? — спросил я.

— Ты не знаешь тётю Риту, — мрачно ответил Джексон.

Глава 49

Я никогда этого не делал

В час того же дня мы заехали на парковку Бостонского дома для мальчиков.

— Ты уверен, что готов? — спросил я.

— Сколько ещё раз ты будешь спрашивать меня об этом? — ответил Джексон, искоса глядя на меня.

— Ты ужасно выглядишь.

— Спасибо, — сказал он.

— Когда мы приедем домой, тебе следует вздремнуть, отдохнуть немного.

— Отдохну.

Когда я не открыл свою дверь, чтобы выйти, Джексон произнёс:

— Что?

— Я никогда раньше этого не делал. Что мы должны делать?

— Мы отвезём его домой и начнём... жить. Нет никакого правильного или неправильного способа это делать.

— Теперь, когда дело дошло до этого, я напуган до смерти.

— Мы будем в порядке, — мягко сказал он, протягивая руку, чтобы похлопать меня по колену. — День за днем, ковбой. Вот, как мы это сделаем.

Он вышел, обошёл машину и открыл для меня дверь.

— Давай заведём ребёнка, Кантрелл, — сказал он, беря меня за руку.

Глава 50

Перемены — это непросто

Хизер привела нас в комнату Тони. Дверь была открыта. Маленький чемодан Тони лежал на кровати вместе с целлофановыми пакетами и небольшим количеством его пожитков. Одна из сотрудниц завязывала Тони ботинки.

Тони плакал.

— Он расстроен, — сказала мне сотрудница, когда я зашёл в комнату.

— В этом я уверен, — сказал я.

Она отошла назад, и я присел на корточки перед Тони. Он прижимал свои руки к груди и выглядел несчастным. Я помахал рукой, пытаюсь привлечь его внимание. Когда это не сработало, я аккуратно потряс его колено. Его глаза распахнулись, и он взглянул на меня.

Ты! Нет!

Привет, Т—о—н—и.

Нет!

Как ты сегодня?

Ты! Ты! Я говорить...

Я улыбнулся, ожидая, пока он успокоится.

Тебе страшно? — спросил я.

Страшно, мистер.

Я знаю, но всё будет в порядке. Я обещаю.

Он вытер глаза. Он был не просто напуган; он был в ужасе.

— Он в таком состоянии весь день, — сказала Хизер. — Переводчик заходил чуть раньше, пытался его развеселить. Ему не нравятся перемены.

— Всё будет хорошо, — сказал я. — Где та полоска фотографий, которую я дал ему, та, которую мы сделали в торговом центре?

— Я положила её в его чемодан, чтобы он не потерял, — ответила она.

— Можете её достать?

Когда Хизер достала её, я протянул фотографии Тони.

Очень медленно он забрал их из моей руки и посмотрел на них. Он провёл указательным пальцем по лицам, улыбающимся миру. Он проделывал это целую минуту.

Ты готов? — спросил я. — *Мы с Д—ж—е—к—о—м хотим заехать съесть по гамбургеру, прежде чем поедем домой. Ты голоден, парень?*

Он посмотрел на меня, в его голубых глазах по-прежнему стояли слёзы. Где-то за этими слезами на меня смотрел маленький мальчик.

Всё будет хорошо, малыш Т. Я обещаю. Ты мне веришь?

Страшно, мистер.

Я знаю, милый.

Я встал, протянул руку. Он долгое время смотрел на неё, прежде чем, наконец, потянуться и взяться за неё. Он крепко сжал мою руку, будто боялся, что я могу отпустить.

Привет, Т—о—н—и, — прожестикулировал Джексон.

Тони закусил губу.

— Ну, полагаю, вот и всё, — сказала Хизер. — Теперь запомните, ребята, если ничего не выйдет, он всегда может вернуться сюда. Это не окончательная сделка, пока нет. Для начала я буду заходить раз в неделю, чтобы посмотреть, как идут дела. Я буду делать домашние отчёты. Думаю, необходимо, чтобы вы говорили со мной о том, что происходит. Есть много общих, типичных проблем. Если будем держать связь, надеюсь, мы сможем решить эти проблемы. У нас есть для помощи ресурсы, о которых вы можете не знать, так что нам важно поддерживать связь.

— Мы понимаем, — сказал я.

Глава 51

Постарайся верить

Мы наполовину закончили с гамбургерами и картошкой фри, когда я внезапно разразился слезами.

— Какого чёрта? — спросил Джексон.

Тони поднял взгляд, его лицо было полным беспокойства.

— Прости, — произнёс я.

— Ты в порядке? — спросил Джексон.

— Я просто счастлив.

— Забавный способ показать это.

— Я думал обо всех случаях, когда мы ели бургеры с Ноем... Я никогда не думал, что мы снова сможем это делать.

— И сейчас ты занимаешься не этим. Ты ешь бургеры с нами.

— Я знаю, но иногда в моей голове всё смешивается. Впервые за годы у меня такое чувство, будто я снова могу дышать.

Джексон нахмурился.

Ты... плачешь... почему? — спросил Тони.

Я счастлив, — ответил я. — *Я не хотел тебя напугать. Мы долгое время ждали кого-то похожего на тебя, чтобы сделать частью нашей семьи, и теперь, когда ты здесь, я просто счастлив. Не переживай. Как тебе гамбургер?*

Он улыбнулся.

— Тебе нравится? — спросил я.

Он очень серьёзно кивнул.

Какая у тебя любимая еда?

Он пожал плечами.

Нам нужно поговорить с тобой кое о чём, — сказал я, бросая взгляд на Джексона, который кивнул.

О чём?

После того, как мы закончим есть, мы собираемся кое с кем встретиться. Она маленькая девочка. Её мама умерла несколько дней назад, и ей тоже нужен дом. Мы хотим, чтобы ты с ней познакомился. Она может быть твоей сестрой. Что ты об этом думаешь?

Правда?

Да.

Я могу с ней играть?

Конечно, можешь.

Она милая?

Она очень милая. Мы познакомились с ней пару месяцев назад. Она на год или два старше тебя, так что она будет твоей старшей сестрой, а ты будешь её младшим братом. Думаю, она тебе понравится.

Он опустил взгляд в свою тарелку, пока очень серьёзно думал над этим.

Когда дальше он не ответил, я повернулся к Джексону.

— Что ты думаешь?

— Думаю, всё будет в порядке. Нам всем придётся немного подстроиться, но, думаю, всё хорошо.

— Ты так думаешь?

— Я это знаю, Вилли. Постарайся верить.

— Мы действительно это делаем, да?

Джексон улыбнулся.

Глава 52

Так как это работает?

Девятилетняя Амелия Фостер была на целую голову выше Тони. Её волнистые волосы спадали на тонкие плечи и окружали маленькое, миниатюрное личико с большими карими глазами и носом-кнопочкой.

Когда мы впервые с ней познакомились, она была скорой на улыбку и казалась очень уверенной в себе, будто в её теле не было робости.

Теперь, пока мы сидели в игровой комнате с её социальным работником, Руби Миллер, на лице Амелии было потерянное, несчастное выражение, и её карие глаза были обрамлены тёмными тенями от слёз и недосыпания. Она знала, что её мать разговаривала с "перспективными родителями", но, возможно, не понимала, что это на самом деле значило.

— Она восприняла это очень тяжело, — тихо произнесла Руби, пока мы наблюдали за тем, как она и Тони копаются в ящике с игрушками, ища, с чем поиграть. Они оба казались нерешительными, неуверенными в себе.

Джексон подошёл к ним.

— Он очень хорош в шашках, — сказал он Амелии. — Ты умеешь играть?

— Я предпочитаю шахматы, — сказала Амелия. — Я не ребёнок.

— Не уверен, что он умеет играть в шахматы. Возможно, ты могла бы его научить.

— Шашки подойдут, — сказала она. Девушка вытащила набор шашек и раскрыла доску на полу между ними.

— Я не знаю, как с ним разговаривать, — призналась она, поднимая взгляд на Джексона. — Это странно.

— Ты научишься, — сказал Джексон, садясь с ними. — Язык жестов не такой сложный. И ты кажешься умной девочкой — уверен, для тебя это не будет слишком сложно.

— Миссис Ланкин сказала, что я самая умная девочка в её классе.

— Готов поспорить, что так и есть.

— Знаете, у меня все пятёрки.

— Знаю. Твоя мама мне говорила. Я сожалею о том, что с ней произошло.
— Она была больна. Доктора сказали, что это был только вопрос времени.
— Мой папа болен. Я знаю, что ты чувствуешь. Это страшно, да?

Она подняла на него взгляд, закусил губу.

— Что случилось с твоим папой? — спросила она после долгой тишины.

— У него был инсульт.

— Он поправится?

— Я так не думаю.

Она опустила глаза, нахмурилась.

— У тебя ведь никогда не было младшего брата? — спросил Джексон.

— Нет.

— Как думаешь, тебе это понравится?

Она пожала плечами.

— У него есть особые потребности.

— Он отсталый?

— Ничего такого. Он просто... ну, у него была сложная жизнь. Он немного робкий. Не любит, когда люди к нему прикасаются. Иногда у него случаются инциденты.

— Какие инциденты?

— Ты знаешь.

— Например, он писается в кровати?

— Что-то типа того. Но, может быть, с хорошей семьёй, с людьми, которые любят его и заботятся, может быть, он начнёт чувствовать себя лучше. Что ты думаешь?

— Он кажется нормальным. Конечно, он мальчик, так что он, наверное, глупый.

— Лучше следи за ним с этими шашками. Он несколько раз надрал мне зад.

— Правда?

— Правда.

— Что же, мне он зад не надерёт.

Вместе они разложили доску для шашек и взялись за дело.

Мы с Руби наблюдали.

— Вы были единственным настоящим выбором Клары Фостер, — сказала мне Руби. — Она встречалась с несколькими другими парами, но больше всего ей понравились вы с Джексоном. Она всегда это говорила.

— Это очень лестно, — ответил я.

— Она думала не просто о деньгах, — добавила Руби. — Она хотела, чтобы Амелия была с парой, которая действительно будет её любить, действительно привяжется к ней и даст ей счастливую жизнь. Конечно, деньги помогают, но это не всё, и ей не было важно, бедные люди или богатые. Думаю, она что-то увидела в вас и вашем супруге, чего не видела в других парах.

— Психические заболевания, скорее всего.

— О, она любила ваше чувство юмора!

— Кто говорит, что я шучу?

— Если хотите правды, думаю, она выбрала вас именно потому, что вы геи. В детстве она подверглась сексуальному насилию, и... ну, полагаю, она думала, что Амелии безопаснее с парой мужчин-геев.

— Но сексуальное насилие не относится к сексу, — отметил я.

— Я знаю. Но она знала, что ваш супруг медбрат, и, конечно, она читала ваши книги о Ное — она говорила, что у неё такое чувство, будто она вас знает.

— Так как это работает? — спросил я.

— Мы устроим встречу-размещение в четверг днём. Если вы с Джексоном согласны, мы согласны устроить размещение. Честно говоря, чем скорее, тем лучше. Я не хочу, чтобы Амелия была вынуждена провести в этом учреждении больше времени, чем должна. Чем скорее мы начнём процесс, тем лучше. Я уже поговорила с Хизер и просмотрела досье Тони, пока была там. Я не увидела ничего, что бы излишне меня беспокоило. Вам придётся поговорить с Амелией о ВИЧ, чтобы она была осторожна. Вы знаете. Это на ваше с Джексоном усмотрение. Я понимаю, что его отец нехорошо себя чувствует.

— У него был инсульт.

— Я понимаю, сейчас не очень подходящее время.

— Джексон, кажется, думает, что у нас всё будет хорошо. Его отец может восстанавливаться долгое время. И если честно, ему действительно нравится Амелия. Я не понимал, насколько, пока вы не позвонили. Он во многом мне уступает, и, полагаю, я не обращал на это внимания.

— А вам она нравится?

— Я думаю, она очаровательная.

— Но...?

— Никаких "но". Просто если бы мы пошли вперёд и занялись усыновлением, я хотел бы кого-нибудь, кто остаётся незамеченным, кого бы не захотел никто другой. Такой уж я.

— В этом нет ничего плохого.

— Амелия замечательная. Не поймите меня неправильно. Нам обоим она очень понравилась. Но я знал, что есть множество пар, которые были бы счастливы её взять. Конечно, мы счастливы её взять. Было бы отлично иметь и сына, и дочь.

— Ей понадобится время, чтобы привыкнуть.

— Я был бы удивлён, будь иначе.

— Но я думаю, вы ей понравитесь. Все вы. Она всегда производила на меня впечатление довольно одинокого ребёнка. Так долго были только она и её мать. У вас с Джексоном будет много хлопот.

— Не могу дождаться, — признался я.

Глава 53

Сейчас нет пути назад

Мы с Тони сидели в зале ожидания, пока Джексон поднимался на лифте на четвёртый этаж, чтобы навестить своего отца, который оставался без сознания.

Ты голоден? — прожестикнул я Тони.

Он покачал головой.

Хочешь попить чего-нибудь?

Он снова покачал головой.

Ты в порядке?

Он поднял на меня взгляд, закусил губу.

Что такое? — спросил я.

Я должен вернуться обратно?

Куда обратно?

Домой.

Нет. Ты теперь будешь жить со мной и Джеем. У нас есть для тебя комната. Она через коридор от нашей спальни.

Но я должен вернуться обратно?

Нет. Ты теперь будешь жить с нами.

Всё... время?

Да.

Правда?

Правда.

И вы... отправить меня назад... не сделаете?

Конечно, нет. Мы теперь будем твоими родителями. Мы будем твоей семьёй.

Правда?

Да.

Мне... страшно.

Не бойся. А если тебе страшно, ты можешь поговорить со мной, и я тебе помогу. Обещаю. Ты не должен бояться.

Правда?

Да. Мы с Джемом хотим, чтобы ты был счастлив. Мы хотим, чтобы у тебя был дом. Мы хотим, чтобы у тебя были родители, как у других детей. Мы хотим, чтобы ты пошёл в школу и завёл друзей и был нормальным мальчиком. Это будет весело. Вот увидишь. Ты мне веришь?

Он закусил губу с неуверенным видом.

Я медленно потянулся и обнял его.

Казалось, он немного расслабился, прильнув ко мне. Через минуту он зевнул и прижался ближе. Я подтолкнул его локоть и использовать мою ногу в качестве подушки. Я укрыл его своим пальто.

Через несколько минут он уснул.

Глава 54

Теперь я понимаю, почему вы никому не нравитесь

— Вилли, это тётя Рита, — натянутым голосом произнёс Джексон.

Они спустились на лифте вместе.

— Приятно с вами познакомиться, — сказал я, чувствуя себя глупо, так как не мог встать, чтобы должным образом пожать ей руку. Тони спал, ничего не замечая. Я сидел там так долго, что у меня начало сводить спину, но бедный мальчик был истощён.

Тётя Рита была низкой, сухощавого телосложения, со строгим выражением лица — одни кости, обтянутые кожей. Её шея и пальцы были украшены стольким количеством золота и серебра, что она выглядела как ходячий ювелирный магазин.

— Я слышала о тебе, — страдальческим голосом объявила Рита Каммингс. — Ты гомосексуал, который написал ту книгу.

— Помимо всего прочего, — согласился я.

— И ты с Юга. Вы навязали нам Билла Клинтона, и за это я никогда никого из вас не прощу. Не говоря о Джимми Картере. Но ещё вы подарили нам Полу Дин и Элвиса. Я действительно не знаю, что сказать.

— Тётя Рита, будь милой, — велел Джексон страдальческим тоном.

— Только потому, что ты наслаждаешься прогулками по бедным районам, Джексон, не ожидай этого от нас остальных. Уверена, моя машина стоит снаружи.

— Ты не познакомилась с мальчиком, которого мы усыновляем, — заметил Джексон.

— И не хочу, — ответила она, задирая нос. — Полагаю, я должна быть благодарна, что он не негритёнок и не какой-нибудь другой монголоидный кошмар, если уж вы втягиваете его в то, что однажды действительно было хорошей семьёй.

Джексон сжал челюсти и продолжал молчать.

— Теперь я понимаю, почему вы никому не нравитесь, — сказал я, выпрямляя спину.

— Разве это имеет какое-то значение, дорогуша? — ответила она, разворачиваясь на каблуках.

Глава 55

Счастливое сердце

На следующее утро я встал первым. Я надел халат, просунул голову в дверь Тони, увидел его под одеялами и улыбнулся. Это было замечательное чувство — видеть его в этой кровати.

Я хорошо знал, что ожидать, что усыновлённый ребёнок заполнит дыру в твоём сердце, — плохое дело. Это несправедливо к ребёнку, этот факт жизни стал совершенно ясным, как только мы с Джексонем по колено погрязли в процессе усыновления — ходили на занятия, заполняли бланки, отвечали на бесконечные вопросы.

Я искал ребёнка не для замены Ноя. Так я себе говорил.

Я поторопился вниз, сварил кофе и был по локти в тесте для блинов, когда услышал за собой тихий топот ног по мраморному кухонному полу.

Я обернулся и улыбнулся.

Там стоял Тони. Он смотрел на меня с самым грустным выражением лица, и всё же в его глазах был намёк на что-то.

Надежда?

Любопытство?

Доброе утро, — прожестикнул я.

Он не ответил.

Я попробовал кое-что полегче: *Привет*.

Привет.

Как ты себя чувствуешь?

Он пожал плечами.

Ты голоден?

Он кивнул.

Садись, — велел я, кивая на стойку для завтрака, у которой стояло четыре стула.

Я налил ему стакан сока и вернулся к блинчикам.

Джексон спустился, когда я поставил тарелку, на которой лежал большой блин со всеми начинками перед Тони.

— Привет, — сказал я.

— Привет, — отозвался он.

Он налил чашку кофе и сел напротив Тони, они начали жестикулировать о том, чем им следует заняться. Слепить снеговика? Сходить в торговый центр? Завести карточку в библиотеке? Пойти поплавать в бабушкином доме? Нагрять в магазин игрушек? Установить Xbox? Подготовить для Амелии её комнату?

Я наблюдал краем глаза, моё сердце ощущало счастье — настоящее счастье — впервые за многие годы.

Глава 56

В чём дело?

Я знаю, ты напуган, — прожестикнул я позже в тот день, пока мы с Тони убирали его одежду и приводили в порядок комнату в попытке как следует его устроить. — *Я не хочу, чтобы ты боялся. Мы с Джейм можем что-нибудь сделать, чтобы ты чувствовал себя в безопасности?*

Он покосился на меня.

Я попытался снова, используя более простые слова, стараясь передать свои слова в обычной, не угрожающей манере.

Он просто покачал головой.

Пообещаешь мне кое-что? — спросил я.

Он смотрел на меня напряжённо.

Если тебе из-за чего-то будет страшно, говори мне. Хорошо?

Он кивнул.

Обещаешь? — надавил я. Я хотел, чтобы он знал, что может что-то сделать, что есть действие, которое он может предпринять, что он не совершенно беспомощный, и что он не один. Ни в каком смысле.

Хорошо, — прожестикнул он.

Если тебе из-за чего-то будет страшно, я тебе помогу. Обещаю. Ты мне веришь?

Он кивнул, но только едва заметно.

Тебе нравится твоя спальня?

Он огляделся вокруг. Вместо того, чтобы отвечать мне, он подошёл к окну и посмотрел на улицу. Он положил руки на холодную раму, затем постучал своими пальчиками по дереву.

Я стоял рядом с ним, тоже барабанил пальцами.

Он поднял на меня взгляд и улыбнулся.

Я нарисовал улыбающуюся рожицу на одной из замёрзших частей окна.

Он повторил за мной, его губы изогнулись в усмешке.

Я нарисовал таблицу для игры в крестики-нолики.

Не ожидая, он начал первым, чертя крестик в центре сетки. Следующие тридцать минут мы двигались от одной части окна к другой, играя в крестики—нолики. Чем больше он играл, тем больше, казалось, расслаблялся, потерявшись в этом простом удовольствии и счастье. Его лицо сияло. Он совсем не боялся и не был неуверенным в себе. Он даже прильнул ко мне, пока ждал, пока я сделаю свои движения.

Когда у нас закончились части окна, он посмотрел на меня и захихикал.

Я хихикал с ним.

Давай пойдём посмотрим, что делает Джей, — предложил я. — *Ты помнишь дорогу?*

Улыбаясь, он вывел меня из своей комнаты, вниз по коридору, к лестнице. Его нога слетела вниз по ступенькам, и на мгновение моё сердце подскочило до горла, потому что я подумал, что он сломает себе шею.

— Будь осторожен, — сказал я, зная, что он не слышит.

Джексон настраивал Xbox в гостиной. Правильней будет сказать, пытался.

Тони подошёл к нему, схватился за рукав его фланелевой рубашки.

— Привет, — сказал Джексон, улыбаясь ему.

Тони снова потянул его за рукав.

— В чём дело? — спросил Джексон.

Я улыбнулся, пожал плечами, не имея понятия.

Тони тянул Джексона за рукав, пока тот не встал на ноги. Затем Тони повёл его к окнам в передней части квартиры, с видом на улицу. Он нарисовал сетку для крестиков-ноликов на замёрзшей части стекла и выжидающе посмотрел на Джексона.

Джексон улыбнулся.

Глава 57

Не по себе

В пятницу утром на той же неделе мы кутались от пронизывающего до костей холода — было так холодно, что было больно дышать, или, по крайней мере, так думал я; Джексон и Тони, казалось, не замечали — и ехали по холодным улицам, чтобы забрать Амелию, у которой намного больше вещей, чем у Тони.

Руби Миллер держала Амелию за руку, пока мы стояли в фойе, припарковав машину, подписав бумаги, в ожидании неуверенного будущего.

Амелия была очень тихой. С резким уколом боли я заметил, что по её щекам текут слёзы, пока мы готовились уходить.

— Тебе, должно быть, не по себе, — тихо сказал я, пытаюсь поймать её взгляд.

Она рассеянно вытерла слёзы и не ответила.

— Ты хотела бы подождать и уехать в другой день? — предложил Джексон. — Если ты не готова, это нормально. Но сегодня пятница, и выходные почти наступили — уверен, мы найдём, чем заняться.

Она опустила взгляд в пол.

— Сейчас до неё доходит, — сказала Руби. — Мы немного поговорили утром. Да, Амелия?

Амелия кивнула.

— И Амелия пообещала мне, что попробует. Это страшно — уезжать жить с новой семьёй, оставляя всё, что знаешь, позади — всё и всех. Ей немного не по себе. Но у неё есть мой номер, и я сказала ей звонить мне, если она почувствует себя одиноко. Мы знаем друг друга уже почти год. Не так ли, сладкая?

Амелия снова кивнула.

— Я знаю, она сильная девочка и довольно решительная, когда хочет. И в любом случае, она живёт здесь уже несколько дней, и это не самое радостное место в мире. Уверена, она будет намного счастливее и будет чувствовать себя намного лучше, как только устроится в новом доме. И я знаю, вы постараетесь изо всех сил, чтобы она чувствовала себя желанной.

— Определённо, — согласился Джексон, — и если она когда-нибудь почувствует, что ей нужно, или она хочет позвонить вам, пусть делает это. И если ей станет одиноко, и она захочет вас навестить, мы будем счастливы её привезти.

Руби Миллер улыбнулась.

— Что скажешь, детка? — спросил Джексон, протягивая ей руку.

— Как я должна тебя называть? — спросила она, поднимая на него взгляд, но игнорируя руку. — Ты не мой папа, знаешь ли.

— Нет, не папа, — легко ответил он. — Почему бы тебе не называть меня Джек, как мои друзья?

— Джек?

— Конечно, — сказал он. — Но тебе придётся называть его "мистер Вилли" — так делают на Юге, откуда он родом. Если ты говоришь "мистер Вилли", это

дружелюбный способ показать уважение. Если будешь звать его просто Вилли, это прозвучит грубо. Не для нас, конечно, но для него. Но вот такой он странный.

Она взглянула на меня всего на мгновение.

— Я могу называть тебя мистер Джек? — спросила она, поворачиваясь обратно к Джексону.

— Конечно, можешь, — ответил он, снова протягивая руку.

С тихим вздохом она потянулась, чтобы взять его за руку.

— Пока, Амелия, — сказала Руби, приседая на корточки, чтобы в последний раз оглядеть Амелию. Она поправила зимнее пальто Амелии, застегнула верхнюю пуговицу. — Там ужасно холодно. У тебя перчатки с собой?

Амелия кивнула.

— Я скоро приеду в гости, — пообещала Руби. — В следующий раз, когда я тебя увижу, готова поспорить, ты снова вернешься в школу.

Амелия закусил губу.

Глава 58

Есть правила

— Как тебе твоя комната? — спросил Джексон, пока мы заносили наверх последний из чемоданов Амелии.

Она огляделась, нахмурилась и не ответила.

— Тебе не нравится? — с беспокойством в голосе произнёс Джексон.

Она пожала плечами.

— Мы на этой неделе пойдём по магазинам. Я думал дать тебе выбрать постельное бельё. Я хотел быть уверенным, что тебе понравится. Может, что-нибудь с принцессой?

— С принцессой? — недоверчиво произнесла она.

— Тебе не нравятся принцессы? — спросил Джексон.

— Мне не три года!

— Хорошо, что я решил подождать и дать тебе выбрать самой. Не буду говорить, с какой ерундой ты могла бы остаться, если бы позволила сделать это за тебя.

— Можно мне телевизор?

— В твоей комнате? — спросил Джексон.

— Мама всегда мне разрешала.

— У нас есть телевизор внизу — этого достаточно. Мы не фанаты телевидения, хотя нам нравится устраивать ночи кино, смотреть вместе DVD, всякое такое.

— Значит, мне нельзя свой в комнате?

— Мне жаль, но нет.

— Оу.

Она выглядела очень недовольной.

— У нас есть правила, Амелия, — мягко сказал он. — Я думал, мы можем позже сесть вместе — все мы — и поговорить о них. У нас не много правил, так что не переживай, но есть несколько вещей, насчет которых мы настроены категорично. Такие вещи, как помощь с посудой, уборка в своей комнате, выполнение домашней работы, и чтобы вы с Тони были милыми друг с другом. Всего несколько вещей, чтобы мы все могли быть счастливы и хорошо ладить. И я хочу, чтобы ты помнила, что Тони напуган, и он не такой умный, как ты, и для него это непросто. Так что я надеюсь, ты будешь хорошей старшей сестрой и поможешь ему. На выходных вы с

Тони можете смотреть телевизор внизу в любое время. Но в будние вам понадобится убедиться, что сделано домашнее задание, и никакого телевизора после девяти часов. Как это звучит?

— Ну, не так плохо, — тихо произнесла она.

— Знаешь, на самом деле нам всем немного страшно. Мы с Вилли уже были родителями, но это было давно. Нам всем есть, к чему привыкать, так что не чувствуй себя одинокой. Но что-то мне подсказывает, что у нас все будет хорошо. Что думаешь?

Она подняла на него взгляд. Что-то в её лице смягчилось. Она выглядела так, будто могла быть хулиганкой, когда хотела, быть милой в противоположном смысле. Но ещё она выглядела так, будто может быть настоящей лапочкой. Я уже знал, что мама влюбится в неё по уши, хотя бы потому, что она была такой красивой.

— Тебе страшно, мистер Джек? — спросила она.

— Немного, — признался он.

— Мама всегда говорила не быть трусишкой, потому что Бог о нас заботится.

— Оу?

— Мама всегда говорила такие вещи.

— Она похожа на мудрую женщину.

— Я скучаю по ней.

— Уверен, так и есть.

— Думаешь, Бог о нас заботится?

— Я на это надеюсь, — сказал Джексон, осторожно избегая вопроса.

Она довольно открыто посмотрела на Тони, который стоял прямо за мной и чуть в стороне, будто боялся слишком сильно вторгаться в её комнату.

— Руби сказала, что Тони болен, — сказала она. — Он тоже умрёт?

— Конечно, нет, — сказал Джексон.

— Но она сказала, что он болен.

— У Тони ВИЧ. Ты знаешь, что это такое?

Она покачала головой.

— Это очень серьёзный вирус. Мы должны быть осторожны с Тони, осторожны с его кровью и слюной. Если он когда-нибудь порежется или что-то ещё, позови кого-нибудь из нас, и мы ему поможем, но не прикасайся ни к чему сама. Вирус передаётся через телесные жидкости, такие как кровь. Пока мы осторожны, нам не о чем переживать.

— Я тоже заболею?

— Нет, — сказал Джексон. — Единственный способ, которым ты можешь заболеть, — это если ты порежешься, и Тони порежется, и немного его крови попадёт в твой порез или что-то в таком роде. Мы просто должны быть очень осторожны, чтобы этого не произошло.

— Оу.

Она снова посмотрела на Тони. Открыто.

— Ты можешь помочь нам присматривать за ним, — тихо сказал Джексон. — Ему понадобится старшая сестра.

— Я не знаю, как с ним разговаривать. Он знает, что я говорю?

— Нет. Хочешь выучить некоторые жесты? Многие из них очень легко запомнить. Вы двое в два счёта начнёте говорить.

— Как мне сказать его имя?

— Просто укажи на него — это значит "ты". Так что на кого бы ты ни указала, это будто ты говоришь: "Эй, ты". Если хочешь, чтобы он подошёл, просто помаши ему рукой вот так, — продемонстрировал Джексон. — Если хочешь, чтобы он ушёл,

просто покажи тот же жест, только в обратную сторону. Хочешь, чтобы я научил тебя говорить "привет"?

Она кивнула.

Джексон продемонстрировал жест.

Она попробовала его на Тони.

Привет, — довольно робко прожестикнул он в ответ.

Она повернулась к Джексону и улыбнулась.

— Видишь? Я говорил тебе, что это легко.

Глава 59

Теперь будь внимательной

— Мам, это Амелия.

Миссис Ледбеттер взглянула на Амелию и по-настоящему улыбнулась.

— Ты такая хорошенькая девочка, — сказала миссис Ледбеттер. — Пожалуйста. Проходите.

Мы оставили зимние пальто на крючках в фойе и пошли за миссис Ледбеттер в столовую, где Лидия накрыла на стол для ужина.

— Так мило с вашей стороны, что вы пришли, — сказала миссис Ледбеттер, довольно бесцеремонно усаживаясь с измученным и очень, очень уставшим видом.

— Как дела у папы? — спросил Джексон.

Она просто покачала головой.

— Я больше не могла там оставаться. Мне пришлось поехать домой, прилично поесть, прилично поспать. Но боюсь, он...

— Может пройти много времени, прежде чем он придёт в сознание, — напомнил ей Джексон.

— Что ж, Джеки, что-то говорит мне, что этого не произойдёт. Но давай не будем об этом, не перед детьми. Пожалуйста, присаживайтесь. Все вы. Амелия, почему бы тебе не подойти и не присесть рядом со своей бабушкой?

— Вы не моя бабушка, — сказала она. Это не было недружелюбным заявлением, просто констатация факта.

— Когда-нибудь я ей стану, дорогуша. Это формальность. Так или иначе, ты окажешься с моим сыном в качестве отца. Только представь! У жизни есть чувство юмора. Ты не согласна? А теперь я хочу, чтобы ты села и рассказала мне о себе, дорогуша. А потом мы поговорим о мальчиках. Что ты на это скажешь?

— Это правда, что ваш папа был сенатором? — спросила Амелия, присаживаясь рядом с миссис Ледбеттер.

— Действительно был. Отличный человек. Может быть, ты когда-нибудь станешь сенатором.

— Кто такой сенатор? — спросила она.

— Кто-то, кто работает неполный рабочий день, дорогуша, и получает за это двести тысяч долларов в год. Они сидят в прелестных кабинетах и без конца говорят со своими секретаршами, мелкими служащими и стажёрами и абсолютно ничего не делают. Отличная работа, если сможешь её получить. Я имею в виду, кто еще заплатит тебе за то, чтобы ты был полным кретином, если не налогоплательщик?

— Кто такой кретин?

— Идиот, дорогая. Имбецил. Дурень. Идиотский имбецил-дурень. Знаешь, мне всегда нравилось это слово — дурень. С языка слетает, ты так не думаешь? И конечно, самый важный слог, который всё подчёркивает — дур. Потому что они такие. Большие

дурные головы. От них всегда уходишь с таким чувством, будто наступил во что-то. И запах! Но давай не будем говорить о политике, дорогая. Это так утомляет. Это как Майли Сайрус. Когда ты уже прокатилась голой на шаровом таране, что ещё остаётся?

Амелия неуверенно улыбнулась.

— Так сколько тебе, пять или около того? — спросила миссис Ледбеттер.

— Мне девять! — обиженным тоном воскликнула Амелия.

— Девять? — повторила миссис Ледбеттер. — А я только собиралась послать Лидию запасть подгузниками. Теперь она должна пойти и купить спортивные лифчики.

— Мам! — пробормотал Джексон.

— Ох, Джеки, не нервничай. Мы с Амелией просто веселимся. Не так ли, дорогая? Думаю, это абсолютно потрясающе, что у меня будет внучка. Я уже вижу поездки на шоппинг в «Бон Марше», очень длинные разговоры о помаде и тенях, и о самых хороших платьях для пятилеток, которые видел этот город.

— Мне девять!

— Ох, верно. Тебе девять. Что ж, Аманда, я говорила...

— Меня зовут Амелия!

— Амелия? Я думала, твоё имя Анджела. Прости. Итак, Анджела, как я говорила...

— Меня зовут Амелия!

— Что это было, милая Энджи?

— Моё имя, — парировала Амелия. — Амелия.

— Верно, — сказала миссис Ледбеттер, кивая сама себе. — Так что, в любом случае, я думала, мы с Аmandой можем сходить на небольшой шоппинг на этих выходных...

— Бабуля, меня зовут...

— Ты назвала меня "бабуля"? Ох, я содрогаюсь от мысли, что я настолько старая, что пятилетка называет меня бабулей!

— Мне не пять!

— Конечно, нет! А теперь слушай, милая. Тебе действительно придётся быть внимательной, когда навещаешь свою бабушку, потому что есть то, что я просто не собираюсь делать, и это — говорить, когда люди не слушают. Так что я собираюсь тебя испытать. Я совершенно точно знаю, какое у тебя имя, Амелия, но хочу убедиться, что ты слушаешь. Видишь, как это делается? Только не рассказывай другим людям мой секрет. Это только между нами. Вайлис об это знает. Не так ли, Вайлис?

— Определённо знаю, Юджин.

Она хлопнула в ладоши и рассмеялась.

— Видишь, Амелия? Вот, как это делается. Покажи всё, на что ты способна. Ответь им тем же! Если кто-нибудь когда-нибудь забудет твоё имя и назовёт тебя неправильным, просто придумай любое старое имя и швырни его в ответ. Это их научит, не так ли?

Амелия усмехнулась.

— Итак, Аманда, как я говорила...

— Да, Элис? — невинно произнесла Амелия.

Миссис Ледбеттер сделала паузу, коротко посмотрев на Амелию.

— Думаю, ты мне понравишься, дорогая. А мне мало кто нравится. Не до тех пор, пока мне это необходимо. Но я думаю, для тебя сделаю исключение. Ты очень умная девочка, не правда ли?

— У меня одни пятёрки в школе.

— Готова поспорить, так и есть. Итак, скажи мне, Амелия, эти два клоуна относятся к тебе как к леди? Потому что если нет, бабуле Ледбеттер нужно будет сказать несколько слов. Несколько крепких словечек, заметь, которые не должны слушать твои невинные маленькие ушки.

Амелия взглянула на меня и Джексона.

— Ну? — подтолкнула миссис Ледбеттер.

— Они немного странные, — призналась Амелия. — Они оба дураки, если хотите знать правду. Но они мне нравятся. Мистер Джек хотел купить мне постельное бельё с принцессой. Так отстойно.

— Совершенно верно! — воскликнула миссис Ледбеттер. — Зачем останавливаться на принцессе, когда ты королева? Ты можешь быть как та старая тётка в Букингемском дворце. Эта женщина когда-нибудь умрёт?

Амелия захихикала.

— Слышу, слышу, — сказал Джексон.

— А что ты думаешь о своём младшем брате? — спросила миссис Ледбеттер.

Амелия взглянула через стол на Тони, который ел в небрежной, шумной манере.

— Он мальчик, — наконец произнесла она.

— Они устраивают такой беспорядок, верно?

— Он не умеет разговаривать, но мистер Джек учит меня жестикулировать.

— Он напоминает мне Ноя. Мой Джеки рассказывал тебе о Ное?

— Не совсем, — призналась Амелия.

— Ной был маленьким сыном Вилли. Он был метамфетаминовым ребёнком. И так как судьба решила, что этого недостаточно, он был ещё и глухим. Но он был милым. Мы потеряли его несколько лет назад.

— Оу, — произнесла Амелия, вдруг нахмурившись.

— А ты потеряла свою мать. Не так ли?

Амелия пожала плечами.

— Мне очень жаль тебя, дорогая. Это ужасно, не правда ли? Никто никогда не сможет заменить твою мать. Она долго болела, да?

Амелия кивнула.

— Ну, если тебе когда-нибудь понадобится с кем-то поговорить, просто приди и скажи мне на ушко. Хорошо?

— Наверное.

— Ты сделала моего Джеки очень счастливым. Ты это знала?

— Правда? Почему?

— Он всегда хотел маленькую девочку. Я знаю, ты не настоящая его дочь, но, может быть, когда-нибудь будешь... это займёт время. Я знаю, он будет очень сильно стараться быть хорошим отцом.

— Мой папа был солдатом.

— Джеки мне рассказывал. Очень благородный мужчина. Ты, должно быть, ужасно по нему скучаешь. Когда-нибудь ты должна показать мне его фотографии. Твои мать и отец, должно быть, очень привлекательные люди. В смысле, посмотри на себя — такая великолепная юная леди. Возможно, когда-нибудь ты станешь супермоделью и будешь ходить по подиумам в Милане и Париже и получать миллион долларов, чтобы надеть какую-нибудь ужасную вещь, на которую Донателлу Версаче вырывало завтрак. Конечно, все, что ей стоит, это только посмотреть в зеркало и — вуаля! — очередной шедевр. Пришей к этому ярлык, найди какое-нибудь анорексичное насекомое, чтобы носить это, и вуаля! Деньги в банке. Разве бесплатная рыночная система не изумительна?

Амелия закусила губу, будто не могла решить, шутит ли "бабуля Ледбеттер"... или нет.

— Давай поедим, дорогая. Я уже несколько дней не ела ничего, кроме еды из больничной столовой. Думаю, местный повар стоит перед больницей и просит людей снять туфли, чтобы он мог оторвать подошвы и добавить их в своё меню. Самая ужасная ерунда, которую ты видела за всю свою жизнь. У завтрака, который я ела сегодня утром, был пульс, как ни странно. Можешь представить? Я думала, оно встанет и уйдёт. Когда я втыкаю во что-то вилку, я не хочу, чтобы это молило о жизни.

Амелия улыбнулась.

Глава 60

Мы хотим, чтобы ты был счастлив

Тебе что-нибудь нужно? — спросил я.

Тони посмотрел на меня своими голубыми глазами и пожал плечами. Я поднял одеяла до его подбородка, и он откинулся на подушку.

Ты в порядке? — спросил я.

Он кивнул.

Тебе по-прежнему страшно?

Он пожал плечами.

Мы хотим, чтобы ты был здесь счастлив, — сказал я, убирая тёмные волосы с его глаз. — *Думаешь, ты будешь здесь счастлив?*

Он пожал плечами. Понимал ли он суть моего вопроса или нет, я не мог сказать. Его словарный запас был неплохим, но условные предложения и усложненный синтаксис еще вызывали проблемы. Мы с Джексоном учились выражаться проще.

Тебе здесь нравится? — спросил я.

Он снова безразлично пожал плечами.

Тебе нравится твоя комната?

Он сжал губы, будто этот вопрос не имел никакого смысла, будто не было важно, нравится ему или нет.

Я почувствовал приступ нетерпения. Травмированным детям нужно время, чтобы привыкнуть — много-много времени. В одном исследовании, что я читал, авторы говорили, что таким детям нужно два года на восстановление за каждый год, что они потеряли, будучи брошенными или страдая от жестокого обращения. Если ребёнок жил в приюте четыре года, например, ему понадобится восемь лет, чтобы "восстановиться" и научиться доверять и установить нормальные семейные связи.

Мне хотелось поцеловать его в лоб, проявить любовь, но я не сделал этого. Вместо этого я мягко взял его за руку и нарисовал кружок на ладони. Я поднял на него взгляд; он ждал, что я сделаю это снова. Я нарисовал ещё несколько кругов, не глядя на него. Когда я остановился, он вытянул другую свою руку, чтобы я сделал то же самое.

Я улыбнулся.

Я начертил кружки, сжал его пальцы и несколько минут водил кончиком своего вдоль его пальцев. Я не смотрел на него, не хотел, чтобы он чувствовал себя застенчиво. Мне хотелось, чтобы он знал, что я рядом, что он в безопасном, хорошем месте, и ничего плохого не произойдёт.

Когда я, наконец, поднял на него взгляд, его глаза были закрыты, и он уснул.

Глава 61

Вот, как мы делаем

Взявшись за руки, мы произнесли молитву, после чего принялись за сытный завтрак из яичницы, сосисок, английских кексов и апельсинового сока.

Это был наш первый совместный завтрак.

— Тебе хорошо спалось? — спросил я, бросая взгляд на Амелию.

Она пожала плечами, ковыряясь в еде.

— Что с ним случилось? — спросила она, глядя через стол на Тони.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я.

— Он намочил кровать?

— Да, — сказал я.

— Я видела, как он одевается. Он попал в автомобильную аварию?

— Ты имеешь в виду шрамы?

— Да.

Я бросил взгляд на Джексона, не уверенный, как с этим справиться.

— Он попал в эпицентр пожара, — сказал Джексон. — Ему было четыре года. У него много рубцов.

— Это больно?

— Нет. Это было очень давно.

— Он был в пожаре?

— Да.

— Где была его мама?

— Это она устроила пожар. Ну, на самом деле, это был несчастный случай. Она выбралась невредимой, но оставила его позади. К тому времени, как его достали, у него было больше сорока процентов ожогов на теле.

— Оу. — Она бросила взгляд на Тони и нахмурилась. — Это ужасно.

— Он мог намочить кровать, потому что у него там внизу повреждено много нервных окончаний, так что он не чувствует, когда переполняется его мочевого пузыря, — объяснил Джексон. — Мы не уверены, но это возможно.

— Оу, — снова произнесла она.

— Так как тебе спалось? — спросил Джексон.

— Мне снилась мама.

— Это был хороший сон?

— Мы были в доме, и я продолжала идти за ней, но не могла догнать, а она шла дальше и дальше от меня, и я продолжала её звать, но она не замедлялась. Потом осталась только я. Я бегала из комнаты в комнату. Это был как гигантский круг, и я просто продолжала бегать и искать маму, но... я не могла её найти.

— Не похоже на счастливый сон, — сказал Джексон.

Амелия зажмурилась, пока вниз по её щекам текли слёзы.

— Ох, милая, — произнёс Джексон, наклонившись, чтобы притянуть её ближе. — Мне так жаль. Это звучит, как ужасный сон.

Амелия отстранилась от него, поднялась на ноги и побежала в свою спальню.

Джексон выглядел поражённым.

— Я схожу за ней, — сказал я.

Я улыбнулся Тони, вставая, пытаясь показать ему, что всё хорошо, что всё в порядке.

— Амелия? — позвал я, мягко стуча в её дверь. — Можно мне войти?

Она не ответила.

Я постучал снова.

— Амелия? Я захожу. Ладно?

Я медленно открыл дверь и обнаружил Амелию на кровати с прижатыми к груди руками.

Я сел на кровать рядом с ней.

— Отстойно, да? — спросил я, когда она начала затихать.

— Я скучаю по маме!

— Я знаю, милая.

— Почему она должна была умереть?

— Она была больна.

— Я знаю, но почему врачи ничего не сделали?

— Они не могут исправить всё. Они стараются, но не могут. Я знаю, как именно ты себя чувствуешь.

— Знаешь?

— Я задавался этим же вопросом о моём маленькой мальчике. Почему его нельзя исправить? Почему они не могут сделать лучше? Но есть кое-что, что они просто не могут сделать. А затем он умер. Он мне постоянно снился. Но это не было похоже на твой сон. Мне снилось, что я один в доме, и я начинал искать его, но не мог найти. Это отстойно, я знаю.

Она вытерла глаза.

— Всё наладится, милая, — сказал я, потянувшись, чтобы погладить её по спине. — Вот увидишь. На это уйдёт время, но ты не всегда будешь это чувствовать. Когда-нибудь станет лучше.

Она прильнула ближе ко мне.

Я обвинил её рукой.

— Если хорошенько поплачешь, это поможет, — добавил я. — Выведи это из своего организма. Начни всё сначала. Я всегда говорю, что лучше наружу, чем внутрь.

— Это так грустно, — тихо произнесла она.

— Что?

— То, что вы сказали о Тони. Почему его мама ему не помогла?

— Я не знаю, милая. Люди всякое делают. Я не знаю, что тебе сказать. Бывают злые мамы.

— Мне его жалко.

— Не жалей. Просто будь его старшей сестрой. Думаю, ты ему нравишься, хоть ты и победила его в шашках.

Ей удалось немного улыбнуться.

— Мистер Вилли?

— Да?

— Мне действительно страшно.

— Не нужно бояться.

— Я знаю, вы с мистером Джеком хотите быть моими родителями, но вы не мои родители, и это странно.

— Это для всех нас странно. Ты на самом деле не моя дочь. Но знаешь, что?

— Что?

— Я хочу, чтобы ты ею была. Может быть, когда-нибудь. Когда ты почувствуешь себя лучше. Когда не будешь так сильно скучать по маме. Я хочу, чтобы ты была моей дочкой. И я хочу быть твоим папочкой.

— Ты не мой папа, не мой папочка. Я не маленькая, знаешь ли.

— Там, откуда я родом, мы говорим "папочка", детка. Не важно, сколько тебе лет. Я никогда не буду твоим "папой". Но когда-нибудь, надеюсь, буду твоим папочкой. И прямо сейчас у твоего папочки есть совет.

— Какой?

— Займись делом.

— Зачем?

— Кто-то сказал мне это сразу после смерти Ноя. Поначалу я им не поверил, но, в конце концов, понял, что они были правы. Нужно заниматься делом. Не думать об этом слишком много. Будет больно, и ты мало что можешь с этим сделать, но не делай всё хуже, сидя и думая об этом постоянно. Займись делом. Смотри телевизор, если придётся, или читай книгу, или повидайся с друзьями, или заведи несколько новых друзей, или заведи щенка, что бы тебе ни пришлось сделать, но займись делом.

— И это работает?

— Да, работает. И прямо сейчас, думаю, нам нужно заняться завтраком, потому что твой папочка-который-не-твой-папочка ужасно голоден. Не забывай. Я только вчера родил свою маленькую девочку и мог бы съесть целый дом.

— Ты меня не рожал!

— А ощущение такое же. Мне жаль, но это было травмирующе — подобрать какую-то чужую девочку в каком-то чужом месте и забрать её домой. Я делаю это не каждый день, знаешь ли. Я был готов попросить эпидуральную анестезию.

— Что такое эпидуральная анестезия?

— Обезболивающее лекарство для родов.

— Ты странный, мистер Вилли.

— Разве это не правда?

Всего на мгновение на её губах заиграл очередной намёк на улыбку.

— Идём, милая, — сказал я. — Давай поедим. Что скажешь? Если мы будем несчастными и грустными, давай сделаем это на полный желудок. И, кроме того, я всё утро тёрся сиськами о горячую плиту, чтобы приготовить для тебя завтрак, и он тебе понравится, хочешь ты этого или нет.

— Ты не так уж плохо готовишь.

— Ну, спасибо тебе.

— Но бекон? Серьёзно? Ты пытаешься закупорить мои артерии или ещё что? Честное слово! Кроме того, я не ем ничего с лицом или характером.

— Уверен, там есть капуста или корнеплод, которые ты сможешь сгрызть, если тебе это нравится. А бекон, позволь мне тебе напомнить, — одна из четырёх главных групп продуктов питания.

— Неправда!

— Несомненно, правда. За это и за домашнее печенье, которое печёт моя мама, можно умереть! Ты просто намазываешь этих малышей настоящим маслом и...

— Моя мама была вегетарианкой.

— Ох, бедная женщина.

— Она говорила, что есть бекон — это как есть Мисс Пигги* (*прим.: Мисс Пигги — один из главных персонажей Мuppet-шоу, гламурная свинка*)

— Как ужасно для тебя. Ты тоже вегетарианка?

— Да.

— Оу.

— Ну... Я хотела такой быть. Мама была странной, но мне нравятся гамбургеры.

— Я никому не скажу. Обещаю. — Я встал, протянул руку. — Ты идёшь?

Она взяла меня за руку, поднялась на ноги, и мы медленно пошли вниз по коридору.

- Мистер Вилли?
- Да?
- Почему ты такой странный?
- Я с Юга, малышка. Вот, как мы делаем. Ты знаешь, у Элвиса Пресли спрашивали то же самое. Он из Тупело, знаешь ли. Где раньше жил я.
- Кто такой Элвис?
- Кто такой Элвис? Ты надо мной издеваешься? Он был королём рок-н-ролла!
- Я думала, им был Майкл Джексон.
- Похоже, мне придётся попотеть, да?

Глава 62

Домашний папа

- Так как ты относишься к тому, чтобы остаться дома и позаботиться о детях?
- спросил Джексон, когда мы забрались в кровать в ту ночь.
- Ты имеешь в виду, как домашний папа? — спросил я, прижимаясь к нему сзади для тепла.
- Ага. Ты знаешь. Папа, который остаётся дома и заботится о детях.
- Я знаю, что это такое!
- Ну и?
- Я никогда не был особо домашним и не планирую начинать сейчас. Почему бы тебе не остаться дома и не позаботиться о детях?
- Потому что я не писатель с кабинетом наверху и не так хорошо лажу с детьми, как ты.
- Готов поспорить, ты говоришь так всем своим мужьям.
- Только тебе.
- Значит, у тебя их больше одного?
- Упаси Бог. Один — это уже достаточно плохо.
- Ну, спасибо! Нам нужно оплачивать счета, знаешь ли.
- У нас всё хорошо, и я думаю, для детей было бы отлично, если бы ты был рядом. Какое-то время. Займись их устройством в школу и всем прочим. Обеспечь немного стабильности.
- Мне нужно найти работу!
- Я только что её тебе нашёл.
- Настоящую работу!
- Заботиться о детях не настоящая работа? Боже, ты начинаешь говорить как мой папа. Я думал, ты коммунист.
- Я не коммунист!
- Ты понимаешь, что когда повторяешь всё, что я говорю, это потому, что ты не можешь придумать, что умного сказать?
- Дай мне минуты две, и я это исправлю...
- Ну и?
- Ну и что?
- Что ты скажешь?
- Нам нужно оплачивать счета. Не глупи.
- У нас много сбережений в банке. Мы не платим аренду. Мы даже не платим за коммунальные услуги.
- А кто платит?
- Мои родители.

— Я не хочу, чтобы они платили за меня.

— Они платят за многое. Не думаю, что они вообще это замечают, если честно.

— Это всё прекрасно, но я не хочу, чтобы кто-то оплачивал мои расходы.

— Значит, ты всё-таки коммунист, но не очень хороший.

— Ты прекратишь говорить, что я коммунист?

— Ты расслабишься и останешься дома, чтобы позаботиться о наших детях? В этом есть смысл. Ты хотя бы подумаешь над этим?

— Я так полагаю, ты не возражал бы, если бы я ещё накрыл ужин на стол, когда ты придёшь домой?

— Я бы не жаловался, — сказал он, бросив усмешку через плечо.

— И, может быть, я мог бы надеть маленький фартук с рюшками и подать вечером коктейли?

— Если это тебя заводит. Ты мог бы продавать «Эйвон», заработать себе немного карманных денег.

— Ты серьёзно, да?

— Конечно.

— Ты хочешь, чтобы я остался дома?

— Я хочу, чтобы ты заботился о нашей семье. Это так неправильно?

— Мы оба будем заботиться о них.

— Ты знаешь, что я имею в виду, Кантрелл. Хотя бы ненадолго. Я найду работу — мне уже назначена парочка собеседований. Я могу зарабатывать более, чем достаточно, чтобы оплачивать наши счета и жить с комфортом. А ты можешь сосредоточиться на своём писательстве. Ты отведёшь детей в школу, и весь день твой — пиши, исследуй, что бы тебе ни понадобилось делать. Я хочу, чтобы у тебя была эта возможность. Но более этого, я хочу, чтобы мы изменили свою жизнь, Вилли.

— Изменили свою жизнь?

— Я не хочу выживать. Я хочу что-то создавать. Что-то строить. Я хочу видеть, как ты исполняешь свои мечты. Ты хороший писатель — так пиши! Возьмись за это по-настоящему. Если бы ты не был вынужден работать, то уже написал бы дюжину книг. Думаю, ты предназначен для этого. И не думаю, что ты когда-нибудь будешь полностью счастлив и удовлетворён, пока не сделаешь это. Так что... делай. Сейчас идеальное время попробовать что-нибудь новое.

Я замолчал.

— Пообещай мне подумать над этим, — сказал он, поворачиваясь, чтобы видеть моё лицо.

— Ты полон сюрпризов, Ледбеттер.

— До тех пор, пока сюрприз не сифилис, ты должен радоваться.

— Ты и шутки мои будешь красть?

— Я не знал, что у тебя авторские права на слово "сифилис".

— В этой семье я рассказываю шутки про сифилис, Ледбеттер.

— Это ты так говоришь.

Он сладко улыбнулся, когда потянулся под одеяло, чтобы потянуть за моё нижнее бельё, желая снять его.

— А сейчас ты чего хочешь? — спросил я.

— Я хочу, чтобы мой муж занялся со мной любовью.

— Значит, я должен оставаться дома и подтирать мочу и блевотину, а затем выкладываться, когда мой мужчина приходит домой?

— Что-то типа того.

— Ну, хорошо! Ты взял смазку?

Глава 63

Визит к мистеру Ледбеттеру

В понедельник мы усадили детей в машину, чтобы поехать и устроить их в школу. Амелия будет ходить в ту, что ближе к квартире. Школа Тони была намного дальше и, как говорили, была знаменита отличной программой для глухих учеников. Амелия была взволнована из-за возвращения в школу, ведь она начинала учиться со следующего же дня. Тони не хотел идти совсем. Я пообещал, что останусь с ним первые несколько дней, пока он устраивается.

Днём мы сходили за покупками для школьного сезона. Вечером заехали в больницу.

— Им не нравится, когда приходят дети до двенадцати, но при данных обстоятельствах они сделают исключение, — объяснил Джексон.

— Каких обстоятельствах? — спросила Амелия.

— Они не думают, что мой отец выживет, — просто сказал Джексон. — Мы не знаем, знает ли он, что происходит, или нет — кажется, что нет — но я хотел, чтобы вы, дети, увидели его, прежде чем он... ну, ты знаешь.

— Оу, — произнесла Амелия, уголки её губ опустились в гримасе.

— Мы навестим его только на несколько минут, — пообещал Джексон.

Мы зашли в лифт и поднялись на двенадцатый этаж.

Мы навестим отца Джея, — объяснил я по дороге Тони. — Он не может говорить, так что мы просто увидимся с ним на минутку. Хорошо?

В ответ он придвинулся ближе ко мне и взял меня за руку.

— О, вы привели детей, — сказала миссис Ледбеттер, встречая нас у двери. — Что ж, дети, заходите и познакомьтесь со своим дедушкой.

В частной палате было тихо, представительно.

Мистер Ледбеттер ровно лежал на спине, кислородная маска прятала большую часть его лица, различные трубки и провода тянулись от его тела к аппаратам и мониторам.

— Стивен, дорогой, дети пришли повидаться с тобой, — тихо сказала миссис Ледбеттер, встав у его кровати, положив руки на перила. Она обращалась к мужу с большой любовью и печалью. Она казалась невероятно старой и уставшей, будто жизнь, наконец, сбила её с ног. — Я рассчитываю на то, что ты поправишься, Стивен, потому что я не буду воспитывать внуков в одиночку. Что я знаю о таких вещах? Это действительно очень нечестно с твоей стороны. Ты знаком с Тони, конечно, но Амелия тоже здесь. Она очень хорошенькая. Уверена, тебе бы понравилась. Так что у нас есть внук и внучка, Стивен. Серьёзно, ты должен очнуться и помочь мне с детьми. Ты не хочешь всё это пропустить, так ведь? Мужчины! Вы никогда не меняетесь, да?

Мистер Ледбеттер ничего не ответил.

Миссис Ледбеттер украдкой вытерла глаза, стоя к нам спиной.

Джексон держал за руку Амелию, пока они подходили к кровати.

Я стоял с Тони, прижимая его к себе в защитной манере. Я чувствовал, что он не хочет подходить слишком близко, и я не хотел его принуждать.

— Он твой папа? — спросила Амелия у Джексона.

Джексон кивнул.

— Это как моя мама в ту последнюю неделю, когда была очень больна, — добавила она. — С тобой всё будет хорошо, мистер Джек?

— Я буду в порядке, — пообещал он.

— Всё нормально, если нет, — сказала она.

— Хотел бы я, чтобы он с тобой познакомился. Познакомился должным образом. Увидел, какая ты хорошенькая девочка, какая ты умная. Он бы очень гордился.

— Ты слушаешь, Стивен? — спросила миссис Ледбеттер. — У твоей внучки одни пятёрки в школе. Ты это слышал? Однажды она поступит в Гарвард. Ты мог бы написать рекомендательное письмо твоему другу, который там управляет. Как там его зовут? Ох, я никогда не запомню всех этих людей.

Миссис Ледбеттер казалась очень маленькой и хрупкой, пока стояла у кровати.

— Вы в порядке, миссис Л.? — спросил я.

— Как сказал бы ты, Вилли, я по-прежнему жива. Полагаю, я видала лучшие дни.

— Его состояние не изменилось?

Она посмотрела на Джексона, нахмурилась, и между ними что-то проскочило.

— Что? — спросил я.

— Он сейчас почти полностью на аппаратуре жизнеобеспечения, — сказал Джексон. — Деятельность его мозговых волн практически прекратилась. Это вопрос времени, и без этих аппаратов он был бы...

— Если ты думаешь, что я махну рукой на своего мужа, лучше подумай ещё раз! — огрызнулась миссис Ледбеттер.

— Никто этого не говорит, мам.

— Ещё есть шанс, — в защиту сказала она.

— Мам...

— Не мамкай, Джеки.

— Ну, в какой-то момент нам придётся решить.

— Нечего решать.

— Есть, мама, и ты это знаешь. В любом случае, я хотел привести детей навестить его.

— Твой отец выберется, — с нажимом сказала миссис Ледбеттер. — Вот увидишь, Джеки. Твой отец не слабак, и он не бросит меня.

— Я надеюсь на это, мама.

Глава 64

Он мёртв

Вскоре после полуночи зазвонил телефон Джексона.

В тумане сна я сел в кровати и включил лампу на тумбочке, пока Джексон отвечал на звонок. По тому, как напряглись его плечи, я мог сказать, что новости плохие.

Он повесил трубку, повернулся посмотреть на меня.

— Ну? — подтолкнул я.

— Мой отец мёртв.

— Джек, мне так жаль.

— Но мы только сегодня навещали его!

Он расплакался в уязвлённой, тихой манере, будто не доверял себе плакать.

Я притянул его в объятия.

— Мы только что были там! — снова сказал он через минуту, отстраняясь от меня, вытирая глаза. — Я знал, что это произойдёт, но...

Он замолчал.

— Я могу что-нибудь сделать? — спросил я.

— Мне нужно увидеться с мамой.

— Мы поедem с тобой.

— Нет.

Он быстро оделся, не глядя на меня.

Хоть мы были женаты несколько лет — законно женаты, муж и муж, вся эта цепь с ядром — он странно неохотно делился со мной своими чувствами. Он не был эмоциональным человеком. Он запихивал свои чувства внутрь, будто они были помехой и ничем большим. Мне это казалось по-протестантски.

— С тобой всё нормально? — спросил я.

— Я в порядке, — сказал он, направляясь к двери.

Глава 65

Каждый судит по себе

— С мистером Джеком всё будет хорошо? — спросила Амелия следующим утром, пока мы шли три квартала до её школы.

Температура была около четырёх градусов — не так уж плохо, учитывая обстоятельства. Она держалась за мою правую руку; Тони держался за левую. Лёгкий снег пытался падать, но мало преуспевал. Этого было достаточно, чтобы держать небо за облаками, безопасно спрятав солнце.

— Он будет в порядке, — сказал я.

— Мне не обязательно идти в школу, — сказала она. — Я могу подождать до окончания похорон.

— Но ты хотела пойти, всё нормально. Тони может начать со следующей недели, когда всё вернётся в норму. И в любом случае, твоя школа довольно близко, так что мы можем ходить пешком.

— Почему мы не можем поехать?

— Я не умею водить при таком трафике. Это страшно.

— Ты боишься водить?

— Я не хочу попасть в аварию.

— Ты такой глупый.

— Спасибо. Каждый судит по себе.

— Я не глупая.

— Ты нервничаешь?

— С чего вдруг мне нервничать?

— Сегодня твой первый день в новой школе...

— Я не нервничаю, — сказала она, но был намёк на неуверенность в её голосе.

— Надеюсь, ты заведёшь несколько новых друзей и хорошо проведёшь время, — сказал я.

— Я хожу в школу не веселиться. Я хожу в школу учиться. Есть разница, знаешь ли.

— Есть, мэм!

— Я просто надеюсь, что мой учитель не будет ослом.

— Это должна быть очень хорошая школа.

— Что я им скажу?

— О чём?

— Если они спросят о моих маме и папе.

— Скажи им, что захочешь.

— У меня два папочки, и они оба придурки, и ох, кстати, они голубые?

— Если хочешь.

- Все будут надо мной издеваться.
- Скажи им, что это не их дело.
- Ну, я не твоя дочь, так что не могу сказать им, что ты мой папа.
- Просто скажи, что у тебя приёмные родители, и всё. Это ведь правда, не так ли?
- Полагаю.
- Тебя беспокоит, что я гей?
- Это странно. Вот и всё. Почему ты не можешь быть нормальным?
- Я нормальный. Мы не все одинаковые, знаешь ли.
- Значит, ты и мистер Джек... вы, типа, целуетесь и всё такое?
- Ага.
- Отвратительно.
- Если не будешь осторожна, мы начнём целовать тебя. Большими мокрыми слюнявыми поцелуями, прямо в щёку. Мы заразим тебя гомо—вшами, и твоё лицо начнёт разваливаться.
- Ты отвратителен.
- Готов поспорить, ты говоришь так всем мальчикам.
- Мальчики противные.
- В этом я вынужден с тобой согласиться. В любом случае, большинство из них. Но затем однажды они обнаруживают девочек, так что начинают принимать ванну и всё такое, а потом становятся нормальными. По крайней мере, они не так плохо пахнут. Иногда они даже учатся причёсываться.
- Тони останется дома с тобой, пока я в школе?
- Мы передвинем кое-какую мебель. Я должен обустроить себе кабинет на третьем этаже. Помнишь ту комнату с большим столом?
- Да.
- Это будет моя писательская комната.
- Что ты будешь писать?
- Я думал о книге с гей-парой, которая усыновляет мальчика и девочку, и им очень весело вместе.
- Как зовут девочку?
- Сэди.
- Сэди? Ей что, лет двести? Что за имя Сэди?
- На самом деле, ей около восьми или девяти. Милая маленькая девочка. Иногда немного раздражительная, но она хорошая. Сэди и Хэнк — это её младший брат — только что потеряли своих родителей в автомобильной аварии, так что будут жить с этой парой, которая хотела завести семью. Они правда крутые, эти ребята.
- Крутые?
- О да! Один из них шеф-повар в знаменитом ресторане в Бостоне, и у него есть своё собственное телевизионное шоу. А другой водитель гоночного автомобиля, и он каждый день отвозит детей в школу на болиде, и все другие дети завидуют.
- Правда?
- Правда.
- И им очень весело вместе? — спросила она.
- Я ещё не зашёл так далеко. Но, думаю, будет.
- Правда?
- Может быть, я начну книгу с того, как один из двух пап отводит детей на их первый день в школе. Маленькая девочка очень нервничает из-за этого, но не хочет в этом признаваться, так что он рассказывает ей истории, пытается отвлечь её и помочь почувствовать себя лучше. Потом они добираются до школы, и у неё замечательно

проходит первый день, и она заводит нескольких новых друзей и не может дождаться, когда придёт домой и расскажет всё об этом своим двум папам. Затем они все садятся в гоночную машину и едут в «Дэйри Куин»*, чтобы съесть по банановому сплиту, потому что маленькая девочка вегетарианка, так что «Тако Белл»* (прим.: «Дэйри Куин» и «Тако Белл» — сети закусочных быстрого питания) определённо не подходит, потому что ей не нравится есть то, у чего есть лицо или карта социального обеспечения. Но затем тайно, после того, как дети идут спать, один из пап выскальзывает из дома и идёт в «Тако Белл» и заказывает еды на пятьдесят долларов и съедает её прямо там, стоя у кассы. Затем он рыгает и говорит: "А теперь, на главное блюдо, я хотел бы..."

— Неправда!

— Он немного помешан на этом «Тако Белл». Не самая приятная сцена.

— Ты такой странный.

— И за это я тебе нравлюсь

— Откуда ты знаешь, нравишься мне или нет?

— Потому что ты умная девочка, так что, конечно, я тебе нравлюсь. Было бы глупо, если нет.

— Серьёзно?

— Серьёзно.

— Полагаю, ты мне и правда нравишься. Немного.

— Ты мне тоже нравишься. Думаю, тебе нужно побрить голову и набить татуировку или что-то ещё, но это только моё мнение.

— Я не побрею голову!

— У тебя довольно красивые волосы. Полагаю, это нормально.

— У меня очень красивые волосы. Мама всегда так говорила.

— Твоя мама была права. И если кто-нибудь из этих мальчишек побеспокоит тебя, скажи им, что у тебя два папы, которые отпинают их тупые задницы прямо до Новой Шотландии, но только после того, как заразят их большой дозой гомо-вшей.

Она стала печальной, когда мы завернули за угол, и перед нами замаячила её новая школа: очень внушительное кирпичное здание, которое выглядело так, будто когда-то было тюрьмой.

— Ты будешь в порядке? — спросил я, пока мы приближались к главному входу, где ждала группка учеников.

— Я не маленькая! — огрызнулась она.

— Я знаю, но я переживаю за тебя. Это моя работа, знаешь ли. У тебя есть мой номер телефона, номер Джека, адрес квартиры?

— Ты знаешь, что есть.

— Хочешь, чтобы мы зашли с тобой?

— Думаю, я смогу пройти через входную дверь без вашей помощи.

Мы остановились у входа.

Амелия не смотрела на меня, кусая губу. Я сдерживался от желания прыгнуть, спасти её, взять за руку.

Я ждал.

Через несколько мгновений она сделала вдох, будто пришла к решению.

— Мы вернёмся в три тридцать, чтобы тебя забрать, милая. Хорошего дня.

Она подняла на меня взгляд. Я видел, что её глаза угрожают пролиться слезами.

— С тобой всё будет хорошо, — сказал я, хлопая её по спине. — Позвони, если будешь во мне нуждаться. Хорошо?

Она сделала очередной вдох, кивнула и решительно зашагала к большим двойным дверям, не оглядываясь назад.

Глава 66

Нежданно-негаданно

Тони сидел в кресле у камина с раскрытой на коленях книгой о динозаврах. Он с обожанием скользил пальцем по очертаниям динозавров на страницах. Мальчик делал это больше часа, и я начал беспокоиться. Его неподвижность, его сосредоточенность — это необычно. Он не поднимал взгляда, казалось, не замечал, как я слоняюсь по кухне, готовя ланч, ставлю тарелки и приборы для сэндвичей, готовлю его лекарства. Он был полностью поглощён динозаврами, не обращая внимания на мир. Время от времени его толстые очки соскальзывали вниз по маленькому носу, и он подталкивал их обратно указательным пальцем в небрежной манере, будто не осознавал, что очки не подходят ему по размеру.

Когда сэндвичи были готовы, вкупе с миской творога и яблочного пюре (я давно сделал вывод, что ни один здравомыслящий человек не сможет задрать нос от смеси творога и яблочного пюре), я прошёл в гостиную и обошёл вокруг Тони, махая рукой, чтобы привлечь его внимание.

Он, казалось, не замечал меня.

Я присел на корточки, осторожно посмотрел на него. Его лицо исказилось в сосредоточении, пока он изучал бронтозавра, его палец скользил по телу динозавра на странице.

Я коснулся его колена.

Он поднял ошеломлённый взгляд.

Ты голоден? — спросил я.

Его губы боязливо задрожали.

Ты в порядке, малыш Т.?

Он смотрел на меня через эти неподходящие очки, будто не знал меня.

Я положил ладонь на его колено.

Он отёрнулся, в спешке роняя книгу о динозаврах на пол.

Нет! — отчаянно прожестикуюлировал он. — *Нет! Нет! Ты!*

Я опустил на корточки, наблюдая за ним, пытаясь донести своим выражением лица, что нет необходимости бояться.

— Хмммм! — вдруг завопил он, с ошеломлённым взглядом в глазах. Он стиснул челюсти, сжал кулаки, будто храбрился для чего-то.

Всё нормально, — прожестикуюлировал я.

— Ахххх! — простонал он, отдёргиваясь от меня.

Я отошёл от него. Я делал это очень медленно, очень осторожно, не желая и дальше его пугать.

— Хммммм!

Всё нормально, — снова прожестикуюлировал я, медленно, осторожно, добавляя улыбку, чтобы показать ему, что всё хорошо.

Его взгляд метался туда-сюда, пока грудь вздымалась и опускалась в быстрых, резких вдохах.

— Аааааххххххх! — стонал он долгим, затянутым, полным агонии звуком.

Что-то было ужасно неправильно.

Он вдруг поднялся на ноги и сломя голову рванул к входной двери. Распахнув её, он вырвался на улицу. В дом тут же ворвался дикий холод.

Я побежал за ним.

Он, казалось, не замечал холода, пока бежал вниз по ступенькам. Я слышал и видел движение по дороге впереди, и у меня внутри всё сжалось в болезненный узел.

Если он выбежит на дорогу...

— Тони! — испуганно прокричал я. — Тони, нет!

Он безрассудно сбежал по ступенькам, холодный ветер трепал его свитер и волосы.

Он направился прямо к дороге.

С подскочившим к горлу сердцем я слетел вниз вслед за ним.

Белый внедорожник резко ударил по тормозам — я заметил это краем глаза. Я бегом добрался до тротуара, чуть не поскользнулся, метнулся между машинами, припаркованными перед нашей квартирой, и оказался на дороге.

Тони пересёк дорогу и бежал по тротуару на другой стороне.

Я бежал за ним.

— Тони!

Я знал, что он меня не слышит, но не мог перестать звать его по имени.

Я был так ошеломлён, что не мог думать.

Две женщины шли по тротуару в мою сторону. Они посмотрели на Тони, на меня, с выражением недоверия на лицах.

В конце улицы был оживлённый перекрёсток. Если Тони доберётся туда раньше меня...

Господи!

С внезапным порывом энергии я бросился вперёд, приблизился к нему, схватил его за свитер и потянул вниз.

Мы упали на землю.

— Ааааааа! — простонал он, дёргая и пинаясь руками и ногами. Он, казалось, не обращал внимания на холод, на тот факт, что мы лежали на тротуаре.

— Тони! — крикнул я, притягивая его к себе.

Он отдёргнулся, ворча, стелая, вопя, я не мог сказать, от злости это или от ужаса.

— Тони, — снова сказал я, глядя его по спине, пытаюсь успокоить.

Он не принимал этого. Как только я поднял нас на ноги, он дёрнул меня за руку, пытаюсь удрать, как избалованный, капризный ребёнок, который хотел пойти в парк и не принимал "нет" за ответ. Он беспомощно боролся с моей хваткой. Я цеплялся за него, ошеломлённый и теперь смущённый. Что подумают соседи. Я понятия не имел. Наше дыхание формировало крошечные облака в воздухе между нами.

— Здесь холодно, — сказал я, будто он мог меня слышать, будто это объясняло, почему нам нужно вернуться домой. — И мы без курток.

— Хммм!

Как мул, он встал рядом со мной, его лицо было каменным, руки напряглись в попытке сопротивления.

Я попытался приблизиться ещё раз. Я поднял его на руки, усадил к себе на бедро, крепко держа. Он со злостью хлопал меня руками, несчастно вопя, не желая, чтобы я прикасался к нему, не желая быть со мной рядом, не желая сидеть на руках.

— Тише, приятель, — проворковал я. — Всё хорошо.

— Ааааааа!

К этому моменту я дрожал, запыхавшийся и просто-напросто напуганный. Ещё я переживал за него — он был в абсолютном ужасе. Я пытался убаюкать его, но он продолжал отдёргиваться, будто бился в конвульсиях.

Когда движение стихло, я поспешил через дорогу и направился к двери нашей квартиры, которая оставалась открытой. В моих руках Тони вдруг стал неподвижным

и тихим, и запах, который заполнил воздух, сказал мне, что у него только что произошёл очередной инцидент.

Я поспешил по ступенькам в квартиру, зашёл внутрь и закрыл дверь.

Он сбежал с моих рук, споткнулся в гостиной и упал на ковёр с тихим глухим стуком, где скрутился в клубок и зарыдал в агонии.

Я смотрел на него долгое мгновение, чувствуя себя совершенно не в своей стихии. Напуганным. Ошеломлённым. Он мог убится, выбежав на дорогу. Это произошло так быстро, так неожиданно. Я стоял на месте, глядя вниз, тяжело дыша.

«Соберись», — подумал я, нервно проводя рукой по лицу.

Я присел на корточки, легко коснулся его плеча.

Теперь он не замечал меня. Он закрывал лицо руками, зажмурив глаза. Он ушёл в какое-то место в своём сознании, в какое-то место безопасности, в какое-то место, где до него не могли добраться плохие парни.

Я сел, притянул его к себе, держа в своих руках.

Он не сопротивлялся, казалось, не обращал внимания.

— А теперь тише, приятель, — прошептал я, глядя его по волосам. — Всё будет хорошо.

Я хотел, чтобы это было правдой, — отчаянно хотел. Но впервые с тех пор, как мы привезли его домой, я был полон сомнений.

Я сидел с ним около двадцати минут, и, в конце концов, он успокоился. Он ничего мне не говорил, пока я стоял, говоря ему, что ему нужно помыться, что я достану для него свежую одежду. Он не делал никаких попыток, чтобы подняться на ноги, пойти за мной, так что я взял его на руки и понёс. Он смотрел на меня открыто, пока я это делал. Он провёл пальцами по моей бороде, казалось, замороженный ею.

Тебе нужно принять душ, — сказал я после того, как поставил его в ванну.

Он стоял на месте, глядя на меня пустым, отрешённым, бессознательным взглядом. Он не принял бы душ сам, так что я поднял его под подмышки и поставил под душ. После того, как он был искупан и одет в чистую пижаму, Тони казался очень уставшим, и когда я посадил его на кровать, он перекатился на бок, подальше от меня, и закрыл глаза, прижимая руки к груди, будто ему холодно. Я укрыл его одеялом и сел рядом.

Меньше, чем через минуту он уснул.

Вдруг я подумал о его графике приёма лекарств и нахмурился.

Глава 67

В порядке до сегодняшнего дня

— Вилли, что случилось?

— Ничего, мама.

— Я тебя дам ничего. Я твоя мать, и я знаю, когда что-то не так.

— Что ж, — сказал я, моё сердце отяжелело из-за причин, которые я не мог осмыслить, — прошлой ночью скончался отец Джека.

— Мне жаль это слышать. Как Джек?

— Думаю, нормально.

— Я думала, его отец выкарабкается.

— И мы думали, но эти последние пару дней всё шло не так хорошо. Затем прошлой ночью Джеку позвонили и сказали, что его отец скончался.

— Что ж, мне жаль это слышать. Ты в порядке?

— Конечно. Я расстроен из-за него, но я в порядке.

— А по голосу ты далек от порядка, Вилли.

— Ох, мама.

— Что случилось?

— Этот маленький мальчик... Тони.

— Что с ним?

— Его слишком много.

— Что это значит?

— У нас всё было в порядке до сегодняшнего дня, — сказал я. Я объяснил, что произошло. — Он мог убиться, мама. Он так быстро оказался за этой дверью — это было как выстрел. И он побежал прямо на дорогу, а там много машин.

— Он тебя напугал?

— Чуть не довёл до инфаркта.

— И это тебя беспокоит?

— Я не знаю.

— Ты передумываешь насчёт усыновления?

— Конечно, нет.

— Тогда в чём дело?

Но я не знал.

— Как девочка? Амелия?

— Она замечательная, — сказал я. — Правда, мама. Она замечательная. Ты полюбишь её, когда познакомишься.

— И когда это произойдёт? Я не собираюсь жить вечно, знаешь ли.

— Я думал о четвёртом июля. Ты знаешь. Как мы всегда делаем.

— Вечеринка по случаю дня рождения Ноя? Мы не делали этого с тех пор, как он умер. Не то чтобы мы этого не хотели, но ты говорил, что больше не хочешь этого делать.

— Знаю. Но я думал, мы могли бы приехать в гости на праздник четвёртого июля, устроить вечеринку, как раньше.

— Это было бы очень мило, дорогой.

Я замолчал.

— Что такое? — направила она.

Мама хорошо меня знала. Иногда я думал, что слишком хорошо.

— Вы с Джеком ругаетесь?

— Нет, — сказал я. — Ничего такого.

— Тогда в чём дело, Вилли? И ты знаешь, пока ты на телефоне, может быть, ты мог бы мне объяснить, почему не звонишь чаще. Я просто должна сидеть здесь день за днём, пока ты аж там, в Бостоне — ты мог бы с таким же успехом быть в Китае, никакой разницы — а ты даже не звонишь мне и не рассказываешь, как у тебя дела и что происходит? Я по-прежнему твоя мать, знаешь ли. Только то, что ты живёшь в большом городе, не значит...

— Мама, прекрати.

— Ты мог бы звонить чаще. Не умер бы. Я до смерти за тебя переживала, ты там один, и некому за тобой присмотреть...

— У меня есть Джек!

— Ты не переживаешь о преступности? Ты можешь идти по улице, и кто-нибудь может угнать тебя.

— Думаю, ты имела в виду угнать машину.

— Плевать, умник. Это не безопасно — вот, что я говорю. Каждый раз, когда звонит телефон, я задерживаю дыхание. Я знаю, что в один из дней это будет полиция,

которая скажет мне, что тебя обезглавили или подорвали на том марафоне, которые они там проводят, или...

— Ох, мама, честное слово!

— Что ж, Иисус, Мария и Иосиф! Я переживаю за тебя. Так подай на меня в суд. Если нападут террористы, это не в Тупело, Миссисипи, в центре города спикирует вниз 747-ой боинг. Это будет в таком месте, как Бостон, где вы все такие пафосные...

— Мама, мне пора.

— Но ты не рассказал, что случилось.

Я снова замолчал.

Мама ждала.

— Просто здесь не то же самое, — наконец сказал я.

— Это и я могла бы тебе сказать. На самом деле, кажется, я говорила, но ты не слушал.

— Только то, что здесь по-другому, не значит, что это плохо. Я просто чувствую себя немного не в своей тарелке.

— Ну, если хочешь приехать домой...

— Я не хочу домой. Я просто чувствую себя напуганным.

— Ты? Напуганным? С каких пор?

— С этих самых, мама.

— Чего ты боишься?

— Не знаю.

— Ты знаешь, что всегда можешь со мной поговорить, Вилли. У нас были взлёты и падения, но я всё ещё твоя мама и всегда ею буду. Я хотела бы, чтобы ты остался там, где тебе место, со своей кровью, но я уверена, ты знаешь лучше.

— Джек нуждался в этом.

— А ты нет. Так ведь?

— Не совсем, — признался я.

— Если бы я не знала тебя лучше, то сказала бы, что ты тоскуешь по дому.

— Я не тоскую по дому!

— Ты тоскуешь по дому, да? Ну, это нормально, детка.

— Мама, я не тоскую по дому.

— А вот и тоскуешь. Ты на самом деле по нам скучаешь, да? Билли будет так удивлён, когда я ему расскажу.

— Ты ничего ему не расскажешь!

— Несомненно расскажу! Никогда ещё ты не был так далеко от дома. Чего ты ожидал?

— Я не тоскую по дому. Мне просто немного... одиноко.

— Я думала, ты замужем.

— Так и есть!

— Ну, тогда чего тебе одиноко? И бедный Джек только что потерял своего отца. Надеюсь, ты не планируешь сейчас тосковать по дому, не тогда, когда он нуждается в тебе.

— Мама, мне пора.

Глава 68

Обещай мне

Я дал Тони поспать час, прежде чем разбудил — я не хотел полностью сбивать график приёма лекарств. Стоя у кухонного стола, он смотрел, как я достаю его таблетки, смешивая миску пудинга, предлагая ему стакан воды. Он послушно сделал глоток, проглотил таблетки, одну за одной. Я погладил его по груди, пока он пытался протолкнуть таблетки вниз. У меня не было истинных доказательств того, что поглаживание каким-то образом помогает, но это, казалось, помогало, и для меня это было достаточно хорошо. И, возможно, он учился ассоциировать приём таблеток с проявлением любви. Он ел пудинг, гримасничая с каждой ложкой — видимо, в мире не было достаточно ванили и яблочного пюре, чтобы скрыть дрянной запах лекарств.

Затем он сел за стол и принялся за сэндвич.

Почему ты убежал? — спросил я, когда мы закончили.

Он пожал плечами.

Ты меня напугал, — сказал я, неуверенно улыбаясь, чтобы смягчить влияние этого заявления.

Он закусил губу, не ответив.

Пожалуйста, не делай так больше, — сказал я.

Он не отвечал.

Пожалуйста, — сказал я, беря его за руку и сжимая её. — *Обещаешь мне?*

Тебе... страшно?

Да.

Почему?

Тебя могла бы сбить машина.

Пустой взгляд его глаз говорил мне, что он не понимал, что я говорю.

Опасно, — прожестикнул я. — *Дорога... машины... много, много, много... ты бежал... опасно. Ты... поранился. Машина... ударила тебя. Больно, больно, больно. Не хорошо. Понимаешь?*

На его лице появилось виноватое выражение.

Пожалуйста, — добавил я, — *не делай... не надо снова... это слишком опасно. Я не хочу, чтобы тебе было больно.*

Он открыто смотрел на меня. Его взгляд говорил, что он признавал себя виноватым, но не совсем понимал, в чём проблема.

Тебе было страшно? — спросил я, пробуя ещё один подход.

Я... Я... не знаю... мне.

Я не был уверен, что это значит.

Ты убежал потому, что тебе было страшно?

Я не знаю.

Сейчас тебе страшно?

Нет.

Хорошо. Я не хочу, чтобы ты боялся. Но почему ты убежал?

Он смотрел на меня, его губы двигались, будто он хотел что-то сказать, его глаза были полны... чего? Замешательства? Неуверенности? Вины?

Я... не могу...

Это было единственным, что он сказал.

Ты не можешь... что?

Я не знаю... нет... не знаю... не...

Я несколько минут пытался распутать его мысли, но сдался. Он не мог что-то сделать, или не мог сказать, или не знал, как сказать — в этом была суть.

Ты, — сказал он, тыкая в меня пальцем. — Ты... злишься?

Нет, сладкий. Мне страшно.

Почему... тебе страшно?

Если бы тебя сбила машина, ты попал бы в больницу. Тебе было бы очень больно. Очень, очень, очень сильно. Я этого не хочу.

Казалось, он ухватил это упрощённое, урезанное заявление.

Почему? — спросил он. Он казался озадаченным.

Я люблю тебя. Если тебе больно, то и мне больно. Если тебе грустно, то и мне грустно. Ты понимаешь?

Он пожал плечами.

Пожалуйста, будь осторожным. Обещаешь мне?

Он очень медленно кивнул.

Глава 69

Рай — это место на земле

В тот день "потеплело" до семи градусов. Это были слова излишне самоуверенной блондинки из прогноза погоды по телевизору, не мои. "Потеплело". У них было чувство юмора, у этих янки. Мы с Тони укутались, шли за руки вниз по Пайн-стрит в сторону школы Амелии.

Тони нравилось бывать на улице. Я понял это, пока мы гуляли. Он сошёл с дороги, чтобы пнуть маленький сугроб, или проскользнуть по обкатанным участкам тротуара, или обежать вокруг деревьев, которые дрожали под ярким, но холодным небом. Он казался довольным. Более того, казалось, он наслаждался собой, и не в своей контролируемой, осторожной манере, а в беззаботной и спонтанной, что было приятно видеть.

Когда мы приближались к школе, он побежал к кованому железному забору, который отделял игровую площадку от тротуара, и посмотрел на качели, карусели и рукоходы с определённой долей любопытства.

На площадке появлялось всё больше детей, когда зазвенел звонок, и у обочины выстроились школьные автобусы.

Мы ждали Амелию.

Настроение Тони изменилось, когда дети начали выходить из школы. Он придвинулся ближе ко мне, будто хотел, чтобы я его спрятал. Он схватился за мой карман и опустил глаза.

Амелия нас заметила.

— Как прошёл твой день, тыковка? — спросил я.

— Тыковка? — повторила она, закатывая глаза в скептическом недоверии.

— Милая?

— Милая?

— Сладкая?

— Сладкая? Ох, честное слово!

— Дай мне попробовать снова, — сказал я. — Как прошёл ваш день, мисс Амелия?

— Нормально, мистер Вилли. Кстати, мой учитель английского жжёт.

— Рад слышать.

— И я далеко превзошла этих неудачников.

— Серьёзно?

— Я очень хорошо читаю.

— Бьюсь об заклад, так и есть.

— Я читаю уже на уровне седьмого класса, а я только в четвёртом. Я могу сделать домашнее задание во сне. Я тебя умоляю! Я даже не знаю, почему должна ходить в этот класс.

— Ты умная девочка.

— Я знаю, ладно?

Тони потянулся, схватил Амелию за рукав пальто и неловко потянул.

Она нахмурилась, бросая на него взгляд.

Привет, — сказал он.

— Что говорит мальчик-козявка? — спросила она.

— Он сказал "привет". И не называй его так.

— Ну, он мальчик, разве нет?

— Я знаю, но он твой младший брат.

— Он мне не брат.

— Не будь такой.

Выражение её лица смягчилось. Она помахала ему рукой в своей версии приветствия.

— Он никогда не говорит никому "привет", — сказал я. — Может быть, мы делаем прогресс.

— Он такой странный.

— Да, — сказал я, — странный. Но мы всё равно его любим. Разве не так?

— Наверное.

— Так твой первый день прошёл нормально?

— Не нужно за меня переживать, мистер Вилли. Я не ребёнок.

— Ты мой ребёнок.

— Я не твой ребёнок! Мне девять. И почему ты так смешно говоришь?

— Это называется южный акцент. Так люди говорили до того, как вы, янки, всё исказили. У тебя день рождения в ноябре, да?

— Мама всегда позволяет мне делать всё, что я хочу, на мой день рождения.

— Хорошая традиция. Я полностью согласен.

— Так ты разрешишь мне делать всё, что я хочу?

— До тех пор, пока это не включает в себя кредитные карты или сифилис, конечно.

— Что такое сифилис?

— Ничего, милая. У тебя были какие-нибудь неприятности из-за твоей "семьи"?

— Миссис Джонсборо спрашивала, только что ли моя семья переехала в город, и я сказала, что да.

— И?

— Она спросила, чем занимаются мои родители. Я сказала, что мой папа медбрат, а другой папа — писатель. Это выскользнуло само.

— И?

— Ну, все рассмеялись. Они подумали, что это забавно. В смысле, они не смеялись надо мной. Они считали, что я забавная. И миссис Джонсборо сказала: "Это хорошо, дорогая".

— И?

— Это всё.

— Кто такая миссис Джонсборо?

- Она моя классная руководительница.
- Надеюсь, я могу с ней познакомиться.
- Она милая. Но от неё пахнет.
- Серьёзно?
- Кэти говорит, что она купается в лаванде.
- Кто такая Кэти?
- Моя подруга.
- Что ж, я тобой горжусь, — сказал я, когда мы пошли в сторону дома.
- Почему?
- Для некоторых детей первый день в школе тяжело проходит. Особенно, когда это новая школа. Но с тобой, кажется, всё в порядке.
- Я в порядке, мистер Вилли. Я не маленькая!
- Я не говорю, что ты маленькая.
- Что, думаешь, раз я девочка, тебе обязательно держать меня за руку? Я тебя умоляю!
- Твоя мать случайно не была феминисткой?
- Это то же самое, что сексистская свинья?
- Думаю, ты мне нравишься, — сказал я, улыбаясь ей.
- Мама всегда говорила, что нам не нужно, чтобы кто-то о нас заботился, что Фостеры всегда сами о себе заботятся.
- Сама тянешь себя за шнурки?
- Похоже, что я ношу сапоги? Честное слово. Я не ковбойша, знаешь ли.
- Есть вещи и похуже, — сказал я. Как пример этого на ум сразу же пришла ковбойша с сифилисом, но я остановил себя раньше, чем это успело выскользнуть. Было легко забыть, что Амелии всего девять. В ней было что-то очень взрослое.
- Что ты хочешь на ужин? — спросил я, меняя тему.
- До тех пор, пока на нём нет лица, мне подойдёт. Но не брокколи. Я просто пока ещё не готова умереть. Кроме того, меня от них пучит.
- Я думал, девочек не пучит.
- Нет, — чопорно произнесла она.
- Это верно. У вас выходит "пар".
- Выходит пар?
- Так сказала бы южная леди. У меня был пар. Южная леди никогда не была бы такой бестактной, чтобы признаться, что пукнула. В любом случае. Я не уверен, что мы будем есть на ужин. Мистер Джек весь день в доме своей мамы. Они занимаются приготовлениями.
- Ты имеешь в виду приготовления к похоронам.
- Да.
- Она замолчала, её лицо исказилось печалью.
- Мы просто стараемся не мешать им, — мягко сказал я, кладя руку ей на плечо.
- Мне обязательно идти на похороны?
- Уверен, мистер Джек очень оценит, если ты придешь.
- Это так глупо.
- Что?
- Похороны.
- Почему ты так говоришь?
- Ну, они умирают, разве нет? Не то чтобы ты мог попрощаться или что-то ещё. Просто сидишь там, а люди на тебя смотрят. Что в этом весёлого?

— Это не должно быть весело. Это, скорее, для семьи, знаешь. Для людей, которые знали человека. Шанс для них собраться вместе и поговорить и поддержать друг друга. Это помогает людям чувствовать себя лучше.

— Мне это не помогло, — сказала она.

— Я сожалею.

— Это не ты виноват.

— Знаю. Похороны — это довольно трудно. Ты не обязана идти, если не хочешь, милая. Но подумай об этом, ладно? Я знаю, мистер Джек хотел бы, чтобы ты была там. Не ради его папы, а ради него. Для него это будет много значить. Ты подумаешь об этом?

— Ладно.

Мы шли в тишине. Тони дёрнулся к краю тротуара, чтобы засунуть носок ботинка в маленький сугроб. Он рассмеялся, когда снег разбросался.

— Мистер Вилли?

— Что, милая?

— Почему ты называешь меня милой? Я не маленькая!

— Я южанин. Мы так делаем. Могло бы быть хуже, знаешь ли.

— Как?

— Ну, я мог бы сказать, что, ты болотная ведьма? Или, что, ты козьявочный зад? Но я называю тебя милой. Так что это не так уж плохо, да?

— Я никогда не слышала про козьявочный зад.

— Это сложно. Поверь мне.

— Уверена, так и есть. Мистер Вилли?

— Да?

— Думаешь, рай существует?

— Конечно.

— В смысле, серьёзно. И не корми меня чепухой.

— Да, — сказал я. — Я думаю да.

— Так ты думаешь, моя мама в раю?

— Она кого-нибудь убила?

— Нет! Я тебя умоляю!

— Ну, она, наверное, была хорошей дамой, а я думаю, что если ты делаешь хорошие вещи в жизни — а она делала. Делала, не так ли? Но я думаю, если ты делаешь хорошие вещи, и ты хороший человек, то тебя ждёт какой-то своего рода рай. Я не знаю, что именно это такое. Жемчужные ворота, дороги золота, хор поющих райских ангелов, может быть, концерт Майкла Джексона или ещё что — чёрт, может быть, даже «Тако Белл» — я не знаю. Но я уверен, что это милое место. Но рай не просто где-то в небе.

— А где ещё?

— Рай — это и место на земле тоже. Как и ад. Когда ты делаешь плохие вещи, ты создаёшь ад из своей собственной жизни, ад, полный несчастья, боли и страданий. Но когда ты делаешь хорошие вещи, ты создаёшь рай. И любить других людей — это рай. Тебе становилось хорошо от любви к матери?

— Да.

— И я уверен, что ей тоже было от этого хорошо.

— Но сейчас её нет.

— Но ты всё равно можешь её любить. И я знаю, где бы она ни была, она это чувствует, и она будет знать, что ты по-прежнему любишь её и заботишься о ней. И она по-прежнему любит тебя и заботится о тебе, не важно, сколько тебе лет.

— Это просто слова.

— Нет, не просто. Я чувствую это к своему сыну. Я знаю, что он где-то наверху. Он знает, что я по-прежнему люблю его и забочусь о нём. Знаешь, я постоянно с ним разговариваю.

— Да?

— Конечно.

— О чём вы говорите?

— Ну, иногда я злюсь на него и говорю, что он большой тупица, раз оставил меня здесь внизу одного. Но чаще всего я говорю, что скучаю по нему и надеюсь, что он счастлив, и не могу дождаться, когда однажды увижу его снова.

— Серьёзно?

— Серьёзно.

— Я бы хотела увидеть свою маму.

— Я тоже хотел бы, чтобы ты её увидела, милая.

Глава 70

Сексуальное исцеление

Услышав, что Джексон пришёл домой, я поспешил вниз по лестнице.

Он посмотрел на меня глазами, красными и опухшими от слёз.

— Ты в порядке? — спросил я.

— Я чуть не сделал это, — рассеянно произнёс он, выкручивая руки.

— Что сделал?

— Заехал в бар.

Я ничего не сказал.

— Если в моей жизни когда-нибудь было время, когда я в чём-то нуждался... в каком-нибудь химическом веществе... Господи, что за день!

— Плохой, да?

— Ты не знаешь и половины, — сказал он.

— Мне жаль. Я могу тебе что-нибудь принести? Сделать кофе?

— Ты мог бы поцеловать меня и сказать не быть чёртовым идиотом.

Я поцеловал его.

— Ты не идиот, — тихо сказал я.

— Я действительно заехал на парковку у «Одессы».

— Но ты не зашёл?

— Нет.

— Может быть, тебе позвонить своему куратору?

— Уже позвонил. Я не хочу пить — я не алкоголик. Я наркоман. Но Господи! У меня такое чувство, будто я расклеиваюсь. И я знал, что если выпью, то не остановлюсь, потому что это просто не поможет.

— Я могу набрать тебе горячую ванну, дать отмокнуть, пока буду делать тебе минет или ещё что. Это поможет расслабиться?

— Дети спят?

— Конечно.

— Но это будет странно, зная, что они в конце коридора.

— Мы закрём дверь. И мы будем очень, очень тихими. В смысле, тяжело говорить, когда у тебя во рту большой член.

Он попытался улыбнуться, но ничего не вышло.

— Какого чёрта со мной не так? Мой отец мёртв, и всё, чего я хочу, выпить таблеток!

— Идём, городской мальчишка. Есть больше, чем это. У тебя был плохой день. Тебе нужно кое-что, чтобы через это пройти. Уверен, твой отец понял бы это. И после того, как ты получишь шанс... расслабиться... можешь рассказать мне всё о своём дне. Что скажешь?

— Ты не думаешь, что это странно?

— Я думаю, что ты человек. Кроме того, это известный факт.

— Какой?

— Секс — хороший антидепрессант.

— Ох, я тебя умоляю.

— Когда в последний раз, получая минет, ты говорил: "О, тебе придётся прекратить, я в депрессии"?

— Я понял, что ты хочешь сказать.

Глава 71

Семейный ужин

"Семейный ужин" в доме миссис Ледбеттер следующим вечером был не очень счастливым.

Для начала, в поместье Ледбеттеров не было ничего особо семейного. Джексон был единственным ребёнком; как и его мать. У мистера Ледбеттера была сестра, Рита, которая была "счастливо разведена". Она сидела напротив и время от времени бросала пренебрежительные взгляды на Амелию и Тони — особенно на Тони, который чавкал и ел руками, как нормальный семилетний ребёнок. Ни один из двух взрослых детей Риты не присутствовал. У мистера Ледбеттера ещё было два брата, Карлсон, с которым я уже познакомился, и Чарли, который жил в Калифорнии и приедет завтра утром на похороны.

Карлсон отпросился с обеда, но его дочь, Фрида, была здесь вместе со своим мужем, Джорджем.

— Не знаю, почему ты так себя ведёшь, Юни, — сказала Рита после долгой, неловкой тишины, бросая взгляд на миссис Ледбеттер. — Все знают, что вы со Стивеном терпеть друг друга не могли. Честно говоря, мне следовало думать, что будет облегчением видеть его мёртвым.

Миссис Ледбеттер, которая довольно неубедительно поедала рыбу-меч, отложила вилку и повернулась к золовке со странным подобием улыбки на губах.

— Кажется, после лоботомии тебе лучше, Рита. Могу сказать, ты всех нас напугала.

— Мам, тётя Рита, пожалуйста, — с гримасой произнёс Джексон. — Не перед детьми.

— Так ты их называешь? — спросила тётя Рита.

— Это довольно зло, — сказал я.

— Я не считаю себя обязанной исправлять ошибки других людей, — легко ответила она.

— Не вините их за то, что сделали их родители, — парировал я.

— Прошу меня простить, пока моё сердце истекает кровью.

— Тётя Рита, ты говоришь о моих детях, — сказал Джексон, проявляя редкую долю непокорности.

— Подумать только, гомосексуалы "заводят детей". Что следующее они придумают?

— Не позволяй ей дразнить тебя, Джеки, — предупредила миссис Ледбеттер.

Джексон опустил взгляд в тарелку, выдохнул, будто успокаивая нервы.

— Думаю, то, что они делают, отлично, — сказала Фрида.

— Правда? — спросила Рита. — Однажды они своих детей и грудью кормить будут.

— Что это должно значить? — спросила Фрида.

— Есть причина, по которой мы держим гомосексуалов подальше от детей.

— И какая же? — поинтересовалась Фрида.

— У них нравы однорукой крэковой шлюхи, дорогая. Чего ты ожидаешь от людей, которые определяют себя по своим "сексуальным предпочтениям"? Когда я представляюсь, я не говорю: "О, кстати, я наслаждаюсь хорошим большим членом так же сильно, как и следующей девчонкой". Упаси Бог, чтобы кто-то у них спрашивал — они натравят на тебя АСЗГС, и в следующий момент они будут на шоу Рэйчел Мэддоу, жалуясь на то, какая ты ханжа.

— Не обращайтесь на неё внимания, — важно произнесла миссис Ледбеттер. — Есть причина, по которой она дважды разводилась, и дело не в её милом характере.

— И есть причина, по которой у Джеки нет ни братьев, ни сестёр, — ответила Рита.

За столом повисло внезапное напряжение, которое невозможно было упустить.

— Конечно, я удивлена, что ты вообще его родила, со всеми этими твоими абортами, — добавила Рита. — Джеки повезло, что ты первым делом не бросила его в блендер. Возможно, если Джеки и мистеру Утиная Династия надоедят эти дети, они тоже смогут бросить их в блендер. Ты ведь так поступаешь с вещами, которые тебе не нравятся, Юни?

— Вы действительно будете сейчас это делать? — в неверии спросил Джексон.

— Я так же свободна во взглядах, как и либералы, но я знаю меру в разделывании детей и выбрасывании их разделанных тел в мусорку, — сказала Рита.

Миссис Ледбеттер рассмеялась.

— Ты католичка, когда это тебе идёт, Рит. Браво. Мне нравится немного морально насиловать себя время от времени. Эти два твоих брака были как аборт, разве не так? "То, что соединил Бог, не раздели ни один человек" — пока, конечно, ты не встретишь кого-то, у кого больше денег. Твои бедные мужья никогда не узнают, что их сразило.

— Почему вы двое ругаетесь? — спросил Джексон. — В этом есть какой-то смысл, или вы просто пытаетесь вывести из себя остальных?

— Это помогает провести время, дорогой, — сказала миссис Ледбеттер.

— Дай взрослым поговорить, — сказала тётя Рита.

— Я взрослый, — сказал Джексон.

— С умом двенадцатилетнего, — ответила Рита.

— Эта штука с обменом оскорблениями — традиция янки, или я что-то упускаю? — спросил я.

— Нам нравится говорить то, что мы думаем, дорогой, — сказала миссис Ледбеттер. — Ты уже должен знать об этом. Нам нравится держать людей в форме.

— Если не выносишь жары, не выходи на солнце, — добавила Рита.

Я нахмурился и взглянул на Амелию, которая кусала свою нижнюю губу.

— Что ж, — сказал я ей, — сейчас это твоя семья. Разве ты не везучая девочка? Лично я думаю, что они совершенно чокнутые, но я южанин, так что откуда мне знать? Нам придётся научиться лучше обмениваться оскорблениями, так ведь?

Она не ответила, но в её глазах был намёк на что-то. Радость? Уважение?

— Ну, если она будет частью этой семьи, — сказала Рита, — ей придётся сделать что-то со своими волосами. И с этой одеждой. Я никогда не видела, чтобы свитер выглядел таким взбаламученным.

— Мой свитер не взбаламученный, — сказала Амелия.

— Это довольно по—христиански, разве нет? — ответила Рита. — Если бы твой свитер мог говорить, то сказал бы, что он на грани суицида.

— Тётя Рита, я бы оценил, если бы ты не комментировала одежду, которую носят мои дети, — раздражённо произнёс Джексон.

— Ты можешь быть геем, но, очевидно, ничего не знаешь о девчачьей одежде. Она была в «Волмарте»? В этом дело?

— У нас не было времени ходить по магазинам за детской одеждой, — сказал я, начиная злиться. — Янки ещё и детей оскорбляют?

Тётя Рита задрала нос и отвернулась.

— Мы с Амелией собираемся на шоппинг в Нью-Йорк, — сказала миссис Ледбеттер. — Не так ли, милая?

Амелия не ответила.

— Ты просто завидуешь, — сказала миссис Ледбеттер Рите, — потому что твоя дочь так ужасно уродлива. Лицо, как у дикобраза. Она оставалась у нас на одно лето, и повсюду были разбросаны иглы дикобраза. Мы со Стивеном провели чертовски много времени, вытаскивая их из ковров. Всё было так плохо, что в дверях показался офицер службы по отлову бездомных животных, желая узнать, нужна ли нам помощь. Сказал, что ему звонили соседи.

Тётя Рита едва заметно улыбнулась, будто наслаждаясь собой.

Я посмотрел на Джексона, мои глаза полыхали толикой ярости, но он просто пожал плечами — будто обеды с тётей Ритой всегда были и будут такими, будто смысл был быть умной, не обязательно злой, и не обязательно серьёзной.

— Вы понимаете, что вы все совершенно спятившие, — сказал я.

— Поживи немного, — ответила миссис Ледбеттер.

— Плыви по течению, — добавила Рита. — И — вауля! — мы помогли бедной Юни перестать думать о её муже, разве не так? Только представь!

Миссис Ледбеттер, при упоминании её мужа, вдруг, казалось, сдулась.

— Видишь, как это работает? — спросила Рита, глядя на миссис Ледбеттер и хмурясь. — Конечно, вы, южане, любите купаться в страданиях, не так ли? Вы по-прежнему не переступили через Гражданскую войну. Для вас нет ничего лучше, чем стегать дохлую лошадь, чтобы почувствовать себя важными. Скажи мне, Вилли. Сейчас санузел в доме там более распространён? Это гораздо удобнее, мы уж знаем.

— Нет ничего плохого в том, чтобы наложить хорошую кучу в лесу, — сказал я, слова вылетели раньше, чем я смог их остановить.

Я посмотрел на Джексона извиняющимся взглядом.

Амелия фыркнула.

— Не стоит начинать, не придётся и расхлёбывать, — тихо сказал Джексон, умоляя меня взглядом.

— Никто ничего не начинает, — сказала миссис Ледбеттер. — Мы извлекаем лучшее из худшего, ничего более. И я не выношу скучных людей, что моя дорогая невестка очень хорошо знает. Кроме того, когда она рядом, я чувствую себя лучше. Уже поднабрала пару складок, да, Рит?

— Я не жирная! — в ужасе произнесла тётя Рита.

— Мгновение на губах, всю жизнь на бёдрах, — поддевала миссис Ледбеттер. — Я бы дважды подумала о десерте. Кроме того, у нас нет корыта.

— Думаю, вам двоим нужно повзрослеть, — с раздражённым видом сказала Фрида. — Мы здесь для того, чтобы вспомнить дядю Стивена, знаете ли. Разве не так, Джордж? — Она повернулась за поддержкой к своему мужу.

— Конечно, — на автомате сказал Джордж, выглядя очень неловко.

— И ещё мы здесь для того, чтобы провести немного времени с детьми, — добавила Фрида. — Джеки, Вилли, думаю, то, что вы делаете, замечательно, и дети выглядят очень счастливыми. Из вас получается прекрасная семья.

— Спасибо, — ответил Джексон.

— Они ходят в школу? — спросила она.

— О, нам обязательно говорить о детях? — произнесла Рита. — Я твёрдо верю в старую поговорку "детей нужно видеть, но только в открытом гробу".

— Твои дети приедут на похороны, Рит? — спросила миссис Ледбеттер, криво улыбаясь.

— Ты знаешь, что Аллен Джуниор не разговаривает со мной, — сказала Рита с таким видом, будто её ударили.

— Ох, не могу представить.

— Мам, не надо, — сказал Джексон. — Фрида права — мы здесь для того, чтобы вспомнить папу. Вы, ребята, не помогаете.

— Предоставь мёртвым хоронить своих мертвецов, Джеки, — ответила миссис Ледбеттер. — Кроме того, думаю, публичное выражение скорби — дурной вкус.

— Едва ли мы в общественном месте, — отметил Джексон.

— Чего ты от меня хочешь? — внезапно агрессивным голосом спросила миссис Ледбеттер. — Ты хотел бы видеть, как твоя мать рыдает, как потаскуха на конференции Баптистской Библии? В этом дело? Я не достаточно правильно скорблю? Ты хотел бы, чтобы у меня слёзы текли по сиськам, чтобы от туши оставались следы? Что, Джеки?

Джексон выглядел ошеломлённым этой вспышкой.

— Мы все скорбим по-своему, — сказал я.

— Да, Джеки всё нам об этом рассказал, — ответила миссис Ледбеттер. — Джеки, ты должен благодарить Бога, что я не выжила из ума и не заглываю виски и не реву, как дура о твоём отце — в отличие от некоторых людей, которых мы знаем.

Глава 72

Семейное сближение

После полуночи меня разбудил странный ворчливый шум. Он доносился из коридора. Я настоял на том, чтобы оставлять нашу дверь открытой на случай, если одному из наших детей мы понадобится посреди ночи.

Я быстро встал, накинул халат.

— Ааааааааа! Хах! Ааааааааа!

Шум доносился из комнаты Тони.

Я нашёл его лежащим на спине, одеяла спутались вокруг тела, на лице застыла маска ужаса, пока его руки били по воздуху.

— Ааааааааа! Хах!

Ему снился кошмар.

— Тони! — позвал я, не думая, не помня, что он меня не слышит.

Я сел на кровать, взял его за плечи, чтобы мягко встряхнуть. Он боролся со мной, его тело застыло, он размахивал руками. Он скулил, вопил, стонал.

Он намочил кровать, и та пахла мочой.

— Тони! — снова позвал я.

— В чём дело? — спросил Джексон, вдруг появляясь рядом.

— Ему снится кошмар.

Тони ворчал в странной, болезненной манере, будто даже во сне пытался сформулировать слова, предложение, протест, зов о помощи.

— Тони! — снова произнёс я, трясая его.

После нескольких тревожных мгновений его глаза распахнулись. Увидев меня, он отдёргнулся, на его маленьком, худом лице было выражение чистого ужаса.

— Хахххх! — простонал он, прижимая руки к груди, будто чтобы защититься.

— Тони! — воскликнул я, не зная, что ещё делать.

— Ааааахххххххх!

Его рот открылся, вырвался стон, затем он разрыдался — самые несчастные, ужасные, жалостливые слёзы, которые я когда-либо видел, будто бедняжка в безумном ужасе.

— Тони, — снова сказал я, протягивая руки, пытаюсь привлечь его внимание.

Он попятился на кровати, упал с другой стороны, скрутился в комочек на полу, обвив руками колени и прижимая их к груди, крепко зажмурил глаза, его стоны и рыдания были полны мучений.

Я поспешил к нему, но он ушёл в своё безопасное место и не обращал на меня никакого внимания.

— Мистер Джек, что случилось? — спросила Амелия с порога.

— Принеси мне полотенце и одеяло, — велел я.

— Мистер Джек?

— Ему снится кошмар, сладкая, — сказал ей Джексон. — Можешь принести полотенце из ванной?

— Он в порядке? — спросила Амелия.

— Он будет в порядке.

Она поспешила уйти и вернулась с полотенцем, которое я обвил вокруг талии и ног Тони, прежде чем завернуть его в одеяло и поднять на руки.

— Что ты собираешься делать? — спросил Джексон, его глаза были полны беспокойства.

— Посижу с ним.

Я понёс его в нашу спальню. Джексон и Амелия шли следом с напуганным видом.

— Эй, вы, всё хорошо, — сказал я, забираясь в кровать с Тони на коленях, держа его как маленького ребёнка. — Я просто посижу с ним, пока он не почувствует себя лучше. Можете идти спать дальше.

— Ты уверен? — спросила Амелия.

— Почему бы тебе не принести ему одного из его мишек? Может, это поможет ему прийти в себя.

Она без слов подчинилась, вернувшись с новым плюшевым медведем, которого мы купили Тони после нашего первого визита. Я коснулся мягкой шерстью руки Тони. Будто чувствуя присутствие мишки, он протянул руку, щупая его, но отказываясь открывать глаза, чтобы посмотреть. Я вложил игрушку ему в руки, и он крепко обнял её, зарываясь лицом в бежевую шерсть.

— Видишь? — сказал я Амелии. — Он будет в порядке.

— Он будет в порядке, мистер Джек? — спросила она, игнорируя меня.

— Конечно, — сказал Джексон. — Почему бы тебе не вернуться в кровать? Тебе что-нибудь нужно?

— Он разбудил меня своим криком.

— Мне жаль.

— Всё нормально.

Она поплелась к двери.

— Мистер Джек?

— Что, сладкая? — спросил он.

— Мне обязательно идти завтра на похороны?

Джексон вздохнул, будто ему напомнили о чём-то, что он отчаянно хотел забыть.

— Нет, если не хочешь, — наконец сказал он.

— Я не могу перестать думать о...

Она вдруг замолчала, застенчиво вытирая глаза.

— Я знаю, — сказал Джексон. — Если не хочешь идти, ты не обязана.

Она развернулась, будто чтобы уйти, но снова задержалась с встревоженным выражением на лице.

— Почему бы тебе не взять одеяло и подушку и не прийти спать с нами? — предложил я. — У нас будет ночёвка.

— Серьёзно? — спросила она, её лицо прояснилось.

— Здесь куча места, и я знаю, что мистер Джек чувствует себя лучше, когда ты рядом. Что скажешь?

— Ну, хорошо.

Она поспешила уйти.

— Ночёвка? — повторил в тишине Джексон.

— Семейное сближение, — сказал я. — Ей тяжело из-за похорон.

— Я знаю.

— Может быть, ей просто нужно почувствовать себя в безопасности, — предположил я. — Как Тони.

Мы посмотрели на Тони, который уже успокоился до тихих рыданий, вцепившись в своего мишку, безопасно устроившись в моих руках.

— Мне не нравится, что они спят в нашей кровати, но, может быть, ты прав.

— Тебе придётся довериться мне, — сказал я.

— Я доверяю, — просто ответил он.

Амелия вернулась довольно быстро.

— Я делаю это только потому, что вы, ребята, такие придурки, — объявила она, забираясь в пустующее пространство между мной и Джексоном, занимая свою территорию и выглядя намного счастливее.

— Мы всё равно тебя любим, — сказал я. — Не так ли, мистер Джек?

— Не знаю, — сказал Джексон. — Если она будет доставлять нам слишком много неприятностей, мы можем попробовать продать её на eBay.

— Вы меня не продадите!

— Мы можем, — поддразнил Джексон. — Но им придётся предложить много денег. Ты ведь не просто какой-то старый ребёнок, которого мы подобрали с улицы или купили в секонд-хэнде. Я считаю, что наш товар...

— Я не ваш товар!

— ...вещь первоклассного качества, и им придётся платить сквозь зубы. Но даже тогда, не уверен, что мы бы продали, потому что мне вроде как нравится, когда ты рядом.

— Правда?

— Да, — сказал Джексон. — Я привязался к тебе.

— Мы не можем её продать, — поспорил я. — Сейчас не девятнадцатый век, знаешь ли.

— В девятнадцатом веке продавали детей, мистер Вилли? — поинтересовалась она.

— Их не на самом деле продавали, — ответил я, — но было то, что называли сиротским поездом, и в этот поезд сажали детей, которых никто не хотел, и люди ездили на вокзалы, чтобы посмотреть, понравится ли им кто-то, чтобы забрать его домой. По большей части это были фермеры, которые искали детей для работы на фермах.

— Это правда, мистер Джек? — с выражением ужаса спросила Амелия.

— Я не знаю, — признался Джексон.

— Это правда, — сказал я. — Загугли. Но мы больше этого не делаем, потому что знаем, что детям лучше иметь собственный дом и родителей, которые действительно их хотят. Как мы хотим тебя и Тони. Ты не думаешь, что это лучшее решение?

— Это лучше, чем жить в Канзасе и доить коров, — согласилась она.

— И взбивать масло и разделявать кур, — добавил я.

— Просто отвратительно, — сказала она, корча рожицу.

— Тебе могла бы понравиться жизнь на ферме, — сказал я.

— Ты вырос на ферме?

— Вроде того. Мама нравилось разводить кур и кроликов. И у неё всегда был сад, конечно же. Летом я проводил много времени на солнце, засаживая эти сады, я и мой брат Билли. Мама пыталась заставить меня помочь ей с консервированием, но я ненавидел это.

— Что такое консервирование?

— Это когда ты запасаешь фрукты и овощи. Ты знаешь. Как джем, желе и мочёная окра. Ты закрываешь их в банках.

— Что такое мочёная окра?

— Это самое ужасное, что ты можешь представить, — сказал Джексон.

— Это вкусно! — парировал я. — И не говори ни слова о маминой жареной окре.

— Я не против её жареной окры, но некоторые из этих других вещей просто сумасбродные.

— Например, какие? — спросил я, изображая из себя оскорблённого.

Амелия, казалось, наслаждалась нашей наигранной руганью.

— Вся эта жареная курица, для начала, — сказал Джексон. — Есть и другая еда, знаешь ли.

— Господь изобрёл жареную курицу, и я не буду выслушивать от тебя ни слова против. Ты не помнишь эту историю в Библии о пяти рыбах и трёх куриных ножках, и как он накормил пятитысячную толпу? Это было прямо как KFC, если ты меня спросишь. Только у них тогда не было салата Айсберг. Не думаю, что люди начали есть овощи раньше восьмого века. Все их зубы выпадали от поедания большого количества курицы, а затем появились вегетарианцы, жалуясь на то, что люди едят еду с лицами.

— Это не правда, — сказала Амелия, но в её голосе был намёк на сомнение.

— Загугли, — сказал я. — Думаю, Святой Франциск был первым вегетарианцем. Мать отправила его в курятник, чтобы взять курицу и пожарить, а он вернулся с пустыми руками, и его мама спросила, что случилось, а он рассказал её о разговоре, который произошёл у него с курицей, и что курица умоляла её не разделявать, не резать и не убивать, и что неправильно забирать её от других цыпочек, не тогда, когда они такие молодые и нуждаются в ней.

— Ты врёшь, мистер Вилли, — сердито сказала Амелия.

— Знаешь, он умел разговаривать с животными.

— Не умел!

— А вот и умел! Он сказал, что Бог дал нам губы для того, чтобы мы могли разговаривать друг с другом.

— Ну, у куриц нет губ, — ответила она, будто это всё решало.

— Они не совсем такие, как наши, — допустил я. — В любом случае, когда я рос, у нас была курица, которая умела разговаривать.

— Неправда!

— Несомненно, правда. Её звали Джефферсон. Мы называли её в честь президента Конфедерации.

— И что он говорил?

— Ну, он умел говорить только одну вещь.

— И что это было?

— Я сдаюсь! Кudah! Я сдаюсь! Кudah-тах-тах!

Джексон рассмеялся.

— Я не понимаю, — сказала Амелия, нахмурившись.

— Немного южного юмора, сладкая. Не бери в голову. Может, нам лечь спать?

— Ты смешно говоришь, мистер Вилли.

— Я с юга, детка. Так мы и делаем.

— Тони в порядке? — спросила она.

Я опустил взгляд на Тони, который уже затих, худшие его слёзы прошли.

— Думаю, он просто иногда пугается. Ему нужно знать, что теперь у него есть друзья, и что мы поможем, когда ему страшно. Вот и всё. Бояться нечего.

— Почему он пугается?

— Не знаю, — признался я. — Думаю, кто-то сделал ему больно.

— Кто?

— Я не знаю. Но мы должны дать ему знать, что не причиним ему боль, и мы больше никогда не позволим кому-то другому причинить ему боль.

— Хочешь сказать, кто-то сделал с ним что-то плохое?

— Что-то вроде того.

— Оу.

Она замолчала, обдумывая это.

— Мне нужно его обмыть, — сказал я.

Я взял свежую пижаму из комнаты Тони, провёл его в ванную. Он ничего не говорил, пока я помогал ему помыться и одеться. Он просто смотрел на меня, его рука снова и снова блуждала по моей бородке, будто она завораживала его.

Когда мы снова вернулись в кровать, Джексон выключил лампу, оставляя нас только с мягким сиянием ночника.

— Всем спокойной ночи, — сказал я.

— Спокойной ночи, мистер Вилли, — сказала Амелия.

— А я не получу спокойной ночи? — спросил Джексон.

— Спокойной ночи, мистер Джек.

— Спокойной ночи, сладкая, — сказал Джексон.

— Я тебе не сладкая!

— Да, сладкая. Ты просто пока этого не знаешь.

— Ну, если я твоя сладкая, то ты мой козавочный зад.

— Хорошо, — просто сказал Джексон.

— Хорошо? — после долгой тишины спросила Амелия.

— Можешь звать меня как хочешь, сладкая. До тех пор, пока ты вовремя зовёшь меня к ужину.

— Очень смешно.

— Засыпай, хорошо?

— Хорошо.

Глава 73

Он в порядке

Я проснулся среди ночи и обнаружил, что Тони исчез.

Я тут же встал с кровати, включил свет.

— Что такое? — спросил Джексон, переворачиваясь и глядя на меня.

— Тони ушёл, — сказал я.

Я поспешил выйти из комнаты, не дожидаясь ответа.

— Тони? — позвал я, нервы брали надо мной верх. Я знал, что он меня не слышит, но не мог ничего с собой поделать. И меня злило, что он меня не слышит. Я злился не на него. Злился на себя. Или злился на жизнь, или на обстоятельства, или на судьбу. Злился, что этот вид общения для него закрыт, что он не слышит, когда люди зовут его, не слышит, что люди заботятся о нём, хотят знать, что он в порядке.

— Тони?

Я прошёл в его комнату, нашёл его на полу, скрутившимся в комочек без одеяла, без подушки, просто скрутился как эмбрион рядом со шкафом, прижимая колени к груди, будто пытаюсь спрятаться, по-прежнему сжимая в маленьких ручках плюшевого мишку.

— Тони!

Я опустился на корточки.

— С ним всё хорошо? — спросил Джексон.

— Он в порядке, — на автомате сказал я.

— Я не думаю, что он в порядке.

— Он в порядке, — снова сказал я.

— У него проблемы, Вилли.

— Я это знаю!

Джексон ничего не говорил, пока я брал Тони на руки и поднимал его. Он не очнулся, не замечал меня.

В глазах Джексона был взгляд одновременно оцепенения и смирения.

— С ним все будет хорошо, — сказал я. — Вот увидишь. Ты должен доверять мне.

— Давай вернёмся в кровать.

Глава 74

Говоря пару слов

Панихида по мистеру Ледбеттеру проходила в изящном мавзолее, который больше походил на почтовое отделение для мертвецов, а не на окончательное место упокоения. Он был отделан в успокаивающих цветах — бежевый, бледно-оранжевый и жёлтый — и был просторным, практически роскошным, и всё же у меня оставалось чувство холода, даже холоднее, чем на улице. В высоких стенах были ниши для урн,

каждая с маленькой медной пластинкой с именем. Это было как смотреть на ряды почтовых коробок.

Амелия передумала насчёт визита, а Тони, казалось, не совсем ясно представлял, что мы делаем, где мы, или о чём всё это. Присутствие стольких людей заставляло его нервничать, и он крепко держал меня за руку и держался строго рядом со мной.

К счастью, служба была короткой и состояла по большей части из того, что друзья мистера Ледбеттера вставали и говорили пару слов.

Я отчасти удивился, когда Джексон в конце встал и подошёл к трибуне, сам желая сказать несколько слов. Он ничего не говорил о желании произнести речь.

— Мой папа был сложным человеком, — тихим голосом произнёс Джексон. Затем он замолчал, борясь с эмоциями. — Я хотел рассказать вам о нём, каким он был, обо всём хорошем, что он сделал — то, что он никогда никому не рассказывал. Он не хвастался. Он был очень скрытным. Он был...

Джексон снова замолчал, глядя вниз, на трибуну, отказываясь поднять глаза.

Миссис Ледбеттер неудобно ёрзала на скамейке передо мной.

— Просто прямо сейчас я так невероятно зол, — наконец признался Джексон, ещё раз глядя на нас. Я видел в его глазах полыхающий огонь. — Я продолжаю спрашивать себя, почему так злюсь. Я не должен злиться. Мой папа был хорошим человеком. Он помог многим людям. Он хорошо относился к своей семье. Он был хорошим человеком. Но всё, что я чувствую прямо сейчас, — это просто огромное количество злости. Потому что он не слушал. Ему платили, чтобы он слушал. Но он не слушал. Не всегда. Я не знаю, понимаете ли вы. Вы зарабатываете на жизнь, слушая людей и беря плату за это, и вы приходите домой и... не слушаете. Вы не слышите, что говорят. Вы помогаете многим людям пройти через их проблемы, а приходите домой и... не видите то, что у вас перед носом. Я однажды спросил у папы, могу ли я стать одним из его клиентов. Тогда мне было около восемнадцати. Он хотел знать, зачем. Я сказал: "Папа, я хочу, чтобы ты послушал меня". Он разозлился. Он подумал, что я просто... Я не знаю, что он подумал.

Джексон замолчал.

Это было болезненно неловко, но отчасти трогательно. Джексону нужно было сказать что-то об этом мужчине в присутствии его семьи (такой, какой она была), друзей и коллег, что-то, что хотело вырваться наружу раньше шанса потеряться, что-то, что нужно было сказать, пока люди слушают.

Будто мы слушали.

— Может быть, он был слишком умным, — сказал Джексон, казалось, закрепив свои намерения. — Он видел всё, все возможные исходы любой данной ситуации. Он знал, к чему всё могло привести. Для него всё это было часовым механизмом. Вы делаете это потому, что тот-то и тот-то сделал это, и так всё закрутится. Или иначе. Или, может быть, если вы сделаете это, то произойдёт это. Я с этим вырос. Вы не понимаете? Он узнал всё обо мне раньше, чем я. У меня никогда не было шанса что-то сделать, потому что он уже знал, что из этого выйдет. И он всегда был прав. И он вызывал у меня страх что-то попробовать, потому что он всегда был прав и видел всё насквозь до конца, и он всегда был так уверен, что всё закончится слезами, и я пожалею об этом и никогда не смогу что-то сделать, потому что не знаю, как принимать правильные решения... Не знаю, есть ли в моих словах смысл. Я даже не знаю, должен ли говорить такое. Но он будто обманул меня. Будто я не мог просто жить, и быть, и существовать. У меня должна была быть причина. Всегда нужно было достичь какого-то исхода, нужно было идти к какой-то цели, учитывать какой-то фактор. А я никогда не соответствовал требованиям. Я никогда не знал, как принимать решения, которые сделают его счастливым.

Он вытер глаза, казался невероятно маленьким и уязвимым, пока стоял там.

— Так что я ушёл, — сказал он. — Я сбежал, проехал весь путь до Миссисипи и встретил одного сумасшедшего южного парня, в которого влюбился. Я принял решения, которые мой отец никогда бы не одобрил. И знаете, что? Всё вышло хорошо. Полагаю, мой папа этого не предвидел. И полагаю, что я злюсь из-за того, что мы должны жить своими жизнями. Мы должны жить. Это не просто планирование и приготовление, и А ведёт к Б, которое ведёт к В, Г и Д. Есть всё, что происходит в середине — и это всё, что не видел мой папа. Он упустил это. И я тоже упустил часть этого, потому что так переживал из-за исхода, так был сосредоточен на цели, так занят достижением и делом, и я упустил это. Ежедневные дела. Это будто вы едете куда-то в великолепное путешествие и проводите так много времени, планируя каждую деталь, и не замечаете, как весело планировать, ждать, испытывать предвкушение, думать о том, как это будет, мечтать — вы упускаете всё. Вы так сосредоточены на конечной цели, что не видите всех замечательных вещей, с которыми встречаетесь по пути, добираясь туда. И я хотел бы, чтобы мой папа понял это. Какой смысл быть живым, если вы на самом деле не живы?

С этим отчасти загадочным вопросом Джексон вернулся к скамье и сел рядом со мной, отказываясь встречаться с кем-то из нас взглядом.

Священник, после того, как подождал и посмотрел, хочет ли выйти вперёд кто-то ещё, сказал свои последние слова, и служба закончилась.

Глава 75

День был тяжёлый

— Я не голодна, — сказала миссис Ледбеттер, отодвигая тарелку.

— Мам, тебе нужно поесть, — сказал Джексон.

Это был поздний вечер длинного дня. Днём мы проводили дядю Чарли до аэропорта. Лидия приготовила ужин, но миссис Ледбеттер стала крайне отрешённой в течение дня, и сейчас она вообще едва говорила.

— Думаю, я пойду спать, — объявила она. — Вы останетесь на ночь?

— Конечно, — ответил Джексон.

— Тогда хорошо.

Я смотрел, как она поднимается на ноги и разворачивается. Я никогда не видел её такой разбитой, такой лишённой жизни.

— Бабуля в порядке? — прошептала мне Амелия.

— День был тяжёлый, — ответил я.

— Оу.

Глава 76

Другие варианты

— Ну и как дела? — спросила Хизер.

Это было через четыре дня после похорон. Она пришла в нашу квартиру, чтобы провести первый визит на дому, поэтому чопорно сидела на диване у камина.

— У нас всё в порядке, — сказал я.

— Я не так уверен насчёт этого, — сказал с кресла Джексон.

— Оу? — Хизер приподняла брови.

Я нахмурился.

— У Тони психологические проблемы, — сказал Джексон.

— Да, — сказала Хизер. — Да, я знаю.

— И вы рассказывали нам о них, — продолжил Джексон. — Мы понимаем. И Вилли не переживает об этом, но переживаю я. Я поднимаю эту тему потому, что хочу быть уверенным, что у нас есть все доступные ресурсы, чтобы помочь, что мы ничего не упускаем.

— Например, консультации, вы хотите сказать, — сказала Хизер.

— И лекарства, — добавил Джексон. — Когда я просматривал его досье, видел, что вы пробовали различные препараты.

— Они не особо помогали.

— Но это рабочий вариант, — сказал Джексон. — Мы серьёзно настроены к Тони. Не поймите неправильно, но нам нужно это учитывать. У меня появляется чувство, что Тони подвергался насилию.

— Мать это отрицает, — сказала Хизер.

— Возможно, сексуальному насилию. И когда я читал его досье, там было кое-что, что я посчитал странным.

— Оу? — спросила она.

— У его матери нет ВИЧ.

— Нет, у неё нет.

— Я думал, что ВИЧ ему передался в утробе. Я предположил, точнее.

— Она принимала наркотики внутривенно, повсюду лежали иголки.

— Но Тони могли заразить в результате изнасилования.

— Есть такая возможность, да.

— Нам нужно докопаться до сути, вот о чём я говорю.

— Консультации не очень помогли, — отметила она.

— Я думал о них. Там был переводчик?

— Да.

— Значит, сначала ему пришлось говорить с чужим человеком, и в комнате был ещё один чужой человек, кто-то, кого он не знал?

— Ну, да.

— Но если бы переводчиком был кто-то, кого он знает, например, я или Вилли, возможно, нам повезло бы больше?

— Конечно.

— Значит, я хочу пойти по этому пути.

Я молчал, будучи, честно говоря, удивлённым. И, возможно, я злился. Тони, который сидел у меня на коленях, проводил пальцами по моей бородке, совершенно не обращая ни на что внимания.

Будто чувствуя моё настроение, Джексон сказал:

— Вилли думает по-другому.

— Вы очень тихий, — сказала мне Хизер, ободряюще улыбаясь.

— Джек прав, — признал я. — У Тони есть психологические проблемы, но я не уверен, что консультации и лекарства помогут. Ему нужно знать, что кто-то на его стороне и всегда будет, несмотря ни на что — не важно, каким плохим становится его поведение, не важно, как он злится, не важно, через какое дерьмо он заставляет нас пройти. Ему нужно знать, что он в безопасности, что он может пройти через всё и вывести это из своего организма.

— Но есть вещи, которые мы можем сделать, чтобы помочь, — убедительно произнёс Джексон. — Консультации — хорошее начало. Когда там будешь ты или я, он может немного открыться, и мы можем добраться до сути проблемы.

— Очевидно, кто-то причинил ему боль, — ответил я.

— Но ему нужно выяснить, как справляться с этим. И ещё ему нужно выяснить, что этого не повторится, что он теперь в безопасности. И консультации могут ему помочь.

— Согласен, — сказал я.

— Что ж?

— Я сделаю что угодно, но не откажусь от него.

— И я не хочу, чтобы ты это делал, — твёрдо сказал Джексон. — Я совсем не это имел в виду.

Он на мгновение улыбнулся, посмотрел на Хизер.

— Вы должны понять: Вилли — мама-медведица. То есть, мы говорим об инстинктах яростной мамы-медведицы. И я думаю, он бы прошёл через ад, если бы думал, что его ребёнок в опасности. И я знаю, что в этом смысле он прав. Тони нужно, чтобы за ним присматривала мама-медведица. Но я не думаю, что мы должны исключать другие источники, другие виды помощи. И ещё не думаю, что просить о небольшом совете, — это плохо.

Эта последняя фраза была направлена на меня, и он смотрел открыто, будто бросая мне вызов.

— Нет ничего плохого в том, чтобы просить о помощи, — согласился я.

— Итак, — произнесла Хизер, — мы разговариваем об этом потому, что поведение Тони стало... слишком беспокойным? Разрушительным?

— Вовсе нет, — сказал Джексон. — Я просто хотел сразу выложить это на стол и начать искать варианты.

— А что обо всём этом думает Амелия? — спросила она, поворачиваясь, чтобы взглянуть на Амелию, которая сидела на ручке кресла Джексона.

Амелия, казалось, занервничала от такого внезапного внимания.

— Он немного странный, — тихо сказала она. — Но он нормальный. Он действительно очень мил со мной. Сегодня утром он пришёл ко мне в комнату и пытался что-то сказать, но я не понимала. Тогда он схватил одну из моих кукол и убежал, будто хотел поиграть, так что я погналась за ним. И так и было — он хотел поиграть. Он хотел, чтобы я догоняла его. Так что я догоняла. Он нормальный. В смысле, он, конечно, мальчик, чего ещё от него ждать?

— Ты не думаешь, что он пытался украсть твою куклу? — спросила Хизер.

— Конечно, нет. Он просто хотел поиграть, хотел привлечь моё внимание. На самом деле, мы повеселились. Я всё время забываю, что он меня не слышит. Мистер Джек учил меня, как с ним разговаривать.

— Тебе нравится, что он твой младший брат? — спросила Хизер.

— Он нормальный, — сказала Амелия. — И я этого не ожидала.

— Чего ты ожидала?

— Я думала, мы будем постоянно ругаться. Как в фильмах. Но он просто хочет играть. Ему не нравится ругаться. И мы всё равно не смогли бы ругаться, потому что не можем друг с другом разговаривать. По крайней мере, пока. И я всё равно не думаю, что ругалась бы с ним.

— Почему нет? — спросила Хизер.

— Не знаю, — призналась Амелия. — Он... ну, он не тот, с кем хочется ругаться. Вы понимаете. Ученик с особыми нуждами. Я хочу сказать, не особо весело ругаться с такими, как он, потому что они не... ну, вы понимаете.

— У него и так достаточно проблем? — подтолкнула Хизер.

— Ага.

Мы проговорили почти час, пока Хизер делала пометки в блокноте.

На пути к выходу Хизер сказала:

— У вас хорошая квартира. Кажется, Тони здесь очень счастлив.

— Мы надеемся на это, — сказал я.

— Есть пара докторов, которых я бы порекомендовала для консультаций. Я позвоню вам и дам их номера, когда вернусь в офис. И увидимся с вами снова где-то через месяц. Пока всё хорошо.

Мы попрощались.

— Не злись, — сказал Джексон, закрыв дверь. Он смотрел на меня умоляющим взглядом.

— Я не злюсь, — сказал я. — Честно. Не злюсь.

— Я переживаю, что ты слишком втянешься в это и не увидишь очевидного. Я не хотел так на тебя набрасываться.

— Я тебе доверяю, — сказал я.

— Правда?

— Конечно. Ты работал с детьми. Ты знаешь, о чём говоришь. И ты более объективен. Я знаю. Ты более уравновешенный, чем я. Но ты прав.

— Насчёт чего?

— Насчёт шутки с мамой-медведицей. Если начнёшь говорить о том, чтобы отказаться от Тони, то узнаешь на своей шкуре, на что я способен.

Он улыбнулся, но нерешительно, потому что знал, что я шучу, но не совсем.

Амелия усмехнулась, наблюдая за нами.

— Мы не откажемся от него, — сказал Джексон. — Не сейчас. Никогда. Но может потребоваться что-то большее, чем твоё ослиное упрямство, чтобы исправить эту проблему.

— Я всегда твёрдо верил, что если ты игнорируешь что-то достаточно долго, то это просто исчезнет.

— Что ж, кажется, это не работает, когда дело доходит до Сары Пэйлин.

— Ты знаешь, что я имею в виду.

— Боже, если бы.

— Кстати, ты был очень близок.

— Близок к чему? — спросил он.

— Если бы ты сказал, что это не работает, когда дело доходит до Сары Пэйлин и сифилиса, то было бы смешнее. Сифилис — это смешно. Не спрашивай, почему, но это так. Добавь в шутку сифилис, и люди перестанут сдерживаться.

— Я думал, сифилис — это твоя фишка, и я не должен её использовать.

— Если тебе нужен сифилис, отсыпь себе немного, детка. Бактерии не заразны.

— Что такое сифилис? — спросила Амелия.

— Не бери в голову, — сказал Джексон.

— Тебе не нужно делать домашнее задание? — добавил я.

— Ладно, — сказала она. — Я пойду посмотрю в словаре!

— В нашем словаре нет сифилиса, сладкая, — с усмешкой сказал Джексон.

Глава 77

Я знаю то, что знаю

— Мы уже проделали долгий путь, — сказал в тот вечер Джексон, заглянув в ванную.

Я сидел на краю ванны, наблюдая за купанием Тони. Сейчас он инсценировал войну с двумя резиновыми утками, которых мы ему дали. Он не обращал на нас никакого внимания, но не в плохом смысле. Пока я был в зоне видимости, он,

казалось, мог расслабиться, играть и не переживать. Если я отходил слишком далеко, он волновался и начинал меня искать. Как только он меня видел, на его лице отражалось облегчение. И чем ближе он был ко мне, тем безопаснее себя чувствовал. Он всегда был очень замкнутым и осторожным, когда сидел напротив за обеденным столом, но если сидел рядом со мной, то расслаблялся и чавкал во время еды, будто имел полное на это право.

Которое, конечно же, у него было.

— Он тебе доверяет, — сказал Джексон.

— Тебе тоже, — отметил я.

— Но не так, как тебе. Больше всего мне не даёт покоя тот случай, когда он выбежал за дверь на улицу.

— Теперь я никогда не снимаю цепочку, на всякий случай.

— Всё равно. Я тут думал.

— Да?

— Я хочу снова увидеть его мать.

— Зачем?

— Я хочу знать, что с ним случилось, — тихо сказал он.

— Она никогда нам не расскажет.

— Она может.

— Что заставляет тебя так думать? — спросил я.

— Кое-какая информация о личной выгоде может её убедить. Скажем, стодолларовое пожертвование на её счёт или что-то ещё. Кто знает?

— Дать ей взятку?

— Конечно. Почему нет? Ты не хочешь узнать?

— Я знаю, что с ним случилось, Джек.

— Откуда тебе знать?

— Потому что это случилось со мной, на случай, если ты забыл.

— Ты говоришь о случае с отцом Майклом?

— Да. О случае. Я был намного старше четырёх лет, но всё равно. Это было довольно трудно, и после этого я никогда не был прежним. Я просыпался по ночам, боялся, что кто-то в моей комнате. И когда было темно, я не мог выглядывать в окна, потому что боялся увидеть там лицо. Что кто-то идёт за мной. Не какой-то монстр, как Франкенштейн, а человек. Какой-то парень. Какой-то мужчина. Так что... да. Я знаю, что это такое. Но Тони не знает, что это такое. Он не знает, как сказать об этом.

— Ты никогда не рассказывал мне подробностей о том случае с отцом Майклом. Сколько тебе было, когда это произошло?

— Мне было девять, когда мы отправились в ту поездку в Джексон, чтобы повидаться с епископом.

— Господи.

— И это было дважды в ту ночь и ещё один раз утром. Это всё, но всё равно. Это больно. Чертовски больно.

— Я знаю.

— И он был священником, ради Бога.

— Это был ужасный поступок.

— И такое не забудешь, не тогда, когда что-то такое с тобой сделал кто-то, кого ты любишь, кому ты доверяешь. Это происходит, как гром среди ясного неба, и вдруг ты по колено в дерьме и не знаешь, что случилось, или как это случилось, или почему. Тони мог быть слишком маленьким, чтобы всё запомнить, но его тело помнит. А это, должно быть, оставило то ещё впечатление. Мы не говорим о том, как кто-то щупал

тебя во время церковной службы или вроде того. Должно быть, случилось что-то серьёзное, что-то, что напугало его до чёртиков.

— Не повредит ещё раз сходить поговорить с его матерью. Я схожу один, если ты не хочешь.

— Мы поедем с тобой, но подождём снаружи в машине. Я не хочу снова видеть эту женщину. Одного раза хватило — она сказала всё, что мне нужно было знать.

— Она тебе не нравится?

— А почему должна?

Он замолчал.

Мы наблюдали, как Тони играет. Он был таким маленьким, выглядел таким хрупким, косточки торчали под кожей, как палки, недоразвитое тело больше подходило четырёхлетнему, нежели семилетнему ребёнку. Шрамы на его спине и вокруг живота были красными.

— Когда у него диагностировали ВИЧ? — спросил я.

— После того, как его забрали под опеку, — сказал он. — Обнаружили, когда собирали о нём данные.

— Что означает...

— Что бы с ним ни случилось, возможно, это произошло до пожара. До того, как его забрали от матери.

— Или, может быть, это было от иголок, — парировал я. — А затем случилось что-то другое, пока он был под опекой. Или что-то ещё. Опять-таки, одному Богу известно, каких людей его мать приводила в квартиру, или чем они занимались, или что могло с ним случиться, когда она была под кайфом или без сознания.

Я нахмурился.

— Люди совершают ошибки, — сказал Джексон. Он точно знал, о чём я думал.

— Это немного больше, чем ошибка, — отметил я. — Если ты приводишь ребёнка в этот мир, нужно относиться к нему правильно. Нужно сделать шаг вперёд. Отрастить яйца.

— Ты думаешь о Кайле?

Кайла была матерью Ноя.

— На самом деле, нет, — сказал я. — Кайла знала, что не готова к этому, и сбежала в самом начале. Возможно, она приняла верное решение. Она не хотела его и была честна на этот счёт, и это, наверное, было лучше всего.

— Тогда о ком ты думаешь?

— Обо всех них. Обо всех ребятах, которые беременеют и не готовы к этому, и не знают, что делают. И о грёбаном половом воспитании в стиле "только воздержание".

— Не начинай.

— Ну, это действительно меня выводит.

— Ты учишь учёного, детка.

— Если ты приводишь ребёнка в этот мир, то должен относиться к нему правильно. Вот и всё. Хочешь заниматься сексом — ладно! Используй чёртов презерватив. Это не ракетостроение.

— Знаю.

— Я ненавижу смотреть, как дети...

— Я знаю, Вилли. Знаю. И ты можешь, пожалуйста, постараться не ругаться? У нас дети в доме.

— До меня только теперь доходит. Почему люди не хотят научить своих детей чему-то такому важному?

— Слишком много Иисуса?

— Слишком много иисусни.

Я показал Тони жестом, что пора вытираться и готовиться ко сну.

— Где Амелия? — спросил я.

— Делает домашнее задание. Знаешь, должен сказать, Ной никогда не делал домашнее задание, пока ты не начинал умолять, умолять и умолять.

Я усмехнулся.

— Амелии мне даже не приходится напоминать, — добавил он. — Не думаю, что её можно было бы застать с несделанной домашней работой. В этом плане она великолепна.

— Она великолепна, — согласился я.

— Конечно, великолепна, — сказала она, вдруг появляясь в дверном проёме. — Мистер Джек? Мне нужно больше бумаги.

— Придётся покопаться в коробках внизу.

— Вы, ребята, когда-нибудь разберёте свои вещи? — поинтересовалась она.

— Может быть.

— У вас здесь повсюду коробки, полные хлама. И, мистер Джек?

— Да?

— Я хочу есть.

— Почему бы нам всем не пойти перекусить? — произнёс он. — Думаю, у нас есть горячий шоколад. Шоколад подойдёт, верно? У него нет лица и всего такого?

— Очень смешно, — сказала она. — Но я думала о хлопьях. Мама всегда разрешала мне съесть миску хлопьев на ночь, если я проголодаюсь.

Они пошли вниз, а я понёс Тони, сейчас завёрнутого в большое полотенце, в его комнату.

Ты голоден? — прожестикнул я, помогая ему одеться.

Он пожал плечами.

Ты любишь горячий шоколад?

Казалось, он её понимал, что это такое.

Показать было лучше, чем говорить.

Идём, — сказал я, протягивая руку.

Джексон налил нам всем горячего какао, и мы сели у камина.

В конце концов, Джексон встал, порылся в коробках, нашёл то, что искал — большую рамку с фотографией.

— Кто это? — спросила Амелия, глядя на фотографию маленького мальчика со светлыми волосами, по бокам от которого, целуя его в щёки, стояли двое мужчин — Джексон и я. У нас у всех на лицах были глупые улыбки, и мы были одеты с иголочки.

— Обязательно поднимать эту тему? — спросил я, чувствуя, как что-то сжимается в животе.

— Пора, Вилли, — сказал он.

Я посмотрел на фото, вдруг чувствуя себя выдохшимся. Снимок был сделан в день нашей свадьбы. Мы были в смокингах, с бабочками, все разодетые и крайне симпатичные. Это был счастливейший день нашей жизни и каждое другое клише, о котором вы можете подумать, всё в одном.

— Кто это? — снова спросила Амелия, глядя на Джексона.

— Это Ной, — сказал Джексон. — Это наш маленький мальчик.

— Тот, который умер?

— Да, — сказал Джексон.

— Он похож на мистера Вилли, — сказала она, бросая взгляд на меня.

— Он был сыном Вилли, — сказал Джексон. — Я собирался усыновить его после свадьбы, но времени не было.

— Почему?

— Он уже был болен. Ему не много оставалось. И, кроме того, мы были в Миссисипи, и мы не могли там даже пожениться, не говоря уже об усыновлении. В любом случае, не в то время.

— Оу, — произнесла она.

— Я подумал, мы должны повесить эту фотографию здесь, в гостиной. Это отличный снимок.

Джексон посмотрел на меня.

Я вытер глаза, чувствуя себя глупо.

Тони подошёл к Джексону, посмотрел вблизи на фотографию, будто изучая её. Затем протянул руку, указательным пальцем проведя по чертам моего лица. Затем передвинул палец и проделал то же самое с лицом Джексона.

— Кое-кому нравится твоя фотография, — сказал мне Джексон с улыбкой.

Но затем Тони сделал кое-что странное. Он начал водить пальцем по лицу Ноя, обводя брови моего сына, его губы, его нос, его глаза, будто рисовал картину. Он смотрел на Ноя с напряжённым сосредоточением, снова и снова обводя черты.

Затем он повернулся посмотреть на меня, будто ища одобрения.

Это мой сын, — прожестикуюлировал я.

Правда?

Да. Он теперь твой брат.

Тони улыбнулся, повернулся обратно к фотографии и снова начал обводить каждое из наших лиц.

Глава 78

Первый день школы

— Ему не нравится, когда люди к нему прикасаются, — сказал я.

Дон Харгетт улыбнулась, будто не совсем поверила мне.

— Посмотрим, — сказала она, поворачиваясь к Тони.

Как ты, Т—о—н—и? — прожестикуюлировала она.

Он подвинулся чуть ближе ко мне, нахмурившись.

Это был первый день Тони в школе, и он был таким же пугливым, как кот в комнате, полной хлопущек. Однако, пока он стоял рядом со мной, цепляясь за мою ладонь или за мою руку, или за мой карман, он был достаточно смелым, чтобы оглядеться вокруг на других учеников, на учителя, на класс. Он не казался слишком потрясённым.

Ты знаешь язык жестов? — спросила его мисс Дон.

Он кивнул.

Сколько тебе лет?

Он пожал плечами.

Ты знаешь цифры?

На его лице отразилось виноватое выражение.

Твой отец говорит, что тебе семь. Это жест, означающий семь.

Она продемонстрировала жест.

Тони повторил его.

Правильно. Тебе семь лет.

Мне... семь.

Правильно. Тебе семь лет. Ты можешь показать жестами своё имя?

Меня зовут... Т—о—н—и.

Правильно. Тебя зовут Т—о—н—и. Приятно познакомиться, Т—о—н—и.

Мисс Дон протянула руку.

Неуверенно, Тони позволил ей пожать ему руку.

Мисс Дон осторожно обхватила руку Тони своими обеими, ярко улыбаясь, пока держала его долгое мгновение.

— Я же вам говорила, — сказала мне мисс Дон. — Но мы разберёмся с этим медленно, но легко. Не переживайте, мистер Кантрелл.

Она мягко коснулась руки Тони.

Хочешь познакомиться с другими учениками?

Он испуганно оглядел класс.

Всё хорошо, — мягко сказала она. — Можешь познакомиться с ними позже. Можешь присесть здесь.

Она указала на свободную парту.

Тони поправил очки, глядя на парту. Он поднял взгляд на меня, будто чтобы посмотреть, пойду ли я следом.

Я жестом показал ему присесть. Он колебался, так что я пошёл за ним. Как предложила мисс Дон, я сел на место позади него. Если ему понадобится поддержка, он мог оглянуться через плечо. В противном случае его внимание будет сосредоточено на учителе, его окружении и других учениках.

Его первый день в школе начался.

Глава 79

У меня есть имя

— Привет, тыковка, — сказал я, когда Амелия заметила нас и зашагала в нашу сторону.

Уроки в её школе только что закончились.

— Тыковка? — повторила она, закатывая глаза.

— Мисс Картофельная голова?

— У меня есть имя, знаешь ли, — сердито сказала она.

— Думаю, тыковка звучит лучше, — признался я.

— Я не тыковка.

— Ох, но это правда, милая. Ты моя тыковка.

— Ты невозможен, мистер Вилли.

— Спасибо. Как дела в школе?

— У меня куча домашки, — с гордостью сказала она. — Мне нужно сходить в магазин и купить несколько щитов для плакатов. У меня особый проект.

— Джексон может нас отвезти.

Тони потянул за рукав её зимнего пальто, пытаясь привлечь её внимание.

Привет, — прожестикнула она.

Привет.

Он улыбнулся.

— Тони ходил в школу? — спросила она, бросая взгляд на меня.

— Ходил. И очень хорошо справился. Ты бы им гордилась.

— У него не случилось никаких... аварий?

— Сегодня нет.

— Ну, это уже что-то.

Амелия часто так говорила: "Ну, это уже что-то". Это было очень по-взрослому с её стороны.

— Так и есть, — согласился я. — Мы должны отпраздновать это событие. На Пайн-стрит есть пекарня. Мы могли бы купить пончиков.

— Пончиков?

— Это одна из четырёх главных групп продуктов питания. Ты не знала? Нужно съедать три порции пончиков в день, если хочешь быть здоровой и счастливой.

— Или большим жирдяем, — сказала она.

— Это лучше, чем быть несчастным тощим коротышкой. Пончики делают тебя счастливым.

— Неправда!

— Должно быть что-то, что делает тебя счастливой. Ты бы предпочла что-то другое?

— У них в этой пекарне есть печенье?

— У них есть особенное печенье. Если разломаешь его пополам, то все калории выпадут, так что тебе не нужно переживать за свой вес.

— Они, наверное, хорошо распродаются, — понимающе заметила она, и мы начали дорогу домой. Тони шёл между нами, держа нас за руки.

— Что нравится Тони? — спросила она.

— Он мальчик. Он съест что угодно.

— Как мистер Джек?

— Ты имеешь в виду папу?

— Он мне не папа!

— Я твой папочка, а он твой папа. Тебе придётся привыкнуть иногда так его называть, знаешь ли.

— Знаю.

— Ты не обязана, если не хочешь. Никто не будет тебя заставлять. Но я знаю, что это его осчастливит. Он решил принять эту работу в Бостонской детской больнице.

— Какую работу?

— Он будет помогать заботиться о глухих пациентах, ходить с докторами в обходы, быть переводчиком, проводить беседы с родителями, социальными работниками, всякое такое. Видимо, он будет важной шишкой в отделении.

— Оу.

— Для него это большой шаг. И они платят ему много денег, так что, думаю, мы можем позволить себе потратиться на несколько пончиков. Что думаешь?

— Значит, он будет, как папа, а ты останешься дома и будешь, как мама?

— Что-то типа того.

— Именно то, что я всегда хотела, — сказала она. — Мама с бородой.

— Это не борода. Это козлиная бородка. И что плохого в женщине с волосами на лице? У моей бабушки было так много волос на лице, что её хотели отправить на кастинг "Звёздных войн" на роль Вуки.

— Кто такой Вуки?

— Тебе нужно почаще выходить из дома, тыковка.

— Я просто шучу, папочка. Я знаю, кто такой Вуки. Как так получилось, что ты никогда не стрижёшься?

— Девочки любят меня таким, какой я есть.

— Ты имеешь в виду мальчики.

— Ну, да.

Она усмехнулась, будто выиграла несколько очков.

— Мне нравятся твои волосы, — признала она. — Ты выглядишь, как Вилли Нельсон.

— Хочешь сказать, я выгляжу, как какой-то старый наркоман из Техаса?

- Есть что-то плохое в старых наркоманах из Техаса?
- Я бы не сказал лучше, тыковка. Думаю, я с тобой будем друзьями.
- Правильно мы с тобой. Ты не знаешь ничего о грамматике? И ты писатель? Я тебя умоляю!
- И не говори!
- Мистер Вилли?
- Да?
- С мистером Джеком всё в порядке? Он кажется каким-то тихим.
- Он в порядке, — сказал я. — Он по-прежнему расстроен из-за своего папы, и так будет некоторое время. Он не очень хорош в том, чтобы делиться своими эмоциями с другими. Он вроде как держит всё в себе. Но он в порядке. Почему бы тебе самой у него не спросить?
- Он не разозлится на меня?
- С чего бы ему злиться? Ты теперь его дочка. Он будет счастлив знать, что ты переживаешь за него.
- Я не переживаю. Я просто... Не знаю. Он скоро почувствует себя лучше?
- На это нужно время.
- Она опустила глаза, шла с опущенной головой.
- Вам обоим понадобится время, — тихо сказал я.
- Не думаю, что когда-нибудь станет лучше, — шёпотом призналась она.
- Станет, — сказал я.
- Готова поспорить, мистер Джек знает, что я имею в виду.
- Я уверен, что знает. И уверен, он скажет тебе то же самое. На этих выходных мы поедem навестим мистера Ледбеттера в мавзолее. Отвезём ему цветы. Может быть, произнесём несколько молитв. Мы могли бы навестить и твою маму, если хочешь.
- Можно?
- Конечно, можно, тыковка.
- Но что я ей скажу?
- Можешь говорить всё, что хочешь. Всё, что у тебя в сердце. Она поймёт.
- Ты так думаешь?
- Я так знаю.

Глава 80

Мы едем, чтобы узнать

Мать Тони держали в Фремингеме, минутах в сорока пяти к западу от Бостона. Это было единственное исправительное учреждение для женщин в штате Массачусетс, и там у Линды Горзола впереди было ещё семнадцать лет заключения. Она согласилась встретиться с нами при условии, что мы привезём Тони и она могла "увидеть его".

- Я не знаю, почему она хочет его увидеть, — снова сказал я с раздражением. Я почувствовал, как на водительском месте закатили глаза.
- Она его мать, — терпеливо произнёс Джексон. — У неё есть право видеть его, если она хочет.
- Эти люди знают всё о своих грёбаных правах, — парировал я. — Но к чёрту права всех остальных, хах?
- Я на твоей стороне, Вилли.
- Я просто не уверен, что это хорошая идея.

— Психиатр сказал, что это может быть полезно, может помочь Тони прояснить некоторые его чувства.

— Ну, я-то проясню кое чьи чувства. Говорю тебе!

— Ты будешь сидеть там, и держать рот на замке. Вот, что ты будешь делать. Это касается не тебя, Вилли. Это касается Тони. Не забывай. Мы едем, чтобы кое-что узнать, а не устраивать сцены. В любом случае, Бог ей судья. Не мы.

— Только то, что это дело Бога, не значит, что мы не можем устроить их встречу.

— Как враждебно.

— Она мне не нравится. И я боюсь, что этот визит принесёт больше вреда, чем пользы.

— Линда его мать, — ответил Джексон. — Нам придётся научиться справляться с ней. Как и Тони. Пока она не подпишет бумаги и не передаст родительские права, она будет частью картины и частью его жизни, так что просто остынь, Б—Л—бла—бла—бла. И ты дашь говорить мне, потому что я знаю, что ищу, и знаю, как это найти.

— Готов поспорить, ты говоришь так всем осуждённым преступникам.

— Только тем, кто привозит своих детей в больницу скорой помощи с необъяснимыми травмами.

— Туше!

— Позволь мне говорить. Пожалуйста?

— Ладно!

Амелия просунула голову между двумя передними сидениями.

— "Остынь, Б—Л—бла—бла—бла", мистер Джек? Будто я не пойму, что это значит? Что, думаешь, мне четыре года, и нужно проговаривать слова по буквам, если не хочешь, чтобы я услышала?

— Твой папочка иногда вызывает у меня желание выругаться, сладкая.

— Он мне не папочка, а я тебе не сладкая, и я не понимаю, почему должна ехать.

— Мы не могли оставить тебя в квартире одну.

— Слово «няня» вызывает у тебя какие-нибудь ассоциации? Мне сказать по буквам? Н—Я—Н—Я...

— Хватит, Амелия, — сказал Джек. — Ты часть семьи, как и Тони, и у нас не должно быть секретов. Мы хотим, чтобы ты была там. Мы хотим, чтобы ты познакомилась с матерью Тони. Мы все в этом вместе, знаешь ли.

— Без разницы.

— Не умничай, юная леди, — предупредил Джексон. — Я попрошу Вилли рассказывать тебе истории о его детстве, и тогда ты пожалеешь. Или я заставлю тебя сидеть и слушать его диск Люка Брайана.

— Что плохого в Люке Брайане? — обиженно спросил я.

— Я не умничаю, — сказала Амелия, уже дуясь. — Ладно. Умничала. Немного. Я просто не понимаю, зачем должна ехать.

— Мы хотим, чтобы ты была с нами, — сказал Джексон. — Мы семья, сладкая. Мы должны поддерживать друг друга. Это не всегда весело, но так оно работает.

— Кстати, он ковыряется в носу.

Я бросил взгляд на заднее сидение. И действительно, указательный палец Тони торчал в его правой ноздре. Он смотрел в окно, не обращая на нас внимания.

Я улыбнулся.

— Думаешь, это смешно? — спросила Амелия.

— Да. Прости, но думаю.

— Мальчишки! — воскликнула Амелия. — Достаточно плохо, что у меня два папочки, но ещё у меня брат-козявочный зад, который ковыряется в носу! Надеюсь, он не собирается вытирать свои козявки об меня.

— Попробуй посмотреть на вещи с оптимизмом, — предложил я.
— И что в этом оптимистичного? — требовательно спросила она.
— Например, — произнёс я, — если ты пукнешь, то не придётся переживать, потому что он не услышит. Так что это хорошо, верно?
В зеркале заднего вида я увидел, как она закатила глаза.
— Я не пукаю, — чопорно произнесла она. — Я пускаю пары.
— Теперь ты привела меня в настроение для Люка Брайана, — добавил я. — Где тот диск?
— Ты ведь не будешь снова это слушать? — вскрикнула Амелия, состроив рожицу.
— Эй, детка, ты можешь в любое время ко мне присоединиться!
— Какой отстой, — произнесла Амелия, качая головой.

Глава 81

Добираясь до дна

Час спустя мы сидели в большой казённой комнате, полной столов, стульев и охранников.

Ты в порядке? — прожестикнул я Тони.

Он закусил губу.

Если тебе страшно, это нормально, малыш Т. Я здесь. Хорошо?

Он кивнул.

Твоя мать хочет тебя увидеть.

При упоминании матери он опустил глаза, прерывая нашу связь. Это была тема, о которой он не будет говорить.

Мы не могли узнать, как много он о ней помнит, — если помнит что-то вообще.

Это будет их первая встреча после пожара и его последующей госпитализации три года назад. Его раны были настолько травматичными, что он мог не вспомнить ничего, что случилось до этого. Но опять-таки, он мог помнить каждую деталь.

Ни его психиатр, ни мы с Джексоном не смогли его разговорить. Пока нет. При упоминании матери он отключился от нас. Но психиатр сохранял надежду.

Я усадил его к себе на колени, в защитном жесте обхватив рукой поперёк груди. Он прислонился ко мне, будто радуясь моей твёрдости, моим размерам, моему присутствию. Амелия сидела рядом с нами, опустив глаза.

Когда Линда Горзола вошла в комнату, Джексон вежливо встал и поприветствовал её.

Линда посмотрела на меня, затем долгое мгновение смотрела на маленького мальчика в моих руках. Затем испустила вздох и покачала головой.

— Он больше, чем я помню, — сказала она с бостонской медлительностью.

— Вы пробыли здесь три года, — сказал Джексон. — Он растёт.

— И теперь у него двое насильников мальчиков в качестве родителей. Боже, ну разве не прелесть?

— Они не насилуют мальчиков! — вдруг воскликнула Амелия, всплыв.

— А ты кто? — спросила Линда. — Сиротка Энни? Символ сисек в этом гейском раю?

— Я был бы признателен, если бы вы не говорили так о моей дочери, — твёрдо произнёс Джексон. Не злобно, но твёрдо. Он вёл себя по-деловому и без брехни.

— Я буду говорить так, как хочу, — заявила Линда.

— А мы встанем и уйдём, — парировал Джексон. — Если вы хотите получить это маленькое пожертвование на свой счёт, я советую вам играть по правилам.

— Правила, — произнесла она, смеясь. — Бог знает, у меня их до хрена.

— Не моя проблема, — сказал Джексон. — Вы сказали, что хотите его увидеть. Что ж, он здесь.

— Не то чтобы я могла с ним поговорить, — сказала она. — И не то чтобы он всё равно меня помнил.

— О, думаю, он вас помнит. На самом деле, я думаю, он помнит вас достаточно хорошо.

Она взглянула на меня, затем на Тони.

Тони, со своей стороны, развернулся на моих коленях и прижал голову к моей груди, будто не хотел её видеть. Я притянул его к себе, защищая, и он расслабился в моих руках.

— Видишь? Он даже не смотрит на меня, — сказала она, опасно далеко наклоняясь на стуле, как подросток.

— Интересно, почему это, — произнёс Джексон.

— Бьюсь об заклад, тебе интересно.

— Очевидно, что Тони подвергся насилию. Вы случайно не знаете ничего об этом?

— Откуда мне знать?

— Потому что, возможно, это делали вы?

Она рассмеялась.

Я поморщился. Видимо, Джексон знал, что делает, но я не был уверен.

— Так что, по-вашему, я сделала? — спросила она, будто это была весёлая игра.

— Что бы вы ни сделали, он с криками просыпается посреди ночи. За все годы я имел дело со многими травмированными детьми, и не нужно быть гением, чтобы сложить вместе два и два. Знаете, мне интересно, как он заразился ВИЧ, раз не родился с ним, и раз у вас, очевидно, отрицательная реакция. Мне интересно, как это произошло.

— Ну, я не знала, что он болен, так что не начинай наседа́ть на меня с этим снова. Если бы я знала, что он болен, то отвела бы его к врачу.

— Да, но как он заболел?

— Откуда мне знать?

— ВИЧ передаётся через телесные жидкости.

— Ну, ясное дело.

— Ну, вы либо разбрасывали по дому использованные иглы, либо один из ваших друзей угостился семейными драгоценностями, так сказать.

— Не говори мерзостей.

— Это либо одно, либо другое, — сказал Джексон.

— Я выгляжу как наркоманка? — спросила она.

— Я выгляжу как медбрат, который специализировался на изучении случаев детского сексуального насилия? — парировал Джексон.

— Что ж, не смотри на меня, — отмахнулась она. — Я этого не делала.

— Тогда кто сделал?

Она вернула свой стул на пол и села прямо.

— Ты меня в чём-то обвиняешь? — спросила она ровным, опасным голосом.

— Не особо, — ответил Джексон. — А должен?

— Ты знаешь, каково было жить с этой маленькой дрянью под ногами всё грёбаное время? — требовательно спросила она. — Пока он скулил, плакал и писался в штаны? Но я относилась к нему правильно, разве нет? Я воспитала его. Я меняла

чёртовы подгузники, разве нет? Он всё ещё жив, разве нет? Чего ты от меня хочешь? Я не говорила, что идеальна. Я старалась, как могла. Поэтому ты привёз его сюда, чтобы мог ткнуть меня носом в то, какой я была паршивой матерью?

— Есть упущенные части его жизни, — ровно произнёс Джексон.

— Ага, что ж, в моей жизни есть чёртовы огромные куски, которые полностью утонули в дерьме, так что хватит ныть.

— Мы просто пытаемся разобраться в том, что с ним случилось.

— Ну и что, по-вашему, с ним случилось?

— Думаю, вы знаете.

— Ага, что ж, может, знаю, а, может, нет.

— Если бы вы могли пролить свет на ситуацию, это помогло бы ему поправиться. Нам нужно знать, с чем мы имеем дело.

— Если ты думаешь, что я возьму вину на себя, то ты просто тупозадый педик.

— А если вы думаете, что я зачислю деньги на сигареты на ваш счёт только за то, что сижу здесь и слушаю вашу чепуху, то вы просто глупая осуждённая преступница, которая останется с носом.

— Боже, боже, — беззаботно произнесла она. — Ну разве не прелесть?

— Ну? — надавил Джексон.

— Откуда мне знать, что с ним случилось? — спросила она, пожав плечами. — Я ведь не могу следить за ним двадцать четыре часа в день. Люди приходили и уходили. Ловили кайф. Творили хрень. Мне нужно было управлять бизнесом, знаешь ли.

— И, может быть, один из ваших покупателей...

— Может быть, я задержала оплату, и один из моих поставщиков взял небольшой обмен.

— Вы позволили кому-то изнасиловать его?

— Я никому ничего не позволяла! — с жаром ответила она. — Но... ты знаешь... дерьмо случается. Может быть, я узнала об этом. Может быть, я была не в состоянии быть сильной, если ты знаешь, что я имею в виду. Девушке нужно на что-то есть, знаешь ли.

— Значит, вы застали то, как кто-то с ним что-то делает?

— Я этого не говорила.

— И это не открытое отрицание, так ведь?

— Чего ты от меня хочешь, мистер Важный Медбрат из Бостона? У тебя есть мой единственный ребёнок, единственный ребёнок, который у меня когда-либо будет в этом мире. Чего ещё ты хочешь?

— Мы пытаемся добраться до сути. Вы его мать. Должна быть в вас какая-то часть, которая заботится о нём.

— Теперь ты будешь меня анализировать, педик?

— Если придётся.

Она оглядела комнату, тяжело вздохнула.

— Ну? — надавил Джексон, его тон стал агрессивным.

— Что ну?

— Правда?

— Правда, — произнесла она, горько смеясь. — Все думают, что хотят знать грёбаную правду. Будто это принесёт что-то хорошее. Правда тебя освободит, но только после того, как трахнет мозги.

— Пожалуйста, не используйте нецензурную лексику перед моими детьми.

— Ох, прошу прощения, мистер Медбрат.

Джексон непоколебимо посмотрел на неё.

— О, ты прёшь напролом, да? — спросила она, откидываясь назад.

Джексон не ответил, просто ждал.

— Был там этот мужик, — отвлечённо произнесла она. — Ты должен понять. Я проходила через некоторое де... некоторую дрянь. Меня кинули на продаже, я не смогла заплатить так, как должна была. Ты знаешь. Такое случается. Это бизнес. И я задолжала этому мужику много денег. И может быть, я застала то, как он делал что-то...

— Однажды? Дважды?

— Ну, может быть, он тусовался рядом немного слишком часто. Ты знаешь, что я имею в виду? Не могла избавиться от его рожи. Прости. Не могла избавиться от него. И для меня это было плохое время. Не нужно играть с товаром, знаешь ли. Но меня... Я не обращала внимания. Может быть, я начала делать какую-то дрянь, которую не должна была. Может быть, меня это немного перекосило. Я уже не помню всего. Это было просто... там просто был этот мужик. Он был очень высоким. Немного грубым, знаешь ли. Станный мужик. Делал странные вещи. И я поняла...

Она замолчала.

— Что вы поняли? — спросил Джексон.

Она снова тяжело вздохнула, казалось, потерялась в мыслях.

— Это было запутанное время, — наконец, сказала она, поворачиваясь посмотреть на Джексона. — Много дряни происходит. Ты знаешь.

— И этот мужчина...

— Он делал вещи.

— Вещи?

— Я не буду для тебя произносить это по буквам, педик. Он делал вещи. Ты меня понимаешь?

Она приподняла верхнюю губу с правой стороны, обнажая дырку в зубах.

— Видишь там зуб? — спросила она.

— Тот, которого нет? — спросил Джексон.

— Да, — сказала она. — Тот, которого нет. Хочешь знать, почему его нет?

— Почему? — спросил он.

— Я пыталась его остановить. Первый раз, когда увидела... ты знаешь. Вот, что получаешь, когда вмешиваешься.

— Я должен вам посочувствовать?

— Я просто рассказываю тебе, как это было.

— Так значит, это не просто случилось единожды или дважды.

— Он отирался вокруг долго, тот мужик. Я не помню, был ли он там в ночь пожара или нет, но с тех пор я его не видела. Да и не искала, если ты понимаешь.

Джексон молчал долгую минуту.

Линда Горзола поёрзала на месте.

Амелия подняла взгляд на меня. Я ободряюще улыбнулся.

— Вы хотели бы что-нибудь к этому добавить? — спросил Джексон.

— Я не хотела, чтобы что-то из этого случилось, — сказала Линда, её голос наполнился эмоциями. — Я не такой плохой человек. Мне нужно было есть, знаешь ли. Я старалась, как могла. Ты, сидишь здесь, осуждаешь меня...

— Никто вас не осуждает, — сказал Джексон.

— ...осуждаешь меня и ненавидишь. Ты не знаешь! Ты не знаешь, каково это было. Ты не знаешь, что делал со мной мой папочка. Ты не знаешь, так что не сиди здесь и не притворяйся, что знаешь. И знаешь, что? Жизнь — дерьмо! Это огромная куча дерьма! А затем тебя заносит в место, похожее на это, и каждый день тебя тыкают в дерьмо носом. Так что да, может быть, что-то вышло из-под контроля.

Может быть, я не была такой уж хорошей матерью. Может быть, я допускала ошибки. Может быть, я не такая идеальная, как ты...

— Я никогда не говорил, что идеален.

— ...может быть, я не могла дать ему идеальную жизнь с двумя голубыми папочками, миленькой школой и миленькой маленькой сестричкой, но это не значит, что я не пыталась. В любом случае, что ты знаешь? Ты просто богатый кусок дерьма из Бостона, которому не приходилось работать ни дня за свою грёбаную голубую жизнь. В этом весь ты. Просто богатый кусок дерьма, который пытается отобрать единственное, что у меня осталось в этом мире. Будто у меня уже не отобрали всё остальное.

— Я рыдаю, — жестоко произнёс Джексон. — Пока вы сидите здесь и жалеете себя, я пытаюсь разобрать беспорядок, в который вы превратили жизнь своего сына, и дать ему будущее, в котором не будет тюрьмы или психушки. Так что засудите меня.

— Будешь так со мной говорить, и я никогда не откажусь от прав на этого мальчика! — бросила в ответ она.

— Что ж, по крайней мере, теперь у вас есть годы, чтобы подумать над этим, не так ли? — произнёс Джексон, поднимаясь на ноги.

— Ты не дашь мне с ним попрощаться? — спросила она жалостливым тоном.

— Если он хочет с вами попрощаться, то может, — Джексон повернулся посмотреть на меня.

Я побудил Тони развернуться, посмотреть на мать, но он не хотел. Он зажмурил глаза, будто боялся. Его тело замерло в моих руках, и я понял, что у него вот-вот случится авария.

Я погладил его по спине, поцеловал в висок, притянул ближе, побуждая расслабиться, довериться мне, не расстраиваться.

Он тихо заскулил, задержав дыхание.

— Тише, малыш, — прошептал я ему на ухо, кругами глядя по спине. — Всё будет в порядке, милый.

Джексон и Линда наблюдали.

— Он даже не хочет смотреть на меня, да? — спросила Линда Горзола, в её голосе появился первый настоящий намёк на искреннюю грусть.

— Дайте ему время, — сказал Джексон.

Глава 82

Ты, должно быть, считаешь меня глупой

На парковке Амелия, которая всё время была тихой, внезапно разрыдалась.

Джексон повернулся на своём сидении.

— В чём дело, сладкая?

Она прижала руку в перчатке к лицу, выглядя разбитой.

— Амелия? — встревожено спросил я. — Что такое?

— Она была такой злой! — воскликнула Амелия.

— Она была вроде как напугана, не так ли? — произнёс Джексон.

— И бедный Тони даже не хотел на неё смотреть! Что за ужасная женщина!

— Она связалась с плохими людьми, — отметил Джексон.

— Единственное, для чего она хороша, это для донорства органов, — сказал я. — Конечно, то же самое можно сказать об Энн Коултер.

Джексон с неодобрением нахмурился, глядя на меня.

— Но Тони такой милый, — сказала Амелия, вытирая глаза. — Это не справедливо.

— Нет, не справедливо, — согласился Джексон.

— И она сказала, что вы двое...

— Не переживай ни о чём, что она сказала, сладкая, — ответил Джексон. — Не обращай на это никакого внимания.

— Но она была такой злой!

— Она несчастная женщина в очень несчастной ситуации, но мы есть друг у друга, разве нет? Мы семья, и мы держимся вместе, и неважно, что говорит какая-то женщина. Ты меня понимаешь? Мы есть друг у друга, и мы позаботимся друг о друге, и не важно, что о нас говорит кто-либо другой.

Она посмотрела на Тони, который сидел рядом с ней, пристёгнутый и с сонным видом, и закусила губу.

— Я хотел, чтобы ты её увидела, — сказал Джексон, — потому что хотел, чтобы ты поняла, Тони нуждается в нас. Он нуждается в тебе. Ты его сестра, и он нуждается в твоей помощи. Он нуждается во всех нас. Мы никогда снова не позволим этой женщине или какой-либо другой женщине, или какому-либо другому человеку сделать с ним что-то. Понимаешь?

Она кивнула.

— Мне жаль, что ты расстроена, — сказал Джексон. — С тобой всё будет хорошо?

— Мне жаль, мистер Джек, мистер Вилли, но прямо сейчас я просто очень скучаю по своей маме.

— Я знаю, сладкая, — сказал Джексон. — Мы съездим к ней на обратном пути. Хорошо?

— Ты, должно быть, считаешь меня глупой.

— Я бы никогда так не подумал.

— Она просто меня разозлила.

— Хорошо, — сказал Джексон.

— Это не хорошо.

— Хорошо. Это значит, что тебе не нравится видеть, что к людям относятся плохо. И это значит, что ты хороший человек. У тебя доброе сердце. Думаю, Тони очень повезло с такой сестрой, как ты.

— Ты так думаешь?

— Я так знаю, сладкая.

— Даже если он козавочный зад, который ковыряется в носу?

— Даже если так.

Она вытерла глаза, пытаясь взять себя в руки.

— Мистер Джек?

— Да?

— Ты напоминаешь мне моего папу.

— Уверен, твой папа был хорошим.

— Иногда я думаю, что он может разозлиться на меня.

— Почему?

— Потому что его нет уже долгое время, и иногда я о нём забываю. А когда кто-нибудь спрашивает о моём папе, я думаю о тебе и мистере Вилли. А затем думаю: "О, нет, это неправильно". Ты не мой папа. Мистер Вилли не мой папа. У меня уже есть папа.

— Никто не может заменить твоего папу, — сказал Джексон. — Но, может быть, мы можем постараться закончить то, что он начал. Я имею в виду, он подвёл тебя к

отличному старту, так что, может быть, мы с Вилли можем вступить и помочь тебе закончить работу. В этом есть смысл?

— Наверное.

Джексон достал салфетку из бардачка, протянул её Амелии.

— Ты в порядке, сладкая? — спросил он.

— В порядке. Прости. Ты, должно быть, считаешь меня глупой.

— Не говори так. Никогда так не говори. Думаю, ты очень умная — и я знаю, что Вилли думает то же самое.

— Она заметно опережает всех этих неудачников в своём классе, — сказал я. — Если мы не будем осторожными, она, наверное, сбежит в Гарвард, когда ей исполнится двенадцать, и станет ракетостроителем.

Она ответила слабой улыбкой.

— Кроме того, — сказал я, — она, возможно, единственная девочка в Бостоне, которая знает, что такое «пускать пары». Такое не каждый день услышишь.

Глава 83

Слишком занят для меня

— Привет, мама.

— Вилли? Я думала, ты мне уже никогда не позвонишь. Прошло почти два месяца!

— Я знаю, мама. Я был занят.

— Что ж, слишком занят для меня, это уж точно. Слишком занят, чтобы позвонить своей собственной матери. Я до тошноты переживала за тебя, и я не слышала ничего с похорон отца Джека. Я была...

— Мама!

— Что?

— Я просто звоню поздороваться и узнать, как ты.

— Что ж, по-прежнему жива, если ты это имеешь в виду. Не то чтобы для тебя это имело значение, ты весь занятой и всё такое. Я начинала думать...

— Мама!

— Что?

— Как ты?

— Я в порядке, сладкий. Что заставляет тебя думать, что что-то не так?

— Знаю, я не звонил...

— Ты мог бы сказать это снова и не ошибся бы.

— Но мы были заняты. У нас теперь дети в школе.

— Как они?

— У них всё хорошо. Действительно хорошо. На самом деле, я удивлён.

— Почему ты удивлён?

— Не знаю. Тони поначалу был наказанием, но, кажется, он успокоился. А Амелия... Я не могу дождаться, когда ты познакомишься с Амелией. Она такая забавная. И саркастичная. Напоминает мне Мэри. Ты помнишь, какой была Мэри, когда была младше?

— О, Иисус и все святые! Только не ещё одна Мэри!

— Она не плохая. Она тебе понравится. Вот увидишь.

— Кстати, у Мэри выходит диск. Она позвонила и рассказала мне. Моя внучка, самая занятая артистка в Нэшвилле, нашла время позвонить мне, но мой собственный сын? О нет, он слишком...

— Ох, мама, честное слово! Я понял намёк. Постараюсь звонить чаще.

— Но я переживаю.

— О чём?

— У неё есть эта песня, называется "Он любил меня, как солдат".

— И что?

— Слышал бы ты слова! "Бэнг! Бэнг! И он готов. Но лучшее было ещё впереди".

"Всё лучшее всегда впереди", — подумал я, но не сказал.

— Её мать закатила истерику из-за этой песни, — сказала мама. — Зачем ей обязательно было вставлять туда что-то такое? Зачем, Вилли? Уверена, я не знаю, что подумают соседи. И я не посмею рассказать об этом отцу Гиндербаху. Я только надеюсь и молюсь, что он не купит этот диск и не послушает его. Мне будет так стыдно.

Я усмехнулся.

— Думаешь, это смешно? — требовательно спросила она.

— Мама, это смешно. Это просто песня. Это кантри-песня, а они все о сексе. Или о грузовиках. Или о кобелях. Или о пьянках. Надеюсь, у неё будет большой успех. Она приедет на вечеринку четвёртого июля?

— Конечно, приедет. Она нас не забыла. В отличие от некоторых, кого я знаю.

— Я тебя не забыл, мама.

— А так и не скажешь по количеству телефонных звонков, которые я от тебя получила. И я теперь на пенсии, так что у меня много времени, но звонит ли когда-нибудь мой телефон? Ты слишком занят, а Билли проходит через кризис.

— Кризис?

— Он хочет купить спортивную машину. Спортивную машину, Вилли! Одну из этих иностранных штук. Этому мужчине почти пятьдесят, а он думает, что только что закончил старшую школу. И он перестал ходить в церковь.

— Ты имеешь в виду к баптистам?

— Шелли зашивается с делами, но он говорит, что хочет ходить на рыбалку. И ходит. Собирает грузовик, иногда едет напрямик в Арканзас. Разве здесь нет рыбы? Обязательно ехать напрямик в Арканзас? Ну, думаю, можно с уверенностью сказать, что в Арканзасе происходит нечто большее, чем просто рыбалка. Возможно, нашёл себе там какую-то шлюшку, с которой встречается.

— Почему-то я в этом сомневаюсь.

— Что ж, зачем ещё ему хотеть спортивную машину за восемьдесят тысяч долларов?

— Может быть, он просто хочет хорошую тачку.

— За восемьдесят тысяч долларов? Ты издеваешься? Он мог бы купить дом за такие деньги! Хорошую тачку. Я тебя умоляю! Но он слишком занят, чтобы ездить туда-сюда в Арканзас, и я не видела тебя, не с тех пор, как Джош и Эли уехали в колледж. Можно подумать, что они исчезли с лица земли, так они себя ведут. Всё просто не так, как было раньше.

— Может быть, это хорошо.

— Как это может быть хорошо? Просто подожди, Вилли Кантрелл. Подожди, пока твои дети повзрослеют и бросят тебя. Ты запоешь по-другому. Может быть, это хорошо. Иисус, Мария и Иосиф, иногда я тебе не верю!

— Мама, мне пора.

Глава 84

Были сложности

В какой-то момент в мае лютый холод потерял свою хватку, и подкралась весна. Я никогда не был так рад увидеть возвращение приличной погоды. И в последнюю субботу мая, когда я встал, чтобы приготовить завтрак, то удивился осознанию, что дети скоро закончат школу и пойдут на летние каникулы. Казалось, учёба началась только неделю или две назад, но пролетело несколько месяцев. В один миг.

В то утро уже одетая Амелия первой незаметно соскочила с лестницы.

— Доброе утро, тыковка, — отозвался я от плиты.

— Ты снова готовишь бекон, папочка? Честное слово!

— Не я виноват, что бекон — одна из четырёх главных групп продуктов питания.

— Продолжай себе это говорить, здоровяк.

— Не называй меня здоровяком. Ты знаешь, что я это ненавижу.

— Что ж, не называй меня тыковкой. Я не овощ, знаешь ли.

— Тебе просто нравится их убивать и есть.

— Это лучше, чем убивать еду с лицами. Папа уже встал?

— Он вчера поздно вернулся. У них была экстренная операция или что-то ещё, и его вызывали в отделение реанимации. Но с твоим папой никогда не знаешь. Он, наверное, сидел в больничном кафетерии и переписывался со своей мамой.

— Бабушка действительно поедет с нами в Тупело?

— Она и раньше была на юге. Она навещала нас давным-давно, когда мы с Джеком только познакомились. Ну, мы не просто познакомились. Мы были вместе уже два года, и она решила, что пора познакомиться с будущим зятем. Кстати, не спрашивай папу о той поездке. Для нас это не было счастливым временем. Твоя бабушка может быть настоящим кошмаром, когда хочет.

— И мы действительно полетим первым классом? Это будет так круто!

— Я думал попросить их погрузить меня в стазис* (*прим.: Стазис — состояние полной остановки любых физиологических процессов в организмах живых существ*). Ты знаешь. Как астронавтов, которые выходят в открытый космос.

— Папа сказал, что ты не выносишь перелеты.

— Я лучше бы съел свои трусы.

— Фу! Там же волосы!

— Помимо всего остального. Твой брат проснулся?

— Если бы! Ты знаешь, он не встанет, пока ты его не разбудишь.

— Пожалуйста, ты можешь сбежать наверх и разбудить его?

— Это обязательно?

— Пожалуйста? Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, милая, тыковка, дорогая, детка, сладкая?

— Думаю, меня сейчас стошнит.

— Не на этот ковёр, нет.

Она побежала вверх по лестнице.

По радио «Флорида Джорджия Лайн» объясняли что-то о воскресном помешательстве. Я бил кулаком в такт, будучи фанатиком кантри-музыки.

— Папочка? — произнесла Амелия, вдруг появляясь за мной.

— Что?

В её голосе были нотки беспокойства.

— Думаю, он заболел, — сказала она.

— Серьёзно?

— Он нехорошо выглядит.

Я выключил плиту, вытер руки о фартук и поспешил наверх.

Тони лихорадило.

У него была очень высокая температура.

— Ох, дерьмо, — произнёс я, чувствуя, как что-то в моём желудке резко падает.

До сих пор нам везло. Никакого гриппа, никакой простуды, никаких серьёзных заболеваний. С его нарушенной иммунной системой и постоянным режимом приёма лекарств, невозможно было сказать, к чему могут привести такие вещи.

Теперь, когда я подумал об этом, Тони выглядел довольно неважно эти последние пару дней.

— Тебе лучше разбудить папу, милая. И поторопись, пожалуйста.

Глава 85

Что случилось?

— Вилли? Что случилось?

— Это Тони, мама, — сказал я, чувствуя, как иссякают силы.

Я был истощён, не спал всю ночь, не мог уснуть, не мог есть, не мог думать. У Тони была температура сорок градусов, и он тем или иным образом подцепил респираторную инфекцию, которая превращалась в пневмонию.

— Что случилось с Тони? — спросила она.

— Он заболел, мама.

— Серьёзно?

Я не мог ответить. Вместо этого я плакал.

— Вилли, что такое? — требовательно спросила она. — Что случилось? Вилли, пожалуйста, поговори со мной!

— У него пневмония, мама.

— Ну, я уверена, он будет в порядке, сладкий.

— Нет, — сказал я, — ты не понимаешь. У него ВИЧ. Иммунная система ни к чёрту. Он не может бороться с этими штуками, как нормальный ребёнок.

— У них нет лекарств, которые ему могут дать?

— Они дают ему лекарства, мама. Честное слово!

— Ну, что такое, Вилли? Я не понимаю.

— Его иммунная система нарушена.

— И что это значит, по-английски?

— Ему тяжело бороться с гриппом, простудой или инфекцией. Его тело не вырабатывает достаточно лейкоцитов. Так что его нагружают антибиотиками, но...

— Но что?

— Я могу его потерять, мама. Вот что.

— Ну, это просто пневмония. Он в больнице, верно?

— Просто молись за него, мама. Пожалуйста.

— Ты знаешь, что буду, милый. Конечно, буду.

— И попроси отца Гиндербаха тоже за него молиться.

— Я сразу же ему позвоню. Попрошу его прочесть молитву по чёткам. Тебе что-нибудь нужно? Хочешь, чтобы я приехала?

— Нет, — сказал я, — вытирая глаза. — Мне просто нужно было кому-то рассказать.

— Вилли, это звучит серьёзно.

— Это серьёзно, мама. Я так и говорю.

- Ты думаешь, что он умрёт?
- Мы не знаем.
- Что говорит Джек? Он знает об этих вещах.
- Он тоже не знает. Мама, я не могу сейчас его потерять. Не могу! Он сделал такой прогресс — ты бы не поверила! Он так хорошо справлялся. Если Бог сейчас его заберёт, мама, я...
- Я не смог закончить мысль.
- Не говори так, — пожурила мама.
- Я не могу снова через это пройти.
- Не говори так, Вилли. Уверена, Тони будет в порядке.
- Я этого не вынесу.
- Ничего не случится, — заверила она меня. — Бог никогда не даёт нам больше, чем мы можем вынести. Ты это знаешь.
- Ну, я не смогу этого вынести. Я просто не смогу, мама. Я просто-напросто сойду, нахрен, с ума.
- Не ругайся, Вилли.
- Это не честно!
- Ты хочешь, чтобы я приехала? Потому что я приеду. Я попрошу Билли отвезти меня в аэропорт в Мемфисе. Это всего пару часов. Я могу купить билет и буду чуть позже.
- Ты не обязана сюда приезжать.
- Я не буду просто сидеть здесь, когда мой ребёнок во мне нуждается! В какой вы больнице?
- Это Бостонская детская больница. Джек сейчас здесь работает.
- Я повешу трубку и всё организую, скоро увидимся.
- Ох, мама. Я не прошу тебя приезжать.
- Это просто полёт на самолёте. Сколько раз ты мне раньше это говорил? Лететь всего три часа. Я буду там, нравится тебе это или нет.

Глава 86

Я отказываюсь торопиться с выводами

- В зале ожидания миссис Ледбеттер заняла место рядом со мной.
- С тобой всё хорошо, Вилли?
 - А я хорошо выгляжу, миссис Л.?
 - Глупый вопрос, — тихо сказала она. — Я хотела сказать, есть что-нибудь, что я могу для тебя сделать?
 - Я покачал головой.
 - Он справится, — сказала она.
 - Вы этого не знаете.
 - Я не знаю, что он не справится, и отказываюсь торопиться с выводами, а если сейчас ты сдашься, я ударю тебя так сильно, что даже этот Гугл не сможет тебя найти.
 - Я не сдаюсь.
 - Тогда что ты делаешь?
- Я покачал головой, не ответив. Не знал, как ответить. Над моим разумом повисло тёмное облако, ощущение обречённости. Я упирался. Или зарывал голову в песок. Было тяжело сказать, что именно.
- В этом году я потеряла мужа, — откровенным тоном произнесла она. — Я не собираюсь терять своего единственного внука. Есть границы, знаешь ли.

- Боже, если бы я знал.
- Почему бы тебе не поехать домой и не отдохнуть? — предложила она.
- Я не уйду!
- Тогда почему бы тебе не пойти посидеть с ним? Ты ему нужен, Вилли.
- Ему нужно вытащить свой зад из той кровати.
- И это тоже. Но прямо сейчас ему нужен его папочка. Ему нужно напомнить, что ему есть за что бороться.
- Я не собираюсь сидеть рядом с его кроватью, и наблюдать, как умирает ещё один мой ребёнок, — выпалил я.
- Значит, проблема в этом.
- Я не могу этого сделать.
- Можешь. Если в этом мире и есть кто-то, кто может это сделать, то это ты, Вилли. И ты это знаешь. Так что прекрати вести себя, как засранец.
- А что, если он умрёт?
- Ты не знаешь, что произойдёт.
- Но что, если?
- Если он умрёт, по крайней мере, у него было несколько месяцев счастья перед концом. У него была семья, люди, которые любили его, которые будут его помнить, которые заботились о нём. Это было на чертовски много больше, чем у него было до встречи с вами. И ты прекрасно понимал, что это может произойти.
- Да, но...
- Я тебе покажу "да, но", Вилли. Вы знали о рисках. И если произойдёт худшее, что ж, тебе нужно быть там. Ты должен ему это. Не время плакать. Мне жаль, если это звучит тяжело, но вот так. Кроме того, думаю, ты слишком остро реагируешь. Антибиотики начали действовать, и организм Тони, кажется, отчасти стабилизировался, или так говорит Джеки. Если он продержится сегодня, то точно будет в полном порядке. И он, возможно, намного крепче, чем ты думаешь. Теперь ему есть, за что бороться, разве нет?
- Вы не принимаете "нет" за ответ, верно?
- Нет.
- И вы никогда не ошибаетесь.
- Упаси Бог! Так что ты скажешь?
- Она встала и протянула руку, бриллианты на её пальцах блеснули в резком свете ламп над головой.
- Вы не уступите, да? — спросил я, беря её за руку.
- Можешь рассчитывать на волшебный пендель от меня, если ты это имеешь в виду.
- Думаете, он поправится?
- Я не религиозная женщина, Вилли, но постараюсь верить. Почему бы тебе не сделать то же самое?

Глава 87

Так мы и делаем

Тони поместили в кислородную палатку. Его глаза были закрыты, щёки покраснелись. Он выглядел маленьким, уязвимым, но его грудь поднималась и опускалась, и он больше не стонал и не крутился в вызванной жаром агонии. Различные трубки торчали из-под корпуса палатки, переноса данные к монитору. Часы на стене напротив его кровати показывали, что времени только десятый час утра.

— Как он? — спросил я.

Джексон пожал плечами, глядя на меня. Я знал этот взгляд. Он смотрел на меня так, когда я был на волоске от того, чтобы облажаться, и он просто ждал, когда я это сделаю. Его глаза были полны обречённости и печали.

— Мама едет, — сказал я.

— Твоя мама? — произнёс Джексон.

— Так она сказала.

— Я уже отправила лимузин в аэропорт, — добавила миссис Ледбеттер.

— Как вы узнали, что она едет? — спросил я.

— Она позвонила. Женщины так делают, знаешь ли. Мы общаемся. Я сказала ей, что пришлю машину, и она может остаться со мной, пока будет в городе. Знаешь, мне очень нравится твоя мать. Она освежающе честная. Она будет здесь сегодня днём.

— Где Амелия? — спросил я, оглядывая палату, вдруг заметив её отсутствие.

— Завтракает в кафетерии, — сказал Джексон.

— И я собираюсь присоединиться к ней, — добавила миссис Ледбеттер. — Я определённо знаю, где это, так ведь?

Я подошёл ближе к ограждению, посмотрел на Тони.

— Хочешь подежурить? — спросил Джексон. — Можем поставить рядом с его палаткой раскладушку, если хочешь поспать.

— Какая у него сейчас температура? — спросил я.

— Снизилась до тридцати восьми и восьми.

— Это хороший знак, верно?

— Это очень хороший знак, — согласился Джексон.

— Так что теперь?

— Теперь мы ждём, — сказал Джексон. — Антибиотики либо помогут, либо нет. Если у него будет кризис, есть другие антибиотики, которые мы можем попробовать. Но у него хорошие шансы выкарабкаться, Вилли.

— Но...

— Я не хочу слышать никаких "но". Не сейчас. Я принесу тебе раскладушку, и ты можешь прилечь, последить за ним, поспать. Это пойдёт тебе на пользу, а он никуда не денется.

— Хорошо, — сказал я.

— А я позабочусь о твоей матери, когда она приедет, — сказала миссис Ледбеттер.

— На этот счёт не переживай, Вилли.

— Она забронировала билет и всё остальное? — недоверчиво произнёс я.

— Она мать, разве нет? — ответила миссис Л.

Глава 88

Отдых

Джексон принёс в палату раскладушку, и я прилёг, думая, что просто немного отдохну, просто закрою глаза на пару мгновений — я не спал двадцать четыре часа. Я время от времени поднимал взгляд на кровать Тони, будто чтобы убедиться, что она по-прежнему там, что он по-прежнему спит в ней, что всё нормально, пищущий кардиомонитор по-прежнему пищит, никаких сигналов не исходит.

За день до этого состояние резко ухудшилось. Мы обнаружили Тони в кровати, его тело охватила жар. По дороге в больницу его тошнило по всей машине. В отделении реанимации, пока мы заполняли документы, его охватили судороги, а температура подскочила до сорока одного градуса. Его быстро увезли на каталке. Остаток дня он то

терял, то возвращался в сознание, ворочаясь и стелая в кровати, скуля из глубины горла, сжимая зубы, глядя на нас ошеломлёнными глазами.

Днём начали действовать антибиотики, и он успокоился.

У меня целую вечностью не было таких ужасных дней.

Конечно, я не мог не вспомнить те ужасные дни в больнице с Ноем, у его постели, когда наблюдал, как тело подводит его, как возмущаются аппараты, как медсёстры и врачи бегают туда-сюда, советуясь по графикам, разговаривая на абракадабре, которая не имела для меня никакого смысла, о разорванных венах, отказе органов, уровнях кислорода, противопоказаниях.

Чем сильнее я старался не думать об этих днях, тем больше думал.

Измученный, я закрыл глаза и опустил голову на крохотную больничную подушку, думая, что отдохну минутку или две.

Глава 89

Трудности не позади

— Аааахх!

Я открыл глаза, быстро сел.

Тони смотрел на меня, его глаза были уставшими и полными боли.

— Аааах! — снова простонал он, поднимая руки, махая ими, будто пытался что-то сказать. — Аааах.

Я резко и неустойчиво встал. Я не до конца проснулся, мой разум был затуманен. Я оперся на кровать для поддержки.

— Тони?

Он закусил губу.

Мне хотелось откинуть пластмассовую палатку в сторону, взять его на руки, расцеловать лицо, сказать ему, что всё будет в порядке.

Как ты? — прожестикнул я.

Он не ответил.

Я просунул правую руку в отверстие с перчаткой, с помощью которого его проверяли медсёстры. Я положил руку на его грудь, улыбаясь.

Он накрыл мою руку своими, сжал мои пальцы через защитный пластик, закрыл глаза.

Я стоял на месте, держа его долгое время.

Он уснул.

Часы показывали, что сейчас два часа дня.

Левой рукой я пошарил в карманах, ища телефон. Я хотел позвонить Джексону, узнать новости о прогрессе, но дверь за мной внезапно открылась, и в палату вошла мама, а следом миссис Ледбеттер, Джексон и Амелия.

— Ох, Вилли, — сразу же произнесла мама, подходя к кровати. — Как он?

— Не уверен, — сказал я. — Я заснул.

— Он стабилен, — сказал Джексон. — Трудности не позади, но он стабилен и, кажется, держится сам.

— Ох, бедняжка, — сказала мама, глядя на него сверху вниз. — Он меньше, чем я представляла. Конечно, я видела только фотографии.

— Его тело не развивается, как должно, — сказал я. — Детям тяжело принимать антиретровирусные препараты.

— Что за ретровирусы?

— Это называется антиретровирусы. Это препараты для его лечения. Для ВИЧ.

— Оу, — произнесла она.

Мама положила руку на горло, казалось, вдруг неуверенная в себе.

— Ты в порядке? — спросил я.

— Просто я не знакомилась с вашими детьми. Это... но они оба просто очаровательны, разве нет?

— Ты познакомилась с Амелией?

— Конечно, и мы мило поговорили. И ты прав — она напоминает мне Мэри, когда та была в этом возрасте. Ох, ну и язык у той девчонки! Иисус, Мария и Иосиф, ей нравилось доводить маму до истерик.

— Мэри будет на радио, — с гордостью произнесла Амелия. — Она певица!

— Ну, это да, — сказала мама. — Девочка сводила нас с ума этим караоке, с которым играли дети. Какую там песню она пела в день того торнадо? Ты помнишь эту песню, Вилли?

— Мы пели "Счастлив". Она тренировалась для церковного лагеря.

— Это торнадо разрушил ваш дом, миссис Кантрелл? — спросила Амелия.

— Ох, милая, не называй меня миссис Кантрелл. Звучит так скучно.

— Мне называть вас баба?

— Ох, Боги, нет! Я твоя бабуля. Ты знаешь, что такое бабуля, дитя?

— Никогда не слышала про бабулю.

— Это твоя бабушка, милая. В любом случае, так мы это называем. Все мои внуки зовут меня бабулей, и тебе тоже следует. А если бы мой муж всё ещё был жив, ты бы звала его дедулей, но он мёртв. И, конечно же, другой твой дедуля тоже мёртв. Мне было так жаль услышать об этом, мисс Юнис. Мне очень жаль.

— Открытка, которую вы прислали, была милой, — сказала миссис Ледбеттер.

— Не могу поверить, что ты проехала весь этот путь, — сказал я маме.

Я был впечатлён.

— По тому, как ты порол чушь, я поняла, что должна что-то сделать, — ответила мама.

— Почему папочка порол чушь? — спросила Амелия, глядя на Джексона.

— Это долгая история, сладкая, — сказал Джексон.

— Ты так говоришь, когда не хочешь рассказывать мне правду, — парировала она.

— Папочка обеспокоен. Вот и всё.

— Я думала, ты сказал, что Тони будет в порядке.

Её лицо внезапно исказилось тревогой.

— Я уверен, что будет, но мы просто не до конца уверены.

— Ты имеешь в виду...

— Вы двое, не начинайте, — сказал Джексон.

— Но он не умрёт, — сказала Амелия. Это был не вопрос, скорее, утверждение.

— Я так не думаю, — тихо произнёс Джексон.

— Но ты не знаешь наверняка?

— Нет, милая. Мы не знаем наверняка.

— Ты шутишь? — спросила она.

— Он плохо борется с простудой и прочим. Ты это знаешь. Так что каждый раз, когда он болеет, это может быть... ну, нам просто нужно молиться за него. Уверен, он будет в порядке.

— Так бабуля приехала потому, что ты думаешь, что он умрёт?

— Нет, — сказал Джексон. — Всё не так. Он в беде, конечно, но давай не будем забегать вперед.

— Я думала, ты сказал, что вы будете честными со мной, — сказала она. — Я думала, ты сказал, что мы всегда будем говорить правду и не будем врать.

Джексон вздохнул с долей отчаяния.

— Так он будет в порядке? — спросила она, глядя на меня.

— Лучше бы ему быть, — сказал я, стараясь всё сгладить. — Но мы бы соврали, если бы сказали, что это несерьёзно.

— В любом случае, когда ты в больнице, это серьёзно, дорогой, — вмешалась миссис Ледбеттер. — Но Бостонская детская больница — одна из лучших детских больниц в мире, и Тони получает наилучший уход, и есть все основания полагать, что он будет в полном порядке. А теперь не накручивай себя.

— Но ба!

— В этом тебе придётся мне довериться, — сказала миссис Ледбеттер. — И твои папочка и папа прямо сейчас оба расстроены, так что мы не будем делать хуже, правда, дорогая?

Амелия уязвлённо замолчала.

— Сейчас слишком много людей в палате, — тихо произнёс Джексон. — Медсёстры нас прогонят. Вилли, почему бы мне не посидеть с ним, пока вы, ребята, пойдёте навестите упущенное?

Джексон по-своему прогонял нас из палаты. Так как он был одет в униформу, я не мог сказать, на смене он или нет.

— Ты хочешь есть, мама? — спросил я.

— Я думала, в самолётах разносят еду, — сказала она, натягивая недовольное выражение лица. — Эта дама подошла и дала мне пакет арахиса. Арахиса, Вилли! Что я должна делать с пакетиком арахиса? Я так торопилась попасть в Мемфис, что не подумала остановиться и перекусить.

— Мы отведём вас в кафетерий, дорогая, — сказала миссис Ледбеттер, беря мою маму под руку. — У них здесь чудесный выбор абсолютной дряни. Можно отправиться и прямо из кафетерия поехать в реанимацию, здесь это одно из самых приятных мест. Рвота фонтаном в этом конкретном кафетерии точно не редкость и, что самое важное, это чуть ли не характерная особенность данного заведения. Меня саму чуть не вырвало фонтаном, когда я впервые ела их ужасную еду, но я сильная женщина. Уверена, у них прямо за дверьми кафетерия есть ряд носилок для тех, у кого организмы слабее. Джеки, дорогой, я права?

— Думаю, ты преувеличиваешь, мам.

— Идёмте, — велела миссис Ледбеттер, взяв всё под свой контроль. — Проверим, насколько там плохо.

Глава 90

Если план А не работает...

— Ты смешно говоришь, миссис бабуля, — сказала Амелия, пока мы ели поздний ланч в кафетерии больницы.

— Просто бабуля, — объяснила мама. — Это южный способ сказать бабушка. И Амелия... какое хорошенькое имя для хорошенькой девочки. Вилли прислал мне несколько фотографий, но они меркнут в сравнении действительностью. Ты такая милашка.

Амелия покраснела.

— Мне было жаль услышать, что твоя мама умерла, — добавила мама.

Амелия нахмурилась при упоминании её матери.

— Уверена, она бы очень гордилась, если бы увидела, как хорошо ты справляешься. И так много людей хочет с тобой познакомиться!

— Серьёзно? — произнесла Амелия.

— Ох, конечно, дорогая. Есть твой дядя Билли и твоя тётя Шелли. Это брат твоего отца и его жена. И их дети, конечно — Мэри, Эли и Джош. Мэри в Нэшвилле, но она будет на вечеринке четвёртого июля, и ты сможешь с ней познакомиться. Эли и Джош сейчас в колледже. Боже, как они повзрослели. Они твои кузены, ты знаешь. А ещё я рассказывала о тебе некоторым дамам из церкви Святого Франциска. Конечно, они все знают Вилли. Уверена, они были бы очень рады с тобой познакомиться.

— Я хочу, чтобы она познакомилась с Тоней и Кики, — сказал я.

— Кто они? — спросила Амелия.

— Тоня моя лучшая подруга, а Кики её дочь. Она глухая. Как Ной. Знаешь, они были лучшими друзьями, Ной и Кики. Что они творили! Кики заплетала его волосы в африканские косички. Требовалось чертовски много времени, чтобы их распутать.

— Как Кики? — спросила мама.

— Она уже почти закончила первый год в колледже. Тоня недавно рассказывала, что у неё средний балл четвёрка.

— У неё тоже все пятёрки? — спросила Амелия.

— Полагаю, да, — сказал я.

— Вилли говорил мне, что ты круглая отличница, — сказала мама.

Амелия сияла от удовольствия.

— Вы, должно быть, устали от перелёта, — сказала маме миссис Ледбеттер. — Я попросила Лидию приготовить для вас комнату. Вам лучше остановиться у меня.

— Я не хочу навязываться, — ответила мама. — Я могу просто остаться здесь, в больнице, с Вилли. Не стоит беспокоиться.

— Чепуха, — сказала в ответ миссис Ледбеттер. — Мне не мешает компания. Этот большой старый дом теперь кажется пустым, когда по нему бродит только моя печальная старая фигура. Я говорила Вилли, что подумываю пойти жить с ним и детьми.

— Мы бы с радостью вас приняли, — сказал я.

— Видишь, как легко он врёт?

— Я не вру, — сказал я в свою защиту. — Кроме того, в квартире три этажа, так что я всегда могу спрятаться наверху, когда вы будете действовать мне на нервы.

— А я никогда бы этого не сделала, так ведь? — спросила миссис Ледбеттер, делая затяжку электронной сигареты и улыбаясь.

— Иногда вы меня раздражаете, — признал я. — Но, думаю, я к вам привык. В любом случае, до сих пор я не попал в тюрьму за убийство, так что, думаю, вы нормальная. И вы знаете, что говорят о членах семьи...

— Нельзя их убивать, потому что затупится лезвие топора? — произнесла она.

— Удушение — это, наверное, лучший способ справляться со старыми, надоедливými дамами, — добавил я.

— Вилли, ты не должен так разговаривать со своей тётцей, — сердито сказала мама.

— Мы с миссис Л. понимаем друг друга. И дело ведь не в том, что я не раздражаю её до смерти. Так, миссис Л.?

— Вайлис, давай просто скажем, что ты похож на козий зельц. Отвратительно ужасный для непосвящённых.

Амелия изобразила на лице отвращение.

— Итак, — произнесла мама, глядя на меня, в её глазах мелькали вопросы, — как Тони? Я имею в виду, серьёзно? Без ерунды.

Я вздохнул, отодвинул рыбу, которую пытался съесть. Аппетит пропал.

— Всё не так плохо, — сказала миссис Ледбеттер. — Но серьёзно. Джеки сказал, что следующие пару часов — критические. Если антибиотики не сработают, мы узнаем. И если они не сработают... что ж, могут быть проблемы.

— Мы пойдём в часовню и помолимся, — сказала мама.

— Не думаю, что молитвы помогут, — ответил я.

— Я знаю, ты больше не ходишь на мессы и всё такое, но мы все помолимся. Только то, что ты не веришь в Бога, не значит, что он перестал верить в тебя.

— Я по-прежнему верю в Бога.

— Ты просто не ходишь на мессы.

— Я устал от того, что люди на меня смотрят.

— Ты получаешь такое внимание, когда устраиваешь спектакль.

— Я не помню, чтобы устраивал спектакль.

— Я приехала сюда не спорить, Вилли. И если ты не хочешь помолиться с...

— Я помолюсь с тобой, бабуля, — сказала Амелия.

— Правда? Ох, ну что ты за лапочка.

— Тони мой брат, — сказала она, будто это было единственным нужным объяснением.

— Где был Бог, когда Ной в нём нуждался? — спросил я, зная, что не должен, но не в силах ничего поделать.

Мама нахмурилась.

— Ну, как говорят, — сказала миссис Ледбеттер, — если план А не работает, в алфавите есть ещё тридцать одна буква на выбор.

Глава 91

Всё сложно

Я сидел в конце молельни.

Мама стояла на коленях на одной из скамеек впереди. Амелия присоединилась к ней. Семья Амелии не ходила в церковь, не "молилась", не была знакома со всей этой религиозной тарабарщиной, с которой я рос. Я думал о том, чтобы взять детей на мессу, но передумал. Я не мог объяснить себе, почему. Дело было не только в моём опыте сексуального насилия от рук отца Майкла, когда я ходил в начальную школу, хотя это определённо окрасило моё восприятие. Было что-то за гранью этого, что-то глубже. Что-то, что я не мог понять. Какая-то потеря веры, потеря способности верить.

Произнеся несколько молитв с мамой, Амелия вернулась назад и села рядом со мной.

— Бабуля говорит, ты больше не молишься, — прошептала она.

— Мы с Богом сейчас не ладим.

— Почему нет?

— Всё сложно.

— Ты можешь мне рассказать. Я не ребёнок.

— Это долгая история.

— Ты буддист, как папа?

— Он снова болтал о Далай Ламе?

— Кто такой Далай Лама?

— Один парень, — сказал я. — Он говорит что-то типа "моя религия — доброта". Я не знаю, что это должно значить, но Джек считает, что это круто.

— Папа говорит, что мы сами создаём свои страдания.

— Правда?

— Так он говорит. И он говорит, что мы перестаём страдать, когда учимся принимать хорошие решения.

— Звучит похоже на него.

— Ты не ответил на мой вопрос.

— О чём?

— Почему вы с Богом больше не ладите? Ты зол на него?

— Не совсем.

— Он зол на тебя?

— Возможно.

— Почему?

— Это долгая история.

— Хотела бы я, чтобы вы перестали так говорить!

— Ну, так и есть, тыковка.

— Я не маленькая.

— Иногда мне хотелось бы, чтобы ты такой была.

— Почему? — спросила она, нахмурившись.

— В мире много уродливых вещей. Таких вещей, о которых я не хочу, чтобы ты знала.

— Каких вещей?

— Библия, к примеру.

— Что плохого в Библии?

— В ней говорится, что гомосексуальные люди, как я, плохие.

— Это неправда!

— Так там говорится.

— Почему?

— Полагаю, люди, которые написали её, не любили гомосексуальных людей.

— Ну, это глупо.

— Как есть, так есть, тыковка. Теперь имей в виду, что это та же книга, которая говорит, что отцы могут продавать своих маленьких девочек за три козла, и что непослушных сыновей нужно убивать, и всякое такое прочее.

— Серьёзно?

— Как я и сказал: всё сложно. Может быть, что-то из этого имело смысл для них, тысячи лет назад, когда они это писали, но это определённо не имеет никакого смысла сейчас. Тяжело спорить об этом, потому что некоторые люди считают, что это истинная правда Бога, и что каждое слово в Библии — буквальная правда.

— Так поэтому ты злишься на Бога?

— Я не злюсь на Бога.

— Злишься.

— Что заставляет тебя так говорить?

— Бабуля говорит, что раньше ты постоянно ходил в церковь. Ты и Ной. Она говорит, что вы никогда не пропускали мессы. Ты, должно быть, из—за чего—то злишься, если не хочешь больше ходить.

Я вздохнул.

— Я не злюсь, — снова сказал я.

— Ты злишься из-за того, что Бог забрал твоего сына? — спросила она.

Я почувствовал, как что-то перехватило в груди.

— Всё не так, — сказал я. — Кроме того, всё работает не так. Бог не забирает людей. Он не сидит там и не решает, кто будет жить, а кто умрёт. Это чепуха. Вещи случаются, вот и всё. Мы бы хотели знать, почему, но не знаем. Может быть, из—за этого я злюсь.

— Я не понимаю.

— Ну, Библия должна быть большой книгой, замечательной книгой, где есть все ответы, и она должна быть такой умной и такой мудрой, но, в конце концов, там нет никаких ответов. Не совсем. Она не говорит нам, почему случается так много плохих вещей, почему так много людей страдает, почему в мире так много ненависти и так много плохих людей делают плохие вещи. Она не объясняет, почему так много детей голодают, почему у них нет мам и пап. Она не объясняет, почему так много детей умирает от рака и других болезней, или почему дети умирают от голода. От голода! В мире так много еды, но дети всё равно умирают от голода. Как это происходит? Библия пытается ответить на эти вопросы, конечно, и там говорится, что все мы грешники, и Иисус пришёл спасти нас. И, возможно, нас нужно спасать. Но она не говорит нам, почему так много страданий. Мы просто должны улыбаться и терпеть это и надеяться, что попадём в рай, где всё будет хорошо и замечательно. Но мы даже не знаем, есть ли рай. Я не знаю, тыковка. Всё сложно.

Она вздохнула в манере, очень свойственной взрослым.

— Ты не должна переживать о таких вещах, — сказал я.

— Думаешь, с Тони всё будет хорошо?

— Я надеюсь на это.

— Я тоже.

Она потянулась и взяла меня за руку.

Глава 92

Что-то не в порядке

Как ты, малыш Т.?

Он смотрел на меня тёмным, нечитаемым взглядом.

Тебе хорошо спалось?

Он огляделся в пластмассовой палатке, казалось, в замешательстве, неуверенный, где он.

Сейчас был поздний вечер. Часы посещения скоро закончатся, и в коридоре снаружи стало намного тише. Джексон отвёз остальных домой, чтобы умыться и перекусить. Я остался, сидел рядом с кроватью Тони, наблюдая за ним, пока он спал. Днём его температура снизилась до тридцати восьми и трёх, но сейчас монитор показывал тридцать восемь и восемь.

Я скажу Джею привезти твоего мишку. Хочешь?

Он не ответил, казалось, не понимая меня. Его глаза были полны боли.

Я просунул руку в отверстие с перчаткой на конце, взял руку Тони в свою, помня о его капельнице — иголке, которая торчала в тыльной стороне его ладони, и была прочно приклеена. Он поднял взгляд на меня, попытался повернуться на бок, чтобы быть ближе, но его тело, казалось, не хотело сотрудничать.

С раздражением он расплакался.

Я поправил на нем одеяло.

Его слёзы разрывали меня. Это были слёзы измождения, слёзы боли, несчастья, дискомфорта.

Мне хотелось поговорить с ним, сказать ему, что всё будет в порядке. Мне хотелось, чтобы он успокоился, слыша, как кто-то говорит, что всё нормально, что о нём заботятся, что он пройдёт через это.

Вместо этого была тишина.

Он снова попытался перекатиться на бок, чтобы быть ближе ко мне. Я притянул его к своей стороне кровати. Он, казалось, практически ничего не весил, просто оболочка ребёнка. Он просто смотрел на меня, разинув рот в несчастье, и тянулся к пластиковой палатке, будто чтобы просунуть руку сквозь неё.

Я ответил ему грустным выражением лица, чтобы показать, что чувствую то же самое, что мне тоже грустно, раз грустно ему.

Он снова потянулся рукой к стенке палатки. Она дрожала, и, казалось, требовалось много усилий с его стороны, чтобы сдвинуть её. Я взял его руку, положил её обратно на его грудь, побуждая его не напрягаться.

— Аааххх, — произнёс он, с ворчанием открыв рот, а затем сжал зубы.

Его тело вдруг замерло, глаза закатились.

— Тони! — встревожено позвал я.

— Ааах! — снова простонал он. Затем он начал скулить и выть, его спина была прямой как доска, ноги пинали одеяло.

Что-то в его поведении было не так. Казалось, у него снова начинались судороги.

— Эй! — крикнул я в коридор, надеясь, что медсестра снаружи. — Эй!

Тони застонал.

Жутко испугавшись, я поспешил на выход из палаты и помчался вниз по коридору к стойке медсестры.

Глава 93

Дела идут не особо хорошо

— Дела у него не особо хорошо, — сухим тоном голоса произнёс доктор Коли, когда мы собрались вокруг. У него была нервная привычка моргать. Казалось, он разделял предложения морганием, моргая по несколько раз друг за другом каждый раз, когда делал паузу.

Возможно, мужчина просто устал. Бедный.

Была почти полночь, и в зале ожидания было немногочисленно. Мама, миссис Ледбеттер, Джексон, Амелия и я сидели, казалось, несколько часов, ожидая, когда доктор скажет нам новости после того, как забрал Тони в ОИТ* (*прим.: *ОИТ — отделение интенсивной терапии*).

— С ним всё будет хорошо? — спросил я.

— Он перестал отвечать на антибиотики, — сказал доктор Коли, моргнув несколько раз. — Мы начали новый курс, с другим, более сильным антибиотиком, но это рискованно. И это требует времени. Его тело может принять только это. Мы пытаемся его стабилизировать, сохранять в комфорте. К утру мы узнаем больше. Я определённо не сдаюсь, но вам нужно учитывать возможность, что эти новые антибиотики могут не сработать. Конечно, мы сделаем всё, что можем, и он может справиться, но я совру, если скажу, что это точно. Прямо сейчас мы, наконец, довели его до точки, когда он может отдохнуть, так что мы дадим ему отдохнуть.

— Мы можем его увидеть? — спросил я.

— Вы или Джексон можете посидеть с ним. Он под успокоительным, так что не придёт в себя некоторое время, но вы можете с ним посидеть. Но больше никто, пожалуйста. Нам нужно дать ему отдохнуть, пока он может. Ему нужно восстановить силы.

— Значит, остальные не могут его увидеть? — спросила миссис Ледбеттер.

— Вы можете поехать домой, отдохнуть и вернуться утром.

— Он может умереть к утру! — огрызнулась она.

— Я так не думаю, — сказал доктор Коли. — Если этот курс антибиотиков не поможет, есть другие, но дальше всё становится рискованнее. Пожалуйста, народ. Я не думаю, что он в непосредственной опасности. Возможно, вы хотите отдохнуть, пока есть такая возможность, и вернуться утром, и у нас будет более ясная картина того, на каком мы этапе.

Он извинился и исчез за ближайшей дверью.

— Я останусь с ним, — сказал я. — Джек, ты должен отвезти их домой. Но когда вернёшься, можешь захватить одного из его мишек? И его книгу о динозаврах?

— С тобой самим всё будет хорошо? — спросил Джексон, его уставшие глаза смотрели обеспокоенно.

— Я буду в порядке, — сказал я. — Мама, ты должна пойти и поспать.

— Как я буду спать? — спросила мама. — Я буду ждать тебя здесь, на случай, если тебе что-то понадобится.

— Нет, ты должна идти, мама.

— Не говори мне, что я должна, а что не должна делать, юноша, — огрызнулась мама. — Я сказала, что остаюсь, и я останусь.

— Миссис Кантрелл, я привезу вам косметичку, — сказал Джексон. — Вы сможете освежиться.

— Это было бы очень мило, дорогой, — сказала мама.

— Я хочу остаться с папочкой, — сказала Амелия.

— Нам нужно отдохнуть, милая, — строго произнёс Джексон. — Мы встанем пораньше и вернёмся сюда утром, раньше, чем доктора делают обходы. А теперь поцелуй своего папочку, и мы пойдём.

Амелия подошла ко мне, сильно нахмутив маленькое личико. Она поцеловала меня в щёку, затем прошептала на ухо:

— Не злись на Бога. Хорошо?

— Я постараюсь, — пообещал я.

— Нет, папочка. Я серьёзно. Он тебе не поможет, если ты на него злишься.

— А ты умная девочка, да?

— Обещаешь мне?

— Обещаю.

— Я привезу его мишку и ту книгу про динозавров, которая ему так сильно нравится.

— Спасибо, тыковка.

Пока мы смотрели, как они уходят, я сказал:

— Мама, ты уверена, что не хочешь пойти отдохнуть?

— У тебя, должно быть, в ушах кукурузные початки. Честное слово.

— Я рад, что ты приехала.

— Я тоже, Вилли.

Глава 94

Я не приму этого

— Не бросай меня, — сказал я, глядя на Тони в мягком свечении тусклых ламп. Он лежал на спине, согнув руки и ноги, его грудь равномерно поднималась и опускалась.

Почти два часа я наблюдал в тишине, стараясь не плакать, не всегда преуспевая в этом, стараясь не злиться, стараясь и терпя неудачу.

— Не бросай меня, малыш Т. Слышишь? Я знаю, что ты меня слышишь. Я знаю, что где-то внутри тебя есть маленький мальчик, который меня слышит. И если ты думаешь сейчас сдать, лучше хорошенько подумай ещё раз, потому что я не стану этого терпеть. Ты меня слышишь, малыш Т.? Твой папочка этого не примет. Нет, сэр. И ты возьмёшь себя в руки и вытащишь свой зад из этой кровати и поступишь по отношению ко мне правильно.

Он не ответил.

На заднем плане тихо пищал кардиомонитор.

Бип... бип... бип...

Цифровой счётчик на мониторе показывал, что его температура снова снизилась до тридцати восьми и трёх.

— Мы только начали, — объяснил я. — Разве ты не понимаешь, сладкий? Ты почти закончил первый год в школе. Скоро наступят летние каникулы. Мы навестим мою семью на юге. Разве ты не хочешь познакомиться со своими кузенами, с дядей Билли, с тётей Шелли? И твой папа хочет поехать в «Дисней Ворлд». Не могу поверить, что ты захотел бы пропустить «Дисней Ворлд». Я хочу сказать, я никогда не был там сам, но слышал, что это крутое место. Адски дорого, но твой папа сказал не переживать о деньгах. Конечно, он может позволить себе говорить такие вещи. Если бы ты видел мой последний гонорар за книги, то понял бы, что я имею в виду. Если бы нас содержал я, мы бы вернулись на купоны на еду и в «Волмарте» платили бы карточкой для пособий, и вырезали бы купоны и подтирали бы зад кукурузными початками и... ты меня слушаешь? Ты не можешь так со мной поступить. Ты слышишь? Не можешь. Я тебе не позволю.

Бип... бип... бип...

— Знаешь, это не первое моё родео, — сказал я, пытаюсь взять себя в руки. — Я раньше видел эти песни и пляски. Теперь я знаю, что тебе не нравится тот урок речевой терапии, но это не ответ, приятель. Это не помогает. Мы не так справляемся с проблемами. Ты теперь Кантреллы, а у Кантреллов есть яйца, разве не так? Мы не бежим от проблем. Мы выставляем их на переднее крыльцо и даём им развлекать нашу родню. Вот, что мы делаем. И Бог Свидетель, они развлекаются. Мы не страдаем от сумасшествия, мальчик. Мы наслаждаемся им. Так что, если ты думаешь, что увильнёшь от урока речевой терапии с помощью этого своего маленького спектакля, лучше подумай ещё раз.

Казалось, этот ход рассуждений не впечатлил Тони.

— Но если ты должен уйти, то я хочу, чтобы ты мне кое-что пообещал, — сказал я после долгой паузы. — Я хочу, чтобы ты пообещал, что не забудешь нас. Знаю, знаю, ты будешь там полировать нимб Иисуса или сидеть на облаке, или, может быть, он назначит тебя ответственным за пыльцу фей или что-то ещё, но я хочу, чтобы ты пообещал мне, что не забудешь о нас, когда попадёшь туда, наверх. Потому что мы не забудем о тебе, малыш Т. Ни на минуту. И думать не смей, что забудем.

Бип... бип... бип...

Глава 95

Меня зовут отец Джеймс

Я опустил голову на перила кровати, казалось, всего на мгновение или два, но, должно быть, это продлилось дольше, потому что я вдруг почувствовал, как кто-то трясёт меня за плечо.

— Мистер Кантрелл?

Мои глаза распахнулись.

— Меня зовут отец Джеймс, — сказал мужчина. — Я не хочу навязываться.

Я вытер глаза, в замешательстве от этого гостя, и запутавшись. Я не просил встречи со священником, не хотел видеть священника. На самом деле, священник был последним человеком, которого я хотел видеть, и я говорил медсестре, спрашивающей об этом. Нет, я не хочу поболтать со священником, спасибо вам большое.

Однако, вот он здесь.

— Я, должно быть, уснул, — сказал я, пытаюсь не забывать о манерах.

Я встал, пожал мужчине руку.

Он был пожилым мужчиной. Редкие седые волосы коротко подстрижены, он был разодет: колоратка, чёрная рубашка и чёрные брюки, весь с иголочки. Я был удивлён, что на нём не ряса и забавная шапка.

Он просто посмотрел на меня, улыбнулся.

— Я могу вам помочь, отец? — спросил я.

— Не уверен, что помощь нужна мне, Вилли.

— Откуда вы знаете моё имя?

— Ты его отец, разве нет?

— Да.

— Он держится?

— Кажется. Разве не поздновато для ваших обходов?

— Я не мог заснуть.

— Значит, вы просто брели по коридору и случайно нашли эту палату?

Он улыбнулся улыбкой милого старика, полной знания, полной хорошего юмора.

— Мне говорили, что ты будешь трудной задачей. Мне бы не помешал вызов, знаешь ли. Работа священника... это проще пареной репы. Люди умирают. Конечно, они хотят поговорить со мной. Чёрт побери. На этом этапе они бы поговорили и с томатом в горшке. Более интересны люди, которые не хотят разговаривать со мной.

Я ничего не ответил на это.

— Знаешь, я прочёл твою книгу, — сказал он. — На самом деле, обе. Пути Господни неисповедимы, так ведь? "Господь даёт, Господь забирает. Благослови Господи!" Но я не думаю, что ты веришь во всё это.

— Я могу что-нибудь для вас сделать?

— Знаешь, чего я никогда не понимал?

— Чего?

— Почему ты называл её "Крёковый малыш"? Кажется, грубо называть так своего ребёнка.

— Я в то время очень любил правду. Думал, буду говорить всё как есть и резать правду-матку. Не хотел слишком много льстить.

— Но он не был крёковым малышом.

— Он был метамфетаминовым малышом. Но крёковый малыш ассоциируется с родителями и окружением, в котором воспитывался ребёнок.

— Именно, — сказал он, кивая. — Если и есть правда в твоей книге, так это то, что Ной не воспитывался в таком окружении, поэтому мне всегда было интересно, почему «Крёковый малыш»?

Мне хотелось выгнать этого человека из палаты, и всё же... и всё же мне хотелось услышать, что он хочет сказать. Без сомнений, мама позвонила в одну из церквей и попросила, чтобы меня пришёл навестить священник. Мама очень это любила.

— У вас есть цель? — спросил я.

— Есть, Вилли. О, действительно есть! Но мне может потребоваться время, чтобы до неё добраться, потому что я стар. Так мы делаем, когда стареем. Мы не торопимся. Видишь ли, время — это всё, что у нас есть.

— Это... увлекательно, но я действительно думаю, что вам пора идти.

— Я уйду. Если ты хочешь. Я здесь не для того, чтобы навязываться...

— Почему вы здесь?

— Давным-давно один из моих коллег — и я использую это выражение очень условно в данном случае — пришёл и сделал с тобой что-то, на что не имел право. Так что давай просто скажем, что я пытаюсь исправить его ошибку.

— Священник, страдающий от чувства католической вины. Это интересно.

— Тебе, возможно. Но не я страдаю от чувства вины, так ведь? — Он одарил меня странным взглядом. — Мне интересно, кого ты на самом деле пытаешься спасти. Это твой сын, Ной? Это этот мальчик, которого ты опекаешь? Или это... ну, или это ты, Вилли? Знаешь, нужно приглядывать за спасателями, потому что очень часто тонут именно они. Они хотят хорошего, конечно, но они такие ведомые. Такие отчаянные. Они, кажется, думают, что судьба других в их руках, что они могут каким-то образом, даже если исключительно силой своего желания, манипулировать и контролировать судьбы других и делать их жизнь такой, какой хотят. Просто взмахнуть волшебной палочкой и заставить исчезнуть все ошибки и страдания. Всё исправить. Будто Бог на самом деле ничего не контролирует и понятия не имеет, что делает. Я нахожу это очень любопытным.

— Вы серьёзно?

— Да, — сказал он.

— Не кормите меня этим: "Бог в ответе за всё", не когда так много малышей умирают от голода по всему земному шару, не когда вокруг так много зла и происходит так много ужасных вещей, и умирает так много людей, так много детей нуждается в доме, так много лжи и херни во всех уголках планеты. Если Бог в ответе за всё, почему он ничего не делает?

— Что заставляет тебя думать, что не делает?

— На мой взгляд, он дерьмово исполняет свою работу — и это я ещё вежливо.

— На твой взгляд, возможно. Уверен, ты слышал историю о человеке, который жаловался Богу. "Боже, почему ты ничего не делаешь?" — спрашивал человек. И Бог ответил: "Почему не делаешь ты?" Бог уже сделал работу, видишь ли. Он воздвиг свою церковь. Он показал путь. Он всё ясно изложил. И ещё, дело в том, что у Бога нет рук. И ног. Бог — это дух. Без нас Бог не может сделать ничего. Когда-нибудь думал об этом?

— У вас есть цель, или вы просто пытаетесь меня разозлить?

— И то, и другое.

— Ну?

— Ты умный человек, Вилли. Ты знаешь, что нет смысла злиться на Бога. Бог не забирает твоего мальчика. Он не забирает этого мальчика. Жизнь такая, какая есть. Вещи случаются. Люди свободны делать то, что им нравится, и очень часто они делают, а тебе нужно только оглядеться вокруг, чтобы увидеть, куда это привело. Удивительная неразбериха, не правда ли? Но каким-то образом, каким-то путём, в этом есть красота. Это создал Бог, и Бог видел, что это было хорошо. Ты когда-нибудь думал об этих словах?

— Боюсь, вы не хотите знать, что я думаю о Библии.

— Ты будешь удивлён тем, что там есть, когда научишься смотреть на неё метафорически.

— Даже метафорически, меня от неё тошнит.

— Тебе нужно понять контекст.

— Пожалуйста — Господи! — скажите мне, что вы не будете читать проповедь.

— Боже, нет. Последний раз, когда я читал проповедь, у меня ещё были волосы и большая часть зубов, и мне не приходилось проводить по полчаса утром на унитазе, пытаясь опорожниться. Боюсь, мои дни проповедей прошли.

— Вы не выглядите таким старым, — сказал я. — Мама звонила в ваш приход, сказала вам навестить меня?

— Мама?

— Моя мать, — сказал я.

— Я не знал, что твоя мать живёт в Бостоне.

— Она не живёт. Она в гостях.

— Что ж, нет, никто мне не звонил, и определённо не твоя мать. Думаю, я бы это запомнил — я определённо помню о ней достаточно из «Крэкового малыша». Я удивлён, что она всё ещё разговаривает с тобой.

Я нервно сложил руки вместе.

Какого чёрта хотел этот человек?

— Так кто вам звонил? — спросил я.

— Ты.

— Простите?

— Ты не слышал пословицу о том, что когда ученик готов, придёт наставник?

— Придёт "наставник"? В английском это значит...

— Ты действительно враждебно настроен, да?

— Я специально сказал медсестре, что не хочу видеть священника. И если бы вы были каким-то другим священником, а не католическим, я бы вышвырнул вашу задницу в мгновение ока. Я хочу сказать, если бы вы пришли сюда, стуча Библией, или в тюрбане, или если бы у вас до груди свисали пейсы, вас бы здесь не было. Но у меня есть слабость к священникам. Бог знает, почему. Я не знаю. И... я не хочу быть грубым, отец, но самый последний человек, с которым я хочу разговаривать, — это католический священник. Если не возражаете, я скажу, что думаю — вы все кучка грёбанных лунатиков, и простите мои манеры

Он рассмеялся.

— Это смешно? — спросил я.

— Конечно. Это похоже на то, что ты говоришь в своих книгах — это так... потвоему. И конечно, я лунатик. В этом и состоит работа священника. Без ума от Бога. Я считаю это комплиментом.

— Вам повысили дозу лекарств, да?

— Я под воздействием Бога.

— Ага, что ж, как говорят в "Стар Треке", мне не нужен трикодер, чтобы понять, когда я застрял до подмышек в полном дерьме.

Его смех слетел с губ с радостной непринуждённостью, будто мы не стояли в больничной палате, будто мой сын не был болен и не, возможно, умирал в кровати рядом со мной.

— Вы уберётесь из моей палаты? — произнёс я, двигаясь вперёд, чтобы встать между кроватью и этим человеком.

— Подумай о том, что я сказал, — ответил он. — Прекрати бороться. Это послание, Вилли.

— Прекратить бороться?

— Мы боремся, когда нам нужно выжить, но настанет время, когда борьба больше не помогает. Я тебе не враг. Как и жизнь. Как и Бог.

— Это замечательно, — сказал я. — Раз Бог такой шикарный, может, он мог бы помочь моему сыну? Что насчёт этого?

— Так ты думаешь, что Бог — это банкомат? Нажмёшь пару кнопок и получишь то, что хочешь?

— Вам кто-нибудь говорил, что вы не на шутку раздражающий?

— Я однажды видел, как машина сбила собаку, — ответил он, уделяя мне каплю внимания. — Просто неожиданно-негаданно. Бам! Бедняжка упала на дороге, а водитель поспешил уехать. Так что я подошёл посмотреть, могу ли помочь собаке. Знаешь, что она сделала?

— Подписалась за реформу здравоохранения Обамы?

— Нет. Она укусила меня. Но я не злился на собаку, потому что она была напугана. Она была ужасно, ужасно напугана. И ранена. И испытывала боль. И после того, как укусила меня, она просто смотрела на меня и будто говорила: "Так что ты теперь будешь делать?" И я улыбнулся, пожал плечами и взял её на руки. И после этого мы стали очень хорошими друзьями. Ну, по крайней мере, на чуть-чуть. Бедняжка была так сильно ранена, что ветеринар мало что мог сделать. Но я оставался с ней до конца и продолжал поглаживать и говорить, пытался подбодрить, потому что хотел, чтобы у нее там, в конце, было приятное воспоминание. Я не хотел, чтобы она умирала с плохим чувством из-за того, что укусила кого-то. Я не хотел, чтобы её последним воспоминанием был акт жестокости. Я хотел, чтобы она знала, что прощена. Что всё нормально. Что...

— О Боже! — воскликнул я.

— Что? — спросил он, встревоженный.

— Вы читаете проповедь.

— Может быть, немного. Тяжело избавиться от старых привычек.

— Дело в том, что не я здесь умираю, и моё последнее воспоминание...

— Я сказал, что умираешь ты?

Я нахмурился.

— Дело в твоём последнем воспоминании? — надавил он. — Или в том, что ты с кем-то, кто, может быть, совершает самое последнее путешествие в этой жизни?

— А вы умеете бить лежачего, да?

— Просто подумай об этом, хорошо?

Глава 96

Просто устал

В следующий раз, когда я проснулся, Джексон стоял рядом с кроватью Тони, погружая мочалку в миску с тёплой, мыльной водой. Я наблюдал, как он проводит мочалкой по рукам Тони, его ладоням, груди, и под подбородком.

— Я могу это сделать, — сказал я, вставая и продирая глаза.

— Это моя работа, — ответил он. — Кроме того, он и мой сын тоже.

— Я знаю.

— Правда?

— Конечно. Какого чёрта с тобой не так?

— Может быть, я не так хорош, как ты, во всей этой эмоциональности и прочем, но мне тоже больно, Вилли.

Я посмотрел на его лицо.

Он казался очень встревоженным, не встречался со мной взглядом.

— Я знаю, — сказал я.

— Правда? — спросил он. — Когда мы были в больнице с Ноем, ты даже не знал, что я жив. Ты вёл себя так, будто через это проходишь ты, будто никто другой не мог понять, а я ходил плакать в комнату для персонала, потому что не хотел тебя беспокоить.

Я ничего не сказал.

— Прости, — добавил он, бросая взгляд на меня, быстро отводя глаза. — Я просто устал. Я не хочу его потерять, Вилли. Вот и всё. Но мы знали риски. Он милый ребёнок. Он не заслуживает этого. Никто из них не заслуживает этого.

Я посмотрел на мониторы, встревоженный тоном Джексона, ища знаки грядущей катастрофы. Температура Тони была тридцать восемь и три. Это хорошо, верно? Его пульс казался нормальным. Не было никаких звоночков, не моргала сирена, ничего не гудело.

— Он не так хорошо справляется, да? — тихо спросил я.

— Если он справится сегодня, с ним всё будет в порядке, — ответил Джексон, возвращаясь к своей беспристрастной профессиональности. — Пневмония — коварная сука. Невозможно предугадать исход. Ему становится тяжело дышать, что означает, что в лёгких собирается жидкость, что означает, что он может задохнуться.

— Вы не можете ничего сделать?

— Мы делаем. Можно интубировать.

— И что это значит?

— Засунуть трубку ему в горло. Это поднимает риск инфекции, другие сложности. Это крайняя мера, но он сможет дышать.

Джексон натянул одеяло обратно на ноги и ступни Тони, осторожно их вымыл.

— Но с ним всё будет хорошо, — сказал я.

— У тебя ещё есть дочь, знаешь ли, — сказал Джексон, поднимая на меня взгляд, игнорируя вопрос. — Она завтракает в кафетерии. Она напугана.

— Почему она напугана?

— Просто она провела несколько недель в больнице, ожидая, пока умрёт её мать. Теперь она снова в больнице... Твоя мать приехала прямо из Тупело, и до сих пор ты её игнорируешь. Может быть, ты мог бы вытащить голову из задницы и подумать о других людях, хотя бы на пару минут.

— Это не честно.

— Как есть, так есть, — ответил он.

— У тебя возникли сомнения по поводу усыновления этих детей?

— Боже, нет! Почему ты так говоришь?

— Ты странно себя ведёшь.

— Это моя семья. Вилли. Моя семья. Мой муж, мой сын, моя дочь. Мне нужно, чтобы ты это увидел. Мы в этом вместе. Не только ты.

— Я знаю.

— Правда? Или ты просто проведёшь всё своё время в этой палате, игнорируя остальных?

— Я никого не игнорирую!

— Не похоже.

— Я могу потерять своего сына!

— Нет, Вилли. Мы можем потерять нашего сына. Мы. Ты, я и Амелия.

— Тебе принести молоток?

— Чтобы я показал свою точку зрения более эффективно? Если понадобится, то конечно.

— Иногда ты можешь быть настоящей стервой, знаешь ли.

— У меня был отличный учитель.

— Кто? Твоя мама?

— Нет, Вилли. Ты. А теперь, почему бы тебе не пойти позавтракать со своей дочерью и не оставить меня одного, чёрт побери?

Глава 97

Купание нагишом

— Хотела бы я, чтобы ты перестал волноваться, — сказала миссис Ледбеттер. — Уверена, он будет в порядке. В любом случае, беспокойство ничего не изменит. Поверь мне, я знаю.

Эта отсылка к её покойному мужу — моему тестю — поставила меня в неловкое положение.

— Ох, честное слово, Вилли! — огрызнулась она. — Ты временами можешь быть таким сентиментальным.

— Теперь я его не потеряю, — сказал я.

— Будто у тебя есть слово в этом деле, — парировала она. — Ты ведёшь себя так, будто стоит тебе только сжать свои ягодицы достаточно сильно, бедняжка проживёт ещё один день.

Я нахмурился.

Она сделала затяжку электронной сигареты.

— Кстати говоря, — сказал я, глядя через стол на маму, — мне бы хотелось знать, кто натравил на меня католического священника в два, чёрт побери, утра. Этому ублюдку повезло, что я его не кастрировал и не отправил обратно в приход с яйцами в мешке.

— Не смотри на меня, — сказала мама.

— Он зашёл в палату Тони и накинулся на меня. Не говори мне, что ты ему не звонила.

— Вилли, я даже не знаю, где здесь церковь. Как я кому-то позвоню?

— Кто-то позвонил.

— Ну, этим кто-то была не я. Иисус, Мария и Иосиф, ну у тебя и настроение!

— Я просто расстроен.

— Мы все расстроены, но миссис Ледбеттер права. Переживания не помогут. Почему бы тебе не попробовать расслабиться? Знаешь, я попросила у мужчины за прилавком сладкий чай, и он вытаращился на меня. Можно подумать, я просила мятный джулеп. Амелия, милая, ты когда-нибудь пила сладкий чай?

— Папочка иногда его делает, — сказала она.

— Ну, чтобы сделать его правильно, нужно дать ему настояться на солнце, а я не вижу, как можно сделать это здесь. Не могу поверить, как там холодно снаружи.

— Мама, сегодня должно быть тринадцать градусов, — отметил я. — Уже почти июнь.

— Я знаю, — сказала она. — Но мне следовало взять зимнее пальто. Ветер продувает насквозь. Дома погода была намного лучше, но, конечно, дождь лил как проклятый, а потом был тот торнадо, который сел в Шермане. Прошёл прямо вниз по улице перед тем банком. Не нанёс урона, но банк — только Божья кара может ослабить этих кровососущих пиявок.

— Мама не любит банки, — объяснил я, бросая взгляд на миссис Ледбеттер.

— Что плохого в банках? — поинтересовалась Амелия.

— Не заводи меня, милая. Я рассказывала тебе о машине, которую купил Билли? О спортивной машине?

Я кивнул, сдерживая желание закатить глаза.

— Знаешь, что твой брат недавно сделал?

— Что? — спросил я.

— Это дядя Билли? — спросила Амелия.

— Старший брат Вилли, да, — сказала мама, кивая Амелии. — Твой дядя Билли, милая. Хочешь знать, что сделал дядя Билли?

— Что? — спросила Амелия.

— Заработал себе штраф за превышение скорости!

Я усмехнулся.

— Думаешь, это смешно? Гонять по центру Нью—Олбани, как чёрт из ада? Что, если какие-нибудь дети играли бы рядом, и один из них выбежал на улицу? Хах? Что насчёт этого? Штраф за превышение скорости! Иисус, Мария и все святые! Этот мужчина сейчас как сумасшедший, ездит на этой маленькой красной машине, штуковине Транс-Эм* (*прим.: Серия Транс-Эм — североамериканская кузовная автогоночная серия*)...

— Не думаю, что сейчас ещё делают Транс-Эм, — сказал я.

— Ты знаешь, что я имею в виду, Вилли. Одна из этих иностранных ерундовин. Сидения такие маленькие, будто сидишь в детской коляске. И он заплатил за неё восемьдесят тысяч долларов! Не знаю, что нашло на твоего брата. Я сказала: «Если ты собираешься выкинуть восемьдесят тысяч долларов, по крайней мере, пусть на что-то удобное. Или купи приличную лодку». Ты знаешь, какая у него лодка? Господи. Он заставил нас всех плавать на ней прошлым летом. Эта штука чуть не опрокинулась, а там были только я, Шелли и дети. Там, посреди озера, и эту штука чуть не перевернулась. Я сказала: «Если собираешься выкидывать свои деньги, по крайней мере, купи что-то, чем можем наслаждаться мы все». Но нет! Твой брат разве меня слушает? Он слушает меня не больше, чем ты, и это...

— Мама?

— Что, сладкий?

— Я люблю тебя.

— Как мило, дорогой.

— Я люблю тебя и люблю слушать, как ты говоришь, но прямо сейчас я не хочу слушать о Билли и об этой чёртовой машине.

— Не нужно ругаться.

— Ну, я встревожен.

— И особенно не нужно ругаться перед детьми.

— Иисус в коляске. Я бы никогда этого не сделал.

— Не заводи меня на тему тебя и твоего поведения. И это мужчина, который водил своего сына купаться нагишом.

— Мы никому не причиняли вреда.

— Ну, есть вещи, которые ты можешь делать со своими детьми, а есть вещи, которые ты не должен делать, и плавать голышом в общественном месте...

— Мы плавали в речке за твоим домом, мама, которая чёрт-те где, и так далеко от цивилизации, как только можно забраться.

— Ты знаешь, что я имею в виду.

— О Боже, если бы.

— Знаешь, я не ходила купаться нагишом долгое-долгое время, — сказала миссис Ледбеттер. — Если честно, мне довольно-таки нравится это ощущение. Мы с мужем раньше ныряли в бассейн поздно вечером.

Мама выглядела ошеломлённой.

— Амелия, может быть, нам с тобой следует пойти искупаться нагишом, — сказала миссис Ледбеттер с блеском в глазах.

— Конечно, — сказала Амелия.

— Вы не можете, — в ужасе произнесла мама.

— Миссис Кантрелл, знаю, вы очень консервативный человек, но знаете, время от времени нужно распускать волосы. Покурить немного травки или ещё что. Выпустить на волю сиськи. Жизнь коротка.

Мама открыла рот, чтобы ответить, но слов не вышло.

— Бросайте, миссис Кантрелл, всё не так плохо, — добавила миссис Ледбеттер. — Мы со Стивеном были — как это мне сказать? — очень смелыми в свои дни. Помню, мы ходили на кемпинг в Пиренеях. Когда-нибудь были там?

— Где, дорогая? — спросила мама.

— Пиренеи. Во Франции. Горы, дорогая. Мы как раз только поженились, и мы были в маленькой палатке на краю маленького озера, мы разожгли костёр и сидели там весь вечер, полностью обнажённые.

— О, небеса! — воскликнула мама, опуская взгляд и краснея.

Амелия захихикала.

— Это было замечательно, — заверила нас миссис Ледбеттер. — Мы занимались любовью под звёздами. Гашиш был очень популярен в то время, и я уверена, мы скурили немало. Я была очень шаловливой в этом плане, когда была моложе. Пока это злило моего отца, я была "за" руками и ногами. Я очень любила бунтовать. Мы все это делали.

— Что ж, — произнесла мама. Затем она замолчала.

— Знаешь, Амелия, думаю, мы должны, — сказала миссис Ледбеттер, кивая.

— Вы должны что? — спросила мама.

— Мы должны пойти искупаться нагишом. Миссис Кантрелл, вы должны к нам присоединиться.

— Я не буду!

— Ох, мы все дамы. Какая разница? Будет весело. Мы выключим свет в бассейне, если хотите. Будем только мы, девочки. Мы устроим ту ещё вечеринку. Я попрошу Лидию подать коктейли и закуски. Может быть, мы могли бы просто покидаться друг в друга креветками.

— О Боже, — в ужасе прошептала мама.

— Мама, она просто дразнит тебя, — сказал я.

— Покидаться креветками? — повторила мама, выглядя ошеломлённой. — Что вы имеете в виду, покидаться креветками? Это что-то ливанское?

— Ливанское? — в замешательстве спросил я.

— Ты знаешь, — смущённо произнесла мама. — Что-то, что... делают... женщины. Эти ливанские женщины.

— Ты имеешь в виду лесбиянки?

— Плевать! — огрызнулась мама. — Я точно не собираюсь... кидаться креветками... в другую женщину!

Миссис Ледбеттер рассмеялась.

— Мама, она говорит о битве едой. Кидаться креветками в бассейне.

— Зачем?

— Чтобы просто провести время, — объяснила миссис Ледбеттер. — Мой Стивен кидался в меня креветками. Я могла ловить их ртом. Мой отец это ненавидел, знаете ли.

Мама посмотрела на меня, на миссис Ледбеттер, затем обратно на меня, будто не могла понять то, что слышит.

Я усмехнулся.

Мой телефон, который лежал на столе рядом с тарелкой, внезапно завибрировал. Это было сообщение от Джексона.

Глава 98

Правда?

Я поспешил в палату, оставив маму, миссис Ледбеттер и Амелию снаружи.

Джексон стоял у другой стороны кровати. Он поднял глаза, удерживая мой взгляд.

Я поспешил к кровати.

Тони не спал. Он сжимал в своих маленьких ручках мишку.

Привет, — прожестикнул я.

Он смотрел на меня снизу вверх, ища мои глаза.

Как ты себя чувствуешь, малыш Т.?

Он пожал плечами.

Джей говорит, что ты поправишься.

Он не ответил.

На мои глаза навернулись нежеланные слёзы.

Я вытер их, чувствуя шок.

Ты плачешь... почему? — спросил Тони.

Я просто рад, что ты в порядке. Мы переживали, сладкий.

Правда?

Правда.

Папочка?

Да?

Я нехорошо себя чувствую.

Я знаю, сладкий. Мне жаль. Но тебе дадут много лекарств, и с тобой всё будет отлично. Вот увидишь.

Правда?

Я кивнул.

Мы любим тебя, сладкий, — сказал я. — Мы очень сильно тебя любим. Ты это знаешь?

Он кивнул, затем отвернулся и закрыл глаза.

Я снова вытер свои глаза.

Когда я не затих, Джексон обошёл край кровати и заключил меня в объятия.

— Брось, ковбой, — прошептал он мне на ухо. — Всё будет хорошо.

— Я знаю. Прости.

— Не извиняйся.

— Знаю, я иногда придурок.

— Не переживай об этом.

— Он будет в порядке?

— Доктор сказал, что трудности позади.

Как бы ни пытался, я не мог перестать плакать.

Я чувствовал, будто что-то внутри меня распутывается.

— Давай, ковбой, — произнёс Джексон, побуждая меня сесть.

— Я так боялся, что мы...
— Тише, — сказал Джексон.
— Но я был...
— Тише, Вилли. Просто будь счастлив, хорошо?
Он присел передо мной на корточки, положил голову мне на колени.
— Когда ты последний раз спал? — спросил я.
— Давно, — признался он.
— Знаешь, я тебя люблю.
— Знаю.

Глава 99

Думаю, ты ему нравишься

— Мама, это Тони, — сказал я.
Она подошла ближе к краю кровати, улыбаясь Тони.
Малыш Т., это твоя бабушка. Скажешь привет?
В ответ он застенчиво помахал рукой.
— Он такой маленький, — сказала мама.
— Ему всего семь.
— Дай-ка посмотреть, помню ли я...
Она снова улыбнулась Тони. Затем:
Привет. Как ты?
Ты жестикулируешь? — спросил он, его лицо было полным удивления.
— Что он сказал? — спросила мама, глядя на меня.
— Он спросил, жестикулируешь ли ты.
Она посмотрела на него, покачала головой. Затем прожестикулировала: *Немного.*
Не... хорошо.
Тони засиял, глядя на неё.
— Он меня понял? — спросила она.
— Конечно, понял.
— Скажи ему, что мне очень приятно с ним познакомиться, и я хочу, чтобы он поправился, приехал домой и поужинал с нами. Я приготовлю жареную курицу. Я уже поговорила с Лидией, и она купит то, что нужно. Скажи ему это.
Бабушка говорит, что хочет, чтобы ты приехал домой, чтобы она могла приготовить тебе жареную курицу. Хочешь?
Он счастливо кивнул.
Мама робко потянулась вниз, взяла его руку и подержала в своей, всё это время улыбаясь ему. Я боялся, что он отстранится, отпрянет от этого вторжения в его пространство, но он просто смотрел на неё снизу вверх.
Она подняла вверх указательный палец, чтобы привлечь его внимание.
Он ждал.
Она снова взяла его руку и начала рисовать на ней круги.
Он поднял на меня взгляд и усмехнулся.
Нравится? — прожестикулировала мама.
Он кивнул. Затем поднял свой указательный палец, жестом прося дать ему её руку. Она дала, и он начал исследовать её, не обращая внимания на иглу капельницы, воткнутую в тыльную сторону его ладони, мониторы, больничную кровать, не замечая даже меня.

— Думаю, ты ему нравишься, — прошептал я.
Мама не отрываясь смотрела на него.

Глава 100

Пора идти

Нет! — взволнованно прожестикуюлировал Тони. — *Ты! Нет! Нет! Нет!*

— Позволь мне это сделать, — вмешался Джексон.

Медсестра, молодая женщина с розовыми щёчками и светлыми волосами в хвосте, была в замешательстве.

— Что он сказал?

— Он сказал, что это должен сделать я, — объяснил Джексон, беря руку Тони в свою, переворачивая её, чтобы мог снять клейкую ленту, удерживающую иглу капельницы.

Тони поднял взгляд на меня, его глаза были полны страха.

Всё в порядке, — сказал я. — *Папа не сделает тебе больно. Мы должны её достать, чтобы ты мог пойти домой.*

Он перевёл взгляд на Джексона.

Джексон подмигнул ему и улыбнулся. Осторожно, нежно, он снял клейкие ленты, одну за другой, затем вытянул иголку и протянул её медсестре.

Хорошо? — прожестикуюлировал Джексон.

Тони очень серьёзно кивнул, поднеся руку ближе к своему лицу, чтобы исследовать ранку.

Мы помогли Тони одеться, суется как две мамы-медведицы над детёнышем. Тони был очень счастлив выбраться из кровати и пойти своей дорогой.

— Значит, это твой муж, — сказала медсестра, наблюдая за нами. — Мы никогда его не встречали, Джеки. По крайней мере, до сих пор. Я Ширли, кстати.

Она протянула мне руку.

Я пожал её.

— Я была в отпуске, так что всё пропустила, — объяснила она. — Я рада, что он в порядке. Разве это не странно?

Джексон бросил на неё взгляд.

— Прошу прощения? — произнёс я.

— Ну, двое мужчин... воспитывают детей... это просто...

— Это просто что? — спросил я.

— Полагаю, это немного странно, — сказала она. — Марлон придёт с коляской. Уже должен быть здесь. Пойду проверю.

Я наблюдал за тем, как она уходит.

— Она не до конца принимает нас, — объяснил Джексон. — Но практически все остальные отнеслись очень хорошо. Теперь, когда закончил стажировку, я подпишусь на медицинскую страховку — и внесу туда ещё и вас с Амелией.

— Ты можешь это сделать?

— Мы женаты, разве нет? Если другие парни могут вписывать в страховки своих жён и детей, почему я не могу?

— Ну, во-первых, я тебе не жена.

— Ох, но это так, Вилли. Ты взял его кроссовки?

Я достал кроссовки Тони из пакета, в который их положила мама. Джексон завязал ему шнурки, помог слезть с кровати.

Ты в порядке, сладкий? — спросил я.

Вместо ответа он расставил руки, что было его знаком, что он хочет, чтобы я взял его на руки. Я устроил его у себя на бедре, он уткнулся лицом в изгиб моей шеи и вздохнул. Я поцеловал его волосы, и он прижался ближе, обвив рукой мою шею, а другую положив мне на грудь. Он дёргал своими маленькими пальчиками мою бороду.

— Он вымотался, — заметил Джексон. — Но несколько дней постельного режима, и он будет как новый.

Ты готов идти домой? — прожестикнул Джексон.

Тони торжественно кивнул.

Угадай что? — спросил Джексон.

Что?

Мы тебя любим!

Джексон поцеловал его в щёку.

Тони улыбнулся.

Ты любишь своих папочек? — спросил Джексон.

Он очень серьёзно кивнул.

Глава 101

Ничего с лицом, пожалуйста

— Что ж, — торжественно произнесла миссис Ледбеттер, — как вы там говорите, в той выгребной яме истории, откуда вы родом, лопайте! И я должна сказать, миссис Кантрелл, пахнет действительно замечательно. Я никогда не была поклонницей жареной курицы, но вы сможете меня в неё влюбить.

— Надеюсь, вам понравится, — сказала мама, сияя от удовольствия от этого с трудом заработанного, если не равнодушного комплимента. — Нет ничего лучше жареной курицы для успокоения души, или так я всегда говорила.

Амелия уставилась на заваленный курицей поднос, который Лидия поставила на стол, и нахмурилась.

— Амелия, сладкая, ты обещала, — сказала мама.

— Я не ем ничего с лицом, бабуля.

— Иисус, Мария и Иосиф, дитя! Ела бы, если бы знала, как это вкусно! И ты говорила мне, что попробуешь, милая.

— Но вы убили эту бедную маленькую курицу...

— Думаю, там больше, чем одна, — отметила миссис Ледбеттер. — Целый выводок проклятых штук, судя по виду.

— ...просто чтобы мы могли поесть.

— Это жизнь, дорогая, — объяснила мама. — И если бы мы не разделали и не съели этих куриц, они были бы повсюду, и что бы мы тогда делали? Ты бы не смогла пройти по собственной подъездной дорожке, потому что вокруг был бы беспорядок из—за того, что куры гадят повсюду и встают на пути. И если ты их не съешь, то съедят змеи, и дикие кабаны, или псы, или... ох, просто попробуй кусочек и посмотри, понравится ли тебе. Честное слово!

— Она вегетарианка, мама, — сказал я.

— Ну, уверена, от этого есть лекарства, — язвительно ответила мама.

— Лучше попробуй, иначе у твоей бабули случится инфаркт, — прошептал я Амелии. — Кроме того, ты не можешь быть Кантреллом, если тебе не нравится жареная курица. Так не бывает.

— Вы ещё меня не удочерили, — отметила она.

— Но мы разобрались с документами, и довольно скоро ты будешь Амелией Кантрелл, и тебе придётся не отставать. Твоя кузина Мэри любит бабулину жареную курицу. Я не был бы удивлён, если бы она написала песню и спела об этом на радио.

— Серьёзно? — спросила Амелия. Она не могла дождаться нашей вечеринки четвёртого июля и шанса познакомиться со своей знаменитой кузиной Мэри.

— Ещё она была равнодушна к моему картофельному салату, потому что у этой девочки есть мозги, — добавила мама. — Не много, скажу я тебе, но есть, особенно, когда дело доходит до еды. И что скажет твоя кузина Мэри, когда услышит, что ты отвернула нос от еды своей бабули? Господи, я не хочу знать!

— Что за Амелия Кантрелл? — спросил через стол Джексон. — Амелия Ледбеттер — с таким именем эта девочка будет успешной.

— С такой фамилией, как Кантрелл, все будут знать, что её отец — знаменитый писатель, — парировал я.

— Почему бы вам не позволить ребёнку решить самой, какое она хочет имя? — предложила мама.

— Я не хочу, чтобы моя дочь ходила с фамилией Ледбеттер, — сказал я.

— Прости, — произнесла миссис Ледбеттер, вытирая губы салфеткой. — Бывают и хуже, знаешь ли.

— В Миссисипи есть Ледбеттеры, — отметил я. — Правда, мама?

— Думаю, Ледбеттеры есть повсюду, — сказала мама. — Я ходила в школу с Билли Ледбеттером. Тот мальчишка был сорока пятью килограммами чистого ужаса, ясно и просто. Сидел за мной и тягал меня за косички целыми днями. И ещё плевал бумажками мне в затылок. Ему нравилось доводить меня до истерики, тому мальчику. Затем он уехал в Корею и наступил на мину, вернулся домой без обеих ног. Все они, Ледбеттеры, были такими.

— Какими такими? — спросил Джексон.

— Неотёсанными, — объяснила мама.

— И кто такие, скажите на милость, неотёсанные? — наредила миссис Ледбеттер.

— Папочка и дедушка Билли Ледбеттера управляли ликёроводочным заводом и скатились до борделя. Все об этом знали, даже шериф.

— Что такое бордель?

— Забегаловка. Вы знаете. Джин. Азартные игры. Девочки. Сивуха. Всё это. Там, в лесной глуши. Белые и цветные вперемешку. Если бы ваш муж пропадал часами вне дома, вы бы поняли — и довольно правильно — что он ошивается в борделе и ведёт себя, как шут. Но я просто говорю, что Билли воспитывался в таком окружении, никого не уважал, меньше всего себя. И когда он вернулся из Кореи, то уже не управлял заводом. Если у того мальчишка и была хоть капля мозгов, он хорошо это скрывал. А теперь, Амелия, сладкая, ешь!

— Ох, бабуля!

— Не заставляй её, мама, — сказал я.

— Господи, я никогда не думала, что у меня будет внучка, которая не захочет есть что-то, у чего было лицо. Убивай или будешь убит, милая. Так работает мир. У этих кур могут быть лица, но им нужны мозги, и если бы у них были мозги, они бы не лежали прямо сейчас на наших тарелках, не так ли?

Амелия долгое мгновение раздумывала над этой перекрученной псевдо-логикой.

— Ох, хорошо, — наконец сказала она.

Она взяла куриную ножку, понюхала её.

— Ну, ешь, дитя, — сказала мама.

К этому моменту Тони уже сгрыз одну ножку, и начинал есть вторую. Он сидел рядом со мной, не обращая внимания на то, что происходит, и выглядел не хуже, чем раньше. Из уважения к дому Ледбеттеров, я заправил за его воротник салфетку.

— Твоему брату нравится моя курица, — сказала мама.

— Он съест что угодно, — пренебрежительно ответила Амелия. Затем она подняла взгляд на меня, будто за разрешением или советом, или и тем, и другим.

— Что худшее может произойти? — произнёс я. — И кто знает? Тебе может понравиться, милая. Должно быть что-то лучше, чем капуста и морковь.

— Ладно! — огрызнулась она.

Она откусила кусочек от куриной ножки, медленно жуя.

— Вкусно, разве нет? — подтолкнула мама.

— Может быть, — признала Амелия. — Но я считаю, что одной ножки для меня достаточно. Курица может жить без ноги, так что это не будет похоже на то, что я её убила. Верно?

Джексон усмехнулся.

— Что, папа? — требовательно спросила Амелия. — Как бы тебе понравилось, если бы кто-нибудь отрезал твою ногу и съел?

— Это было бы ужасно неудобно, — сказала миссис Ледбеттер.

— Твоя бабуля права, — сказал ей Джексон. — Убивай или будешь убит. Все формы жизни зависят от других форм жизни ради выживания. Это неприятно, но так всё устроено. Растения тоже живые существа, знаешь ли.

— Знаю, — несчастно произнесла Амелия.

— Некоторые люди говорят, что у растений есть чувства.

— Неправда!

— Я не был бы слишком уверен. И есть некоторые растения, которые, кажется, могут общаться. Определённые виды деревьев, например. Если рядом есть хищник, они посылают химический сигнал, которые подхватывают другие деревья. Затем они передают его следующему дереву.

— Я читала об этом в энциклопедии.

— Мы не знаем, если ли у растений и животных те же чувства, что у нас, но дело в том, что вся жизнь зависит от другой жизни. Думаю, хорошо попробовать быть вегетарианкой, но ещё ты можешь попробовать не есть так много мяса и убедиться, что мясо, которое ты покупаешь, доставляют с органической фермы, где к животным относятся должным образом. Этому не обязательно быть настолько ужасным. Кроме того, ты маленькая девочка, и твоему телу нужен белок — а в сельдерее не так уж много белка.

— Я знаю, — сказала Амелия.

— Если не съешь курицу, её съест твой брат, так что лучше возьми немного, пока всё не кончилось.

Тони откинулся на спинку стула, рыгнул и потянулся за сладким чаем.

— Мальчики отвратительные, — сказала Амелия.

— Я только рад, что к нему вернулся аппетит, — сказал я. — Если он не наберёт несколько килограммов, то повернувшись боком, просто исчезнет. Можно подумать, что мы морим его голодом.

— В больнице он потерял около двух килограммов, — заметил Джексон.

— Мы это исправим, — пообещал я.

Тони переключил внимание на мамино домашнее пюре и подливку.

— Это мило, — произнесла миссис Ледбеттер.

Она огляделась, удостоив нас улыбкой.

— Что, дорогая? — спросила мама.

— Снова видеть в доме людей. С тех пор, как Стивен умер... что ж, давайте просто скажем, что было довольно тихо. Джеки, Вилли, думаю, вам следует привозить детей каждое воскресенье. Мы будем устраивать семейный обед. Затем дадим детям поплавать, или чего они ещё захотят. Я знаю, что не особо похожа на бабушку, но даже старую бостонскую псину можно научить паре трюков, не так ли? И это было бы мило. Очень мило для такой старой дамы, как я.

Это было неожиданным проявлением смиренности и откровенности. Миссис Ледбеттер редко говорила то, что думала, редко выражала настоящие чувства, и определённо никогда не признавалась, что нуждается в чём-то, или что успокаивается от присутствия людей в её жизни. Но теперь она казалась искренне тронутой тем, что в доме дети, и на неё в ответ смотрят лица.

— Посмотрите на меня, — сказала она, рассмеявшись. — В старческом маразме становлюсь сентиментальной. Мне нужно было пригласить некоторых своих республиканских друзей, просто чтобы дать Вилли во что вцепиться. Я когда-нибудь рассказывала вам, как к нам на ужин сюда пришёл сам Дональд?

— Сам Дональд? — в замешательстве спросила мама.

— Дональд Трамп, дорогая.

— Тот, что в телевизоре?

— Тот самый, — сказала миссис Ледбеттер. — Носит на голове жёлтый ковёр. Большой рот — когда он открывает его достаточно широко, можно увидеть там его ногу. Пришёл к нам однажды на ужин и подавился филе-миньоном Лидии. Устроил спектакль. Но он любит быть в центре внимания, так что всё хорошо.

— Мистер Трамп ваш друг? — спросила мама.

— Боже, нет! Он просил денег. Снова, скажу я вам. Строил какой-то роскошный отель — ему нужны были инвесторы. Я сказала ему, что больше не занимаюсь бизнесом в Нью-Йорке. Там деньги быстро приходят и уходят. Они нажимают на неправильную кнопку на компьютере, и инвесторы влетают на миллиарды долларов. Нет, спасибо. И хоть я люблю роскошные апартаменты, я бы никогда не остановилась в отеле, на козырьке которого сияло бы имя хозяина. Так бестактно.

— Что ж, да, — сказала мама, нахмурившись.

— Хотела бы я, чтобы Стивен жил и увидел это, — сказала миссис Ледбеттер, опуская взгляд, чтобы посмотреть на свою тарелку.

— Вы справитесь, — заверила её мама. — Поверьте мне, миссис Ледбеттер.

— Ох, называйте меня Юнис. Вы, южане, такие холодно официальные.

— Юнис, дорогая, ты справишься. Вот увидишь. Когда я потеряла своего мужа, то чувствовала то же самое. Ну, не совсем то же самое. Часть меня, конечно, почувствовала облегчение. Над домом воцарилась тишина. Хорошая тишина — мой муж был...

— Грёбаным кретином? — предположил я.

— Он много пил, — сказала мама, сердито глядя на меня.

— Помимо всего прочего, — отметил я.

— Вилли, это было так давно. Оставь это, сладкий. И следи за своим языком. У твоего отца были свои демоны, знаешь ли.

Я прикусил язык.

— Мы все учимся справляться, — сказал Джексон.

Я посмотрел на него через стол, задаваясь вопросом, что это значит, затем понял, что он прав: он недавно потерял отца, Амелия потеряла мать, Миссис Ледбеттер —

мужа. Конечно, я потерял Ноя, и Тони потерял ту жизнь, которая была у него до пожара.

— Но я считаю, что с нами все будет в порядке, — добавил Джексон. — Будда говорил, что вещи приходят и уходят. Хорошие времена наступают. Хорошие времена проходят. Плохие времена наступают. Плохие времена проходят. Всё меняется. Ничего не остаётся прежним. Даже наши раны и сердечная боль не тянутся. В конце концов, они уходят. И я ему верю.

— Ты снова читал Далай Ламу, дорогой? — спросила миссис Ледбеттер.

— Это помогает мне, мам.

— Как? — спросил я, искренне интересуясь.

— Это научило меня оставаться здесь, в этом моменте. Прямо здесь, — чтобы подчеркнуть слова, он указал на стол так, что одновременно включало в себя и стол, и всех нас. — Не в прошлом. Не в переживаниях о будущем. Ничем не перегружаясь.

— В чём это полезно? — спросил я.

— Всё прямо здесь, прямо сейчас, в полном порядке. Когда я здесь, я в порядке. Я знаю, что могу это сделать. Я знаю, что всё будет хорошо. И я знаю, что не хочу быть нигде, кроме как прямо здесь, с моим мужем, с моими детьми, с моей семьёй, с моей жизнью, с тем, что я делаю, прямо здесь, прямо сейчас. Мне не больно из-за вещей, которые случились миллион лет назад. Я не боюсь вещей, которые могут случиться в будущем. Я не трачу свою энергию на эти вещи. Я просто здесь, в этом моменте, и знаешь, что? Всё в полном порядке. У меня есть крыша над головой, еда на столе, кто-то, кто любит меня, кто-то, кого люблю я. Наши дети ходят в хорошие школы. У меня есть работа. Наши счета оплачены. Это просто напоминание, что мне есть, за что быть благодарным, что всё под контролем, что всё осуществимо. И это мне помогает.

Мы раздумывали над этим в тишине.

Моё уважение к Джексону поднялось на несколько пунктов. Он никогда не говорил много о своём интересе к буддизму и к другим видам мышления Нового века.

— Один день за раз? — предположила миссис Ледбеттер, ссылаясь на высказывание из программ восстановления в двенадцать шагов.

— Именно, мам. Один день за раз. Я облажался в прошлом, потому что слишком загружался. У меня было такое чувство, будто я никогда не оправдаю надежду, никогда не буду достаточно хорошим для тебя, для папы, что никогда не буду кем-то и не буду делать что-то. Когда я начинал ходить на собрания, то узнал об одном дне за раз — "довлеет дневи злоба его". И это правда.

Мы продолжили есть в тишине.

— Что ж, — наконец произнесла миссис Ледбеттер, — ты вызываешь у меня желание нарисовать на лбу точку и уйти в монастырь. Напоминает мне об этих людях Харе Кришны, которые встречались в аэропортах. Полные маразматика, конечно, но они казались милыми. Амелия, передай мне картофельный салат. Я не знаю, что в него кладёт твоя бабушка, но ей придётся дать Лидии рецепт. Это как съесть маленький кусочек рая. И миссис Кантрелл...

— Зови меня Марта, — сказала мама. — Пожалуйста.

— Марта. Ты действительно должна остаться на выпускной детей на следующей неделе. У них будет маленькая церемония и всё такое.

— Мне нужно домой, — сказала мама.

— Чепуха, дорогая.

— Но я привезла не так много одежды.

— Для этого Бог изобрёл кредитные карточки, дорогая.

— Но у меня, правда, нет денег, чтобы...

— Ох, ка-ка, фу-фу! — воскликнула миссис Ледбеттер. — Мы займёмся шоппингом, всё тебе достанем. Мы соберём пару кредиток, дадим бухгалтеру их рассортировать, возьмём немного из наследства Джексона. Серьёзно, Марта, я настаиваю. Мы мило проведём время. Когда все эти дети не будут висеть на наших сиськах, мы выберемся в город и выпьем несколько «Кровавых Мэри». Тебе понравится. Я знаю, что понравится.

— Я никогда не пила «Кровавую Мэри», — сказала мама, краснея.

— Может быть, мы и за несколькими мужчинами погоняемся. В нашем возрасте всё может случиться — и случается. Я настаиваю. Скажи мне, что пойдёшь.

— Я должна ехать домой.

— Вот, что я тебе скажу. Чтобы подсластить пилюлю, мы отведём детей в зоопарк. Ты была в Бостонском зоопарке, дорогая? Там красивый аквариум. Дети его просто обожают. Мы будем двумя бабушками, которые балуют своих драгоценных внуков. Насколько это может быть плохо? Амелия, дорогуша, ты бы хотела сходить в зоопарк?

— А можно? — восторженно спросила Амелия. — Правда можно, ба?

— Конечно, можно. Мы капиталисты. Мы можем делать всё, что захотим. Разве не так, Марта?

— Что ж, — сказала мама, — мне бы хотелось провести больше времени с детьми.

— Тогда договорились! — счастливо воскликнула миссис Ледбеттер. — Кроме того, думаю, моему Джеки и его маленькому дружку могла бы понадобиться родительская ночь. Они должны сходить куда-нибудь, побаловать себя, хорошо поужинать или что-то ещё, а мы за них присмотрим за детьми. Наверняка они не будут с этим спорить.

— Тони просто наказание, — предупредил я.

— Поэтому мы прикуём его к кровати. Не стоит переживать, Вилли.

Я бросил взгляд на Джексона и улыбнулся.

Глава 102

Он справится

— Дай ему попробовать, — сказал Джексон, накрывая ладонью мою руку, чтобы сдержать меня.

Мы сидели в зале на выпускной церемонии Тони. Это была особая церемония для детей из классов коррекции. Ученики из класса Тони сейчас получали дипломы, и Тони сидел с ними, впереди, но продолжал оглядываться через плечо на меня, в его глазах была паника. Чтобы получить свой диплом ему придётся встать перед всеми и подойти к директору. Его глаза говорили мне, что он напуган.

— Я просто поднимусь с ним, — сказал я.

— Оставь его, — велел Джексон. — Он справится, Вилли. Дай ему шанс.

— Я просто пойду, встану там, чтобы быть ближе.

— Вилли...

Я вздохнул.

Джексон прав.

Я не хотел, чтобы Тони выставил себя дураком перед одноклассниками. Я не хотел, чтобы он чувствовал себя смущённым. Я не...

Я снова вздохнул.

— Ладно, — пробормотал я.

Учительница Тони, Дон Харгетт, стояла с директором, жестикулируя имена учеников своих классов, чтобы те вышли вперёд, когда директор объявлял их.

— Здесь так много учеников, — заметила мама, оглядываясь вокруг.

— Это все ученики коррекционной начальной школы, — сказал я.

— Я не думала, что будет так много, — прошептала мама недовольно.

— Здесь очень хорошие программы.

— Да, но их так много.

Дон Харгетт прожестикулировала имя Тони, пока директор вызывала его.

Тони снова взглянул на меня поражённым взглядом.

Рядом со мной Джексон ободряюще кивнул и улыбнулся.

Я тоже улыбнулся, помахал рукой, побуждая его встать и двигаться, пытаюсь придать уверенности своими глазами, своими жестами.

Ты справишься!

Он закусил губу, отвернулся, и я почувствовал себя плохо, будто подвёл его.

Колеблясь, он встал на ноги, его голова опустилась, пока он медленно шёл вперёд.

Раздавались аплодисменты, которые он не слышал.

Когда директор протянул ему его диплом, затем протянул руку, чтобы Тони мог пожать её, у меня перехватило дыхание. Тони никогда не пожимал руки незнакомцам, кому-то, кого не знал.

Дон была права. Он становился лучше в том, что касалось приближения других учеников к нему, что касалось прикосновений, что касалось не такого страха. Дома он справлялся даже лучше. Он был очень ласковым со мной и Джексон, даже с Амелией. Они с Амелией теперь часто ходили держась за руки, когда мы выбирались в торговый центр или в парк. Недавно он ехидно поцеловал её в щёку, пока они играли. Ещё он очень быстро привязался к маме и вовсе не был против посидеть у неё на коленях и поддаться проявлениям любви.

И всё же...

С незнакомцами...

Бесконечное мгновение он стоял напротив протянутой руки директора.

Он снова оглянулся через плечо, посмотрел на меня.

Я улыбнулся гордой улыбкой, чтобы показать ему, что доволен им.

Я кивнул.

Вперёд. Ты справишься, малыш Т.!

Он повернулся назад, распрямил плечи и застенчиво протянул руку директору, который пожал её. Затем он повернулся обратно ко мне, сияя. Вместо того, чтобы вернуться на своё место, как другие ученики, он побежал вперёд по центральному проходу в мою сторону и бросился в мои объятия.

— Аааах! — довольно пробормотал он, поворачиваясь, чтобы показать свой диплом Джексону.

— Он напоминает мне Ноя, — тихо произнесла мама, наблюдая за нами.

— Да, — согласился я. — Но он не Ной. Он сам по себе совершенно новая катастрофа.

— Он не катастрофа, — сказала мама.

— Мы все катастрофы, мама. Ты не знала?

— Ох, ты! — сказала она, шлёпая меня по руке.

Глава 103

Я видел его

Мистер?

Не называй меня мистер, — ответил я, кладя Тони в кровать тем вечером. — Я теперь твой папочка. Называй меня папочкой.

Хорошо, — согласился он. — Папочка?

Да?

Тот мальчик на фотографии...

На какой фотографии?

Он указал пальцем вниз, будто чтобы показать физическое место.

Внизу? — предположил я. — Фотография меня, папы и Н—о—я?

Он кивнул.

Я видел его, — прожестикуюлировал он.

Кого ты видел?

Его. Маленького мальчика...

Я нахмурился.

Я видел его в своём...

Он, казалось, не знал, какое использовать слово, поэтому приложил ладонь ко лбу, будто чтобы показать на свой мозг.

Ты видел его во сне? — предположил я.

Он кивнул.

Он сказал мне "нет".

Нет? — в замешательстве повторил я.

Он сказал мне "нет". Я хотел с ним поиграть, но он сказал мне "нет". Он сказал мне, что я ... должен идти...

Куда идти? — спросил я.

Идти домой, — ответил он.

Идти домой? — я не понимал, что он имеет в виду.

Идти домой, — повторил он. Затем он указал на меня. — Ты... дом... я. Ты... мой дом.

Я твой дом?

Он очень просто кивнул, будто в этом был самый настоящий смысл.

Он сказал мне, что я должен идти домой. Я... болею... я чувствую... хорошо... нет... не хорошо... Я чувствую не хорошо... он говорит... он сказал мне... идти домой.

И что ты сделал?

Я... ушёл домой.

Он поднял на меня выжидающий взгляд, будто всё это было совершенно понятно.

Ему снился Ной, когда он был в больнице?

Ной сказал ему, что ему ещё не время умирать?

Но... как это могло быть?

Он продолжал смотреть на меня, ожидая ответа.

Я рад, что ты пришёл домой, — сказал я с улыбкой, наклоняясь, чтобы поцеловать его в щёку. — Твой папочка очень счастлив. Ты тоже счастлив?

Он кивнул.

Ты видел его снова? — спросил я.

Он покачал головой.

Глава 104

Ты нормальный

Когда Тони уснул, я прошел по коридору в комнату Амелии, тихо постучал в её дверь.

— Входи, — сказала она.

— Пора спать, тыковка, — сказал я.

Она уткнулась носом в книгу.

— Ещё даже не десять! — воскликнула она.

— Уже почти десять.

— Я могу почитать до тех пор?

— Хорошо.

Я присел на её кровать, глядя на неё.

— Что? — спросила она.

— У тебя всё хорошо?

— Если бы было не так, ты бы узнал первым, папочка.

— Это моя работа — делать тебя счастливой.

— И ты в это веришь, да?

— Конечно, потому что это правда. И мне нравится думать, что я очень хорошо выполняю эту работу.

— Ты нормальный, — ответила она. — Хотела бы я, чтобы ты разрешил мне лечь спать попозже...

— Тебе нужен сон красоты. Бетти Уайт всегда говорит, что нужно спать по восемь часов сна красоты. По девять, если ты уродина.

— Очень смешно.

— Ну, маленьким девочкам нужен сон красоты. Ещё им нужно давать своим мозгам отдохнуть и не читать так много.

— Я дочь знаменитого писателя, и ты говоришь мне, что я слишком много читаю? Алло?

— Я тоже много читал. И посмотри, что со мной случилось.

— Ну, что есть, то есть, — с улыбкой произнесла она. — Но, по крайней мере, ты написал книгу. Это уже что-то.

— Что ты читаешь? — спросил я.

— Нэнси Дрю. «Диверсия в ивняке».

— Она довольно крутая.

— Она самая крутая, — согласилась Амелия.

— Так... всё нормально?

— Всё в порядке, папочка. Что-то должно быть не так?

— Я просто проверяю, смотрю, как моя маленькая девочка справляется со Счастьеметром.

— Я в порядке, папочка. Честно. Не нужно за меня переживать.

— Я за тебя переживаю. Это моя работа.

— Типичный мужчина, — ответила она.

— Папочка может поцеловать свою маленькую девочку, прежде чем она ляжет спать?

— Если ты должен.

Я поцеловал её в щёку.

— Ты прекрасна, знаешь это? — сказал я, вставая, чтобы уйти.

— Знаю.

— Я серьёзно. Ты отличная старшая сестра для своего брата, но ты должна чаще давать ему выигрывать в шашки. Ты сводишь его с ума.

— Я не дам ему просто так выиграть! — огрызнулась она.

— Ты должна давать ему выиграть время от времени. Иначе он впадёт в уныние.

— Или будет стараться сильнее.

— Это у него хорошо получается. Ты растираешь своего младшего брата в пыль. Сделай это ради меня?

— Может быть, — отозвалась она.

— Не засиживайся допоздна.

— Десять часов, — пообещала она.

— Я тебе доверяю, — сказал я. — Я не буду проверять, потому что знаю, что ты поступишь правильно.

— Я сказала, что обещаю. А теперь убирайся отсюда — я хочу узнать, что происходит в моей книге!

— Спокойной ночи, тыковка.

— Спокойной ночи, папочка.

Глава 105

Просто случайность?

Джексон уже был в кровати.

— У меня операция в шесть, — объяснил он. — Та, в которой пациент должен оставаться в сознании, но она глухая, так что мне нужно быть там, чтобы передавать инструкции, убеждаться, что она в порядке. И это операция на мозге — я такие ненавижу.

— Лучше ты, чем я, — сказал я.

— Ты бы потерял сознание, как только завелась бы циркулярная пила.

— В этом ты ошибаешься, — сказал я, скидывая свою одежду и забираясь в кровать рядом с ним. — Меня бы там вообще не было. Если я хочу забраться в твой мозг, то просто включу свою сексапильность.

— Знаешь, если бы это действительно работало, ты бы мог заработать много денег.

— Тебя я исправил, разве нет?

Он усмехнулся.

— Знаешь, что сказал мне Тони? — спросил я.

Я объяснил, что Тони рассказал о своём сне.

— Это было странно, знаешь ли, — сказал я.

— Он видел ту фотографию внизу. Он, наверное, считает Ноя своим братом. Уверен, это был просто сон.

— Может быть. А может, нет.

— Что, по-твоему, это было?

— Думаю, это был Ной, — признался я.

— Ох, Вилли...

— Это ты сказал, что он там, наверху, присматривает за нами, ожидая нас... Это ты сказал, Ледбеттер.

— Я знаю, но...

— Но ничего. Может быть, у Тони был своего рода опыт, близкий к смерти, и он видел Ноя... он видел нашего сына... который стоял там и говорил ему, что ещё не

время умирать. Думаю, Ной по-своему сказал нам, что это нормально, что мы взяли его под опеку, что мы сделали его частью нашей семьи. Думаю, Ной хотел, чтобы мы знали, что всё нормально.

— Ну, может быть, — тихо произнёс Джексон.

— И случилось ещё кое-что странное.

— Что?

— Когда мы были в больнице. Той последней ночью перед тем, как Тони пришёл в сознание. Какой-то священник зашёл в палату в два часа ночи. Какой-то надоедливый священник. Он появился из ниоткуда. Я думал, он капеллан, но твоя мать сказала мне, что у них нет католического священника капеллана.

— Думаю, он епископальный, — сказал Джексон.

— Можно пригласить священника, конечно. Просто звонишь в приход. И я думаю, они делают обходы по воскресеньям. Но мама говорит, что не звонила в приход, и твоя мама сказала, что не звонила, и ты не звонил. Так ведь?

— Зачем мне это? Ты совершенно ясно дал понять, что не хочешь, чтобы тебя беспокоил капеллан.

— Именно. Так откуда взялся этот священник? Никакой священник или капеллан не будет делать обход в два часа ночи.

— Он, должно быть, пришёл откуда-то.

— Можно подумать, — сказал я. — Но я звонил сегодня утром в офис епископа и спросил об отце Джеймсе.

— И что они сказали?

— У них есть отец Джеймс, да, но он молодой священник в церкви Святого Антония, которая на другой стороне города. Священнику, который приходил в мою палату, было минимум семьдесят. У них нет никаких других отцов Джеймсов.

— И?

— Так откуда, чёрт возьми, взялся этот парень?

— Может быть, он не из города.

— Значит, он приезжает в Бостон и идёт в детскую больницу и просто случайно знает, в какой находится палате, и просто случайно читал мою книгу и знал меня и всё обо мне? И никто ему не звонил, и он не работает на больницу, и никто в офисе епископа не знает его? Серьёзно? И всё это происходит в два часа ночи? Не думаешь же ты, что это была случайность?

— Что по-твоему это было?

— Я не уверен.

— В чём не уверен?

— Он был странным. То, что он говорил... как он со мной говорил... то, что он знал всё обо мне.

— Значит, он читал твои книги. Это ты всегда говоришь, что нужно разносить повсюду весть и разбалтывать истории нашей жизни. Это ты и сделал, и люди знают, кто ты. В этом нет ничего загадочного.

— Но кто ему позвонил? Если это был не ты, и не твоя мать, и не моя мать, то кто?

— Я не знаю.

— И ты не думаешь, что это странно?

— Уверен, есть какое-то объяснение.

— Он рассказал мне эту странную историю о собаке, которую сбила машина.

— И?

— Он сказал, что пытался помочь собаке, но собака его укусила. Но он не разозлился на неё, и собака решила быть ему другом. Он сказал, что для этой собаки были важны последние воспоминания о том, что её любили, и о ней заботились.

— Ладно...

— Это просто было странно. Сначала я думал, он говорит обо мне, что я злился на Бога, но Бог хотел, чтобы мои последние воспоминания были приятными, но нет, он говорил о Тони. Он сказал, что важно помочь Тони в его последнем приключении.

— И?

— Ты не видишь?

— Не вижу что?

— Может быть, у Тони был опыт, близкий к смерти. И, может быть, священник пришёл и пытался меня подготовить, пытался сказать мне делать своё дело и быть там... но затем пришёл Ной и сказал Тони "идти домой".

Джексон Ледбеттер нахмурился.

— Я знаю, в этом нет никакого смысла, — добавил я, чувствуя себя глупо.

— Я не знаю, — сказал Джексон. — Может быть, есть. Чем больше я читаю о буддизме и реинкарнации и прочем... да, может быть, в этом есть смысл. Может быть, всё не так ясно и однозначно, как нам нравится думать.

— Так ты думаешь, что Ной навещал его?

— Я этого не говорю.

— Что ты говоришь?

— Полагаю, возможно, что угодно, — наконец признал он. — Может быть, жизнь продолжается, но в каких-то смыслах, которые мы просто не понимаем. Так что да, может быть, это был Ной. Но всё так, как я уже тебе говорил. Я знаю, что он там, наверху. Где-то. Я знаю это. Я не знаю, откуда я это знаю, но я знаю. Я не знаю, может ли он навещать нас или видеть нас, или связываться с нами — я не верю в призраков и что-то такое — но я знаю, что он заботится о нас. По-своему. Как бы это ни работало. И, может быть, не важно, знаем ли мы, как именно это работает. Может быть, это неважно.

Я выключил свет на прикроватной тумбочке и прильнул к Джексону.

— Это напоминает мне, — произнёс он, притягивая меня ближе. — Я хочу отвести детей на урок медитации. Недалеко отсюда буддистский храм. Называется Единая буддистская община. Что думаешь?

— Ты хочешь, чтобы моя мать тебя прикончила?

— Не особо. Но то, чего она не знает, ей не навредит. Мы больше не ходим в церковь, но, может быть, по воскресеньям мы могли бы ходить на уроки медитации. У них есть курсы для новичков. Думаю, для нас это было бы хорошо.

— Католиков пускают в буддистские храмы?

— Только тех, кто не одержим Сатаной. Что, наверное, исключает тебя...

— Люблю, когда ты говоришь со мной о религии.

Мы замолчали, и я подумал о Ное. Было бы очень похоже на него — попытаться помочь, не злиться на меня, но беспокоиться, хотеть помочь.

Это было бы очень похоже на него.

— Так ты думаешь, с ним всё нормально? — прошептал я.

Джексон знал, что я имею в виду.

— Уверен, Ной в порядке.

— Ну, знаешь, если он наблюдает за нами, то мы больше никогда не сможем заниматься сексом. Я не хочу, чтобы он видел, как я делаю... это.

— Вилли?

— Да?

— Заткнись.

Глава 106

Потрясающе!

— Всем привет, — сказал Билли, увидев нас в аэропорту Мемфиса. Он стоял с Шелли, в бейсболке на лысой голове, и солнечными очками на козырьке. Шелли, как обычно, была одета с иголочки, и выглядела как бизнесвумен, какой и была.

Это было третье июля, почти середина лета.

— А это кто? — спросил Билли, глядя на Амелию.

— Билли, это Амелия, — сказал я. — Тыковка, это твой дядя Билли. Он мой брат. А это твоя тётя Шелли, его жена.

— Привет, — сказала Амелия, протягивая руку, пожимая руки им обоим.

— Какая ты хорошенькая, — улыбаясь, произнесла Шелли. — Ты ведь никогда не была на юге, да, сладкая?

— Не могу дождаться, — призналась Амелия. — Мэри здесь?

— О Боже, нет! — сказала Шелли. — Но она приедет сегодня на гастрольном автобусе. Вилли говорит, ты хочешь с ней познакомиться.

— Думаю, она крутая, — сказала Амелия. — Она прислала мне сообщение! Ну, она прислала его папочке, но оно было для меня, и он дал мне его прочитать.

Билли поздоровался с мамой и миссис Ледбеттер, затем посмотрел на Тони, который держал меня за руку. — А кто этот паренёк?

— Это Тони, — сказал я. — Он обычно не пожимает руки незнакомцам, но если ты дашь ему время тебя узнать, он будет в порядке.

Билли ответил улыбкой, соорудил дурацкую разве—ты—со—мной—не—поговоришь рожицу, глядя на Тони, пытаясь добиться реакции.

Тони смотрел на него, застенчиво, но не боясь.

Билли снял кепку, надел её на голову Тони и улыбнулся.

Тони засиял, щупая кепку свободной рукой. Он нашёл солнечные очки и надел их.

Билли вытянул руку, будто чтобы сказать: "Ударим по рукам, приятель?"

Тони со смехом пожал ему руку.

— Мы припарковались снаружи, — сказал Билли. — Ох, и, Вилли?

— Да?

— Приятно видеть тебя снова дома, брат.

— Оу, — произнёс я. — Спасибо.

— Полагаю, ты слышал о Мэри.

— Что?

— Она будет петь на шоу фейерверков. Знаешь, которое устраивают в центре города.

— Серьёзно?

— В последнюю минуту сэр позвонил ей и спросил, приедет ли она и сделает пару номеров. У неё сейчас выходит диск, знаешь ли. Она сделала ремейк "Слушай музыку". Ты знаешь? Той старой песни? Братьев Дуби?

— Серьёзно?

— О, Боже, её крутят по местному радио. Мэри сказала, что она уже в чартах Биллборд, что бы это ни значило. Она, кажется, думала, что это что-то.

— Это что-то, — сказал я. — Вау!

— Она начала тур, и они собрали здесь целую группу, просто чтобы она могла показаться на своей родине. Это будет большим делом. Практически все, кого я знаю, говорят об этом.

— Ну, она твоя дочь, знаешь ли.

— Да, ну, она всегда больше брала от тебя, чем от меня.

— Мэри будет петь? — спросила Амелия. — Это потрясающе! Не могу дождаться! Папа, ты слышал? Мэри будет петь!

— Наша Мэри? — спросил Джексон.

— У неё те ещё лёгкие, — ответил Билли.

— Мы можем сесть впереди? — спросила Амелия.

— Ты можешь пойти за кулисы, дорогуша, — сказал Билли. — Она твоя кузина.

— Потрясающе, — сказала Амелия, её лицо сияло.

— Мы теперь не сможем жить с Мэри, — сказала мама, качая головой. — Она уже невероятная. Теперь будет хуже.

— Видела бы ты, какие ей предлагают деньги, — сказал Билли. — Я бы тоже поднялся на ту сцену, но не могу вытянуть ни одной проклятой ноты.

— Она прочла рэп в этой песне "Слушай музыку", — сказала Шелли. — Я сказала, что если это кантри, то я съем свою туфлю.

— Сейчас все так делают, — сказал Билли. — Она называет это сэмплами.

— Как бы она это ни называла, это не кантри, — спорила Шелли.

— Ну, она заработает много денег, и это важно, — ответил Билли. — Давайте выдвигаться, народ. Пора идти к выдаче багажа.

— Нам всем там хватит места? — спросил я, оглядываясь вокруг. Нас было шестеро взрослых и двое детей. Помимо его спортивной машины за восемьдесят тысяч долларов у Билли ещё был грузовик. У Шелли — внедорожник, который подошёл бы, если плотно втиснуться.

— Мы взяли напрокат фургон, — объяснила Шелли. — Мы бы хотели, чтобы ты, Джек и дети остались с нами, а миссис Ледбеттер — с мамой.

— Можете высадить меня у отеля, дорогая, — сказала миссис Ледбеттер. — Я не буду никого обременять.

— Не слушай её, — сказала мама. — Мы уже разобрались, Юнис. Ты останешься со мной, и я не приму "нет" за ответ.

— Это очень настойчиво с твоей стороны, Марта, — сказала миссис Ледбеттер.

— У меня был хороший учитель. И я бы не мечтала оставить тебя одну в каком-то пустом старом отеле. Нет. Ты поедешь со мной и подышишь свежим деревенским воздухом. Если правильно разыграешь козыри, я могу даже дать тебе газонокосилку, чтобы подстричь траву. Упражнение пойдёт тебе на пользу. И если ты действительно будешь хорошо себя вести, мы можем поехать на квадроциклах к реке и устроить приличный пикник.

Миссис Ледбеттер усмехнулась.

Глава 107

Не нужно ничего говорить

На следующее утро я проснулся рано, хотел приготовить для всех завтрак, но в этом Билли меня опередил.

— Хей-хо, брат, — сказал Билли.

Он стоял у плиты на своей большой кухне, на одной конфорке стояла подливка, на другой ломтики бекона, куча печенья были готовы отправиться в духовку. На нём

были шорты и старая футболка. Стоял там как есть, и было тяжело поверить, что он был моим братом — маленьким засранцем, который всегда побеждал меня в любых играх, который всегда был на несколько лет старше, всегда больше, сильнее, умнее, тот, кто всегда добивался своего. Мы дрались как кошка с собакой, особенно из-за моего выбора "образа жизни" последние несколько лет. Но после смерти Ноя он перестал говорить об этом.

— Я собирался готовить, — сказал я, наливая себе чашку кофе.

— Подумал, что тебе не помешал бы перерыв. Без детей мы с Шелли больше почти не готовим. Немного скучаю по тем дням, на самом деле. Думаю, мальчики приедут сегодня утром. Джош едет из Университета Миссисипи, заберёт Эли. Должны быть здесь к ланчу. В любом случае, я рад, что ты встал. Я хочу с тобой поговорить.

— Оу?

Я сел, в ожидании глотнул кофе.

Он молчал, занимаясь беконом, помешивая подливку.

— Ну? — надавил я, немного беспокоясь. Не было похоже на Билли это "поговорить" — в его стиле больше «сесть и обсудить конкретную тему». Я чувствовал тяжесть.

Он повернулся, посмотрел на меня, нахмурился.

— В чём дело? — спросил я. — Не говори мне, что у тебя рак или какое-то дерьмо, потому что я не думаю, что смогу прямо сейчас справиться с чем-то ещё.

— Ничего такого, — сказал он.

— Ну, что?

— Ты мой брат, и я люблю тебя, — просто сказал он.

— Ну, ясен пень.

— Нет, Вилли. Я серьёзно. Я хотел сказать тебе это. Я знаю, мы не всегда виделись с глазу на глаз, и пастор всегда говорит мне молиться за тебя, но знаешь, что?

— Что?

— Ты не такой уж плохой.

— Ну, спасибо.

— Я серьёзно, брат. Я действительно серьёзно. Я всегда думал, что ты... ты знаешь... плохой парень. И я ненавидел это. Я действительно ненавидел это. Это меня разрывало. Я думал, ты на пути в ад, что остальные из нас отправятся в рай и будут с Богом, а ты внизу, в аду, будешь вечно гореть с вилами в заднице... Я хочу сказать, я ненавидел это. Я просто ненавидел это. Но затем однажды я понял, что это была чёртова брехня, и прости меня за мой французский. Я хочу сказать, не думаю, что ты понимаешь. Меня это действительно разрывало. Долгое время. А затем однажды я понял...

— Не нужно ничего говорить, — сказал я.

Я мог сказать, чего эти слова ему стоят. Я знал, что именно он пытался сказать.

— Я хочу кое-что сказать, — парировал он. — Однажды... ну, это был день похорон Ноя. Я помню, что шёл за тобой, пока мы заходили в церковь, сели и готовились к похоронной мессе. Ты был таким разбитым, тебе было так больно, ты был не в себе. И я не понимал, как сильно ты любил того мальчика. Конечно, я знал это. Но я не знал этого. Я думал... ну, не знаю, что я думал. Но в тот день, пока шёл за тобой — Господи, ты в тот день едва ли мог стоять — я понял, что я полный мерзавец. Прямо как ты говорил в той грёбаной книге. И не думай, что я прощаю тебя за ту книгу, потому что это не так. В любом случае, пока нет. Но ты был прав в том, что написал обо мне. В тот день я понял, что ты прав. Вот, что я пытаюсь тебе сказать.

Я слушал, не перебивая.

— Ты любил того мальчика всем своим сердцем, и он любил тебя в ответ, а я никогда ничего не делал, только вставал на пути и усложнял тебе жизнь. Когда Ной умер, у меня было такое чувство, будто я даже не знал его. Он был моим племянником, конечно, но я никогда не знал его. И я не пытался его узнать, потому что злился на тебя. И я подумал, Господи, каким я был грёбаным идиотом. Какого чёрта я делал? Что в этом было хорошего? И я пытался поговорить с братом Джоном о тебе. Конечно, он не знает никаких геев. Он не знает, на что это похоже. Он не знает, о чём всё это. Он просто повторяет всю эту брехню, которую слышал, но когда доходит до дела, когда ты на передовой, когда ты говоришь о своём собственном брате, и о своём племяннике — о своей семье, своей крови — и он сидит там и говорит тебе просто молиться за них, но не включать их в свою жизнь, потому что так или иначе это сделает всё лучше... что за чепуха! Почему я этого не видел?

Я ничего не сказал на это. Не знал, что сказать, если честно.

Последний раз, когда я видел Билли со слезами, ему было около двенадцати лет. Мы играли в бейсбол. Он был питчером, и Томми Роджерс сделал прямой бросок, который попал прямо Билли в пах. Он согнулся пополам в агонии, разрыдался и плакал, как девчонка.

Сейчас он выглядел так, будто находился на грани слёз, поэтому я встал, подошёл к плите и обнял его.

— Не нужно больше ничего говорить, — сказал я. — Это старьё, бывшее, ушло и забыто. Я ценю то, что ты это сказал, но больше не нужно ничего говорить. Я понимаю.

Он застенчиво вытер глаза.

— Я не сделаю этого снова, — сказал он.

— Чего не сделаешь?

— У меня снова есть племянница и племянник, и я больше не сделаю этого дерьма. Я не буду относиться к ним так, как относился к Ною, будто я почему-то слишком хорош для них, будто Бог хочет, чтобы я повернулся к ним спиной. Я хотел, чтобы ты знал это. Я хочу быть частью их жизни. Тот старый брат Джон в церкви Первого баптиста может поцеловать мой большой жирный белый зад, потому что я не хочу упустить ничего из жизни этих детей. Не так, как было с Ноем.

— Ты это серьёзно?

— Конечно, мелкий ты засранец.

— Я рад это слышать.

— Думаю, оба ребёнка очень милые. Честно. И я рад видеть, что вы с Джеком справляетесь, создаёте семью, веселитесь вместе. У меня такое чувство, будто прямо сейчас всё будет хорошо. Мой младший брат справился. Действительно, брат. И я не хочу, чтобы вся эта брехня вставала на пути.

— Ты сам не так плох, — отметил я. — Теперь твоя дочь будет звездой кантри-музыки и заработает тонну денег. Ты, должно быть, тоже сделал кое-что правильное.

— Наверное, это были больше действия Шелли, чем мои, — сказал он. — В любом случае, я просто хотел, чтобы ты знал. Я сожалею. Правда, Вилли.

— Всё хорошо. Я сам не был таким уж замечательным. Я тоже допустил много ошибок, всегда подначивал тебя и издевался. Я тоже был придурком. Так что... мы в расчёте.

— Ты это серьёзно?

Я кивнул.

— Я возьму твоего мальчика на улицу, и мы покидаем бейсбольный мячик. Можно?

— Валяй, — сказал я.

— Я хочу сказать, я знаю, что он не слышит меня, но он умеет играть в мяч. Верно?

— Он может делать всё, что захочет. Но он просто маленький ребёнок, так что будь осторожным.

— Не переживай об этом.

Глава 108

О, Боже

Казалось, весь Нью-Олбани — может быть, большая часть округа Юнион — собрался на ежегодном показе фейерверков в центре города. Местная госпел-группа разогрела толпу на наспех установленной сцене, и люди по-прежнему продолжали подтягиваться.

Я не осознавал, насколько важной была Мэри. Местные всегда говорили о том, что Элвис родился в Тупело, или Тэмми Уайнетт в Тремонте, но сейчас они говорили о том, что Мэри Кантрелл родилась в Нью-Олбани. Мне было тяжело воспринимать такой разговор серьёзно. Они говорили о Мэри, в конце концов, о моей любимой племяннице (ну, о моей единственной племяннице), девочке, которую я знал с того дня, как она родилась. Было тяжело поверить, что Мэри по-настоящему встала на путь становления звездой.

Но... это было так.

И ещё как.

Когда её группа поднялась на сцену и заиграла начальные риффы "Слушай музыку" после растянутого представления мэром, воздух так наэлектризовался, что им можно было выпрямить волосы.

— О, Боже! — завизжала Амелия, поднимая взгляд на меня и сияя.

Мы стояли прямо перед сценой, в VIP-секции. Пока Мэри поднималась на сцену, жена мэра шептала что-то Билли и Шелли, мама болтала с миссис Ледбеттер. Их прервали крики.

— Привет всем! — крикнула Мэри, перекрикивая звуковую систему, улыбаясь убийственной улыбкой, с видом дивы. На ней была жилетка и леггинсы, с бахромой вокруг её голых рук и ног. Её наряд был дополнен парой ковбойских сапог и ковбойской шляпой. Она всегда была симпатичной; теперь она выглядела невероятно потрясающе.

— Мы снесём эти стены или как? — интересовалась Мэри.

Мы заверили её, что ей не нужно переживать на этот счёт.

Она с важным видом прошла по сцене, казалось, полностью расслабленная.

Я на её месте обмочился бы.

— Папочка, смотри! — крикнула мне Амелия, указывая вперёд, когда Мэри начала петь. — О, Боже! О, Боже! О, Боже!

Амелия смотрела в восторженном очаровании, пока её старшая кузина сносила стены. Песня была такой заразительной, такой счастливой, что нам не потребовалось много времени, чтобы начать отрываться, качая головами и показывая танцевальные движения.

Я прижал Тони ближе к себе. Он, казалось, не мог понять происходящее, и присутствие стольких многих людей заставляло его нервничать. Я обнимал его одной рукой, и он держался, будто чтобы убедиться, что я не отпущу. В конце песни аплодисменты были такими энергичными, что он испугался. Он, казалось, не понимал,

что происходит. Он повернулся и посмотрел на меня, его взгляд был поражённым. Я поднял его на руки, усадил на своё бедро, ободряюще улыбнулся. Он обнял меня за шею, затем начал осторожно тянуть за мою бородку, игнорируя суматоху вокруг.

— Чёрт, она хороша! — воскликнул через шум Джексон.

— Она моя племянница — чего ты ожидал? — ответил я с определённой долей гордости.

— Я хочу спеть для вас всех одну из моих собственных песен, — сказала Мэри, когда толпа затихла. — Хотите?

Мы действительно хотели.

— Я так горжусь тем, что я дома. Я вижу, что там стоят мама и папочка. Привет, папочка! Там двое моих младших братьев, мой дядя Вилли, его супруг, мой племянник, моя племянница, моя бабуля. Чёрт, здесь даже родня из Бостона! И так здорово быть дома! И так хорошо, что вы все пришли и слушаете меня. Вы просто не поверите, какой у меня был год, и когда я только думаю, что лучше стать не может, Бог расходится на всю катушку, и я изо всех сил стараюсь не отставать и не отставать в том, чтобы не отставать. Но в любом случае, вы пришли сюда не для того, чтобы слушать, как я лепечу, как дурочка. Я хотела бы спеть песню, которую назвала "Мой личный штат Айдахо". Она есть на моём новом диске, и я надеюсь, вам всем она понравится.

Песня была в умеренном темпе, хорошо прочувствованной кантри-песней.

Мэри пела:

Единственное, чего я когда-либо хотела

Единственное, о чём я когда-либо просила

Было опустить голову

На свою кровать

В своём личном штате Айдахо

Голос Мэри был заводным, но легким.

Мария будет петь так сладко

С исчезнувшими в её волосах цветами

И все мои братья и сёстры

Будут там...

С солнцем на наших лицах

Где каждому есть место

Далеко от спешки и беспокойств

Мы найдём лучшую жизнь

В своём личном штате Айдахо...

Это была довольно провоцирующая песня для аудитории кантри с не-особо-нежным отношением к геям, но они, казалось, нисколько не возражали.

Она снова завела толпу энергией песней Люка Брайана и закончила потрясающей версией "Боже, благослови Америку", которая заставила нас всех вытирать глаза.

Мэр передал ей честь запустить первый из фейерверков, и мы сидели на корточках пятнадцать минут во время старой доброй американской традиции.

Тони сидел у меня на коленях и смотрел в ночное небо изумлёнными глазами, бормоча на взрывы света над нашими головами. Он продолжал поворачиваться посмотреть на меня, будто чтобы убедиться, что я тоже смотрю на фейерверки. Я задавался вопросом, каким ему это может казаться, за минусом грома, шума, звуков взрывов. Я даже не был уверен, понимает ли он, что такое на самом деле фейерверки.

Амелия сразу же убежала к Мэри. Они вели себя, как старые приятельницы.

Мама и миссис Ледбеттер сидели на двух складных стульях, которые мы принесли. Я хорошо осознавал, что фейерверки в Нью—Олбани мало сравнятся с

великолепием тех, что будут сегодня в Бостоне, но миссис Ледбеттер, казалось, наслаждалась ими точно также.

— Как в старые времена, — сказал Билли.

— Потрясающе, — согласился я.

Глава 109

Значит, это прощание

Следующим утром мы шли по кладбищу, шагая по знакомой тропе. Знакомой для меня, по крайней мере.

Когда мы добрались до могилы Ноя, я присел на корточки и положил цветы перед надгробием.

— Так это он? — произнесла Амелия, приседая на корточки со мной и глядя на могилу.

— Да, — сказал я.

— Тебе грустно?

— Да.

— Мне тоже, — призналась она. — Ты скучаешь по нему?

— Каждый день, тыковка. Каждый день.

— Когда-нибудь становится лучше?

— Да, — сказал я, поворачиваясь посмотреть на неё. — Становится. Вот увидишь. Ты никогда не забудешь, конечно. Но... ты увидишь. Становится лучше.

— Ты уверен?

Я кивнул.

— Каким он был? — спросила она.

— Он был маленьким бойцом. Как ты, на самом деле. Настоящим маленьким солнышком. У него было много проблем, конечно, но он продолжал бороться. Каждый день. Он не собирался позволять чему-то встать на его пути. Ещё и упрямый маленький засранец, но я думаю, он пошёл этим в меня.

— Хотела бы я с ним познакомиться, — сказала она.

— Ты бы ему понравилась.

Я смотрел на слова на надгробии Ноя.

«Любимый сын».

— Ты в порядке, папочка? — спросила Амелия.

— Дай мне минутку, тыковка.

— Сладкая, не беспокой отца, — сказал Джексон, протягивая ей руку.

Джексон забрал детей, пошёл постоять с мамой и миссис Ледбеттер, давая мне пространство.

— Значит, вот так, — прошептал я могиле Ноя. — Пора прощаться, сладкий.

Он не ответил.

— Я скучаю по тебе, — тихо произнёс я. — Я так сильно по тебе скучаю, малыш. Но... я должен двигаться дальше. У тебя теперь есть брат и сестра, о которых я должен заботиться. Ты всегда хотел брата. Помнишь? Кого-то, с кем можно играть? Что ж, теперь он у тебя есть, сладкий. Но ему нужна моя помощь. Он немного не в порядке. Как был ты. У тебя есть и сестра тоже. Тебе бы она понравилась. Знаю, что понравилась бы. Так что я надеюсь, ты не думаешь, что я забыл о тебе, потому что я никогда этого не сделаю. Но ты должен меня отпустить, сладкий. Ты должен. Я так сожалею о том, что произошло, и мне так жаль, что ты погиб. Я знаю, ты в лучшем

месте. И я знаю, что сейчас ты меня слышишь. Тебе меня не одурачить. Так что... ты должен меня отпустить. Хорошо? И я хочу, чтобы ты помнил, папочка всегда будет тебя любить. Всегда, малыш. Ты меня слышишь?

Тихий ветерок пробрался через заполненное деревьями кладбище.

— Я так долго на тебя злился, сладкий. Прости за это. Прости за всё, что я говорил. Я это не серьёзно. Я так сильно по тебе скучал. Пожалуйста, прости меня, хорошо?

Я оставался на корточках рядом с могилой Ноя долгое время, думая о нём. Всё это, казалось, случилось только вчера. Его преждевременное рождение. Эти ужасные ранние годы с метамфетаминовой ломкой, с врождёнными дефектами. Постоянная борьба в школе. Слуховые аппараты и неизбежные разочарования. Отказ от него его матери. Время, когда мы впервые познакомились с Джексоном — он настойчиво пытался найти мне бойфренда. То, как он с важным видом шёл к алтарю в той бостонской церкви, неся кольца, которые соединили нас с Джексоном в браке. Его внезапная болезнь. Эти долгие недели в больнице. Его смерть. Его похороны. Его погребение. Ужасная, нескончаемая тишина после этого.

Всё это, казалось, было только вчера, только произошло.

Однако каким-то образом прошли годы.

— Я хочу и поблагодарить тебя тоже, — шёпотом добавил я. — За то, что отправил Тони назад ко мне. За то, что отправил Тони домой. Ты поступил потрясающе, и мы ценим это.

Ветер продолжал дуть между деревьями и среди могил.

— Вилли, сладкий, ты в порядке? — спросила мама, подходя, чтобы встать рядом.

— Я в порядке, мама.

Я встал, не глядя на неё, не глядя ни на кого.

— Идём, сынок, — сказала она, предлагая руку. — Пойдём помолимся за твоего отца и уйдём.

— Я скучаю по нему, мама.

— Я тоже скучаю.

— Но теперь всё в порядке. Я просто хотел попрощаться.

— Идём, сынок.

Я взял её за руку, и мы ушли.

Глава 110

Больше

Ты меня любишь? — спросил я, укладывая Тони в кровать.

Тони усмехнулся.

Лето пролетело. Мы провели этот день на школьных распродажах, и я был удивлён заметить, что он на размер вырос для рубашек и брюк, и его ноги росли, как чертята.

Как сильно ты меня любишь? — спросил я. — *Твоя любовь большая, как диван?*

Больше, — заверил он меня.

Большая, как машина?

Больше!

Большая, как школьный автобус?

Больше!

Большая, как твоя школа?

Больше!

Серьёзно? Твоя школа довольно большая, знаешь ли. Ты так сильно меня любишь?

Он кивнул.

Что ж, я люблю тебя в ответ, малыш Т. Мы с твоим папой очень тебя любим. Ты это знаешь. Верно?

Он кивнул.

И А—м—е—л—и—я тоже тебя любит.

Я люблю её, — просто сказал он.

И своего папу?

Я люблю папу!

И меня? Ты любишь своего папочку?

Я люблю тебя, папочка!

Как сильно? — спросил я.

Он притворился, что думает над этим. Он выглядел немного похожим на Ноя, когда делал это. Конечно, мы с Ноем играли в эту игру многими ночами, когда было время ложиться спать.

Моя любовь большая, как дом, — прожестикнул он.

Это всё? Просто дом?

Большая, как... торговый центр!

Серьёзно? Он довольно большой...

Я знаю, — восторженно прожестикнул он. — Большая, как планета!

Вау! Она довольно большая!

Я люблю тебя, папочка.

Я тоже тебя люблю, сладкий. А теперь тебе пора спать. Поцелуешь папочку?

Он поцеловал меня в щёку.

Спокойной ночи, милый, — сказал я.

Спокойной ночи.

Конец